Годъ 10-й. Кн. XXXVIII

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1898, № 3.

подъ редакціей

Н. А. Янчука.

МОСКВА.

Т-во Скоропеч. А. А. Левенсонъ. Коммиссіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ, Петровка, д. 22.

1898.

Печатано съ разрѣшенія Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

„МЕДВѢЖЬЯ ПРИСЯГА“

и

тотемическія основы культа медвѣдя у остяковъ и вогуловъ.

I.

Фактъ существованія у остяковъ и вогуловъ такъ называемой „медвѣжьей присяги“ пользуется широкою извѣстностью: къ ней часто прибѣгаетъ обвиняемый для доказательства своей невинности. Очистительная клятва медвѣдемъ считается одной изъ наиболѣе сильныхъ, и лицо, согласившееся воспользоваться этимъ видомъ судебнаго доказательства, освобождается отъ подозрѣнія въ совершеніи проступка или преступленія. Неудивительно, что значеніе, которое придаютъ остяки и вогулы „медвѣжьей присягѣ“, равно и оригинальность ея обратили на себя вниманіе какъ ученыхъ изслѣдователей, такъ и администраторовъ: первые многократно отмѣчали фактъ ея существованія, въ качествѣ интересной подробности, иллюстрирующей вѣрованія описываемыхъ ими народностей, вторые воспользовались мѣстнымъ обычаемъ и дали „медвѣжьей присягѣ“ право гражданства при судебныхъ разбирательствахъ, когда отвѣтчиками являлись некрещеные инородцы, или когда послѣднихъ приводили къ присягѣ въ подданствѣ. Способы принесенія присяги были различны.

Приводимъ свидѣтельства нѣкоторыхъ изслѣдователей, описывающихъ пріемы принесенія „медвѣжьей присяги“.

О присягѣ остяковъ на медвѣжей шкурѣ упоминаетъ еще Григорій Новицкій. Онъ же сообщаетъ способъ принесенія присяги въ подданствѣ: на кожу медвѣдя они кладутъ топоръ, присягающимъ подаютъ ножъ, снятый съ кожи медвѣдя; на концѣ ножа кусокъ хлѣба. Толмачъ говоритъ при этомъ слѣдующую формулу: „Аще лестію сію клятву утворяете и неправедно служить и радѣть въ отда-

ніи ясаку будете, звѣрь сей отмщеніе вамъ да будетъ, и отъ него смертію да постраждете. Хлѣбъ сей и ножъ да погубитъ тя, аще не правдою (и?) вѣрностію, ею-же обѣщаешися, творыти хощеши" [1]).

Палласъ почти буквально повторяетъ свѣдѣнія Новицкаго: „Когда присягать новому государю, то собираютъ ихъ (остяковъ) вмѣстѣ въ кучу, кладутъ топоръ, которымъ прежде рубили медвѣдя или медвѣжину, даютъ каждому изъ присутствующихъ съ ножа кусокъ хлѣба и заставляютъ присягающаго произнести слѣдующую формулу: „если я моему государю до конца моей жизни вѣренъ не буду, своевольно отпаду, должнаго ясака не заплачу и изъ моей земли отъиду, или другія невѣрности окажу: то чтобъ меня медвѣдь изорвалъ, кускомъ симъ, который ѣмъ, чтобъ мнѣ подавиться, топоромъ симъ да отрубятъ мнѣ голову, а ножомъ симъ, чтобъ мнѣ заколоться" [2]).

Этотъ видъ присяги является наиболѣе сложнымъ, такъ какъ къ клятвѣ медвѣдемъ присоединена еще клятва хлѣбомъ, ножомъ и топоромъ: очевидно, что важность событія, служащая причиной приведенія остяковъ къ описанной присягѣ, побуждала администраторовъ не ограничиваться одной клятвой медвѣдемъ, но усиливать ее соединеніемъ нѣсколькихъ видовъ клятвъ въ одну. Иногда, съ этими же цѣлями и при этомъ же поводѣ, остяковъ заставляли произносить клятву на медвѣжьей шкурѣ и съѣдать медвѣжье мясо. „Если ихъ поставятъ на колѣни на медвѣжьей кожѣ, пишетъ Палласъ, то, по совершеніи присяги, каждый изъ нихъ долженъ откусить медвѣжины, при чемъ многіе для оказанія ревности, зубами вытеребливаютъ шерсть".

Другой способъ принесенія клятвы на медвѣдѣ описанъ Кастреномъ. Остякъ, подозрѣвающій кого-нибудь въ совершеніи преступленія, можетъ требовать отъ него очистительной присяги надъ медвѣжьей головою. Обвиняемый разрѣзываетъ ножомъ медвѣжій носъ и произноситъ: „если моя клятва ложна, да сожретъ меня медвѣдь" [3]). Вѣра въ дѣйствительность клятвы настолько силь-

---

[1]) Краткое описаніе о народѣ остяцкомъ, соч. Гр. Новицкимъ, 1715 г., стр. 53, 54.

[2]) Палласъ: Путешествіе, III, полов. 1 ая, стр. 74.

[3]) Этнографическія замѣчанія и наблюденія,—въ Этнограф. Сборникѣ, 1858. IV, стр. 311—312.

на, что, по словамъ Кастрена, обвиняемый, если онъ дѣйствительно виновенъ, предпочтетъ сознаться въ преступленіи, но не рѣшится на ложную клятву. Поэтому лицо, очистившее себя присягой, „навсегда уже считается совершенно чистымъ и безупречнымъ. Потонетъ ли же кто, или сгоритъ, или кого съѣстъ медвѣдь, про того говорятъ, что онъ при жизни своей далъ ложную присягу“.

П. Третьяковъ въ статьѣ „Туруханскій край“ (Запис. И. Р. Г. О. по отд. Геогр. 1869, 2) сообщаетъ слѣдующее описаніе очистительной присяги у остяковъ: „Даютъ виновному медвѣжій зубъ, который онъ и долженъ грызть, или медвѣжье ухо, которое онъ обязанъ рубить топоромъ и цѣловать. Если обвиняемый все это исполнитъ и не сознается, а между тѣмъ подозрѣніе на него сильно, тогда приносятъ еще шкуру горностая и заставляютъ цѣловать ножку убитаго животнаго“ [1]).

Одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей быта остяковъ и вогуловъ, Н. Л. Гондатти, сообщаетъ также о существованіи „медвѣжьей присяги“ у инородцевъ сѣверо-западной Сибири. Клятва произносится надъ лапой или мордой медвѣдя; дающій клятву грызетъ лапу или три раза замахивается топоромъ надъ висящимъ на деревѣ черепомъ медвѣдя, „говоря, пусть его медвѣдь также загрызетъ и загубитъ, какъ это онъ дѣлаетъ теперь съ головой и ногой“ [2]).

Алквистъ [3]) упоминаетъ объ интересномъ обычаѣ вогуловъ, заключать союзъ, скрѣпляя послѣдній „медвѣжьей присягой“: русскіе и вогулы, отправляясь совмѣстно на охоту, иногда клянутся другъ другу въ вѣрности, причемъ или дѣлаютъ ножомъ надрѣзъ въ головѣ медвѣдя или кусаютъ ее. Нарушающій вѣрность при охотѣ будетъ, по убѣжденію вогуловъ, раздѣляемому и русскими, съѣденъ медвѣдемъ.

Въ собраніи обычаевъ инородцевъ Тобольской губ.—вогуловъ, остяковъ и самоѣдовъ, изданномъ Д. Я. Самоквасовымъ, мы снова встрѣчаемъ свѣдѣнія о способѣ принесенія „медвѣжьей присяги“ при судебныхъ разбирательствахъ, когда уликъ окажется недоста-

[1]) Е. И. Якушкинъ: Обычное право, II, стр. 382.

[2]) Н. Л. Гондатти: Культъ медвѣдя у инородцевъ сѣв.-зап. Сибири,— въ Трудахъ Этнографическаго Отд. И. О. Л. Е. А и Э., т. VIII, стр. 78.

[3]) Ahlquist: Unter Wogulen und Ostjaken, стр. 172.

точно для установленія виновности отвѣтчика: принимающій присягу долженъ, стоя на колѣняхъ, поцѣловать медвѣжью голову, или укусить медвѣжій зубъ или кожу [1]).

Еще Палласъ, описывая присягу медвѣдемъ, отмѣчаетъ, что клятва медвѣдемъ не оказывается исключительной особенностью остяковъ. „Подобныя присягой обязательства, пишетъ онъ, [2]) гдѣ медвѣжина за главнѣйшую штуку ходитъ, въ большей части иновѣрческихъ въ Сибири народовъ въ употребленіи". Дѣйствительно медвѣдь пользуется поклоненіемъ у многихъ изъ нашихъ сѣверныхъ инородцевъ; неудивительно поэтому, что и присяга на медвѣдѣ встрѣчается у нѣкоторыхъ изъ нихъ. Сами способы принесенія присяги мало представляютъ отличій отъ пріемовъ, употребляемыхъ у вогуловъ и остяковъ. Такъ, напр., относительно самоѣдовъ Кастренъ сообщаетъ въ числѣ описываемыхъ имъ нѣсколькихъ видовъ присяги между прочимъ и клятву на медвѣдѣ. Вѣруя, что послѣдній—могучее божество, самоѣдъ при клятвѣ разрубаетъ медвѣжью голову. Клятва медвѣдемъ признается, по словамъ Кастрена, самой сильной, потому что самоѣды считаютъ медвѣдя могущественнѣе даже своего фетиша (хаи), которымъ также клянутся при судебныхъ разбирательствахъ. Некрещенымъ самоѣдамъ разрѣшалось въ русскихъ судахъ приносить присягу по ихъ обрядамъ. [3]) Вышеприведенныя правила о присягѣ медвѣдемъ, сообщаемыя въ „Сборникѣ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ", относятся не только къ вогуламъ и остякамъ, но и къ самоѣдамъ: присяга медвѣдемъ служила очистительной присягой. Въ изложеніи Кастрена, однако, есть данныя, позволяющія думать, что къ медвѣжьей присягѣ прибѣгалъ не обвиняемый, а истецъ: этотъ послѣдній, по словамъ изслѣдователя, разбивалъ фетиша, сдѣланнаго изъ снѣга, дерева или земли, убивалъ собаку и, обращаясь къ подозрѣваемому, говорилъ: „если ты укралъ, то падешь, какъ эта собака". Вмѣсто фетиша употреблялась иногда медвѣжья голова, которая, повидимому, разрубалась не отвѣтчикомъ, а истцомъ [4]).

---

[1]) Д. Я. Самоквасовъ: Сборникъ обычн. права сибирскихъ инородцевъ, стр. 16. Ср. Ahlquist Unter Wogulen und Ostjaken, стр. 298.

[2]) Палласъ, l. c., стр. 74.

[3]) Этнографическій Сборникъ. 1858, IV, стр. 295.

[4]) Ibid. стр. 295.

У юраковъ, по словамъ П. Третьякова, обвиняемый цѣлуетъ медвѣжью шкуру, послѣ чего одинъ изъ стариковъ беретъ топоръ и со словами: „чтобъ медвѣдь изорвалъ виновнаго"—дѣлаетъ видъ, что онъ хочетъ разсѣчь шкуру животнаго.

Среди различныхъ видовъ очистительной клятвы, принимаемой у якутовъ въ качествѣ судебнаго доказательства, встрѣчается также „медвѣжья присяга". Въ случаяхъ подозрѣнія лица въ совершеніи кражи, „сперва увѣщеваютъ обвиняемаго, пишетъ напр. г. Щукинъ, обнадеживаютъ его прощеніемъ, лишь бы заплатилъ, что стоитъ украденное; но когда видятъ, что слова безполезны, приносятъ въ юрту медвѣжью голову и кладутъ на полъ подлѣ огня; въ то же время ставятъ на огонь въ горшкѣ масло. Обвиняемаго ставятъ на колѣни и велятъ произнести слѣдующія слова: „если я говорю неправду, пусть масло это пройдетъ мнѣ сквозь животъ, чтобъ мнѣ не принимать никакой пищи, и чтобъ медвѣдь такъ меня изъѣлъ, какъ я теперь буду кусать его". Тутъ велятъ ему выпить немного масла и три раза угрызть медвѣжью голову, а на свою голову насыпать пеплу. „Клятва эта столь важна, добавляетъ цитуемый авторъ, что рѣдкій якутъ рѣшится на нее; скорѣе онъ скажетъ: хотя я и не виноватъ, но обязуюсь платить, лишь бы миновать присяги"[1]).

Дальше, пишетъ г. Третьяковъ, практикуютъ слѣдующій способъ „медвѣжьей присяги": собираются всѣ окрестные жители и, образовавъ кругъ около пылающаго костра, бросаютъ въ огонь медвѣжью лапу вмѣстѣ съ когтями. Пока лапа горитъ, присутствующіе держатъ руки надъ костромъ. Чрезъ это виноватый долженъ свести руки. О присягѣ „на цѣльной шкурѣ медвѣжьей головы" у китайскихъ тюрковъ упоминаетъ и П. И. Небольсинъ [2]).

Не увеличивая числа аналогій къ „медвѣжьей присягѣ" у остяковъ и вогуловъ, мы ограничимся замѣчаніемъ, что она существуетъ одновременно и весьма часто соединяется съ другими видами очистительной клятвы, преимущественно съ тѣми, видами, которые основаны на фетишизмѣ. Остяки также, какъ и самоѣды, изувѣчивали идола-фетиша, вызывая божество изувѣчить ихъ такъ же, какъ

---

[1]) Н. С. Щукинъ: Якуты,—въ Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ, 1854, ч. VII, стр. 19.

[2]) Замѣтки по пути изъ Петербурга въ Барнаулъ. Отечеств. Зап. 1849, LXV, стр. 190.

они изувѣчили идола: этому послѣднему нерѣдко отрѣзали носъ или уродовали другимъ образомъ [1]). Что же касается до клятвы ножомъ, хлѣбомъ, топоромъ у остяковъ, соединенія клятвы медвѣдемъ съ клятвой на маслѣ у якутовъ, то эти виды слѣдуетъ отнести къ широко распространеннымъ пріемамъ присяги, въ основѣ которыхъ лежитъ анимистически-фетишистское представленіе о неодушевленныхъ предметахъ.

Извѣстно, что дикари на примитивной ступени развитія не знаютъ дѣленія предметовъ видимаго міра на одушевленные и неодушевленные: каждый неодушевленный предметъ имѣетъ свою душу, свое второе *я*, дающее ему жизнь. Персонифицируя весь видимый міръ, перенося на него свои, человѣческія ощущенія, дикарь надѣляетъ жизнью и способностью къ разумной дѣятельности не только камни, деревья и пр., но и свои орудія, оружіе, предметы обихода, пищу и пр. Въ этой чертѣ психологіи первобытнаго человѣка слѣдуетъ искать источникъ возникновенія присяги, приносимой на неодушевленныхъ предметахъ, имѣющей столь широкое распространеніе среди нѣкоторыхъ инородцевъ Россіи и находящей себѣ многочисленныя аналогіи среди способовъ присяги у некультурныхъ племенъ разныхъ материковъ. Развитіе религіозныхъ представленій не измѣняетъ пріемовъ этого рода клятвы: оно отражается лишь на внутреннемъ смыслѣ, который ей придается. Если на низкихъ стадіяхъ культуры присягающій видитъ, что данный предметъ, не имѣющій религіознаго значенія (ножъ, топоръ, ружье, копье и пр.), самъ по себѣ можетъ покарать принимающаго ложную присягу, то съ поднятіемъ религіознаго уровня эта вѣра замѣняется убѣжденіемъ, что то или другое сверхъестественное существо изберетъ орудіемъ своей мести предметъ, на которомъ произносятъ присягу.

Психологическое основаніе „медвѣжьей присяги“ совершенно иное: присягающій вызываетъ существо, признаваемое сверхъестественнымъ, покарать его за ложь, и употребляемые для этого пріемы лишь символически подчеркиваютъ этотъ вызовъ.

Очевидно, что въ указанныхъ способахъ очистительной присяги у инородцевъ сказывается убѣжденіе, что виновный въ лжеприсягѣ будетъ въ болѣе или менѣе непродолжительномъ времени нака-

[1]) Палласъ. Путешествіе III, пол. 1-ая, стр. 73-74.

занъ медвѣдемъ. Отличіе подобной присяги, принимаемой при разбирательствѣ въ качествѣ судебнаго доказательства, отъ „божьяго суда“ ордалій заключается главнымъ образомъ въ вѣрованіи, что кара со стороны сверхъестественнаго существа наступаетъ не немедленно, какъ это имѣетъ мѣсто при примѣненіи ордалій, а по истеченіи извѣстнаго, большею частью неопредѣленнаго срока. Въ данномъ случаѣ медвѣдь долженъ покарать присягающаго ложно. Почитаніе медвѣдя настолько широко распространено среди остяковъ, вогуловъ, равно и у другихъ нашихъ сѣверныхъ инородцевъ, что существованіе „медвѣжьей присяги“, т. е. клятвы животнымъ, признаваемымъ за одаренное сверхъестественными силами и способностями, оказывается вполнѣ естественнымъ.

Свѣдѣнія о почитаніи медвѣдя у остяковъ, вогуловъ и другихъ финскихъ народностей, далѣе у самоѣдовъ, бурятъ, якутовъ, гольдовъ, гиляковъ и т. д. чрезвычайно многочисленны въ нашей этнографической литературѣ. Извѣстнымъ оказывается и фактъ широкаго распространенія культа медвѣдя у айновъ, въ разныхъ мѣстностяхъ Америки и въ Австраліи. Въ настоящее время даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ среди русскихъ инородцевъ мы встрѣчаемъ наиболѣе яркое выраженіе культа медвѣдя, едва ли есть основаніе видѣть въ этомъ культѣ что нибудь большее, чѣмъ проявленіе зоолатріи. Поклоненіе животнымъ, которое, какъ извѣстно, можно встрѣтить у цѣлой массы стоящихъ на разныхъ ступеняхъ культуры народностей, не представляетъ однако характера неподвижности: оно какъ, и всякое проявленіе религіознаго чувства, подвержено измѣненіямъ въ зависимости отъ религіозно-нравственнаго и умственнаго роста племени, отъ измѣненія самихъ представленій о сверхъестественныхъ существахъ.

Являя цѣлый рядъ сходныхъ чертъ, зоолатрія у разныхъ народовъ, въ разнообразныхъ своихъ проявленіяхъ, можетъ имѣть и различные источники происхожденія. Дѣйствительно, общимъ источникомъ ея оказываются всегда анимистическія вѣрованія дикарей, но на этой анимистической основѣ поклоненіе животнымъ можетъ появиться какъ результатъ или страха дикаря предъ наиболѣе крупными представителями фауны, или поклоненія полезнымъ животнымъ, или наконецъ какъ слѣдствіе тотемизма или фетишизма. Какой изъ этихъ источниковъ лежитъ въ основѣ почитанія инородцами медвѣдя? Отъ рѣшенія этого вопроса зависитъ

и опредѣленіе источника происхожденія употребительной остяками медвѣжьей присяги.

Почитаніе медвѣдя не можетъ быть поставлено въ связь съ фетишизмомъ. Культъ, вытекающій изъ послѣдняго, имѣетъ всегда объектомъ опредѣленный, индивидуальный предметъ, а не видъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ культѣ медвѣдя, гдѣ всѣ медвѣди считаются одинаково священными, всѣ имѣютъ право требовать въ отношеніи къ себѣ опредѣленныхъ формъ почитанія. Въ случаяхъ, когда весь видъ животныхъ, растеній, предметовъ и пр. считается надѣленнымъ сверхъестественными способностями, не можетъ быть рѣчи о фетишизмѣ. Поэтому, хотя въ вѣрованіяхъ остяковъ и многихъ другихъ русскихъ сѣверныхъ инородцевъ фетишизмъ, въ своемъ подчасъ крайне примитивномъ и грубомъ видѣ, занимаетъ немаловажное мѣсто и во всякомъ случаѣ представляетъ еще вполнѣ жизненное явленіе, въ немъ нѣтъ возможности искать источника появленія культа медвѣдя. Остается, слѣдовательно, искать основу его происхожденія или въ тотемизмѣ или въ чувствѣ страха, которое внушаетъ первобытному охотнику животное, борьба съ которымъ представляетъ особенныя опасности или желаніе снискать благосклонность полезнаго животнаго. Изъ этихъ источниковъ мнѣ кажется болѣе основательнымъ остановиться на тотемизмѣ.

Тотемомъ, слѣдуя опредѣленію Фрэзера [1]), считается *классъ* предметовъ, на которые дикарь смотритъ съ суевѣрнымъ страхомъ, вѣруя, что между нимъ и *каждымъ членомъ этого класса* существуетъ тѣсная и совсѣмъ особенная связь. Изученіе тотемизма, какъ извѣстно, доказало, что тотемы могутъ быть личными и групповыми. Послѣдніе въ свою очередь могутъ быть семейными, родовыми, племенными и т. д. Далѣе извѣстно, что весьма характерной, хотя и не непремѣнной чертой тотемизма, является убѣжденіе, что между группой и ея тотемомъ существуетъ генетическая связь, т. е. что тотемъ—животное, растеніе и т. д.—оказывается предкомъ членовъ данной группы. На почвѣ этихъ вѣрованій возникаетъ рядъ обычаевъ и обрядовъ, которыми отличается тотемизмъ. Тотемическія представленія развиваются и видоизмѣняются соотвѣтственно съ культурнымъ ростомъ племени и приводятъ посте-

---

[1]) Frazer: Totemism, 1.

пенно къ поклоненію животному, какъ таковому: въ этомъ фазисѣ своего развитія зоолатрія, возникшая изъ тотемизма, настолько по внѣшнимъ признакамъ походитъ на зоолатрію, развившуюся изъ чувства страха дикаря предъ опаснымъ звѣремъ, что отыскать тотеми ескія основы не всегда оказывается легкой задачей. Намъ предстоитъ такимъ образомъ разсмотрѣть типичныя черты культа медвѣдя у нашихъ инородцевъ и отмѣтить тѣ стороны его, которыя могутъ быть объяснены исключительно изъ древнихъ тотемическихъ представленій.

Культъ медвѣдя въ настоящее время не носитъ ни у остяковъ, ни у другихъ народовъ, гдѣ мы его встрѣчаемъ, опредѣленныхъ чертъ тотемизма. Тотемическія вѣрованія остяковъ, предполагая, что они когда-нибудь существовали, уступили въ настоящее время другимъ, болѣе высокимъ религіознымъ представленіямъ, спиритуалистическому взгляду на высшія существа; какъ наглядный остатокъ древнѣйшихъ вѣрованій и культа, сохраняется однако широко практикуемый фетишизмъ. Медвѣдь пользуется почитаніемъ, но уже не въ качествѣ тотема. Намъ не извѣстно преданій, повѣствующихъ о происхожденіи остяковъ отъ медвѣдя; самъ культъ не носитъ характера родового или семейнаго, что оказывается чрезвычайно типичнымъ для тотемическаго культа; наконецъ, тотема обыкновенно берегутъ, не употребляютъ въ пищу,— медвѣдя остяки считаютъ лакомымъ блюдомъ. Если почитаніе медвѣдя и носитъ черты, которыя мы находимъ и въ тотемическомъ культѣ, то многія изъ нихъ находятъ себѣ аналогіи и въ зоолатрическомъ культѣ, возникшемъ изъ страха или стремленія къ почитанію полезнаго животнаго; а тѣ черты, которыя имѣютъ связь съ тетемизмомъ, исполняются уже безсознательно, сохранившись въ качествѣ наслѣдія сѣдой старины. Однимъ словомъ, культъ медвѣдя у остяковъ *въ настоящее время* не можетъ быть признанъ тотемическимъ, потому что остяки не признаютъ никакакой связи между собой и медвѣдями, а также оттого, что, по справедливому замѣчанію Марилье [1]), если извѣстный ритуалъ оказывается дѣйствительно тотемическимъ, то обоготворяемое существо не можетъ быть священнымъ существомъ всего племени и тѣмъ

---

[1]) Marillier: La place du totémisme dans l'évolution religieuse. Revue de l' hist, d. rel. XXXVI, 2, стр. 231.

менѣе всей народности; если же мы имѣемъ дѣло съ существомъ, признаваемымъ священнымъ цѣлымъ народомъ, то ритуальные обычаи хотя и являются подчасъ аналогичными тотемическимъ, хотя они и преслѣдуютъ иногда тѣ же цѣли, но они уже не могутъ быть признаваемы за тотемеческіе.

Но, съ другой стороны, отрицать существованіе тотемическаго характера зоолатріи въ *современныхъ* вѣрованіяхъ народности еще не значитъ отрицать *возможность происхожденія* ея изъ забытыхъ въ настоящее время тотемическихъ вѣрованій.

Фрэзеръ, подвергшій обстоятельному разбору обычаи и обряды, связанные съ культомъ медвѣдя [1]), склоненъ производить его и аналогичные культы изъ чувства страха, внушаемаго дикарю животнымъ, опасеніемъ, что убитое животное, если его не почтить, будетъ мстить охотнику и пр; однимъ словомъ, пользуясь выраженіемъ Фрэзера, если при тотемизмѣ не употребляютъ животное въ пищу, потому что его чтутъ, то здѣсь наоборотъ животное чтутъ, потому что его употребляютъ въ пищу. Оба представленія могутъ свободно уживаться въ міровоззрѣніи дикаря: тотема, какъ общее правило, не употребляютъ въ пищу, и если употребляютъ, то рѣдко и лишь въ торжественныхъ случаяхъ. Другихъ крупныхъ представителей фауны употребляютъ въ пищу, но ихъ стараются умилостивить различными способами. Къ этому же объясненію происхожденія культа медвѣдя, въ частности и у остяковъ, склоняется Алквистъ и Марилье: [2]) остяки, коряки или краснокожіе сѣв. Америки, вынужденные убить медвѣдя, стараются путемъ очистительныхъ дѣйствій успокоить духъ убитаго и при помощи различныхъ средствъ отнести вину совершеннаго убійства на другихъ. Внѣ всякаго сомнѣнія, что эти черты оказываются преобладающими при исполненіи обрядовъ культа медвѣдя у остяковъ и вогуловъ.

Остяки, равно и вогулы вѣруютъ въ сверхъестественную силу медвѣдя; онъ звѣрь, особенно и преимущественно почитаемый. Его остяки и вогулы, какъ и многіе другіе инородцы Россіи, равно и русскіе крестьяне многихъ мѣстностей, опасаются на-

---

[1]) Frazer: The golden Bough, II, стр. 99—135.

[2]) Marillier: La place du totémisme etc., l. c., стр. 217. Ahlquist: Unter Wogulen u. Ostjaken, стр. 297.

звать по имени или говорить о немъ дурно. Ни одинъ остякъ, замѣчаетъ по этому поводу г. Паткановъ [1]), не рѣшится по убіеніи медвѣдя сказать: „мы сняли съ него шкуру“ или „убили медвѣдя“; онъ скажетъ вмѣсто этого: „мы сняли съ «него» его священную малицу“, или: „священный звѣрь скончался“. Само названіе медвѣдя нельзя безъ особой крайности употреблять въ разговорѣ; о медвѣдѣ говорятъ, называя его или просто „онъ“, или „отцомъ“, „священнымъ звѣремъ“, „добрымъ звѣремъ“ и т. п. Наконецъ, само названіе медвѣдя не болѣе, какъ эпитеты, означающіе въ переводѣ, напр., „покрытый шубой старикъ“, „старикъ съ когтями“ и пр. [2]) Въ этомъ опасеніи упомянуть о медвѣдѣ мы имѣемъ случай проявленія лишь широко распространеннаго у множества некультурныхъ народностей взгляда, что существо сверхъестественное или правильнѣе духъ этого послѣдняго имѣетъ способность слышать, что о немъ говорятъ, можетъ случайно невидимо присутствовать при разговорѣ и за дурные отзывы такъ или иначе наказать говорящаго. Вѣра въ возможность обмануть духа, называя его не по имени, а говоря о немъ иносказательно, совершенно свободно уживается съ вышеприведеннымъ убѣжденіемъ въ способности духа услышать разговоръ, вслѣдствіе того, что остяки, какъ и другіе некультурные народы, надѣляя души своихъ сверхъестественныхъ существъ чудесными способностями, напр. быстро переноситься съ мѣста на мѣсто, быть невидимыми и т. д.—не лишаютъ ихъ тѣхъ человѣческихъ качествъ, которыми обладаетъ самъ дикарь. Это опасеніе говорить о медвѣдѣ у остяковъ возникаетъ на общей почвѣ анимистическихъ представленій, совершенно такъ-же, какъ жители Суматры избѣгаютъ говорить о тигрѣ, называя его описательно „предкомъ“, Камчадалы неохотно произносили имена китовъ, волковъ и медвѣдей. Множество народностей изъ этого же чувства страха не произноситъ имени умершаго,—обычай, который, какъ извѣстно, существуетъ, напр., и у остяковъ и самоѣдовъ. Если наименованіе тигра предкомъ у населенія Суматры стоитъ, какъ на это указываютъ нѣкоторыя свѣдѣнія, иногда въ связи съ тотемизмомъ, съ представленіемъ, что тигръ есть дѣйстви-

[1]) Patkanow: Die Jrtysch-Ostjaken, стр. 127.

[2]) Ср. Потанинъ: Оч. сѣв.-зап. Монголіи, IV, стр. 755.

тельно родоначальникъ извѣстной родственной группы, то во всякомъ случаѣ нѣтъ никакого основанія производить обычай называть опаснаго звѣря „отцомъ", какъ это имѣетъ мѣсто у остяковъ въ отношеніи къ медвѣдю, непремѣнно изъ тотемизма: „отецъ„ въ данномъ случаѣ можетъ быть простымъ ласкательнымъ эпитетомъ или словомъ, позволяющимъ остяку говорить о медвѣдѣ дурно, не возбуждая въ немъ, если его духъ подслушиваетъ разговоръ, подозрѣній, что рѣчь шла о немъ.

Далѣе, характерная черта въ отношеніяхъ остяка къ медвѣдю заключается въ томъ, что охотникъ извиняется предъ убитымъ за совершенный поступокъ и старается сложить вину съ себя, обвиняя въ убійствѣ постороннихъ лицъ. Остякъ спѣшитъ заявить убитому звѣрю, что онъ застрѣлилъ его нечаянно, что онъ не виноватъ, такъ какъ русскіе изготовили ружье [1]).

Каждый инородецъ, убившій медвѣдя, сообщаетъ г. Гондатти, бьется изо всѣхъ силъ, чтобы только доказать, какъ онъ любитъ и уважаетъ медвѣдя, разсчитывая, что всѣ знаки проявленія этихъ чувствъ вознаградятся ему сторицей; онъ извиняется, что убилъ медвѣдя: „ты прости меня, говоритъ онъ, и не суди строго; вѣдь убилъ тебя не я, а русскій: отъ него я получилъ ружье, порохъ, свинецъ; я же всегда тебя любилъ и уважалъ и въ доказательство этого устрою празднество въ твою честь". Иногда извиненія приносятся передъ убійствомъ: охотникъ при встрѣчѣ съ медвѣдемъ заявляетъ послѣднему: „извини меня, что я намѣреваюсь убить тебя: ты самъ набрелъ на меня, бѣдняжка, такъ не сердись, добрый старичекъ" [2]).

Въ обычаѣ остяковъ извиняться предъ убитымъ звѣремъ нѣтъ ничего оригинальнаго: остякъ вѣритъ, что опасно оскорбить чѣмъ-нибудь тѣнь убитаго звѣря: духъ медвѣдя все видитъ и слышитъ; за оскорбленіе тѣни медвѣдя „плохо придется бѣдному охотнику: обрушится на него рядъ несчастій, да и въ другой разъ не сдобровать ему, а погибнуть подъ зубами и когтями раздраженнаго звѣря" [3]). Совершенно то же чувство страха предъ тѣнью убитаго крупнаго представителя фауны заставляетъ коря-

---

1) Patkanow, l. c. 127.

2) Н. М. Ядринцевъ: О культѣ медвѣдя. Этногр. Обозр. IV, стр. 101,

3) Н. Л. Гондатти. Культъ медвѣдя,—въ Тр. Этн. отд. И. О. Л. Е. А. и Э. VIII, стр. 74, 79.

ковъ, по снятіи шкуры съ застрѣленнаго волка или медвѣдя, наряжать одного изъ домашнихъ въ эту шкуру, плясать и пѣть вокругъ него, причемъ въ пѣснѣ увѣряють, что не они убили звѣря, а другіе, и особенно охотно приписываютъ вину русскому [1]). Шефферъ сообщаетъ объ обычаѣ лопарей послѣ удачной охоты на медвѣдя пѣть предъ тѣломъ убитаго звѣря особую пѣснь, въ которой выражаютъ свою радость по поводу прихода медвѣдя и благодарятъ его за то, что онъ имъ не сдѣлалъ никакого вреда, не сломалъ имъ копья и палки, которыми они его убили. Далѣе подмѣченный въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Лапландіи обычай, прежде чѣмъ стрѣлять въ медвѣдя, увѣщевать его, чтобы онъ не напалъ первый на охотника, встрѣчается еще и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ пунктахъ у русскихъ лопарей и находитъ себѣ аналогіи въ обычаяхъ кафровъ при охотѣ на слона [2]).

О культѣ медвѣдя въ прежнее время среди западныхъ финновъ сохранились прекрасныя свѣдѣнія въ Калевалѣ. Вейнемейненъ, убивъ медвѣдя, считаетъ необходимымъ принести ему извиненія. Хотя эти послѣднія и носятъ нѣсколько ироническій оттѣнокъ, но дальнѣйшее описаніе пиршества и пѣсенъ его сопровождающихъ свидѣтельствуетъ, что и у зап. финновъ культъ медвѣдя, повидимому, не представляетъ рѣзкихъ отличій сравнительно съ остяками и вогулами [3]).

Значительное количество аналогичныхъ примѣровъ принесенія извиненій охотникомъ передъ или послѣ убійства опаснаго звѣря приведены Фрэзеромъ [4]). Среди краснокожихъ Америки охота на медвѣдя считалась крупнымъ событіемъ, къ которому охотники готовились долгимъ постомъ, предъ охотой совершалось искупи-

---

[1]) Bastian. Der Mensch in der Geschichte. III, стр. 26.

[2]) Н. Харузинъ: Русскіе лопари, стр. 200, 204. Frazer: The golden Bough, II, 114.

[3]) Калевала, р. 46, перев. Бѣльскаго: Вейнемейненъ убѣждаетъ медвѣдя, что не онъ виноватъ въ смерти звѣря:

„Мой возлюбленный ты Отсо (медвѣдь),
Красота съ медовой лапой!
Не сердися ты напрасно;
Я не билъ тебя, мой милый,
Соскользнулъ ты съ гладкой вѣтки,
Самъ съ покатости свалился,
Разорвалъ златое платье,
Изъ вѣтвей твою одежду:
Скользко осенью бываетъ,
Дни осенніе туманны“ (стр. 539).

[4]) Frazer: The golden Bough. II, 113 и слѣд.

тельное жертвоприношеніе духамъ медвѣдей, убитыхъ въ предшествующихъ охотахъ, причемъ обращались съ мольбой къ этимъ духамъ быть благопріятными охотникамъ. Кафры приносятъ извиненія убитому слону, увѣряя, что смерть его произошла отъ случайности. Въ нѣкоторыхъ частяхъ восточной Африки выказываются особые знаки почитанія тѣлу убитаго льва. Въ западной Америкѣ охотника, убившаго леопарда, крѣпко связываютъ и ведутъ къ вождю, обвиняя охотника въ убійствѣ ихъ начальника. Охотникъ въ свою защиту говоритъ, что леопардъ начальникъ лѣса и слѣдовательно чужой, послѣ чего его отпускаютъ на свободу. Туземцы Гвіаны принимаютъ также цѣлый рядъ предосторожностей, чтобы обезопасить себя отъ мести убитаго ими тапира. Населеніе Камбоджи проситъ извиненія у животнаго послѣ убійства послѣдняго, чтобы его духъ не приходилъ и не мучилъ ихъ: они приносятъ жертвы убитому, но эти жертвоприношенія всегда пропорціональны величинѣ и силѣ животнаго. Поэтому убійство слона сопровождалось весьма торжественными обрядами.

Первобытный дикарь, надѣляя животныхъ тѣми же чувствами и способностями, какъ и людей, признавая у животныхъ такую же душу, какъ и у человѣка, переживающую тѣло послѣ смерти, естественно стремится гарантировать себя отъ мести духа убитаго звѣря. Вслѣдствіе этого нерѣдко встрѣчается, что дикарь избѣгаетъ вообще убивать опасное животное: даяки Борнео или населеніе Мадагаскара избѣгаютъ убивать крокодила, нѣкоторыя племена сѣв. Америки—гремучую змѣю, жители Суматры—тигра и т. д. Такимъ образомъ опасный звѣрь, не будучи тотемомъ, тѣмъ не менѣе оберегается населеніемъ изъ соображеній, что духъ его, столь же опасный послѣ смерти, не достаточно умилостивленный, можетъ принести больше вреда, чѣмъ живой звѣрь. Страхъ предъ духомъ убитаго звѣря приводитъ не только къ извиненіямъ, которыя дикарь приноситъ предъ тѣломъ своей добычи, но и къ празднеству, составляющему характерную черту и культа медвѣдя у остяковъ и вогуловъ.

Совершенно такъ же, какъ празднество устраивается послѣ удачной охоты на слона, льва и др. крупныхъ представителей фауны, остяки, вогулы и нѣкоторые другіе инородцы Россіи, равно и населеніе сѣв. Америки послѣ убійства медвѣдя, приступаютъ къ

торжественному пиршеству. Характеръ этого послѣдняго не позволяетъ предполагать, чтобы оно возникло изъ обычныхъ пиршествъ, которыми можетъ сопровождаться обыкновенная удачная охота дикарей, благодаря обилію пищевыхъ продуктовъ. Всюду это пиршество носитъ ритуальный характеръ; всѣ дѣйствія исполняются по строго опредѣленному обычаю; наконецъ они имѣютъ характеръ почитанія звѣря. Въ основѣ большинства обрядовъ, сопровождающихъ празднество, лежитъ мысль умилостивленія духа убитаго звѣря и затѣмъ принятіе мѣръ предосторожности отъ могущей послѣдовать съ его стороны мести за убійство.

Остяки, пишетъ Палласъ [1]), „содранную кожу (медвѣдя) вѣшаютъ на высокомъ деревѣ, показываютъ ей всякое почтеніе, извиняются наичувствительнѣйше, что убили, думая, что они чрезъ то предупредятъ тотъ вредъ, какой душа медвѣдя имъ сдѣлать можетъ". Не останавливаясь на подробностяхъ, сопровождающихъ праздникъ по убіеніи медвѣдя у остяковъ и вогуловъ, мы ограничимся указаніями только на слѣдующія черты его [2]):

1) Шкуру съ убитаго медвѣдя снимаютъ съ особой предосторожностью, дѣлая видъ, будто снимаютъ съ него его шубу. Опасаются оставлять въ лѣсу, на мѣстѣ охоты, частицы тѣла медвѣдя. Въ случаѣ, если не нуждаются въ мясѣ медвѣдя, необходимо его предать землѣ, какъ дѣлаютъ съ покойникомъ. Несоблюденіе же этихъ обрядовъ повлечетъ за собой дурныя послѣдствія.

2) Послѣ убіенія медвѣдя, равно и по принесеніи медвѣдя въ юрту, остяки зимой бросаютъ другъ въ друга снѣгомъ, а лѣтомъ или опрыскиваютъ другъ друга водой, или бросаютъ другъ въ друга землей. Вѣроятнѣе всего, что этотъ обычай стоитъ въ связи съ сознаніемъ необходимости очистить себя послѣ совершеннаго убійства медвѣдя. Очищеніе приняло символическую форму.

3) Торжественное перенесеніе медвѣдя въ селеніе носитъ одновременно характеръ почитанія и предосторожности. Первое ясно сказывается въ бережности, съ которой шкура медвѣдя переносится: охотникъ кладетъ ее себѣ на грудь, лапы складыва-

---

[1]) Палласъ: Путешествіе. Ш, пол. 1, стр. 85.

[2]) Patkanow, l. c; Н. Л. Гондатти, l. c.; Н. Ядринцевъ: О культѣ медвѣдя.

ются, голова, съ которой, какъ и съ лапъ, не снимаютъ шкуры, покоится на плечѣ охотника. Сопровождающіе поютъ пѣсни въ честь медвѣдя, стрѣляютъ опредѣленное количество разъ изъ ружей и пр., женщины приступаютъ къ изготовленію въ переднемъ углу, въ наиболѣе почетномъ мѣстѣ, помѣщенія для шкуры, куда она и кладется въ опредѣленномъ положеніи. Предосторожность выражается прежде всего въ томъ, что шкуру никогда не вносятъ чрезъ дверь, а подаютъ ее или чрезъ окно, или другое отверстіе. Обычай этотъ соблюдался и у лопарей въ прежнее время. Онъ очевидно стоитъ въ связи съ обычаемъ не выносить покойника черезъ двери, а черезъ какое-нибудь другое отверстіе, который отмѣченъ между прочимъ и у остяковъ и вогуловъ. Вообще обыкновеніе выносить умершаго не чрезъ дверь, а чрезъ другое отверстіе, для чего нерѣдко дѣлается проломъ въ жилищѣ, извѣстно у цѣлаго ряда народностей: оно отмѣчено у многихъ инородцевъ Россіи, гдѣ кромѣ остяковъ и вогуловъ [1]) его соблюдали самоѣды, тунгусы, далѣе онъ встрѣченъ у эскимосовъ, тлинкитовъ, альгонкиновъ, оджибвеевъ Сѣв. Америки, у нѣкоторыхъ народностей Африки, въ Меланезіи, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Индіи, въ Тибетѣ, Китаѣ, Сіамѣ и т. д. Онъ былъ извѣстенъ и въ Скандинавіи, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи, Италіи, Голландіи и въ древней Россіи [2]). Этотъ обычай стоитъ въ связи съ цѣлымъ рядомъ мѣръ предосторожности, которыя принимаются дикарями въ отношеніи къ своимъ умершимъ, и развивается на почвѣ первобытнаго воззрѣнія о тѣсной связи, существующей между душой и тѣломъ: все, что совершается въ отношеніи къ тѣлу, отражается и на душѣ. Вынося покойника не черезъ двери, а черезъ особое отверстіе, дикарь надѣется оградить себя отъ прихода духа умершаго; если онъ и вернулся бы, онъ не нашелъ бы дверей, такъ какъ слѣды привели бы его къ глухой стѣнѣ. Подобное предположеніе о возможности обмануть указаннымъ путемъ духа не должно казаться слишкомъ наивнымъ для мысли некультурнаго человѣка: хотя душа по вѣрованіямъ дикаря и представляетъ существо, обладающее сверхъестественной силой, способностью къ превращеніямъ и пр.,

---

[1]) Н. Л. Гондатти: Слѣды языческихъ вѣрованій Маньзовъ, стр. 66.

[2]) Д. Н. Анучинъ: Сани, ладья и кони, какъ принадлежности похороннаго обряда См. также Robinsohn: Die Psychologie der Naturvölker, стр. 45.

но это еще не значитъ, чтобы онъ смотрѣлъ на свою душу и души животныхъ и предметовъ, какъ на субстанцію духовную въ нашемъ смыслѣ этого слова. Душа прежде всего матеріальна и обладаетъ тѣми же качествами, какъ и живой человѣкъ: она, напр, можетъ заблудиться по дорогѣ отъ могилы въ селеніе; поэтому туземцы Юкатани, у которыхъ культъ умершихъ уже развитъ, отмѣчаютъ мѣломъ дорогу, ведущую отъ могилы къ жилымъ строеніямъ: слѣдуя этимъ указаніямъ, душа не можетъ потерять дороги. Населеніе Никоборскихъ о-въ, раздѣляя вѣру въ способность душъ посѣщать живыхъ, желаетъ однако оградить себя отъ подобныхъ посѣщеній; жители убѣждены, что вполнѣ достигаютъ своей цѣли тѣмъ, что ставятъ передъ жилищами нѣчто въ родѣ ширмъ или экрановъ изъ древесной коры; души умершихъ не увидятъ жилищъ и будутъ принуждены возвратиться [1]). Совершенно та же цѣль достигается путемъ вынесенія покойника и черезъ дверь—онъ не найдетъ обратной дороги. Въ отношеніи къ медвѣдю очевидно соблюдается та же мѣра предосторожности: его вносятъ въ особое помѣщеніе, чрезъ особое отверстіе, и если бы душа медвѣдя пожелала послѣ посѣтить юрту, гдѣ лежала его шкура, она не найдетъ по слѣдамъ входныхъ дверей. Аналогичную мѣру предосторожности слѣдуетъ видѣть и въ обычаѣ класть на глаза убитаго медвѣдя, послѣ того какъ его шкура будетъ расположена въ почетномъ углу, серебряныя монеты, и кромѣ того еще надѣвать берестяной намордникъ. Закрытіе глазъ покойника монетами или платкомъ, закрытіе ему рта, покрываніе его головы или всего тѣла и т. п. обряды находятъ себѣ обильныя аналогіи въ обычаяхъ разныхъ народовъ [2]). Сохраняясь долгое время въ качествѣ переживанія, эти обряды имѣютъ своимъ источникомъ желаніе помѣшать умершему смотрѣть на окружающихъ и узнавать ихъ. Что дѣлается въ отношеніи къ умершему человѣку, духа котораго дикарь всегда боится, примѣняется и къ медвѣдю, духъ котораго является не менѣе страшнымъ остяку или вогулу. Объясненіе въ настоящее время этого обычая инородцами, которое мы встрѣчаемъ у Н. Л. Гондатти [3]), что женщины

---

[1]) Spencer: Principes. II, стр. 244.
[2]) Robinsohn: Pschychologie d. Naturvölker, стр. 44.
[3]) Н. Л. Гондатти, l. c. стр. 75.

не достойны смотрѣть медвѣдю въ глаза и цѣловать его въ губы, какъ это дѣлаютъ мужчины, впервые входящіе въ юрту, гдѣ лежитъ медвѣдь, кажется намъ лишь позднѣйшимъ объясненіемъ обряда, ставшаго непонятнымъ для самихъ совершающихъ. Очевидно, что въ отношеніи къ медвѣдю, принесенному въ юрту, примѣняются тѣ же мѣры, какъ и къ покойнику во время нахожденія послѣдняго въ жиломъ помѣщеніи; даже топоръ спѣшатъ положить подъ порогъ, какъ и послѣ смерти одного изъ жившихъ въ юртѣ; медвѣдю закрываютъ глаза оттого, что ихъ закрывали и у покойника. Слѣдовательно, и источникъ этого обычая, все равно, примѣнялся ли онъ къ человѣку или медвѣдю, долженъ быть одинаковымъ. Надѣваніе же намордника вѣроятнѣе всего имѣло цѣлью помѣшать мертвому медвѣдю причинить вредъ лицамъ, которыя его цѣловали.

4) Само празднество при соблюденія мѣръ предосторожности носитъ характеръ чествованія медвѣдя и находитъ себѣ много аналогій среди народностей, у которыхъ мы встрѣчаемъ культъ убитаго крупнаго звѣря. Медвѣдю приносятъ символическія жертвы: предъ головой медвѣдя ставится нѣсколько изображеній, оленей, сдѣланныхъ изъ хлѣба или бересты; лапы убитой медвѣдицы украшаются кольцами. На празднество сходятся не только односельчане, но и гости, которые, услыхавъ о результатѣ охоты, пріѣзжаютъ издалека. Духъ медвѣдя веселятъ пѣснями и плясками, носящими обрядовый характеръ. „Сюжеты пѣсенъ, замѣчаетъ г. Гондатти, различны: поютъ про медвѣдя, какъ онъ гулялъ по лѣсу, какъ нашелъ себѣ подругу, какъ сдѣлалъ берлогу; поютъ про его прежнюю жизнь на небѣ и на землѣ; поютъ про богатырей и прежнее славное время, когда не было пришельцевъ и всего было вдоволь—и звѣря, и птицы, и рыбы; поютъ про боговъ, про ихъ любовь и ненависть другъ къ другу и про ихъ отношенія къ людямъ".

Въ числѣ пѣсенъ г. Ядринцевъ упоминаетъ еще о „пѣснѣ медвѣдя", которую „не всякій можетъ пѣть" и которую „знаютъ только старики;" эта пѣснь была создана медвѣдемъ тогда, когда онъ былъ еще по преданію человѣкомъ [1]).

---

[1]) Н. М. Ядринцевъ. О культѣ медвѣдя, стр. 103.

Во время плясокъ, исполняемыхъ между пѣснями, стараются приноровиться пляской къ содержанію пѣсенъ; если пѣли про медвѣдя, то стараются въ пляскѣ подражать ему. Наконецъ, въ честь убитаго медвѣдя устраиваютъ нѣчто вродѣ драматическихъ представленій, во время которыхъ участники въ представленіи надѣваютъ берестяныя или деревянныя маски и измѣняютъ свой костюмъ. Назначеніе масокъ, по словамъ г. Гондатти,—между прочимъ скрывать лица играющихъ отъ медвѣдя и отъ зрителей: медвѣдь любитъ увеселенія, но плясать и въ то-же время смотрѣть ему въ глаза нельзя. Въ драматическихъ сценахъ весьма часто играетъ роль медвѣдь, эпизоды охоты на него и т. п. Значительное количество подобныхъ драматическихъ сценъ приведено г. Гондатти въ его интересной работѣ [1]). При началѣ и окончаніи каждой пѣсни, пляски или представленія, низко кланяются медвѣдю. Весьма характерно, что празднества происходятъ всегда ночью, такъ какъ „боги преимущественно въ это время посѣщаютъ землю и такимъ образомъ они могутъ видѣть, какъ почитается тѣнь убитаго звѣря; всѣ почести, воздаваемыя шкурѣ, имѣютъ своимъ назначеніемъ медвѣжью тѣнь". Празднества длятся иногда нѣсколько ночей. Въ теченіе пиршества мясо варится и съѣдается.

5) Празднество заключается обрядовымъ ѣденіемъ нѣкоторыхъ частей медвѣдя. Въ послѣднюю ночь празднества, на разсвѣтѣ, шкуру медвѣдя выносятъ въ поле; мужчины при этомъ борются и бросаютъ другъ въ друга снѣгомъ, а женщины, которыя въ поле не выходятъ, при выносѣ шкуры бросаются снѣгомъ и обливаются водой. Въ полѣ мужчины готовятъ себѣ голову, лапы и сердце медвѣдя Женщины варятъ себѣ медвѣжій задъ, который предоставляется въ ихъ распоряженіе. Черепъ медвѣдя вѣшаютъ на дерево. Тщательно собираются остатки отъ трапезы и сожигаются, чтобы къ нимъ не прикасались собаки или птицы; послѣ вкушенія священнаго мяса, во время послѣдней трапезы тщательно вытираютъ себѣ губы и руки подержанными въ дыму стружками; стружки затѣмъ бросаютъ въ огонь. Этимъ собственно и кончается празднество. Чрезвычайно интересную подроб-

---

[1]) Н. Л. Гондатти, l. c; см. также Ahlquist: Unter Wogulen u. Ostjaken стр. 256—258 (Acta Societ. scientiarum Fennicae XIV).

ность сообщаетъ Филимоновъ объ остякахъ Томской губ. [3]): они стремятся обмануть медвѣдя и увѣрить его, что не люди съѣли его мясо. Въ пиршествѣ принимаютъ участіе всѣ, кромѣ дѣтей. Когда мясо съѣдено, старуха приближается къ котлу, открываетъ глаза медвѣдя и спрашиваетъ его, кто его убилъ, кто съѣлъ его мясо. Затѣмъ вводятъ дѣтей, къ которымъ старуха обращается съ вопросомъ, не знаютъ ли они, кто съѣлъ мясо медвѣдя. Дѣти отвѣчаютъ, что они видѣли, какъ налетѣли птицы и расклевали тѣло медвѣдя; старуха бранитъ птицъ, спрашиваетъ, куда онѣ улетѣли, на что получаетъ отъ дѣтей отвѣтъ, что они не знаютъ этого, но что, вѣроятно, онѣ улетѣли далеко. Въ этомъ интересномъ обрядѣ опять сказывается лишь предосторожность со стороны употребившихъ въ пищу мясо медвѣдя, съ цѣлью обмануть послѣдняго и такимъ образомъ отвести отъ себя гнѣвъ его. Глаза медвѣдя закрыты, они, слѣдовательно, закрыты и у его духа, такъ какъ общераспространенное у нецивилизованныхъ расъ представленіе заставляетъ вѣрить, что душа испытываетъ на себѣ все то, что испытываетъ тѣло. Медвѣдь, или точнѣе его духъ, не можетъ видѣть, кто съѣлъ его мясо, и притворное удивленіе старухи, ея гнѣвъ на птицъ кажутся остяку достаточными, чтобы обмануть медвѣдя и заставить вѣрить въ невинность людей.

Въ приведенныхъ чертахъ, характерныхъ для культа медвѣдя у остяковъ и вогуловъ, мы не встрѣтимъ ничего, что позволяло бы опредѣлить первоисточникъ почитанія медвѣдя. Эти черты въ основномъ повторяются при пиршествахъ, устраиваемыхъ въ честь медвѣдя у другихъ народностей, равно и при употребленіи въ пищу или убійствѣ слоновъ, тигровъ и пр., гдѣ они оказываются наиболѣе выдающимися или опасными представителями мѣстной фауны. Аналогичные обряды можно встрѣтить какъ въ мѣстностяхъ, гдѣ они, очевидно, развились изъ тотемизма, равно и тамъ, гдѣ этотъ видъ зоолатріи нѣтъ возможности поставить, въ настоящее время по крайней мѣрѣ, въ связь съ тотемизмомъ.

Прежде чѣмъ коснуться тѣхъ чертъ культа медвѣдя у остяковъ и вогуловъ, которыя на нашъ взглядъ прямо или косвенно свидѣтельствуютъ о происхожденіи его изъ тотемизма, намъ пред-

---

[3]) Patkanow: Die Irtysch-Ostjaken, стр. 127—128 примѣч.

стоитъ устранить одно изъ возраженій, которое дѣлаетъ Фрэзеръ противъ тотемической основы этого культа. Дѣло въ томъ, что характернымъ для тотемизма является стремленіе дикаря охранить своего тотема, вслѣдствіе чего дикарь считаетъ обыкновенно грѣховнымъ употреблять его въ пищу. Психологія дикаря заставляетъ иногда выработать ритуальное жертвоприношеніе тотема. Убитаго тотемическаго звѣря приносятъ въ опредѣленное время въ жертву, иногда съѣдаютъ его мясо, но въ этихъ случаяхъ само пиршество носитъ уже совершенно иной характеръ. Тотема нельзя убивать постоянно, при всякомъ удобномъ случаѣ, какъ это дѣлаютъ остяки и вогулы, даже вмѣняющіе себѣ въ честь удачную охоту на медвѣдя. То-же отношеніе къ охотѣ на медвѣдя можно встрѣтить и у нѣкоторыхъ, даже большинства народностей, у которыхъ отмѣченъ этотъ культъ. Между тѣмъ это кажущееся противорѣчіе легко устраняется. Прежде всего, не смотря на уваженіе къ тотему, случаи, когда дикарь убиваетъ его не для ритуальныхъ цѣлей, извѣстны въ этнографической литературѣ: убійство тотема имѣетъ мѣсто или подъ вліяніемъ необходимости (напр. голода), или если тотемомъ оказывается опасный и вредный звѣрь.

Среди обрядовъ, сопровождающихъ убійство медвѣдя, Фрэзеръ приводитъ фактъ убіенія медвѣдя въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдній оказывается тотемомъ, именно у краснокожаго племени Otawa, подраздѣленія котораго основываются на тотемизмѣ. У этого племени отдѣльные рода имѣютъ названія животныхъ: заяцъ, сазанъ, чайка, медвѣдь. Если лицо, принадлежащее къ роду медвѣдя, убьетъ медвѣдя, оно устраиваетъ празднество и извиняется предъ нимъ за совершенное убійство; охотникъ увѣряетъ медвѣдя, что ихъ, охотниковъ, дѣти голодны, что дѣти любятъ медвѣдя и желаютъ воспринять медвѣдя въ свои тѣла [1]).

Австралійцы, у которыхъ тотемизмъ можно наблюдать въ его, пожалуй, наиболѣе чистомъ видѣ, тщательно избѣгаютъ убивать и употреблять въ пищу животное, имя котораго носитъ группа, къ которой они принадлежатъ. Если же голодъ вынудитъ австралійца воспользоваться тотемическимъ животнымъ въ качествѣ пищи, то онъ старается выразить свое горе, что былъ вынужденъ

---

[1]) Frazer: The golden Bough. II, стр. 113.

съѣсть своего друга, свое собственное тѣло:онъ хватается за грудь, указывая на узы близкаго родства, соединяющаго его съ тотемомъ, выражая этимъ, что онъ съѣдаетъ какъ-бы часть собственнаго тѣла [1]). Бассуто Африки раздѣлены на тотемическія группы, изъ которыхъ каждая обыкновенно носитъ имя своего тотема—животнаго или растенія. Никто не рѣшится ѣсть мясо или носить шкуру животнаго, имя которагоноситъ его тотемическій союзъ. Но если тотемомъ оказывается опасный звѣрь, напр. левъ, его убиваютъ, предварительно принеся ему извиненіе, и затѣмъ подвергаютъ себя очистительнымъ обрядамъ [2]). Эти и аналогичные указаннымъ факты даютъ, какъ намъ кажется, ключъ къ устраненію вышеприведеннаго возраженія противъ возможности возникновенія культа медвѣдя послѣ убійства его изъ тотемическихъ основъ: убійство медвѣдя и употребленіе въ пищу его мяса могло встрѣчаться и въ случаѣ, если медвѣдь былъ когда-нибудь тотемомъ у остяковъ и вогуловъ. Онъ является наиболѣе крупнымъ, наиболѣе опаснымъ звѣремъ; необходимость, потребность въ пищѣ или желаніе избавиться отъ непріятнаго сосѣдства могли приводить остяка или вогула къ убійству медвѣдя, даже если онъ считался тотемомъ совершенно такъ же, какъ эти-же соображенія заставляютъ представителя племени Otawa, хотя бы онъ принадлежалъ къ тотемическому роду медвѣдя, убивать послѣдняго, или австралійца съѣдать подъ вліяніемъ голода своего тотема. Въ самомъ фактѣ употребленія въ пищу медвѣдя и существованія обычая убивать его, нѣтъ основанія такимъ образомъ видѣть возраженіе противъ возможности происхожденія культа медвѣдя изъ тотемизма.

Предположеніе о тотемической основѣ культа, на которое наводитъ характеръ обрядовыхъ плясокъ, сопровождающихъ пѣсни, которыя поются во время ночного пиршества въ честь медвѣдя, требуетъ нѣкотораго поясненія. Въ этихъ пѣсняхъ видное мѣсто занимаетъ повѣствованіе изъ жизни медвѣдя, и пляшущіе стараются тѣлодвиженіями изображать воспѣваемаго звѣря. Пляски, изображающія въ лицахъ воспѣваемое животное или событіе изъ

---

1) Lang: Muthes, cultes et religion, стр. 60.

2) Lang. l. c. стр. 67.

жизни населенія, были, повидимому, широко распространены среди остяковъ. На нихъ обратилъ особенное вниманіе и Палласъ [1]). Въ этихъ плясках, требовавшихъ отъ исполнителей много искусства, ловкости и труда, изображались „отчасти ихъ поступки на промыслахъ разныхъ звѣрей, птицъ и рыбъ, отчасти склонность и разныя особливѣйшихъ звѣрей и птицъ положенія, побѣги, отчасти насмѣшки надъ своими сосѣдями, и все въ такту по музыкѣ... Такъ, напр., видѣлъ я соболиной промыселъ, обычай и поступки журавлиную, лосью, полетъ и поискъ мышей мышелова, птицѣ... Труднѣе всего мнѣ кажется, продолжаетъ Палласъ, когда пляшутъ журавля: гдѣ пляшутъ скорчившись, закрывшись шубою, а сквозь рукавъ продѣваютъ палку, у которой на концѣ надѣвается изъ дерева сдѣланная журавлиная голова, и такимъ образомъ или присѣвъ, или совсѣмъ скорчась пляшетъ, дѣлая палкой всѣ движенія, какія настоящій журавль головой производитъ. Въ пляскѣ лося музыкантъ долженъ равнымъ образомъ выражать различный его побѣгъ, рысью или вскачь, или такъ ходитъ просто, также и малые отдыхи, кои лось на побѣгѣ дѣлаетъ для осмотрѣнія, откуда за нимъ гонятся". Пляски очевидно исполнялись съ большимъ искусствомъ, съ сохраненіемъ типичныхъ особенностей изображаемаго животнаго или лица, такъ какъ Палласъ въ заключеніе добавляетъ: „Надѣяться-бъ кажется нельзя отъ столь дикаго народа, столь искусныхъ и изрядно выдуманныхъ представленій". Мимическія пляски, какъ извѣстно, весьма широко распространены среди некультурныхъ народностей; способность и стремленіе къ подражанію могутъ быть признаны характерной чертой первобытнаго человѣка. Если въ пляскахъ дикарь особенно часто любитъ изображать представителей окружающей его фауны, то это конечно объясняется главнымъ образомъ вліяніемъ охотничьяго быта на его воображеніе: однако одновременно съ плясками, въ которыхъ фигурируютъ животныя, дикарь знаетъ и любитъ пляски, мимически представляющія войну, особенности своихъ сосѣдей и пр. Остяки напр., по словамъ Палласа, изображали и русскихъ женщинъ, идущихъ мыть платье на рѣку, и другія сцены изъ своей жизни. Некультурные народы,

---

[1]) Палласъ: Путешествіе. III, пол. 1-ая, стр. 85, 86.

однимъ словомъ, широко пользуются присущей имъ способностью къ подражанію.

Бушмены и австралійцы, не менѣе чѣмъ остяки, приводили въ удивленіе изслѣдователей своимъ умѣніемъ до мельчайшихъ подробностей воспроизводить движенія отдѣльныхъ лицъ и извѣстныхъ породъ животныхъ [1]. Существованіе мимическихъ плясокъ естественно объясняется именно развитіемъ подражательной способности у дикарей. Штейненъ описываетъ подробно пляски у туземцевъ центральной Бразиліи, при чемъ пляшущіе весьма часто изображали животныхъ, птицъ, рыбъ и т. д., надѣвали при этомъ шкуру изображаемаго животнаго, украшали себя перьями представляемой птицы и надѣвали, кромѣ того, на себя еще маски, представляющія головы животныхъ, птицъ, рыбъ [2]. Мимическія пляски, изображающія животныхъ или птицъ, широко распространены среди эскимосовъ, у краснакожаго населенія въ Америкѣ и въ Австраліи. У жителей послѣдней мы встрѣчаемъ пляски, изображающія эму, динго, кэнгуру, лягушку, бабочку и пр. Одновременно съ подражаніями животнымъ, австралійцы въ пляскахъ изображали сцены изъ жизни, напр., путешествіе въ лодкѣ, войну и т. п. [3]).

Особенное удивленіе своему искусству изображать животныхъ австралійцы вызывали въ пляскахъ, изображающихъ кэнгуру, эму и динго, состоявшихъ въ подражаніи названнымъ животнымъ. „Ничего не можетъ быть болѣе смѣшнымъ ни болѣе правдоподобнымъ подражаніемъ“, замѣчаетъ одинъ изъ изслѣдователей [4]). Пляска является прежде всего внѣшнимъ выраженіемъ извѣстнаго психическаго состоянія дикаря; если она часто принимаетъ мимическій характеръ, то это находитъ себѣ объясненіе въ присущей некультурному человѣку подражательной способности; наконецъ, частое подражаніе представителямъ мѣстной фауны объясняется общимъ строемъ охотничьяго быта, при которомъ именно животныя и птицы обращаютъ на себя преимущественное вниманіе первобытнаго охотника. Искать источника пляски вообще и въ частности

---

[1]) Grosse: Die Anfänge der Kunst, стр. 214.

[2]) K. v. Steinen: Unter d. Naturvölkern Brasiliens, стр. 296 и слѣд. См. также Ehrenreich: Beiträge z. Völkerkunde Brasiliens, 30, 34, 51, 70.

[3]) Grosse. Die Anfänge der Kunst, 208 и слѣд.

[4]) Brough Smyth: The aborigines of Victoria. I, 173.

мимической непремѣнно въ религіозномъ міровоззрѣніи дикаря, какъ это дѣлаетъ, напр., Герландъ [1]), нѣтъ никакого основанія, но религіозные мотивы весьма нерѣдко заставляютъ дикаря прибѣгать къ пляскѣ. Ритуальной пляской сопровождаются празднества у многихъ некультурныхъ народовъ, причемъ въ пляскѣ часто стараются изобразить событіе изъ жизни сверхъестественнаго существа, въ честь котораго устраивается празднество. Въ этихъ случаяхъ мимическая пляска имѣетъ уже ритуальное значеніе. Религіозныя пляски, встрѣченныя въ большомъ количествѣ среди австралійцевъ [2]), отмѣчены въ значительномъ числѣ пунктовъ Сѣв. Америки, на о-вахъ Тихаго океана, гдѣ мѣстами употребительны и маски [3]); Эренрейхъ упоминаетъ о религіозныхъ плясках у туземцевъ Бразиліи [4]). Въ мѣстностяхъ, гдѣ тотемизмъ играетъ выдающуюся роль въ религіозныхъ представленіяхъ, ритуальныя пляски нерѣдко изображаютъ событія изъ сообщаемой миѳами жизни животнаго тотема; пляски этого рода мимическія. Такого рода мимическія пляски, имѣющія цѣлью изобразить эпизодъ изъ жизни тотема, или вообще пляски, гдѣ участники подражаютъ тотему въ своихъ движеніяхъ и нарядѣ, извѣстны въ разныхъ мѣстностяхъ земного шара. Тотемическій характеръ, напр., имѣютъ пляски индѣйцевъ племени нутки и мандановъ, у которыхъ существуютъ спеціальныя пляски волка и медвѣдя [5]), или пляска черепахи у паумари Бразиліи, которые исполняютъ эту ритуальную пляску во время празднества, устраиваемаго при первомъ вкушеніи ребенкомъ мяса [6]). Естественно, что при господствѣ тотемизма, каждый тотемическій союзъ можетъ имѣть свою особую пляску, въ которой мимически изображается тотемъ-животное; при обособленности родовыхъ тотемическихъ группъ, приводящей къ тому, что каждый родъ нерѣдко даже имѣетъ свою татуировку, часто представляющую рисунокъ тотемическаго животнаго, нерѣдко и свою, одному ему

---

1) Waitz und. Gerland: Antropologie, VI, стр. 755.

2) Ср. Grosse: Die Anfänge der Kunst, стр. 209 и слѣд; также Vaitz VI. стр. 755.

3) Finsch: Ethnol. Erfahrungen aus d. Südsee, 122 (30).

4) Ehrenreich: Beitr z. Völkerk. Brasiliens. О плясках вытекающихъ изъ тотемизма см. Frazer: Totesmism, стр. 39 и слѣд.

5) Lang: Modern Mythology, стр. 142.

6) Ehrenreich: Beitr z. Völkerk. Brasiliens, стр. 51.

присущую, прическу, воспроизводящую какія-нибудь особенности тотема [1]), мы должны предположить широкое распространеніе обычая—членамъ тотемическаго союза имѣть свою обрядовую мимическую пляску, въ искусство которой не посвящены представители другихъ родовъ того-же племени. Насколько знаніе подобнаго рода плясокъ можетъ быть тѣсно связаннымъ съ принадлежностью лица къ тому или другому тотемическому союзу, выясняется на примѣрѣ кафрскаго племени бегуановъ, дѣленіе которыхъ на тотемическіе рода еще вполнѣ жизненно: чтобъ обозначить ихъ обычай называть себя по именамъ животныхъ (напр., люди-крокодилы, люди-рыбы, люди-буйволы и т. д.), они употребляютъ слово bina—плясать; поэтому, чтобы узнать, къ какому племени принадлежитъ данное лицо, необходимо спросить его, какую онъ пляску пляшетъ. У бушменовъ миѳологія и культъ еще настолько тѣсно связаны съ ритуальной пляской, что если бушменъ не знаетъ какого-нибудь миѳа, онъ отвѣтитъ спрашивающему: я не пляшу этой пляски; этимъ онъ выражаетъ, что онъ не принадлежитъ къ корпораціи, которая сохраняетъ данное преданіе [2]). Возникнувъ на почвѣ тотемизма, подобныя обрядовыя пляски продолжаютъ долго сохраняться въ культѣ даже тогда, когда тотемическія представленія успѣли уступить другимъ, болѣе высокимъ, когда духъ-покровитель превратился въ племенное или видовое божество, утратившее совершенно свой первоначальный теріоморфическій характеръ. Прекрасный примѣръ этой живучести обрядовыхъ мимическихъ плясокъ, возникшихъ на почвѣ тотемизма, можно видѣть въ „пляскѣ медвѣдя", исполнявшейся въ честь Артемиды, тотемическій и зооморфный характеръ которой обнаруженъ Лангомъ [3]).

Пляски, мимически изображающія медвѣдя, употребляемыя остяками и вогулами во время пиршества въ честь медвѣдя, носятъ, очевидно, религіозный и обрядовый характеръ: онѣ сопровождаютъ пѣсни, въ которыхъ разсказываются легенды о медвѣдѣ и, какъ таковыя, близко подходятъ къ ритуальнымъ тотемическимъ плясками дикарей. Въ виду того, что мимическія пляски, изображающія животныхъ, могутъ имѣть два источника происхо-

---

[1]) Frazer: Totemism, стр. 27-30.

[2]) Lang: Mythes, cultes et religion, стр. 67-68.

[3]) Lang: Modern Mytology, стр. 137-147; см. также его Mythes ect., стр. 512—524.

жденія—тотемизмъ и простое подражаніе—только тогда можно съ полной увѣренностью говорить, что пляска вытекаетъ изъ тотемическихъ основъ, когда группа, исполняющая ее, признаетъ своимъ тотемомъ то животное, которое она изображаетъ въ пляскѣ. Относительно остяковъ и вогуловъ поэтому нѣтъ возможности выставить это положеніе вполнѣ опредѣленно: медвѣдь, равно и другія чтимыя ими животныя, утратили тотемическій характеръ, предполагая, что они его когда-нибудь имѣли; слѣдовательно, о происхожденіи мимическихъ плясокъ у названныхъ народностей можно дѣлать двоякое предположеніе: 1) что эти пляски исключительно подражательныя, вызванныя къ жизни господствомъ охотничьяго быта; 2) что онѣ нѣкогда носили тотемическій характеръ, что каждый родъ остяковъ имѣлъ и свою пляску, изображающую его животное-покровителя, тотема, и что лишь впослѣдствіи, съ упадкомъ и забвеніемъ тотемизма, съ прекращеніемъ обособленности религіозныхъ представленій въ отдѣльныхъ родовыхъ союзахъ, эти пляски сдѣлались общимъ достояніемъ всего народа. Не касаясь рѣшенія этого вопроса относительно всѣхъ мимическихъ плясокъ, подражающихъ животнымъ у остяковъ, намъ кажется, что основательнѣе видѣть въ пляскахъ, представляющихъ медвѣдя и исполняемыхъ во время ритуальнаго празднованія, гдѣ всѣ подробности вытекаютъ изъ религіозныхъ представленій остяковъ и вогуловъ, религіозную основу. Эта послѣдняя, очень вѣроятно, можетъ быть тотемической. За это говоритъ прежде всего сходство самого обычая съ тотемическими обрядами; но она можетъ быть, пожалуй, и случайной. Для насъ пока важность представляетъ цѣль, преслѣдуемая при этихъ пляскахъ и пѣсняхъ: онѣ имѣютъ задачей не только веселить духъ убитаго медвѣдя, но и почтить и прославить его; въ нихъ находитъ себѣ наглядное выраженіе культъ, а при этомъ условіи едва ли возможно предполагать, чтобы сама пляска, служащая какъ бы иллюстраціей священной пѣсни, могла возникнуть изъ простого подражанія звѣрю: это послѣднее служитъ обыкновенно увеселеніемъ, какъ, напр., у лопарей игра-пляска въ олени, когда парни, приложивъ къ уху оленьи рога, изображаютъ ирвасовъ (самцовъ), а дѣвушки важенокъ (оленей-самокъ); олени рѣзвятся, затѣмъ появляются охотники, вооруженные самострѣлами или луками, и игра представляетъ изображеніе охоты на оленей [1]). Къ этой же кате-

[1]) Русскіе Лопари, стр. 340.

горіи игръ-плясокъ слѣдуетъ, очевидно, отнести и игры-пляски остяковъ, изображающія, напр., сцены изъ охотничьей жизни. Такого рода пляски могли исполняться во всякое время; священныя пѣсни и пляски въ честь медвѣдя, изображающія послѣдняго, имѣютъ и до настоящаго времени религіозный, ритуальный характеръ. Слѣдовательно, мы имѣемъ полное право отнести ихъ къ разряду религіозныхъ, мимическихъ плясокъ и должны рѣшительно отвергнуть предположеніе, что онѣ должны быть соединены съ категоріей плясокъ чисто подражательныхъ. Вытекаютъ ли онѣ однако изъ тотемизма или изъ зоолатріи, возникшей на почвѣ страха дикаря предъ сильнымъ звѣремъ, этотъ вопросъ не можетъ быть рѣшенъ опредѣленно, до рѣшенія самого вопроса о происхожденіи культа медвѣдя у остяковъ и вогуловъ.

Одновременное исполненіе не имѣющихъ непосредственнаго отношенія къ медвѣдю плясокъ, сопровождающихъ пѣсни о богахъ, объясняется тѣмъ, что остяки и вогулы вѣруютъ, что боги посѣщаютъ по ночамъ землю и могутъ видѣть устраиваемое людьми торжество въ честь медвѣдя; что при этихъ условіяхъ проявленія культа распространяются не только на медвѣдя, но и на другихъ духовъ, это вполнѣ естественно. Соединеніе этихъ плясокъ, пѣсенъ и ритуальныхъ драматическихъ представленій съ представленіями, не имѣющими священнаго характера, даже иногда шуточныхъ, не противорѣчитъ религіозному значенію остальныхъ: культъ медвѣдя у современныхъ остяковъ и вогуловъ находится уже на пути къ упадку; далеко не всѣ знаютъ ритуалы празднества, что заставляетъ инородцевъ западной Сибири иногда даже выписывать „какого-нибудь старика, за двѣ—три сотни верстъ, разъ онъ знаетъ всѣ пѣсни и представленія, безъ которыхъ праздникъ не въ праздникъ“[1]). При констатированномъ упадкѣ культа медвѣдя у остяковъ и вогуловъ смѣшеніе ритуальныхъ пѣсенъ и плясокъ съ неритуальными оказывается вполнѣ естественнымъ.

Весьма характерной чертой культа медвѣдя у остяковъ и вогуловъ оказывается, между прочимъ, мѣры, которыя принимаются населеніемъ для того, чтобы дать медвѣдю возможность продолжать свое загробное существованіе; лишивъ медвѣдя путемъ убійства возможности продолжать свою земную жизнь, инородецъ стремится

[1]) Н. Л. Гондатти: Культъ у инородцевъ сѣв.-зап. Сибири, стр. 75.

обезпечить ему возможность воскресенія или, по крайней мѣрѣ, спокойнаго существованія въ качествѣ духа. Это отношеніе къ убитому стоитъ въ совершенномъ противорѣчіи съ взглядами некультурнаго человѣка на сверхъестественныя существа, которыхъ онъ только боится: опасаясь ихъ при ихъ жизни, первобытный дикарь стремится ихъ уничтожить послѣ смерти, чтобы одновременно съ уничтоженіемъ тѣла уничтожить и его духъ. Отсутствіе этихъ мѣръ предосторожности, принимаемыхъ дикарями при зоолатріи въ отношеніи не къ полезному, а къ *опасному*, вредному звѣрю, тщательныя заботы дать духу возможность инкарнироваться—все это служитъ весьма вѣскимъ доказательствомъ въ пользу происхожденія зоолатрическаго культа изъ основъ тотемизма, когда опасный, вредный звѣрь считался тѣмъ не менѣе духомъ-покровителемъ извѣстной родственной или территоріальной группы и, какъ таковой, охранялся отъ окончательнаго уничтоженія.

Тотема своего дикарь обыкновенно оберегаетъ и въ случаѣ смерти его принимаетъ мѣры къ обезпеченію ому загробнаго существованія: въ отношеніи къ умершему тотемическому животному примѣняются нерѣдко тѣ же обряды, которые употребительны при погребеніи близкихъ родственниковъ. Духъ-покровитель, находящійся во всѣхъ животныхъ опредѣленной породы, не умираетъ при смерти животнаго: онъ только покидаетъ данную плотскую оболочку. Это вѣрованіе, характерное для тотемизма, находитъ себѣ прекрасную иллюстрацію, напр., въ обычаяхъ населенія Самоа. Слѣды тотемизма весьма живы еще среди самоанцевъ, и почитаніе духа-покровителя селенія выражается, между прочимъ, и въ погребальныхъ обрядахъ тотемическаго животнаго. Если кто-нибудь изъ селенія, духомъ-покровителемъ котораго считается, напр., сова, найдетъ мертвую сову, онъ долженъ плакать надъ ней и бить себя камнемъ въ лобъ до крови. Затѣмъ онъ долженъ приступить къ погребенію мертвой птицы съ соблюденіемъ многихъ обрядовъ, какъ и при погребеніи человѣка. Смерть совы, однако, не означала смерть божества: оно считалось живымъ и воплощеннымъ во всѣхъ существующихъ совъ. [1]) Первобытный дикарь торжественно хоронитъ своего тотема и принимаетъ мѣры къ обезпеченію его загробной жизни оттого, что тотемъ ему оказывается полезнымъ. Утилитар-

---

[1]) G. Turner: Samoa a hunderd years ago and long befor, стр. 21.

ныя соображенія заставляютъ его прибѣгать къ тѣмъ же пріемамъ и въ отношеніи къ звѣрямъ, охота на которыхъ служитъ ему виднымъ источникомъ пропитанія. Нѣкоторыя племена Сѣв. Америки, напр., вслѣдствіе этого устраиваютъ особыя празднества въ честь рыбъ, если рыболовство играетъ выдающуюся роль въ ихъ экономическомъ бытѣ. Они избѣгаютъ сжигать кости рыбъ, и это потому, что они вѣруютъ, что пока кости съѣденной рыбы цѣлы, духъ ея снова можетъ воплотиться въ рыбу [1]). Уничтоженіе костей должно повести и смерть духа. Слѣдовательно, въ интересахъ охотниковъ сохранять кости животныхъ, которыя служатъ въ качествѣ пищи, такъ какъ уничтоженіе костей должно повести за собой и уменьшеніе дичи [2]). Вѣра, что духъ животнаго или человѣка можетъ инкарнироваться вновь, если его кости сохранены, весьма распространена среди некультурныхъ народовъ: различій между душой животнаго и душой человѣка первобытный дикарь не знаетъ. Камчадалы, напр., вѣровали, что даже мухи воскреснутъ послѣ смерти и будутъ жить въ загробномъ мірѣ.

Лопари [3]) раздѣляли это вѣрованіе въ загробное существованіе представителей фауны. Вслѣдствіе этого кости жертвенныхъ животныхъ тщательно собирались и погребались, чтобы дать возможность воскреснуть жертвѣ. Это воззрѣніе о необходимости сохранять кости въ цѣлости стоитъ, въ свою очередь, въ зависимости отъ весьма распространеннаго вѣрованія, что душа находится въ тѣснѣйшей связи съ своей тѣлесной оболочкой. Поврежденія послѣдней отражаются на душѣ. Краснокожіе Америки вѣрятъ, что духъ человѣка переходитъ въ загробный міръ въ томъ видѣ, какой лицо имѣло при жизни: если оно не имѣло при жизни ноги, и духъ его явится одноногимъ: если оно было слѣпо, слѣпымъ будетъ и его духъ [4]) и т. д.

Австраліецъ изъ этихъ же соображеній отрѣзаетъ у убитаго врага большой палецъ правой руки, чтобы духъ убитаго не могъ въ него бросить копья: этимъ онъ дѣлаетъ враждебно относящагося къ нему духа безвреднымъ [5]). Слѣдовательно, въ тѣхъ случаяхъ, ког-

---

1) Frazer: The golden Bough, II, стр. 119.

2) ibid стр. 122.

3) Русскіе Лопари, стр. 180.

4) Dodges: Our wild Indians, стр. 180.

5) Robinsohn. Die Psychologie d. Naturvölker, стр. 95.

да дикарь стремится дать возможность духу воскреснуть или появиться не въ изувѣченномъ видѣ въ загробномъ мірѣ, онъ всегда заботится о сохраненіи костей и вообще останковъ умершаго.

Вполнѣ естественно, что такое заботливое отношеніе проявляется къ полезнымъ животнымъ, какъ, напр., у населенія Америки къ рыбамъ; но тамъ, гдѣ оно направлено къ звѣрю опасному и вредному, внушающему только страхъ, оно не можетъ имѣть другого основанія, кромѣ вѣрованія, что убитый звѣрь является инкарнаціей духа-покровителя.

Фрэзеръ[1]) указываетъ, что и медвѣдь, какъ крупная дичь, дающій въ изобиліи пищу населенію, снабжающій охотника шкурой, долженъ считаться полезнымъ.

У айновъ, на которыхъ онъ ссылается, это дѣйствительно такъ, но у остяковъ и вогуловъ мы видимъ другое отношеніе. Мясо медвѣдя дѣйствительно съѣдается, но шкура его обыкновенно, до послѣдняго времени по крайней мѣрѣ, не шла въ пользованіе убившихъ: она жертвуется богамъ. Дѣйствительно, въ настоящее время случаи продажи шкуры встрѣчаются изрѣдка, въ особенности у болѣе обрусѣлыхъ прииртышскихъ остяковъ, что объясняется фактомъ упадка культа [2]). Доказательствомъ, что въ болѣе отдаленное время убивавшій не пользовался шкурой, служитъ, кромѣ частыхъ случаевъ принесенія, въ болѣе глухихъ мѣстахъ, шкуры въ даръ богамъ, и до настоящаго времени еще то уваженіе вообще къ медвѣжьей шкурѣ, которое застали у остяковъ прежніе изслѣдователи. Такъ Бѣлявскій [3]), напр., сообщаетъ о суевѣрномъ уваженіи, которымъ окружали остяки между Березовымъ и Обдорскомъ бывшую на немъ медвѣжью шкуру. „Остяки, пишетъ онъ, никогда не допускали меня положить ее на мѣсто, но держали въ рукахъ нараспашку до тѣхъ поръ, пока я опять надѣвалъ ее... Я... не безъ удивленія наблюдалъ, съ какимъ благоговѣйнымъ вниманіемъ разсматривали они смертную оболочку своего божества, и, похаживая около моей шубы, нашептывали вѣроятно молитвы.

Только когти и клыки убитаго медвѣдя вырываются и сохра-

[1]) Frazer. The golden Bough II, стр. 132.
[2]) Н. Л. Гондатти l. c. стр. 77; Patkanow, t. c. стр. 130.
[3]) Поѣздка къ Ледовитому морю. 1833 г. стр. 92.

няются въ качествѣ предметовъ, имѣющихъ религіозное значеніе. Такимъ образомъ медвѣдя едва ли возможно причислить къ числу животныхъ, полезныхъ остякамъ и вогуламъ. Если къ этому прибавить, что устройство празднества стóитъ всегда большихъ расходовъ, что когда не достаетъ припасовъ у лица, устраивающаго праздникъ, сосѣди спѣшатъ ему на помощь и приносятъ припасы, не требуя впослѣдствіи отдачи, далѣе, что мотивомъ современныхъ остяковъ при продажѣ шкуры является желаніе возмѣстить расходы [1],—едва ли возможно говорить, что охота на медвѣдя оказывается виднымъ источникомъ для существованія остяка или вогула. Пищей остякъ и вогулъ сравнительно обезпеченъ, а прежде до уменьшенія дичи, замѣчаемаго въ настоящее время, очевидно, былъ обезпеченъ въ большей степени: слѣдовательно, голодъ едва ли можетъ считаться импульсомъ къ охотѣ на медвѣдя; шкурой инородецъ не пользуется, празднество вовлекаетъ его въ расходы, и весь результатъ охотничьяго подвига сводится къ полученію клыковъ и когтей. Если же мы предположимъ, что остякъ убивалъ медвѣдя, какъ опаснаго сосѣда, намъ останется непонятнымъ священное значеніе, придаваемое медвѣдю, и тѣ мѣры, которыя принимаются для обезпеченія инкарнаціи медвѣдя или сохраненія его духа путемъ сохраненія костей: „при сдираніи шкуры, при варкѣ мяса—кости никогда не раздробляются, а всегда разъединяются по суставамъ“, замѣчаетъ Н. Л. Гондатти. Подобное же отношеніе къ костямъ убитаго медвѣдя мы встрѣчаемъ и у другой финской народности—лопарей: въ прежнее время, когда культъ медвѣдя у нихъ былъ еще въ силѣ, кости не переламывались, какъ это обыкновенно дѣлалось съ костями другихъ животныхъ для высасыванія мозга, и тщательно собирались и затѣмъ закапывались [2]). Доказательствомъ, что въ основѣ обычая остяковъ и вогуловъ сохранять въ цѣлости кости медвѣдя лежало, какъ и у прочихъ народностей, у которыхъ мы встрѣчаемъ аналогичные обряды, желаніе сохранить духъ медвѣдя, служитъ слѣдующее обстоятельство: въ тѣхъ случаяхъ, когда медвѣдь оказывается врагомъ населенія, вогулъ мститъ звѣрю, убиваетъ его и не только не оказываетъ ему зна-

[1]) Patkanow: Die Irtysch-Ostjaken, стр. 130. Н. Л. Гондатти: Культъ медвѣдя, стр. 75.

[2]) Русскіе Лопари, стр. 201.

ковъ уваженія, но даже старается окончательно уничтожить его, т. е. вмѣстѣ съ тѣломъ убить его духъ. „Если при охотѣ медвѣдь задеретъ кого нибудь изъ охотниковъ, то братъ или вообще близкій родственникъ убитаго долженъ обязательно найти этого медвѣдя и или убить его или погибнуть“ [1]).

Остякъ и вогулъ переносятъ такимъ образомъ институтъ кровной мести на звѣря. Если родственнику удастся отомстить виновному медвѣдю, „тѣло медвѣдя вмѣстѣ со шкурой и костями сжигаютъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ зарѣзалъ человѣка, и послѣ этого такой охотникъ можетъ, въ случаѣ еще удачной охоты, уже не соблюдать никакихъ обрядовъ и даже можетъ разрубить кости медвѣдя“. Въ обычаѣ примѣнять кровную месть въ отношеніи къ животнымъ остяки и вогулы не стоятъ изолированно: совершенно аналогичное отношеніе встрѣчается, напр., у населенія Мадагаскара, которое никогда не убиваетъ крокодиловъ, за исключеніемъ когда кто-нибудь изъ жителей будетъ умерщвленъ крокодиломъ; въ этихъ случаяхъ къ послѣднимъ примѣняется lex talionis, какъ и у нашихъ инородцевъ къ медвѣдю. Населеніе, живущее около оз. Итази на Мадагаскарѣ, ежегодно даже обращается къ крокодиламъ съ заявленіемъ, что оно будетъ убивать столько крокодиловъ, сколько эти погубятъ людей; при этомъ предупреждаютъ расположенныхъ благопріятно къ людямъ крокодиловъ, чтобы они держались въ сторонѣ, такъ какъ люди находятся въ ссорѣ не съ ними, а лишь съ тѣми, которые причиняютъ вредъ кому нибудь изъ ихъ близкихъ [2]).

Въ заговорѣ при отпускѣ скота, помѣщенномъ въ Калевалѣ, особенное вниманіе обращается на медвѣдя: съ нимъ заключается договоръ.

„Отсо (широколобый, эпитетъ медвѣдя), яблочко лѣсное,

Ты медовую гнешь лапу!
Мы съ тобою сговоримся,
Заключимъ мы миръ съ тобою
На все время нашей жизни,
На тѣ дни, что проживемъ мы.

---

[1]) Н. Л. Гондатти: Культъ медвѣдя, стр. 78.

[2]) Frazer: The golden Bough. II, стр. 109-110; ср. Леббокъ: Начало цивилизаціи, стр. 193.

Медвѣдь не долженъ нападать на скотъ лѣтомъ; онъ долженъ держаться въ сторонѣ отъ стада. Медвѣдю предлагается, если онъ захочетъ битвы съ человѣкомъ, отложить послѣднюю до зимы. Его предупреждаютъ, что если онъ не исполнитъ уговора, на него нападутъ и убьютъ [1]).

Сжигая кости виновнаго въ смерти человѣка медвѣдя, инородецъ уничтожаетъ послѣдняго окончательно: онъ умерщвляетъ его духъ. И въ этомъ отношеніи мы видимъ у остяковъ и вогуловъ лишь примѣненіе широко распространеннаго возрѣнія у многихъ некультурныхъ народовъ, что душа не является безсмертной: она можетъ быть убита, если окончательно уничтожить тѣло.

Мысль дикаря настолько связываетъ духъ съ тѣломъ, что заставляетъ придумывать рядъ средствъ, между прочимъ и для того, чтобы оградить живущихъ отъ посѣщенія ихъ душами умершихъ. Утаптыванье могильной земли, положеніе камней на могилу, связыванье, иногда изувѣчиванье покойника и т. п. [2]) многочисленные пріемы, въ столь большомъ количествѣ отмѣченные у некультурныхъ народовъ въ разныхъ частяхъ земного шара, наглядно свидѣтельствуютъ, что нерѣдко культу мертвыхъ предшествовала эпоха, когда дикарь спѣшилъ въ отношеніи къ умершему принять рядъ мѣръ, чтобы помѣшать его духу покидать могилу и тревожить живыхъ. Къ числу такихъ мѣръ относятся, какъ извѣстно, и бросаніе покойника на съѣденіе звѣрямъ, сожженіе и т. п. въ ихъ первоначальномъ значеніи, когда развитіе этическихъ и религіозныхъ началъ еще не вынудило дикаря пріискать благочестивые мотивы для объясненія этихъ и другихъ подобныхъ похоронныхъ обрядовъ. Негритянки въ Матамбѣ бросали трупы своихъ му-

---

[1]) Если-жъ ты сюда вернешься,
Подойдешь ты къ этимъ рощамъ,
На тебя мы устремимся.
Много женщинъ есть искусныхъ,
Да при домѣ есть хозяйка,
Что тебѣ пути испортитъ,
Дастъ несчастье на дорогѣ,
Чтобы ты вреда не дѣлалъ,
Не принесъ стадамъ погибель"...

(Калевала, р. 32. Пер. Бѣльскаго, стр. 413—416).

[2]) Spencer: Principes, II, стр. 217, Robinsohn: Psnchologie, стр. 44, 95.

жей въ море, чтобы утопить вмѣстѣ съ тѣлами и души покойниковъ. Населеніе Чили сжигало своихъ шамановъ-колдуновъ со всѣмъ ихъ имуществомъ, чтобы не оставалось ничего послѣ покойника, что могло бы принести несчастіе и т. д.[1]). Пріемы уничтоженія душъ покойниковъ, которые по смерти внушаютъ страхъ, сохраняются черезъ тысячелѣтіе культуры въ обычаѣ хотя бы сожигать колдуновъ: нѣтъ ничего удивительнаго, что мстящій за смерть родственника остякъ не ограничивается убійствомъ медвѣдя, но, опасаясь преслѣдованія со стороны его духа, стремится, хотя бы и безсознательно, уничтожить послѣдняго, прибѣгая для этого къ старому, сохранившемуся отъ далекой старины, пріему уничтожать огнемъ тѣло, чтобы этимъ уничтожить и духъ могущаго быть враждебнымъ по смерти существа.

Инородцы западной Сибири такимъ образомъ знаютъ средство оградить себя отъ мести со стороны духа убитаго медвѣдя: они примѣняютъ его всякій разъ, когда желаютъ отомстить звѣрю за смерть близкаго. Если они не пользуются этимъ же средствомъ въ отношеніи къ другимъ убиваемымъ имъ медвѣдямъ, если они предпочитаютъ умилостивлять духъ медвѣдя жертвоприношеніями и дорого стоющими празднествами, обезпечиваютъ имъ возможность спокойнаго существованія въ качествѣ духа, то происходитъ это оттого, что они дорожатъ медвѣдемъ и не желаютъ его окончательнаго уничтоженія. Такъ какъ утилитарныя соображенія, заставляющія дикарей прибѣгать къ аналогичнымъ пріемамъ въ отношеніи къ представителямъ фауны, охота на которыхъ играетъ видную роль въ экономическомъ бытѣ населенія, не имѣютъ мѣста въ отношеніи охоты на медвѣдя у остяковъ и вогуловъ, остается признать, что медвѣдь являлся въ первобытныхъ представленіяхъ не опаснымъ животнымъ, а скорѣе наоборотъ покровителемъ населенія, вслѣдствіе чего послѣднее и было озабочено, въ случаѣ необходимости убивать медвѣдя, чествовать его и гарантировать его духу, посредствомъ сохраненія его костей, спокойную жизнь въ загробномъ мірѣ. Приведенныя соображенія заставляютъ сомнѣваться, что источникомъ культа медвѣдя у остяковъ и вогуловъ было чувство страха, внушаемое наиболѣе крупнымъ представителемъ мѣстной фауны: если-бъ это было такъ, мы могли бы

[1]) Robinsohn: Psychologie, стр. 43—44.

объяснить еще обоготвореніе медвѣдя, нѣкоторыя черты культа, извиненія за совершенное убійство, но едва ли подыскали бы объясненіе, почему инородцы западной Сибири, имѣя въ рукахъ считаемое ими дѣйствительнымъ средство избавиться отъ мести духа убитаго звѣря, не только не пользуются имъ, но наоборотъ съ такой заботливостью сохраняютъ кости медвѣдя, позволяя его духу или воплотиться вновь или неповрежденнымъ прійти въ царство тѣней. Но если поклоненіе медвѣдю у вогуловъ и остяковъ повидимому не имѣетъ своимъ источникомъ чувство страха, если оно слѣдовательно должно быть отнесено къ той категоріи проявленія зоолатріи, которая имѣетъ своимъ источникомъ тотемизмъ, вѣру, что почитаемое животное оказывается и покровителемъ группы, то спрашивается, можетъ ли подобное предположеніе найти себѣ подтвержденіе въ характерѣ представленій инородцевъ о медвѣдѣ, какъ сверхъестественномъ, божественномъ существѣ?

Н. Харузинъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ОЧЕРКИ БЫТА ЮЖНО-РУССКИХЪ БОЛГАРЪ.

I. Родинные и свадебные обычаи.

Вмѣсто вступленія.

Вся южная, восточная и сѣверо-восточная часть Бердянскаго уѣзда Таврической губерніи усѣяна болгарскими селеніями, обыкновенно хорошо обставленными, съ большими каменными домами, сараями, конюшнями и т. п. Во всемъ виденъ достатокъ и обезпеченность. Конечно, среди этихъ селеній есть также и селенія, не отличающіяся особенною обстановкою; но такихъ очень мало и во всякомъ случаѣ и въ этихъ сравнительно бѣдныхъ поселкахъ нѣтъ той забитости и приниженности, которыя обыкновенно являются неразрывными спутниками матеріальной необезпеченности. Эти болгарскія поселенія сложились въ Бердянскомъ уѣздѣ въ 61 и 62 годахъ, когда болгары въ числѣ 60 тысячъ душъ обоего пола переселились сюда изъ Бессарабской губ., получивъ по 50 десятинъ цѣльной казенной земли на номеръ. Переселеніе было сопряжено для народа съ большими трудностями и лишеніями.

Новая мѣстность, богато одаренная природою, недружелюбно встрѣтила своихъ будущихъ питомцевъ, которые должны были поселиться на первое время въ полуразрушенныхъ татарскихъ аулахъ и начать снова обзаводиться хозяйствомъ.

Эта работа многимъ показалась тяжелою да и не интересною, тѣмъ болѣе, что въ Бессарабіи у нихъ остались хотя и не особенно хорошія, но уже устроенныя хозяйства. Ничего другого не оставалось, какъ возвратиться къ старымъ пенатамъ въ Бессарабію, что нѣкоторые изъ крестьянъ и сдѣлали. Но, къ сожалѣнію, мать-родина оказалась на этотъ разъ для нихъ злою мачехой. Если въ Таврической губерніи родственники переселен-

цевъ, ушедшихъ обратно въ Бессарабію, могли на время расположиться въ татарскихъ аулахъ, покинутыхъ своими прежними обитателями, то возвратившіеся въ Бессарабію принуждены были довольствоваться только открытымъ небомъ да широкимъ степнымъ просторомъ, потому что старыя жилища представляли теперь изъ себя груду развалинъ. Оставаться въ такомъ положеніи долѣе, вдали отъ своего стада, не было никакой возможности, и вотъ начинается обратное движеніе переселенцевъ въ Таврическую губернію къ своимъ родичамъ, которые къ этому времени уже успѣли немного обставиться, поустроиться, такъ что вновь прибывшіе переселенцы изъ Бессарабіи, какъ лица, заявившія протестъ противъ переселенія, остались теперь въ сторонѣ отъ своихъ обществъ, а дѣти ихъ и по настоящее время влачатъ жалкое существованіе въ роли приживальщиковъ то у того, то у другого изъ зажиточныхъ крестьянъ.

Вотъ въ общихъ чертахъ исторія заселенія Бердянскаго уѣзда болгарскими колонистами. Занимаясь изученіемъ русской народно-устной поэзіи и въ то же время присматриваясь къ быту болгаръ, въ средѣ которыхъ мнѣ приходилось бывать каждыя лѣтнія каникулы, я не могъ не замѣтить того богатства поэзіи, которою дышетъ каждый шагъ духовной жизни этого народа. При всей своей внѣшней непривлекательности, при недовѣрчивомъ отношеніи ко всѣмъ проявленіямъ культурнаго прогресса и часто даже враждебномъ отношеніи къ просвѣщенію, народъ этотъ привлекателенъ поэтической простотою своей духовной жизни. Недовѣрчивое, къ сожалѣнію, отношеніе народа къ просвѣщенію, а потому и сравнительно низкая ступень его развитія глубокими слѣдами отразилась на всей жизни болгарина, сумѣвшаго сохранить въ своихъ обычаяхъ и пѣсняхъ такія черты общеславянскаго быта, какія уже давно утрачены другими вѣтвями этого громаднаго дерева славянской народности.

Въ обычаяхъ болгаръ, какъ и вообще въ обычаяхъ всякаго простого народа, большую роль играетъ суевѣріе. Смѣло можно сказать, что половина обычаевъ болгарина выросла на почвѣ суевѣрія, другая же половина этихъ обычаевъ отчасти выросла на почвѣ чисто исторической, отчасти явилась результатомъ требованій климата и мѣста.

Первоначально-массовая привычка, обычай постепенно принялъ

въ глазахъ народа характеръ закона; народъ возвелъ привычку на степень закона, исполненіе котораго составляетъ нравственную обязанность человѣка и необходимое требованіе его общественной жизни.

„Кво жъ излѣзи утъ ўнувá кýту сѣкій зѣми да прáви тъй кáкъ ту штé“ [1]), говоритъ болгаринъ, и нравственный упадокъ, замѣчаемый въ послѣднее время въ своей средѣ, объясняетъ ничѣмъ другимъ, какъ именно несоблюденіемъ извѣстныхъ обычаевъ.

Мнѣ хотѣлось бы прослѣдить, по возможности не упустивъ никакой подробности, всю жизнь болгарина, начиная со дня его рожденія и кончая смертью. Насколько успѣю въ выполненіи своей цѣли—укажетъ дальнѣйшее, сейчасъ же я пока ограничусь родинными и свадебными обычаями.

Въ заключеніе своего „вмѣсто вступленія“ я позволю себѣ выразить искреннюю благодарность гг. народнымъ учителямъ Аѳанасію Васильевичу Варбанскому и Василію Ивановичу Гогунскому за то содѣйствіе, которое они оказали мнѣ при собираніи матеріала.

А. Родинные обычаи.

Такое важное явленіе въ жизни семьи, какъ появленіе на свѣтъ новаго человѣка, сопровождается у болгаръ очень многими обычаями.

Уже задолго до рожденія ребенка, съ нетерпѣніемъ ожидаемаго матерью, въ домѣ идутъ дѣятельныя приготовленія къ принятію его въ лоно семьи. Появленіе на свѣтъ ребенка сопровождается особымъ пиромъ, называемымъ „малка пита“ [2]).

Одна изъ молодыхъ хозяекъ дома, гдѣ родился ребенокъ, спѣшитъ наскоро испечь прѣсный хлѣбъ, называемый „пита“, и сварить какую нибудь незатѣйливую ѣду. Когда кушанье готово, она же или другая въ этомъ возрастѣ женщина, взявъ въ руку небольшую палочку—символъ рожденія мальчика, или камышинку—символъ рожденія дѣвочки, отправляется созывать самыхъ близкихъ родныхъ родильницы—только женщинъ—навѣстить ро-

[1]) Т. е.: „что выйдетъ изъ того, если каждый станетъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію?“ Въ правописаніи сохранены оттѣнки мѣстнаго говора. (ъ курсив.=юсъ).

[2]) Небольшая. предварительная „пита“.

дильницу и посмотрѣть на новорожденнаго. Обыкновенно на это угощеніе собирается не больше 6 или 7 женщинъ. Время проводится въ ѣдѣ, питьѣ и разговорѣ о совершившемся событіи. Мать родильницы приноситъ ей угощеніе и какой нибудь подарокъ новорожденному: одѣяло, кусокъ матеріи или что-нибудь въ этомъ родѣ. Подарки эти вѣшаются надъ колыбелью новорожденнаго, чтобы ихъ могли видѣть всѣ присутствующіе. Родственницы дарятъ новорожденному пятаки со словами: „да си ку́пи кърпа“, [1]) если новорожденный—дѣвочка, или: „да си купи сви́рка“, [2]) если новорожденный—мальчикъ. На этомъ угощеніи, какъ уже было указано и выше, имѣютъ право присутствовать только женщины, а если туда случайно попадетъ мужчина, то женщины всячески стараются удалить его, пуская въ ходъ колкія остроты, насмѣшки и т. п. Это предварительное, такъ сказать, угощеніе продолжается очень не долго. Гости расходятся по домамъ и скоро разносятъ всѣмъ роднымъ и знакомымъ извѣстіе о роди́нахъ у такой-то особы, и уже на другой день или на третій, смотря по состоянію здоровья родильницы, затѣвается такъ называемая „гуляма пита“, [3]) т. е. пиръ на весь міръ, на который приглашаются уже всѣ родственницы (опять только женщины). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ иногда устраивается еще третій разъ угощеніе, называемое „пону́да“, но эта „пону́да“ устраивается не всегда и не вездѣ. Новорожденный же въ это время находится подъ наблюденіемъ повивальной бабки, которая въ домѣ новорожденнаго дѣлается теперь полной хозяйкой, и всѣ относятся къ ней, какъ къ хозяйкѣ, съ особымъ почтеніемъ; слово ея свято, и прекословить ей не имѣетъ права никто. Не мало бѣдъ творятъ эти бабки въ домѣ родильницы, но эти бѣды проходятъ имъ безнаказанно. Больше всего безобразій творятъ онѣ надъ родильницей и новорожденнымъ младенцемъ. Если родильница послѣ родовъ бываетъ больна, то бабка съ своими шептаніями и заговорами является въ домѣ врачемъ, попеченіямъ котораго ввѣряется больная. Въ продолженіе нѣскольких первыхъ дней эта же самая бабка купаетъ новорожденнаго, причемъ

---

1) Т. е. пусть купитъ себѣ платокъ.

2) Пусть купитъ себѣ дудку.

3) Большая „пита“.

купанья свои сопровождаетъ всевозможнаго рода манипуляціями надъ ребенкомъ, обращаясь съ нимъ очень часто совсѣмъ неделикатно. Напримѣръ, при первомъ купаніи она съ какимъ-то многозначительнымъ, конечно, для нея и тѣмъ болѣе для простого народа, причмокиваніемъ ломаетъ младенцу руки, и затѣмъ запускаетъ ему въ ротъ палецъ и, упирая имъ въ нёбо рта ребенка, встряхиваетъ его нѣсколько разъ и такимъ образомъ вынимаетъ изъ ванны. На слѣдующій день передъ вечеромъ та же бабка, искупавъ младенца, основательно посыпаетъ его солью особенно на изгибахъ суставовъ, считая это необходимымъ для предотвращенія въ будущемъ потѣнія тѣла. [1]) На третій день послѣ рожденія ребенка, вечеромъ съ заходомъ солнца всѣ въ домѣ стараются поужинать какъ можно скорѣе. Новорожденнаго поверхъ пеленокъ одѣваютъ въ отцовскую новую рубаху, у изголовья кладутъ цѣлый хлѣбъ съ кускомъ соли и серебряною монетою, зажигаютъ тусклый огонекъ и всѣ въ семьѣ въ этотъ вечеръ остаются бодрствовать какъ можно долѣе, до полуночи, въ ожиданіи посѣщенія новорожденнаго какими-то невидимыми духами, именуемыми въ народѣ, „урисницы", которые по повѣрію народа въ этотъ вечеръ назначаютъ судьбу новорожденному. „Урисницы" эти говорятъ вслухъ, и ихъ будто бы можно слышать, а въ виду этого всѣ въ домѣ въ этотъ третій день хранятъ глубочайшее молчаніе. Только уже послѣ всего вышеизложеннаго родители новорожденнаго начинаютъ подумывать о крещеніи ребенка. Но если ребенокъ рождается слабымъ, то обрядъ крещенія совершается надъ нимъ прежде всего, а затѣмъ уже все вышеизложенное. Во всякомъ случаѣ крестить ребенка

[1]) Нѣкоторые, напр. г. Водовозова въ своемъ сочиненіи „Жизнь европейскихъ народовъ", указывая этотъ обычай, говорятъ, что совершается онъ съ тою цѣлью, чтобы съ самаго дѣтства пріучить человѣка переносить въ будущемъ всевозможнаго рода невзгоды. Не будетъ ли болѣе раціональнымъ объяснять этотъ обычай результатомъ гигіеническихъ требованій? Въ жаркомъ климатѣ при недостаткѣ воды, напр., во время полевыхъ работъ въ степи, соль могла играть роль средства, предотвращающаго всякаго рода разложенія. Вызванный первоначально необходимостью прибѣгать къ посредству соли, народъ впослѣдствіи свыкся съ этою необходимостью, возвелъ ее на степень обычая, и въ настоящее время обычай этотъ живетъ въ народѣ къ большому неудовольствію двухдневныхъ малютокъ, традиціонно переходя изъ рода въ родъ.

въ болгарской семьѣ очень торопятся, потому что по народному повѣрью оставаться новорожденному ребенку некрещеннымъ одному, безъ присутствія съ нимъ кого-бы то ни было, нельзя, да къ тому же и мать въ крестьянской семьѣ не можетъ долго оставаться безъ дѣла, и очень часто, не успѣвъ оправиться отъ родовъ, она принуждена бываетъ подыматься съ постели на работу. Если мать отлучается на время отъ новорожденнаго, то около него она оставляетъ ножницы, или метлу. Отецъ новорожденнаго долженъ позаботиться о приглашеніи ко дню крещенія кума [1]), который, нужно сказать, передается въ болгарской семьѣ изъ рода въ родъ, т. е., если, положимъ, онъ воспринимаетъ дѣтей у меня, то онъ же воспринимаетъ ихъ и у моихъ дѣтей, а затѣмъ и у моихъ внуковъ и т. д. Отецъ является къ куму не иначе, какъ съ какою либо выпивкой и угощеніемъ, состоящимъ изъ орѣховъ и изюма, что называется „мизе́“, и извѣщаетъ кума о цѣли своего посѣщенія; это дѣлается обыкновенно за нѣсколько дней до крещенія, потому что и кумъ съ своей стороны долженъ приготовиться къ этимъ крестинамъ; а приготовленія его состоятъ въ слѣдующемъ: онъ покупаетъ для новорожденнаго одѣяло, при чемъ здѣсь соблюдается нѣкоторый, такъ сказать, рангъ, т. е., если воспринимаемый ребенокъ является первымъ въ практикѣ кума, то онъ преподноситъ ему одѣяло подороже, а если воспринимаемый ребенокъ является уже не первымъ, то тогда преподносится одѣяло попроще; кромѣ одѣяла кумъ припасаетъ нѣсколько аршинъ полотна для пеленокъ и все это приноситъ съ собою въ церковь, куда онъ является въ назначенный день вмѣстѣ съ кумой, которую обыкновенно самъ же выбираетъ изъ своей семьи. Послѣ обряда крещенія кумъ и кума въ сопровожденіи повивальной бабки съ ребенкомъ возвращаются къ его родителямъ; при этомъ мать новокрещеннаго ребенка встрѣчаетъ кума у первыхъ дверей дома, и если новорожденный—мальчикъ, то его передаетъ матери кума́, а если дѣвочка, то передаетъ его кумъ, произнося всякій разъ при этомъ трижды: „ты мнѣ дала его евреемъ, я возвращаю его тебѣ христіаниномъ“ („Да́ди ми гу еврей́че, на́ ти гу ристе́нче, т. е. христіа́нче“). Въ домѣ въ это время зажигаются свѣчи, которыя принесли съ со-

[1]) Т. е. крестнаго отца.

бою изъ церкви кумъ и кума, а мать, принявъ ребенка, и передавъ его кому-либо изъ домашнихъ, сливаетъ на руки куму и кумѣ и предлагаетъ имъ подарки и небольшое угощеніе, послѣ чего отецъ новорожденнаго отвозитъ ихъ домой. Но немного отдохнувъ, кумъ и кума снова отправляются къ родителямъ новокрещеннаго, гдѣ ихъ уже ожидаютъ всѣ приглашенные родственники новорожденнаго. Куму и кумѣ предназначается, конечно, первое мѣсто за столомъ; при этомъ они опять получаютъ подарки: кумъ обыкновенно рубаху, а кума—платокъ, и въ свою очередь дарятъ какіе-либо подарки матери.

Б. Свадебные обычаи.

„Уро“, „сборы“ и „сѣдянки“.

Пѣсня—единственный выразитель горя и радости русскаго народа, входитъ также и въ сферу духовной жизни болгарина. И радость, и горе, и трудъ, и веселье—все сопровождается у болгарина пѣніемъ. Но относительно пѣнія болгаръ нужно сказать, что носителями пѣсенной поэзіи являются у нихъ исключительно женщины; голоса мужчины почти не слышно, потому что его пѣніе напоминаетъ скорѣе какое-то бурчаніе подъ носъ, а не пѣсню, ту пѣсяю, какую можно услышать въ русскомъ народѣ, пѣсню, то какъ бы рвущуюся на волю изъ груди народа, то занывающую гдѣ-то въ глубинѣ души его. Впрочемъ и мужчина болгаринъ имѣетъ иногда случай разойтись, такъ сказать, въ пѣсняхъ и показать слушателямъ всю силу своей поэтической натуры; такой случай представляетъ ему, напримѣръ, свадьба, причемъ пѣсенный репертуаръ мужчины сравнительно съ пѣсеннымъ репертуаромъ женщины отличается гораздо большею содержательностью. Пѣсня болгарки—это заунывный, протяжный и однообразный мотивъ, чуждый сложной инструментировки, а потому и не гармоничный. Вы не найдете здѣсь ни секундъ, ни терцій; мотивъ поютъ всѣ участвующіе въ хорѣ, при отсутствіи какого бы то ни было аккомпанимента.

Въ каждый праздникъ расфранченные дѣвушки и парни выходятъ на сельскія площади и улицы, поютъ пѣсни, хохочутъ, а когда мало по малу соберется достаточное количество публики—начинаютъ водить хороводы, которые заканчиваются ве-

селымъ національнымъ танцемъ, напоминающимъ отчасти русскій казачекъ. Танцуютъ этотъ танецъ всѣ дѣвушки и парни, участвующіе въ хороводѣ, при этомъ дѣвушки держатся за пояса, а парни другъ друга за руки, не разрывая кольца хоровода. Хороводы начинаютъ водить съ ранней весны и заканчиваютъ ихъ позднею осенью. Офиціальное открытіе хороводовъ начинается такъ называемымъ „сборомъ", когда и молодежь и старики нѣсколькихъ селъ съѣзжаются къ заранѣе назначенному дню въ одно какое-нибудь село и устраиваютъ здѣсь общее „хоро", сопровождаемое національными танцами и борьбой.

Послѣ каждаго хоровода, который болгары называютъ „уро" или „джокъ", когда день уже склоняется къ вечеру, вся компанія направляется къ какому-либо колодцу, гдѣ продолжаются тѣ же шутки и хохотъ.

Послѣ окончанія полевыхъ работъ одновременно съ хороводами идутъ такъ называемыя „сѣдянки". По всѣмъ улицамъ раскладываютъ костры, вокругъ которыхъ садятся дѣвушки съ какимъ-либо рукодѣльемъ, поютъ пѣсни, разговариваютъ, шутятъ, и смѣхъ ихъ бываетъ слышенъ до глубокой ночи. Здѣсь же присутствуютъ и парни, на обязанности которыхъ лежитъ развлеченіе занимающихся дѣломъ дѣвушекъ.

Иногда на эти „сѣдянки" являются и замужнія женщины; съ появленіемъ такой, всѣ дѣвушки молча, почтительно приподымаются съ своихъ мѣстъ, предлагаютъ прибывшей мѣсто и затѣмъ по ея приглашенію садятся на свои мѣста и опять продолжаютъ свои работы и пѣсни. Съ наступленіемъ холодныхъ осеннихъ ночей „сѣдянки" переносятся со двора въ комнаты; хороводы уже прекращаются, но „сѣдянки" продолжаются до самой весны, когда снова возобновляются хороводы и гулянья на свѣжемъ воздухѣ.

Сватанье.

Много было случаевъ молодому парню присмотрѣться къ дѣвушкамъ и намѣтить себѣ подругу жизни. Мы и не замѣтили какъ онъ подъѣхалъ къ одной хорошенькой [1]) дѣвушкѣ и ужъ

---

[1]) Общій типъ болгарской дѣвушки отличается особенною симпатичностью. Къ сожалѣнію, дѣвушки-болгарки ужасно любятъ кокетство и,

давно увивается за нею на „уро" и у колодцевъ; взявъ ее за руку и отведя въ сторону, причемъ та притворно отбивается, онъ бесѣдуетъ съ ней на подходящія темы и здѣсь же, послѣ долгихъ, конечно, подобнаго рода собесѣдованій и уловокъ, проситъ ея руки, заявивъ предварительно о своемъ рѣшеніи родителямъ. Вмѣстѣ съ согласіемъ дѣвушка даетъ молодому человѣку въ залогъ что-либо изъ своихъ вещей для фактическаго доказательства и подтвержденія согласія своего на бракъ съ этимъ молодымъ человѣкомъ, согласія, которое, какъ мы увидимъ ниже, играетъ очень важную роль въ дѣлѣ сватанья. Здѣсь же молодой человѣкъ условливается съ дѣвушкой, когда ему можно будетъ отправить къ ея родителямъ сватовъ или свахъ. Эти „сватове" или „сваи" „заходятъ" въ субботу или въ праздникъ. Если сваты вполнѣ разсчитываютъ на выигрышъ дѣла, то приносятъ вмѣстѣ съ собою полотенце, васильки, зерна пшеницы и деньги; все это вмѣстѣ называется „лишанъ", что значитъ— знакъ, залогъ, и есть не что иное, какъ извѣстнаго рода переживаніе въ народѣ, остатокъ той глубокой старины, когда не невѣста приносила съ собою приданое, а его долженъ былъ заплатить родителямъ невѣсты женихъ.

„Пи́тати ли за гóсти?" спрашиваютъ сваты;—„пи́тами, пи́тами", „добре́ душли́," или же „не пи́тами"—отвѣчаютъ родители невѣсты; по оказанному пріему сваты заключаютъ, съ какой энергіей имъ дѣйствовать дальше. Начинаются переговоры, угощенія; здѣсь же условливаются и о приданомъ. Нужно замѣтить, что приданое у болгаръ вовсе не связано съ понятіемъ невѣсты; очень часто даетъ женихъ. Въ первомъ случаѣ такое приданое называется „прида́ніе", а во второмъ „бабаа́къ". Переговоры ведутся безъ жениха и невѣсты.

Женихъ съ замираніемъ сердца подслушиваетъ у окна, а невѣста находится въ это время въ другой комнатѣ, и только послѣ окончанія переговоровъ на предложеніе родителей невѣсты

простой народъ, не отличающійся особенною культурностью, почти всѣ, по крайней мѣрѣ 99% ихъ, для большей очаровательности прибѣгаютъ къ посредству всевозможнаго рода косметическихъ снадобьевъ, которыя, какъ ядовитыя вещества, просто губятъ красоту дѣвушки; къ этому присоединяется еще вообще недолговѣчность свѣжести южной женщины, такъ что 30-ти лѣтъ она выглядываетъ уже совершенной старухой.

опросить её: „какъ ту рѣче мума?“ т. е., какъ скажетъ дѣвушка,—мать или сестра выводятъ ее изъ сосѣдней комнаты. Иногда къ этому времени приглашаютъ со двора и жениха, но его присутствіе всегда бываетъ излишнимъ. Не смѣя поднять головы, является невѣста въ комнату и на вопросъ сватовъ: „искашъ ли гу?“, т. е. желаешь ли его, отвѣчаетъ: „жа гу зѣма“ или же „нѣшта гу“, т. е. возьму его или нѣтъ. При всей своей зависимости, доходящей до того, что мужчина считаетъ для себя низкимъ подать руку женщинѣ, или женщина не имѣетъ права перейти дорогу мужчинѣ, въ нѣкоторыхъ вопросахъ жизни женщина у болгаръ становится на высоту своего положенія какъ человѣка, женщины и хозяйки дома; ея мнѣніе и голосъ тогда имѣютъ рѣшающее значеніе. То же бываетъ и въ данномъ случаѣ: отъ рѣшенія невѣсты зависитъ—состояться или нѣтъ свадьбѣ.

Если невѣста изъявила свое согласіе, то она подходитъ къ „лишáну“, который въ это время уже лежитъ сверхъ хлѣба, поднесеннаго домашними, и беретъ хлѣбъ вмѣстѣ съ „лишáномъ“. Съ этого момента молодые люди становятся женихомъ и невѣстой. Послѣ этого идутъ поздравленія сватовъ и родителей. — „Да ти é чести́та“—съ такимъ пожеланіемъ поздравляютъ жениха, и „да ти é чести́тъ“—невѣсту. Основательной попойкой заканчиваются труды сватовъ у родителей невѣсты. Получивъ отъ невѣсты въ подарокъ по полотенцу и перевязавъ ихъ черезъ плечо, размахивая платками по воздуху и привязавъ такіе же къ уздечкамъ лошадей, съ криками „и-ху-ху“ и „э-ге-ге-па“ и выстрѣлами выѣзжаютъ сваты со двора невѣсты и ѣдутъ къ родителямъ жениха.

Не успѣли еще сваты явиться въ домъ родителей жениха, а ужъ родители жениха узнали о результатѣ переговоровъ и заключеніи торговой сдѣлки. Эту радостную вѣсть принесла имъ цѣлая ватага дѣтей и молодыхъ парней, которые подслушивали у оконъ невѣсты и, какъ только узнали результаты переговоровъ, сейчасъ же вперегонку пустились въ домъ родителей жениха, вперегонку—потому, что первые изъ принесшихъ эту вѣсть получатъ хорошіе подарки. Но вотъ подоспѣли и сваты. Родители жениха еще на порогѣ дома встрѣтили ихъ, ввели въ комнату, и тутъ пошли опять поздравленія и попойка. Мать жениха

при этомъ дарить сватовъ полотенцами. Этимъ и заканчивается обрядъ сватанья, называемаго въ болгарскомъ языкѣ—„годяваніе".

Послѣ этого о женихѣ и невѣстѣ говорятъ, что они уже „гудѣхуса", т. е. что они уже помолвлены.

„Гудежъ".

Выбравъ удобное для себя время, родители жениха ѣдутъ къ родителямъ невѣсты и сговариваются, когда дѣлать имъ „гудежъ", а потомъ и свадьбу. „Гудежъ" устраивается или въ субботу ночью или же въ воскресенье утромъ. „Гудежъ"—это уже почти свадьба. Родители жениха приглашаютъ всѣхъ своихъ родственниковъ, то же самое дѣлаютъ и родители невѣсты [1]). На этотъ вечеръ приглашается музыкантъ, который у болгаръ называется „кеменджиджія" (отъ слова „кеменче́—инструментъ, похожій на скрипку), или же „цигуляринъ" (отъ слова „цигулка"—особаго рода музыкальный инструментъ). Всѣ гости собираются въ домъ невѣсты; туда же пріѣзжаетъ и женихъ. Ихъ усаживаютъ за столъ, уставленный всевозможными яствами и питіями; но къ этимъ яствамъ никто изъ нихъ не прикасается до тѣхъ поръ, пока не будутъ совершены извѣстныя церемоніи, которыя состоятъ въ слѣдующемъ: мать жениха преподноситъ невѣстѣ хорошо испеченный хлѣбъ, имѣющій плоскую форму, въ одинъ или полтора вершка вышины и приблизительно аршинъ въ діаметрѣ; вмѣстѣ съ этимъ невѣстѣ дается платье, кольца, браслетъ или что-нибудь въ этомъ родѣ, иногда червонцы, называемые у болгаръ „ле́ове" [2]). Все это вмѣстѣ съ хлѣбомъ преподноситъ невѣстѣ женихъ; невѣсту къ этому времени выводятъ изъ сосѣдней комнаты, и она въ присутствіи всѣхъ гостей принимаетъ эти подарки и съ своей стороны даритъ жениху поясъ [3]). Вслѣдъ за этимъ женихъ и невѣста переламываютъ хлѣбъ, поднесенный невѣстѣ женихомъ и называемый „пи-

---

[1]) Вообще нужно замѣтить, что лицами, приглашенными въ качествѣ гостей на свадьбу, у болгаръ являются почти исключительно родственники обѣихъ сторонъ.

[2]) Молодыя женщины и дѣвушки носятъ эти „леове", какъ украшеніе, въ видѣ бусъ, у себя на груди.

[3]) Эти пояса болгарки ткутъ сами изъ красныхъ шерстяныхъ нитокъ. Поясъ имѣетъ приблизительно полторы сажени длины и четверть аршина ширины.

тою", на части и раздаютъ ихъ гостямъ, изъ которыхъ каждый обязанъ попробовать этотъ хлѣбъ. [1])

Послѣ этого начинается музыка, гулянье и попойка. Дѣвушки устраиваютъ въ комнатѣ или во дворѣ, смотря по состоянію погоды, „джокъ" или „уро", пляшутъ, поютъ пѣсни, а музыкантъ попеременно играетъ то для гостей, то для молодежи. На другой день всѣ родственники невѣсты, за исключеніемъ родителей, отдаютъ отвѣтный визитъ жениху. Являются они къ жениху съ такою точно „питою", разламываютъ ее тамъ на части и раздаютъ родственникамъ жениха; а родители жениха дарятъ всѣмъ явившимся родственникамъ невѣсты платки. На этомъ и заканчивается такъ называемый „гудежъ", на которомъ окончательно рѣшается день вѣнчанія и устанавливается размѣръ приданаго, которое обязательно долженъ уплатить отецъ жениха отцу невѣсты, и этою второю питою уже какъ бы окончательно закрѣпляется договоръ между женихомъ и невѣстою; разрывъ еще можетъ быть, но бываетъ очень рѣдко. Съ этого момента обѣ стороны серьезно начинаютъ готовиться ко дню свадьбы: приговляютъ приданое, закупаютъ провизію, обстановку для молодыхъ и т. под.

„*Засѣвки*".

Въ четвергъ обыкновенно ко всѣмъ родственникамъ и знакомымъ отправляется такъ называемый „калéсникъ" или „калéска" [2])—молодой человѣкъ или дѣвушка, съ баклагой вина или водки, съ привязаннымъ для украшенія къ баклагѣ платкомъ, съ приглашеніями на „засѣвки" въ пятницу и на свадьбу въ воскресенье. „Калесникъ" заходитъ во дворъ и при этомъ, если онъ приходится племянникомъ родителямъ жениха, то онъ, подавая баклагу, говоритъ: „млóгу ви здрáви отъ чи́чо (дядя) и чи́на (тетка) да дой̆дете на свáтьба въ недѣ́ля". Приглашаемые принимаютъ баклагу со словами: „да си жи́въ и здрáвъ", отпиваютъ изъ нея

[1]) При разламываніи хлѣба женихомъ и невѣстой обращается вниманіе, на чьей сторонѣ окажется большая половина хлѣба. На основаніи этого, дѣлается заключеніе о томъ, кто изъ молодыхъ въ жизни будетъ играть преобладающую роль.

[2]) Связь съ греч. словомъ καλέω—зову.

содержимаго и снова возвращають её „калёснику". Послѣ этого уже вся молодежь въ селѣ оповѣщена о днѣ „засѣвокъ" и свадьбы. Засѣвки устраиваются въ пятницу у жениха. Къ засѣвкамъ приготовляются два каравая, которые называются „медениками"; при этомъ ихъ стараются подогнать такъ, чтобы они ко времени „засѣвокъ" были теплы; сверху они смазываются медомъ. Пока „меденики" пекутся, вся молодежь уже въ сборѣ, ожидая выноса „меденика". Въ комнатѣ въ это время идетъ работа: среди комнаты ставится корыто, сито и мука. Мальчикъ и дѣвочка, связанные между собою поясомъ, просѣваютъ черезъ сито муку, которую спѣшатъ замѣсить и изъ тѣста испечь калачъ, смазанный медомъ и украшенный чернымъ изюмомъ. Калачъ этотъ привязывается къ баклагѣ „деверя", который играетъ роль главнаго шафера и самаго приближеннаго лица къ жениху и невѣстѣ.

Въ это время во дворѣ идутъ танцы, у дверей комнаты начинается приготовленіе „пряпорицы" (знамени). „Деверь" становится на подушку, а женщины, родственницы жениха, съ пѣснями нанизываютъ сначала на шестъ, который держитъ въ рукѣ „деверь", яблоко, которое обматываютъ красными и бѣлыми нитками, и сверхъ нихъ въ меридіональномъ направленіи наматываютъ нити изъ зеренъ чернаго изюма и испеченной кукурузы; затѣмъ къ самому древку привязываютъ бѣлое, украшенное кружевами, полотенце, называемое „пишкирь". Вотъ одна изъ пѣсенъ, которыя поются въ это время:

„Війся, війся, пряпорица,
Че жда идемъ въ друго сéло,
Да ни видятъ другоселки
Тіи не глѣдатъ пряпорица,
Я най глѣдатъ деверчито".

Матеріалъ для „пряпорицы" держится въ ситѣ, куда деверь послѣ окончанія работы бросаетъ деньги и, упирая древко знамени себѣ въ поясъ, выходитъ во дворъ къ публикѣ и вмѣстѣ съ золовкой („зълва", которая играетъ во время свадьбы такую роль, какъ и „деверь") принимаетъ участіе въ круговой пляскѣ „джокъ". Во все дальнѣйшее продолженіе свадьбы эта „пряпорица" съ баклагою и привязанными къ ней платкомъ и калачомъ составляютъ непремѣнные аттрибуты „деверя".

Танцы во дворѣ продолжаются... Наконецъ, среди хоровода показывается давно ожидаемый „меденикъ"—это два, другъ на друга положенные, каравая, а сверхъ нихъ заблаговременно испе-

ченная медовая лепешка, васильки и чашка меда. Для выноса „меденика“ выбирается обыкновенно самый рослый и плотный мужчина. Вынося меденикъ, онъ ставитъ его среди круга, образованнаго танцующими, на такъ называемую „суфрá“— невысокій, круглый столикъ. Сдѣлавъ еще нѣсколько оборотовъ вокругъ „меденика“, танцы прекращаются, а „меденикъ“ дѣлится между всѣми присутствующими. Медовая же лепешка, васильки и медъ предназначаются для невѣсты въ качествѣ подарка отъ жениха.

„Раздачею „меденика заканчиваются „засѣвки“ у жениха, и сейчасъ же послѣ этого вся компанія вмѣстѣ съ музыкантомъ, деверемъ и золовкой отправляются отъ жениха на „засѣвки“ къ невѣстѣ и уносятъ съ собою лепешку, васильки и медъ. Женихъ въ это время почти не показывается и остается дома.

Шествіе къ невѣстѣ сопровождается музыкой и танцами. У невѣсты „засѣвки“ идутъ въ томъ же порядкѣ, какъ и у жениха, съ тою лишь разницею, что „засѣвки“ у невѣсты не сопровождаются приготовленіемъ „пряпорицы“. Если невѣста находится въ другомъ селѣ, то „засѣвки“ идутъ одновременно, отдѣльно у жениха и невѣсты.

„Кишкекъ“.

Вслѣдъ за „засѣвками“, какъ у жениха, такъ и у невѣсты идутъ приготовленія свадебнаго кушанья, называемаго „кишкекъ“. Вечеромъ молодежь обоего пола собирается къ жениху и невѣстѣ; здѣсь опять идутъ танцы, пѣніе, во время которыхъ нѣсколькимъ выбраннымъ парнямъ вручаются „кутéлъ“—большая деревянная ступа—и чересло. Вмѣстѣ съ этимъ они получаютъ моченую пшеницу, которую и толкутъ въ этихъ ступахъ до тѣхъ поръ, пока пшеничныя зерна совершенно не очистятся отъ шелухи; такая очищенная пшеница и называется „кишкекъ“.

Между молодыми людьми—участниками въ этой работѣ, идетъ бойкая конкурренція, потому что тотъ, кто скорѣе и лучше истолчетъ пшеницу, получаетъ обыкновенно въ подарокъ лучшій платокъ. Всѣ эти работы идутъ въ спеціально назначенной для этой цѣли комнатѣ подъ наблюденіемъ особой женщины, которая называется „кишкеджій́ка“; она же варитъ истолченныя зерна въ котлѣ, прибавляя туда для бóльшаго вкуса масла, а иногда просто бараньяго сала. Когда „кишкекъ“ совершенно го-

товъ, молодежь заканчиваетъ свои пляски и пѣніе и расходится по домамъ. Женихъ же и невѣста въ это время или, вѣрнѣе говоря, родители того и другого начинаютъ готовиться къ принятію гостей, которые явятся къ нимъ въ этотъ же вечеръ съ „прúносомъ".

И дѣйствительно, не успѣло солнце еще спрятаться за горизонтъ, какъ уже на дворъ къ жениху со всѣхъ сторонъ потянулись ближайшіе его родственники съ поздравленіями, неся съ собою по два каравая, какое нибудь яство въ сыромъ (гусь, курица и т. п.) или вареномъ видѣ, всевозможнаго рода лакомства и, непремѣнно, вино или водку. При входѣ въ сѣни гостей встрѣчаютъ родители жениха; приносъ за исключеніемъ напитковъ, подается хозяйкѣ дома, которая уноситъ все это въ свою кладовую, перекладываетъ въ свою посуду, посуду гостей наполняетъ только что приготовленнымъ „кишкекомъ" и возвращаетъ ее гостямъ при обратномъ уходѣ ихъ домой, гдѣ „кишкекъ" раздается всѣмъ домочадцамъ. На этомъ вечерѣ всѣ угощаютъ другъ друга и первымъ долгомъ, конечно, хозяевъ своимъ виномъ, затѣмъ усаживаются за столы, уставленные яствами, закусками и напитками; музыкантъ въ это время играетъ и поетъ, а угощеніе гостей и вообще всѣ свадебныя хлопоты возлагаются на нѣсколькихъ молодыхъ людей—родственниковъ, которые называются „изметчіи". На обязанности этихъ же „изметчіевъ" лежитъ и развлеченіе гостей; они должны быть всегда готовы по первой же просьбѣ гостей танцевать или услаждать ихъ вслухъ своимъ пѣніемъ. Гости въ этотъ вечеръ обыкновенно не засиживаются у родителей жениха.

Часъ, много два продолжается эта пирушка, и всѣ расходятся по домамъ. Въ этотъ же вечеръ къ родителямъ жениха является и кумъ, который, какъ духовный отецъ молодого человѣка, вступающаго въ бракъ, во все продолженіе свадьбы играетъ болѣе важную роль, чѣмъ сами родители жениха и невѣсты. Кумъ первый садится за столъ, ему уступаютъ почетное мѣсто, ему же предназначается первая чарка и первый кусокъ; на него обращены взоры хозяевъ и „изметчіевъ", предупреждающихъ малѣйшее его желаніе; для его же веселья предназначаются и музыка, и пѣніе, и пляска. „Вéселъ бъди кýме!"—обращается къ нему каждый разъ музыкантъ съ низкимъ поклономъ послѣ того, какъ пропоетъ или сыграетъ. О днѣ свадьбы кýма извѣщаетъ

особый „калéсникъ“ и извѣщаетъ задолго до свадьбы, потому что ему предстоятъ большія приготовленія: онъ долженъ купить посуду для новобрачныхъ (покупается обыкновенно мѣдное ведро), онъ же долженъ приготовить и закуски для свадьбы, а жена его— купить для невѣсты платье. И „приносъ“ кума отличается обыкновенно отъ „приноса“ прочихъ своимъ богатствомъ и состоитъ изъ жаренаго поросенка, индюка, множества всевозможнаго рода гостинцевъ, которые называются общимъ именемъ „мизé“, живого, годовалаго ягненка („шиле“), теленка и т. п. Если кумъ живетъ въ другомъ селѣ, то онъ является въ село жениха въ субботу пораньше и выбираетъ себѣ „кунáка“, гдѣ и останавливается. Въѣздъ кума въ село сопровождается большою торжественностью. Еще за селомъ его встрѣчаютъ деверь и „изметчіи“ съ музыкой и криками. Поздоровавшись съ кумомъ и угостивъ другъ друга виномъ, всѣ быстрой ѣздой и съ крикомъ въѣзжаютъ въ село, на дворъ къ „кунаку“. Затѣмъ кумъ отправляется къ родителямъ жениха, гдѣ его съ музыкой встрѣчаютъ у воротъ. Но кумъ долго не остается у родителей своего крестника. Онъ спѣшитъ къ себѣ „на кунакъ“, гдѣ долженъ приготовить кое что къ принятію вечеромъ гостей. Вечеромъ къ нему собираются гости, и начинается такъ называемая „кумова вечерь“, продолжающаяся вплоть до самаго утра. Отъ жениха идутъ къ куму съ угощеніями и попойкой „изметчіи“ и несутъ къ нему обязательно „печево“—печеное мясо. Вообще же все угощеніе называется „кибáбъ“. Дальнѣйшая выпивка идетъ на счетъ жениха и продолжается до тѣхъ поръ, пока куму не заблагоразсудится распустить гостей по домамъ.

Въ это время у невѣсты молодыя дѣвушки, преимущественно подростки, плетутъ изъ васильковъ вѣнки, перевязывая ихъ красными нитками. Вѣнки, предназначаемые для кума и кумы, дѣлаются немного поизящнѣе, для другихъ гостей попроще, а въ вѣнокъ, предназначаемый музыканту, который играетъ на свадьбѣ вмѣстѣ съ тѣмъ и роль шута, для комизма вплетаютъ стручки перца, головки луковицы и т. п. Кумъ въ субботу передъ вечеромъ, взявъ съ собою вина, жаренную курицу и платокъ, отправляется къ священнику съ просьбой повѣнчать молодыхъ и условливается здѣсь же съ нимъ относительно гонорара за труды. Въ это время надъ женихомъ совершается обрядъ бритья,

сопровождаемый плачемъ и причитаньями матери, причемъ бритье совершается и въ томъ случаѣ, если бы у жениха на подбородкѣ не было даже и признаковъ растительности.

Вѣнчаніе и увозъ невѣсты.

Въ воскресенье утромъ родственницы жениха—дѣвушки и молодыя невѣстки-отправляются въ домъ къ невѣстѣ и, одѣвъ ее въ подвѣнечное платье, ведутъ въ церковь, гдѣ ее уже ждетъ женихъ. Передъ вѣнчаніемъ „дѐверя“ подводятъ къ молодой, и онъ перемѣняетъ ей обувь. Во время вѣнчанія молодые стоятъ на разостланномъ спеціально для этой цѣли платкѣ. Вѣнцы держатъ крестные отецъ и мать или же кто либо изъ ихъ ближайшихъ родственниковъ; сзади кума и кумы становятся „деверь“ и золовка, держась другъ за друга. Во время вѣнчанія кума́ даритъ невѣстѣ покрывало и платье, и эти подарки невѣста въ продолженіе вѣнчанія держитъ на лѣвой рукѣ.

Обрядъ вѣнчанія оконченъ, брачныя узы скрѣплены, однако женихъ не имѣетъ еще права оставаться вмѣстѣ со своей женой, поэтому сейчасъ же послѣ выхода изъ церкви „деверь“ демонстративно разводитъ ихъ въ разныя стороны. Попрощавшись съ кумомъ [1]), женихъ и невѣста расходятся по домамъ.

„Изметчіи“ жениха, позавтракавъ наскоро дома, отправляются съ обѣдомъ къ куму, но остаются тамъ недолго и возвращаются опять къ жениху, откуда готовятся итти къ невѣстѣ. Сигналъ къ приготовленіямъ даетъ музыкантъ особою плясовою музыкой; на этотъ сигналъ выходитъ мать жениха съ подарками, помѣщенными въ ситѣ. Во дворѣ передъ дверьми стоятъ въ это время женихъ, обнаживъ голову и держа въ рукахъ баклагу съ виномъ, деверь съ „пряпорицею“ и калачемъ и золовка; здѣсь же присутствуютъ „изметчіи“ и ближайшіе родственники.

Первый подарокъ вручается золовкѣ, а затѣмъ всѣмъ присутствующимъ. Послѣ этого съ выстрѣлами всѣ выходятъ со двора и направляются къ куму. Шествіе сопровождается пѣснями и танцами, одинъ женихъ хранитъ полнѣйшее молчаніе. Кумъ уже готовъ; выстрѣлами ему даютъ знать о прибытіи процессіи, къ которой онъ и присоединяется, а женщины—„кумы“ ѣдутъ

---

[1]) При этомъ невѣста цѣлуетъ у кума руку, затѣмъ прикладываетъ къ ней свой лобъ и еще разъ цѣлуетъ ладонь руки.

на особой подводѣ; другая же подвода предназначается для припасовъ кума, съ которыми онъ отправляется къ невѣстѣ. Вся процессія группируется около кума, и у всѣхъ ея участниковъ обязательно въ рукахъ имѣется фляга съ виномъ. Кумъ идетъ, озираясь по сторонамъ, и если встрѣчаетъ на пути родственника или хорошаго знакомаго, то останавливается; вмѣстѣ съ нимъ останавливается и вся процессія, и начинается угощеніе виномъ съ пожеланіями всѣхъ благъ и благополучій.

Въ это время родители жениха обыкновенно остаются дома.

Процессія, наконецъ, послѣ неоднократныхъ остановокъ добралась до своей цѣли. У воротъ двора невѣсты эту процессію встрѣчаютъ отецъ невѣсты и всѣ ближайшіе родственники. Гостей усаживаютъ во дворѣ за столы, роль которыхъ играютъ обыкновенныя доски, положенныя на какія-либо низенькія подставки. Кумъ, конечно, за трапезой занимаетъ первое мѣсто, и опять взоры всѣхъ, какъ родителей невѣсты, такъ и родственниковъ жениха, обращены на кума для того, чтобы быть готовыми предупредить малѣйшее его желаніе и оказать ему знаки особеннаго вниманія и почтенія. Спеціально для него поются пѣсни и здѣсь же передъ трапезой устраиваются танцы, называемые „раченицы".

Послѣ нѣкотораго промежутка времени, женихъ съ деверемъ и приближенными изметчіями, которые со всею процессіею явились во дворъ невѣсты, направляется къ дверямъ ея дома, но попытки ихъ пробраться въ домъ къ невѣстѣ оканчиваются неудачею; для того чтобы получить право доступа къ невѣстѣ, они должны прежде заплатить откупъ за полотенце, пѣтуха и самую невѣсту; полотенце откупаетъ деверь и привязываетъ его здѣсь же къ „пряпорицѣ", пѣтуха откупаетъ одинъ изъ „изметчій", который по этому случаю получаетъ особый титулъ „пѣтелджія", а невѣсту откупаетъ женихъ. Роль „пѣтелджія" выполняетъ обыкновенно одинъ изъ ближайшихъ родственниковъ жениха. Пѣтухъ, котораго откупаетъ „пѣтелджій", имѣетъ у себя на шеѣ мѣшечекъ съ пшеничными зернами и ожерелье изъ чернаго изюма и печеной кукурузы. Подъ крыльями у него подвязанъ платокъ. Выкупъ пѣтуха сопровождается всевозможнаго рода остротами въ родѣ того, что пѣтухъ хорошаго завода, а потому надо ожидать отъ него и хорошаго приплода и т. под. Въ виду подобныхъ качествъ пѣтуха одна сторона набиваетъ

на него цѣну, другая не соглашается дать требуемую сумму, но дѣло, наконецъ, улаживается, „пѣтелджій“ получаетъ пѣтуха и, поднявъ его надъ головою, пляшетъ съ нимъ, причемъ пляска его сопровождается всеобщимъ хохотомъ. Нѣкоторые изъ присутствующихъ имѣютъ очень часто поползновеніе украсть у него этого пѣтуха, что имъ иногда, дѣйствительно, и удается, а „пѣтелджію“ это причиняетъ большія непріятности, потому что онъ во что бы то ни стало долженъ розыскать пѣтуха, иначе ни его, ни жениха не впустятъ въ домъ.

Когда пѣтухъ уже въ рукахъ „пѣтелджія“, женихъ съ „изметчіями“, „деверемъ“ и компаніей молодежи входятъ въ комнату, гдѣ ихъ уже ожидаетъ невѣста, окруженная подружками-родственницами, которыя и встрѣчаютъ жениха особо установленными для этого случая пѣснями. Невѣста въ пѣніи не принимаетъ участія и стоитъ молча. Въ этой же комнатѣ, гдѣ находится невѣста, стоитъ приготовленнымъ въ сундукахъ и все ея приданое, готовое къ выѣзду въ домъ жениха. Войдя въ комнату и сдѣлавъ новый откупъ невѣсты у ея „дружекъ“, женихъ подходитъ къ своей женѣ и становится съ правой стороны ея. Имъ подносятъ въ это время каравай съ сладкимъ сверху пирогомъ, который женихъ разрѣзываетъ на части и раздаетъ всѣмъ присутствующимъ. Послѣ этого всѣ присутствующіе родственники жениха усаживаются за столы и начинается закуска. Въ серединѣ обѣда, который идетъ во дворѣ, торжественно выносятъ такъ называемую „кониску“. Состоитъ она изъ двухъ караваевъ, положенныхъ другъ на друга, а между ними—сковорода съ „печевомъ“. Верхній каравай украшается букетомъ цвѣтовъ, ёлкою или же просто сдѣланнымъ изъ дерева трехконечникомъ; украшеніе это называется „ела́“ (ёлка).

Все это несетъ одинъ изъ „изметчіевъ“, а другіе съ криками и подпрыгиваньемъ сопровождаютъ его. „Изметчіи“ подносятъ „кониску“ къ куму и предлагаютъ ему принять одинъ изъ караваевъ; кумъ беретъ верхній каравай, сковороду съ мясомъ принимаетъ одинъ изъ „изметчіевъ“, а другой каравай принимаетъ „бабалъкъ“. Взявъ караваи, кумъ и „бабалъкъ“, а вмѣстѣ съ ними и всѣ присутствующіе подымаются со своихъ мѣстъ; кумъ крестится и, съ молитвою о ниспосланіи всякаго благополучія, цѣлуетъ каравай и передаетъ его своему сосѣду, который пере-

даетъ его дальше; то же самое дѣлаетъ и „бабалъкъ“, который передаетъ каравай въ свою сторону (сидитъ онъ рядомъ съ кумомъ). Обойдя всѣхъ присутствующихъ, караваи, наконецъ, доходятъ до женъ кума и бабалъка, которыя сидятъ противъ своихъ мужей; у нихъ караваи остаются до конца обѣда, во время котораго вниманіе всѣхъ родственниковъ невѣсты опять обращено на кума; всѣ заботятся о томъ, чтобы куму было какъ можно веселѣе, потому что достаточно малѣйшаго невниманія къ нему для того, чтобы заставить его подняться изъ-за стола и уйти, а этимъ самымъ разстроить весь свадебный пиръ. Для увеселенія кума и съ его, конечно, согласія иногда приглашаютъ во дворъ изъ комнаты жениха и невѣсту и устраиваютъ передъ столомъ небольшое „хоро“. Въ это время со всѣхъ сторонъ сыплются комплименты по адресу невѣсты съ цѣлью пощекотать самолюбіе кума.

Покрутившись немного, молодые возвращаются въ комнату, а во дворѣ за столомъ устраивается въ ихъ пользу сборъ. Передъ кумомъ ставится блюдечко, которое обходитъ всѣхъ присутствующихъ; кума́ беретъ собранныя деньги и уноситъ ихъ съ собою въ комнату, гдѣ находятся молодые и гдѣ также идетъ угощеніе, но угощеніе на счетъ самихъ гостей, которымъ предоставляется право самимъ позаботиться объ угощеніи; въ виду этого они призахватываютъ его еще изъ дому; отъ хозяевъ предлагается имъ только „мизе́“ и на прощанье „кишкекъ“.

Войдя въ комнату, кума подходитъ къ жениху и невѣстѣ и прикрываетъ лицо невѣсты платкомъ алаго цвѣта, называемымъ „було“. Во время „забулеванія“ поется особо установленная на этотъ случай пѣсня, а передъ „забулеваніемъ“ всѣмъ родственникамъ и родственницамъ жениха возлагаются на головы вѣнки, за которые родственники уплачиваютъ нѣкоторую пошлину въ пользу тѣхъ дѣвушекъ, которыя плели ихъ.

Братъ невѣсты беретъ за руку молодыхъ и выводитъ ихъ во дворъ къ порогу, во время чего поются послѣднія прощальныя пѣсни. Къ молодымъ подходятъ родители и родственники невѣсты, и начинается прощаніе съ невѣстой. Цѣлуя другъ другу руки, всѣ дарятъ другъ друга подарками, при этомъ женихъ, цѣлуя также всѣмъ руки, потчуетъ ихъ виномъ.

Пока идутъ эти прощанья, во дворѣ выкупается имущество невѣсты и укладывается на подводы. Но прежде чѣмъ выѣхать

со двора невѣсты, „изметчіи“ жениха стараются стянуть что-нибудь со двора невѣсты, что и удается имъ, несмотря на строгій надзоръ со стороны „изметчіевъ“ невѣсты. У воротъ процессію встрѣчаетъ молодежь и требуетъ откупа. Если у невѣсты есть меньшій братъ, то ему женихъ преподноситъ въ подарокъ „чезми“, т. е. сапоги, а если есть сестра, то ей—„огледа́ло“, т. е. зеркало; такія же зеркала дарятся и всѣмъ близкимъ подругамъ невѣсты. Заплативъ откупъ и храня полнѣйшее молчаніе, процессія выѣзжаетъ со двора невѣсты; но не успѣла она еще выѣхать на улицу, какъ „изметчіи“ жениха, сидя на подводахъ сверхъ сундуковъ съ приданымъ невѣсты, подымаютъ страшный крикъ и гамъ. Дѣло въ томъ, что, несмотря на строгій надзоръ „изметчіевъ“ невѣсты, „изметчіи“ жениха тѣмъ не менѣе стащили со двора невѣсты, кто старое ведро, кто разбитый тазъ или горшокъ, и теперь колотятъ въ нихъ палками, подымая на всю улицу шумъ. Вслѣдъ за подводами тихимъ шагомъ съ восклицаніями: „гайди, дубъръ пъть!“ начинаютъ двигаться со двора невѣсты и сами молодые въ сопровожденіи кума и близкихъ родственниковъ жениха.

У воротъ двора родителей жениха процессію эту встрѣчаетъ отецъ жениха; отдавъ куму почтеніе, онъ отправляетъ его домой въ сопровожденіи одного или двухъ „изметчіевъ“. У дверей дома жениха молодыхъ встрѣчаетъ свекровь съ зажженными свѣчами, вставленными въ тарелку съ мукой, а отецъ подноситъ имъ хлѣбъ съ солью, который принимаетъ сынъ, молодой же въ руки вручается ведро съ водой. Послѣ этого мать танцуетъ вокругъ молодой танецъ „раченицы“, а отецъ, накинувъ на молодыхъ поясъ, вводитъ ихъ такимъ образомъ въ домъ. Однако молодые не сразу входятъ въ домъ: они оказываютъ нѣкоторое сопротивленіе и уступаютъ по мѣрѣ того, какъ отецъ, мать и ближайшіе родственники пообѣщаютъ имъ какіе либо подарки; на каждое такое обѣщаніе молодые отвѣчаютъ однимъ шагомъ впередъ, а изметчіи въ это время въ комнатѣ записываютъ на стѣнахъ число подарковъ, стараясь при этомъ какъ можно больше поцарапать штукатурки. Войдя въ комнату, невѣста привѣтствуетъ всѣхъ родственниковъ жениха медомъ, который она преподноситъ пальцемъ къ губамъ каждаго. Послѣ этого молодую уводятъ въ брачную спальню.

Женихъ въ сопровожденіи изметчіевъ отправляется къ куму, гдѣ

ему на время приходится сыграть роль мишени для колкостей и остротъ, направленныхъ по его адресу со стороны „изметчіевъ". Явившись къ куму, онъ однако не показывается ему сейчасъ же, а остается нѣкоторое время гдѣ либо въ углу, въ простѣнкѣ или за спиною одного изъ „изметчіевъ". На вопросъ „изметчіевъ", не желаетъ ли кумъ увидѣть очень интереснаго человѣка, кумъ отвѣчаетъ утвердительно; тогда ему предлагаютъ протанцевать, что онъ и дѣлаетъ; въ это время женихъ выходитъ изъ своей засады и присоединяется къ куму. Танецъ долго не продолжается и сейчасъ же послѣ его окончанія кумъ садится на заранѣе приготовленное для него мѣсто, а женихъ начинаетъ раздѣвать его, что сопровождается безпощадными колкостями и остротами со стороны „изметчіевъ"; однако раздѣваніе до конца не доводится, въ комнату является кума; женихъ цѣлуетъ руку у кума и кумы и выходитъ изъ комнаты, при чемъ онъ не имѣетъ права повернуться къ куму спиной, а долженъ стараться выйти изъ комнаты, оставаясь лицомъ къ куму, что ему удается сдѣлать не иначе, какъ выходя задомъ къ выходу. Весь этотъ процессъ называется „взятіемъ у кума прошки", т. е. взятіемъ у кума разрѣшенія на брачное ложе. Съ однимъ изъ „изметчіевъ" женихъ отправляется домой, гдѣ его въ брачной спальнѣ уже ждетъ молодая. Во время дороги его провожатый преподаетъ ему уроки первыхъ шаговъ семейной жизни на брачномъ ложѣ.

Домъ отца женихъ застаетъ въ полнѣйшемъ безмолвіи и проходитъ прямо къ невѣстѣ. „Изметчіи", какъ вѣрная стража молодыхъ, занимаютъ въ это время всѣ входы у дверей и оконъ, охраняя ихъ отъ любопытныхъ. Въ комнатѣ молодыхъ на это время зажигаются брачныя свѣчи, которыя вмѣсто подсвѣчниковъ вставляются въ сапоги супруга... Рубаха невѣсты показывается родственникамъ. Выстрѣлами изъ ружья оповѣщаютъ о томъ, что дѣвушка оказалась честною. Немедленно послѣ этого отправляются спеціальные послы къ родителямъ невѣсты, а также и къ куму, гдѣ выстрѣлами изъ ружья даютъ знать о благополучномъ ходѣ дѣла. Войдя въ домъ, послы поздравляютъ всѣхъ установленной для этого формулой и преподносятъ каждому по чаркѣ водки, прислащенной сахаромъ, которая называется „méдяна ракія", т. е. „медовая водка". Кумъ и родители невѣсты уже отъ себя разсылаютъ такихъ же пословъ

и съ такою же сладкою водкой къ своимъ родственникамъ. Какъ въ домѣ жениха, такъ и въ домѣ невѣсты идетъ теперь веселье, сопровождаемое пѣснями, пляской и выпивкой.

Но Боже сохрани, если оказалось, что молодая въ этотъ вечеръ вкусила уже не первый плодъ любви—тогда конецъ всей свадьбѣ и самый ужасный позоръ родителямъ невѣсты, не сумѣвшимъ воспитать своей дочери. Музыкантъ, который обыкновенно первый осматриваетъ постель и который на это время перестаетъ быть шутомъ и увеселителемъ компаніи, а становится должностнымъ лицомъ, отъ котораго зависитъ весь дальнѣйшій ходъ свадьбы, немилосердно разстраиваетъ скрипку; со всѣхъ сторонъ подымается ропотъ негодованія. Послы, отправленные къ родителямъ невѣсты, преподносятъ имъ водку въ дырявомъ стаканѣ и этимъ даютъ понять родителямъ, въ чемъ дѣло и какой позоръ ожидаетъ ихъ теперь впереди.

Послѣбрачные заключительные обычаи.

Послѣ благополучной брачной постели молодая приготовляется къ омовенію свекра и свекрови. Умывъ имъ ноги и лицо, она преподноситъ имъ отъ себя какіе либо подарки и угощаетъ сладкой водкой. Иногда послѣ этого молодыхъ запрягаютъ въ небольшую повозку, куда садятся свекоръ и свекровь, а „изметчіи" въ это время взлѣзаютъ на крыши домовъ и подымаютъ шумъ, крики и хохотъ. Около этого же времени молодая въ сопровожденіи золовки и молодыхъ женщинъ идутъ къ куму, гдѣ невѣста совершаетъ то же омовеніе, что и въ домѣ родителей жениха, и при этомъ угощаетъ ихъ сладкою водкой и подарками.

Послѣ омовенія кума и кумы молодежь женскаго пола, въ сопровожденіи „деверя" и золовки, ведутъ молодую къ колодцу, гдѣ она должна налить ведра водою. Ведра обыкновенно несетъ одна изъ подружекъ молодой; такъ же точно и наливаетъ ихъ не невѣста, а та же подружка, хотя нужно замѣтить, что дѣлается это просто изъ любезности къ молодой и изъ желанія освободить ее отъ излишняго труда. Когда ведра налиты водою, молодая бросаетъ въ воду нѣсколько монетъ, которыя предназначаются въ пользу той, которая наливала воду, но обыкновенно ей не достаются, потому что ее предупреждаетъ цѣлая толпа мальчишекъ, сопровождающихъ процессію къ колодцу. Послѣ

этого молодая такимъ же порядкомъ возвращается домой, а ведра несетъ опять та же самая дѣвушка, которая и наливала ихъ; у воротъ дома ведра съ водою передаются молодой, и она вноситъ ихъ въ комнату. Во время шествія къ колодцу и обратно молодая имѣетъ въ рукахъ небольшое вёдерко съ сладкой водкой, которою она потчуетъ каждое встрѣтившееся съ процессіею лицо. „Дай Боже, да си жива и здрава“, произноситъ каждый встрѣтившійся, отпивая немного водки изъ ведерка и вручая молодой за это какую нибудь монету; принимая монету, молодая цѣлуетъ, подавши ему руку, и передаетъ монету золовкѣ, которая играетъ роль казначея молодой. Все вышеизложенное хожденіе молодой къ колодцу называется „изво́жданіе мла́да-та на гера́ня“, т. е. выводъ молодой къ колодцу.

Одновременно съ этимъ „извожданіемъ“ „изметчіи“ отправляются къ куму въ сопровожденіи музыканта и несутъ съ собою сладкую водку и цѣлую сковороду сладкаго пирога, называемаго по-болгарски „млинъ“. Они остаются у кума до вечера и забавляютъ его пѣніемъ, игрой и плясками.

Невѣста же въ теченіе дня занята работою по хозяйству и приготоленіями къ принятію гостей на вечернюю „трапезу“. Если въ теченіе этого дня кто-либо изъ ближайшихъ родственниковъ случайно зайдетъ въ домъ, гдѣ идутъ приготовленія, то молодая вмѣстѣ съ золовкой встрѣчаютъ его во дворѣ съ ведерочкомъ сладкой водки и угощаютъ его, за что получаютъ мелкую монету и уходятъ опять къ своей работѣ, предоставляя дальнѣйшее угощеніе гостя свекру и свекрови.

Наступаетъ, наконецъ, вечеръ. Уже заранѣе ко всѣмъ родственикамъ разсылается „калесникъ“; такой же спеціальный „калесникъ“ посылается и къ куму съ приглашеніемъ на вечеръ къ молодымъ. Кумъ отправляется на этотъ вечеръ въ сопровожденіи музыканта и цѣлой компаніи мужчинъ, причемъ мужчины одѣваютъ женскіе костюмы, а женщины мужскіе и въ такомъ видѣ направляются къ дому жениха. Участіе въ переряженьѣ иногда принимаютъ и родители невѣсты. Входя въ домъ, кумъ и гости поздравляютъ хозяевъ, потчуя ихъ выпивкой изъ своей бутылки; хозяева отвѣчаютъ гостямъ тѣмъ же. Угощеніе на этомъ вечерѣ идетъ отчасти на счетъ родителей жениха, отчасти на счетъ самихъ гостей, которые по обыкновенію не забыли захва-

тить съ собою съѣстныхъ припасовъ изъ дому. Вечеръ сопровождается музыкой, танцами и пѣніемъ. Этою музыкально-танцовальною частью вечера завѣдуетъ музыкантъ, который въ этотъ вечеръ развертываетъ предъ слушателями свои музыкальныя способности и часто, дѣйствительно, поразительное знаніе богатства пѣсень и стиховъ. Помимо музыканта, участіе въ пѣніи, по желанію кума, можетъ принимать каждый изъ участниковъ вечера. Въ танцахъ иногда принимаетъ участіе и подпившій уже къ этому времени кумъ, но, нужно замѣтить, если онъ не тактиченъ, если онъ не умѣетъ сдѣлать этого остроумно, то очень легко, снизойдя съ высоты своего величія, можетъ этимъ самымъ уронить въ глазахъ публики свое достоинство и подорвать всякій авторитетъ. Во время ужина куму на столъ подается блюдечко и каравай; кумъ цѣлуетъ каравай, а въ блюдце кладетъ деньги, которыя идутъ въ пользу молодыхъ. По примѣру кума, то же самое продѣлываютъ и всѣ присутствующіе. Кладя въ блюдце деньги, кумъ обыкновенно приговариваетъ: „отъ ме́не ма́лку, отъ Бога много“ (отъ меня немного, отъ Бога много). Въ началѣ стола присутствуютъ и молодые, стоя съ зажженными свѣчами недалеко отъ „трапезы“. Въ серединѣ вечера родители жениха дарятъ присутствующимъ подарки; затѣмъ опять идутъ пѣсни, танцы и музыка. Въ пользу музыканта за его труды дѣлается также сборъ. Кумъ беретъ кусокъ хлѣба и втыкаетъ въ него монету; его примѣру слѣдуютъ и всѣ присутствующіе. Обойдя столъ, кусокъ хлѣба съ монетами опять доходитъ до кума, который, уловивъ моментъ, когда музыкантъ окончилъ пѣсню и произнесъ съ наклоненіемъ головы свое обычное „ве́селъ бъди, ку́ме“, подаетъ этотъ хлѣбъ музыканту и благодаритъ его за удовольствіе, которое онъ доставилъ гостямъ своимъ пѣніемъ и игрой. Этимъ заканчивается вечеръ, и гости расходятся по домамъ, при чемъ хозяева провожаютъ ихъ до порога дома, а ку́ма съ музыкой провожаютъ до самыхъ воротъ двора.

На слѣдующій день, т. е., значитъ, уже во вторникъ утромъ, кумъ уѣзжаетъ домой (это въ томъ случаѣ, если онъ изъ другого села). Къ нему являются „изметчіи“ жениха съ музыкой и выпивкой, чтобы проводить его домой („да испра́штатъ ку́ма“).

Кумъ уѣзжаетъ, а молодая въ сопровожденіи золовки, и деверя“ отправляется куда-либо въ садъ, гдѣ „деверь“ торжественно

ломаетъ древко „пряпорицы“ пополамъ и при помощи этихъ двухъ концовъ древка приподымаетъ „було“ невѣсты (до сихъ поръ она не имѣла права открыть своего лица); при этомъ „було“ онъ забрасываетъ на дерево, а обломки древка „пряпорицы“ въ противоположныя стороны. Яблоко, которое было насажено на древко, „деверь“ дѣлитъ на части и раздаетъ всѣмъ присутствующимъ; то же самое дѣлается съ изюмомъ и кукурузой. Этотъ процессъ называется „отбулеваніе булка-та“, чѣмъ и заканчивается формально свадьба. Что касается до „було“, то его обыкновенно кто-либо изъ молодежи, которая сопровождаетъ молодую въ садъ, стаскиваетъ съ дерева и возвращаетъ невѣстѣ только послѣ того, какъ она заплатитъ за него выкупъ.

Черезъ недѣлю послѣ этого молодые съ родителями отправляются къ родителямъ невѣсты, что называется „повратки“, т. е. какъ бы „возвращеніе“ молодой въ домъ родителей послѣ заключенія между обѣими сторонами перемирія. Въ скорости и кумъ приглашаетъ къ себѣ молодыхъ, „да прусти кумица-та“, какъ говоритъ народъ, и даетъ молодымъ въ подарокъ мѣдное ведро, наполненное пшеницею, а сверхъ ведра—каравай; все это преподносится невѣстѣ, которая только съ этого момента получаетъ право говорить съ кумомъ и въ его присутствіи, потому что досихъ поръ молодая должна была закрыть ротъ и не издать ни одного звука; почти такъ же долженъ былъ вести себя и женихъ, и чѣмъ лучше оба они умѣли провести свою роль, тѣмъ больше похвалъ и одобреній заслуживаютъ теперь.

Вышеописанное прощеніе кумомъ своей крестницы иногда затягивается, особенно въ томъ случаѣ, если кумъ происходитъ изъ другого села; но если кумъ живетъ въ томъ же селѣ, гдѣ и молодые, то онъ самъ, не желая стѣснять молодой, старается дать такое разрѣшеніе гораздо раньше. Такимъ же точно образомъ прощаютъ молодую и другіе родственники.

Наконецъ, послѣ всѣхъ церемоній, молодая устраиваетъ угощеніе исключительно для „изметчіовъ“ въ благодарность имъ за тѣ труды, которые они положили для молодыхъ во время свадьбы. Этимъ заканчивается свадьба, и жизнь молодыхъ вступаетъ въ обычную колею жизни простого народа.

Н. Державинъ.

Техническіе пріемы творчества въ великорусской народной лирической поэзіи, въ связи съ поэтическими мотивами.

Великорусская народная поэзія, какъ и поэзія всякаго народа, отражаетъ въ себѣ извѣстную сумму народныхъ понятій о видимой природѣ и взаимныхъ отношеніяхъ человѣка,—понятій, изъ которыхъ, быть можетъ, очень и очень многія восходятъ къ отдаленной порѣ жизни народа и представляютъ собою такимъ образомъ то миѳологическіе, то этнографическіе факты. Но было бы ошибочно всю народную поэзію цѣликомъ сводить къ этимъ фактамъ: значительная доля въ ней принадлежитъ творчеству поэтовъ-слагателей. Эту долю мы можемъ опредѣлить только путемъ сравнительнаго изученія образцовъ народной поэзіи, изъ котораго выяснятся намъ техническіе пріемы этого творчества; послѣдніе же облегчатъ намъ разбираться въ матеріалѣ пѣсенъ—отличать чисто техническую сторону отъ элементовъ миѳологическаго и этнографическаго. Разобрать художественный матеріалъ, опредѣлить техническіе пріемы творчества и составляетъ задачу нашей работы въ примѣненіи къ отдѣлу лирической поэзіи великоруссовъ. Такъ какъ техническіе пріемы творчества, естественно, тѣсно связаны съ содержаніемъ пѣсенъ, то намъ придется касаться и мотивовъ лирической поэзіи.

Обращаясь къ матеріалу, съ которымъ намъ придется имѣть дѣло, необходимо прежде всего отмѣтить ту условность и произвольность, какая существуетъ въ распредѣленіи пѣсенъ въ нашихъ сборникахъ. Напр., и Шейнъ и Якушкинъ различаютъ группы: „обрядныя" и „лирическія", тогда какъ часто пѣсня, помѣщенная въ отдѣлѣ „обрядныхъ", настолько, повидимому, оторвалась отъ связаннаго съ нею когда-то обряда, что собственно обрядоваго въ ней очень немного, и, наоборотъ, она представляетъ собой такое развитіе лиризма, что можетъ поспорить съ любой пѣснею изъ отдѣла „лирическихъ" Г. Лопатинъ въ предисловіи къ своему (въ сотрудничествѣ съ г. Прокунинымъ) сборнику лирическихъ пѣсенъ съ напѣвами отмѣчаетъ случаи, когда какая-нибудь хороводная пѣсня перестаетъ быть таковой, иногда вмѣстѣ

съ измѣненіемъ напѣва. Въ пѣсняхъ, собранныхъ г. Кокосовымъ (Зап. Геогр. Общ., 2), есть одна пѣсня, поющаяся при окончаніи игры въ „сосѣди"; вотъ запѣвъ ея:

Ты заря ли моя, зоренька,
Ты заря ль моя вечерняя,
Высоко заря восходила.
Выше лѣсу, выше темнова,
Выше садичка зеленова,
Выше гнѣзда соловьинова,
Соловьинова, павинова

Мотивъ, очень распространенный, не заключающій въ себѣ ничего обряднаго, и пѣсня, быть можетъ, совершенно случайно прикрѣпилась къ названной игрѣ. Такихъ примѣровъ можно подыскать не мало. Даже плясовыя пѣсни не гарантированы отъ того, чтобы въ нихъ не вошелъ какой-нибудь лирическій мотивъ. Возьмемъ для примѣра одну пѣсню, помѣщенную у Шейна въ отдѣлѣ „плясовыхъ" подъ № 29 и у Сахарова подъ № 24 въ томъ же отдѣлѣ „плясовыхъ". Вотъ эта пѣсня по варіанту Шейна:

a) Ночка ль, ноченька,
Ночка темная, 2.
Осенняя, долгая.
Молодка, молодка,
Молоденькая
Головка твоя побѣдненькая,
. . . .
Грусть-тоска беретъ;
b) Далеко милый живетъ,
Далече, далече, не близко мнѣ,
На той сторонѣ;
. . . .
Перейди, сударушка,
На мою сторонушку!
Я бы рада перешла,
Переходу не нашла,
Жердочка тонка:
Тонка, тонка гнется,
Боюсь, переломится,—
Знать-то мой милой
Съ иной водится;
Жердочка тонка.
Рѣчка глубока.
c) Въ этой во рѣчкѣ.
Купался боберъ,
Не выкупался,
На гору взошелъ—
Весь вымарался,
Подъ горку сошелъ—
Отряхивался:
Лисица добра
Будила бобра и пр.

Почти одинаковые въ началѣ варіанты Сахарова и Шейна однако отличаются по своимъ окончаніямъ: варіантъ перваго короче, у Шейна идетъ еще очевидно механически прикрѣпившаяся пѣсня о купаньи бобра; мы привели только начало ея. Что пѣсня о бобрѣ раньше была самостоятельною, показываетъ еще то, что вообще пѣсни о звѣряхъ и насѣкомыхъ, шуточнаго характера, составляютъ вообще видъ пѣсенъ, б. м., выродившихся изъ сказокъ. Есть много пѣсенъ, аналогичныхъ пѣснѣ о бобрѣ, которыя являются совершенно самостоятельными. Можно думать, что названная выше пѣсня состоитъ изъ трехъ самостоятельныхъ: 1) изъ указанной пѣсни о бобрѣ; 2) изъ варіанта самостоятельной пѣсни, гдѣ дѣвушка обращается къ ночкѣ,—часто съ эпит. „осенняя", — и грустить о томъ, что у нея нѣтъ милаго, съ кѣмъ бы „коротать" ей „долгія ночи", или что милый „проторилъ дорожку—проложилъ худую славу", а любить пересталъ;

3) пѣсни, гдѣ фигурируютъ „тонкая жердочка“. и сродные ей символы въ безконечныхъ варіаціяхъ; подобныя пѣсни также можно отмѣтить, какъ самостоятельныя (съ мотивомъ: любви дѣвушки и парня препятствуютъ родители...) и какъ входящія въ другія пѣсни.

Насколько свободно поэты-слагатели пользуются этимъ символомъ, т. е., „тонка жердочка“, различно комбинируя мысли, подчиняемыя послѣднему символу, будетъ видно, если мы сравнимъ выше приведенную пѣсню съ пѣснею № 132 изъ Собр. соч. Якушкина (1884 г.). Въ первой послѣ стиховъ:

Жердочка тонка, Тонка, тонка гнется,—

идетъ стихъ, опредѣляющій извѣстнымъ образомъ дальнѣйшій мотивъ пѣсни:

Боюсь, переломится,

откуда является такая ассоціація:

Знать-то мой милой Съ иной водится.

Во второмъ варіантѣ (№ 132 Як.) послѣ тѣхъ же стиховъ, только нѣсколько видоизмѣненныхъ:

Тонка жердочка гнется,

слѣдуетъ другой стихъ, который, какъ мы можемъ догадаться, зная первую пѣсню, даетъ, такъ сказать, другое направленіе мотиву:

Хорошо съ милымъ водиться — Да не стошнится.

Очевидно, что въ пору сложенія этихъ пѣсенъ, сложенія, конечно, можетъ быть, уже вторичнаго, данный символъ уже не представляетъ собою чего-либо устойчиваго, органически связаннаго съ содержаніемъ пѣсни, онъ уже пересталъ быть тою первоначальною формулой-запѣвомъ, точно опредѣлявшей развитіе мотива, сходя по-немногу на степень „общаго мѣста“ и въ лучшемъ случаѣ являясь лирически-свободнымъ пріемомъ, въ худшемъ—тѣмъ „общимъ мѣстомъ“, конечно уже избитымъ, которое часто вноситъ полнѣйшую безсмыслицу въ пѣсню.

Эти примѣры, взятые наудачу, достаточно показываютъ невозможность держаться общепринятаго въ сборникахъ распорядка пѣсенъ. Въ виду этого мы примемъ терминъ „лирическія“ пѣсни — *условно*, подразумѣвая подъ ними всѣ пѣсни, не принадлежащія къ эпическимъ (былинамъ) и историческимъ, къ которымъ вмѣстѣ съ Якушкинымъ отнесемъ и солдатскія. Дѣло въ томъ, что между эпическими и историческими пѣснями съ одной стороны и лирическими—съ другой, не можетъ быть такихъ переплотеній, чтобы нельзя было различить мотивы. Правда, лирическая пѣсня

можетъ оказать свое вліяніе на эпическую или историческую, внеся несвойственную имъ свободу лирическаго чувства, какъ наоборотъ, по образцу эпической или исторической можетъ возникнуть лирическая пѣсня, т. е. на послѣдней остаются извѣстныя черты эпическаго склада, но именно этимъ отраженіемъ эпическаго склада большею частью и ограничивается вліяніе эпической пѣсни. Варіанты пѣсенъ о томъ, какъ „молодецъ пошелъ въ Литву гулять и жилъ тамъ съ королевишной", пока не узнано было объ этой связи, и пѣсни о Ванькѣ-ключникѣ, варіанты, занимающіе въ сборникѣ Соболевскаго около ста страницъ, довольно убѣдительно представляются намъ исторіей *одной* пѣсни. Одна черта первой пѣсни, именно бѣгство въ Литву, кажется, даетъ намъ право сказать, что это—пѣсня историческая, возникшая въ то время, когда такой уходъ въ Литву былъ обыченъ по различнымъ причинамъ. Слишкомъ яркій и очевидный эпическій складъ этой пѣсни указываетъ на то, что она создалась по образцу эпической и, очевидно, еще довольно крѣпко держалась своего образца. Только позднѣйшіе варіанты еще могутъ говорить о начавшемся стремленіи—внести въ пѣсню лирическій элементъ: такъ, напр., варіантъ сбор. Собол. № 15 свидѣтельствуетъ объ этомъ своимъ запѣвомъ:

Ужъ ты, крапива ли, крапивушка жигучая!
У тебя сѣмечка, крапивушка, стрекучія.

Это уже запѣвъ лирической пѣсни: обращеніе къ крапивѣ, полыни—обычные запѣвы въ грустныхъ пѣсняхъ, заранѣе опредѣляющіе невеселый характеръ пѣсни; эпической пѣснѣ такой пріемъ совершенно не свойственъ. Возьмемъ еще варіантъ № 24, ibd.; запѣвъ его таковъ:

Ой неволя, неволя—боярскій дворъ!
Во боярскомъ дворѣ жить не хочется;
Во крестьянство пойтить—много надобно.

Запѣвъ этотъ интересенъ въ трехъ отношеніяхъ: 1, какъ и варіантъ № 15-го, онъ опять опредѣляетъ заранѣе тонъ пѣсни; 2., второй и третій стихи его очень напоминаютъ пѣсни, гдѣ дѣвушка или сама взвѣшиваетъ, за кого ей лучше итти замужъ, или отвѣчаетъ на предложенія матери, критикуя въ выраженіяхъ, подобныхъ выше названнымъ стихамъ, жениха изъ бояръ, крестьянъ, купцовъ и проч.; 3., первый стихъ указываетъ на то, что, въ силу какихъ-то благопріятныхъ условій, пѣсня готова перейти въ другую обстановку—боярскій дворъ временъ крѣпостного права. Общая схема пѣсни о Ванькѣ-ключникѣ, въ ея варіантахъ, вполнѣ убѣдительно свидѣтельствуетъ о происхожденіи этой пѣсни изъ пѣсни о молодцѣ, гулявшемъ въ Литвѣ, и именно о происхожденіи, а не сложеніи по образцу: для этого она

слишкомъ близко держится плана первой. Толчокъ происхожденію этой пѣсни, болѣе вѣроятно, данъ былъ дѣйствительностью, т.-е. пѣсня эта была сначала, исторической, иначе трудно себѣ объяснить, почему имя кн. Волконскаго получило такое распространеніе и долго и упорно держится въ пѣсняхъ. Въ настоящей стадіи своего развитія пѣсня еще крѣпко держится эпическаго склада: даже въ варіантахъ, сравнительно позднѣйшихъ, какъ напр., № 26 собр. Собол., былинное вліяніе неоспоримо: какое-нибудь мѣсто, въ родѣ:

Пріѣзжалъ ли ключникъ на широкій дворъ,
Никому-то коня взять не приказывалъ;
Ни къ столбу-то его не привязывалъ,
Ни къ кольцу-то ни къ злаченому,—

прямо выхвачено изъ былины. Но вотъ по-немногу пѣсня о Ванькѣ-ключникѣ входитъ въ новый фазисъ своего развитія: стягивается эпическій размѣръ; имя кн Волконскаго исчезаетъ, замѣняясь матерью дѣвушки; о мѣстѣ дѣйствія уже нѣтъ рѣчи; являются свободные лирическіе запѣвы въ родѣ запѣва варіанта № 46 сб. Собол.:

Ягодка лѣсная подъ закрышею цвѣла;
Молода княгиня съ княземъ въ теремѣ жила.

Наконецъ, происходитъ полная перемѣна дѣйствующихъ въ старой пѣснѣ лицъ: Ванька-ключникъ обращается въ камеръ-лакея; княгиню смѣняетъ дворянская дочка, иногда называемая по имени; въ роль князя, открывающаго связь своей жены съ Ванькой, окончательно входитъ боярыня, дочь которой живетъ съ лакеемъ; мѣстомъ дѣйствія становятся „боярскія палаты“; въ довершеніе всего—на пѣсню кладется отпечатокъ пикантности. Конечно, эта самая пикантность могла бы хорошо объяснить распространенность этой пѣсни, но есть основанія думать, что и другія условія содѣйствовали популярности этой пѣсни: помѣщичья жизнь дореформенной Россіи была готовой почвой, чтобы на ней укрѣпилась данная пѣсня. Дѣйствительно, сознаніе глубокой пропасти между соціальнымъ положеніемъ барина и холопа съ одной стороны, и обычныя исторійки и интрижки, разыгрывавшіяся гдѣ-нибудь на заднемъ крыльцѣ, съ другой,—вполнѣ могли заставить смотрѣть на пришлую пѣсню, какъ на близкую къ своей жизни. На послѣднія соображенія насъ навелъ одинъ фактъ: разговаривая съ одной старой нянькой, еще заставшей крѣпостное право, про старые годы, мы замѣтили, что занимающую насъ пѣсню, безыменную, она какъ-бы относитъ къ иллюстраціи своего разсказа. Эта пѣсня была приведена ею послѣ безчисленныхъ разсказовъ о любовныхъ похожденіяхъ „господъ“, о „кривохвостикѣ“ (такъ называютъ въ Тульской губерніи иногда чорта), который, бѣжавъ разъ съ „барскаго двора“, попалъ въ угольную

яму, гдѣ ему показалось такъ нехорошо, что онъ воскликнулъ: „вотъ, бѣжалъ съ барскаго двора, да никакъ опять попалъ туда"; наконецъ, послѣ ряда пѣсенъ, о которыхъ она прямо говорила, что онѣ были сложены про „господъ", что ихъ пѣть было даже запрещено. Собственно же объ этой пѣснѣ она говорила, что въ ея время она только появилась у нихъ на селѣ и была въ большой модѣ. Кажется, что на основаніи этого послѣдняго, а также на основаніи вышеизложенныхъ общихъ соображеній, мы могли хоть отчасти сблизить пѣсню о Ванькѣ-ключникѣ съ старо-помѣщичьимъ бытомъ и думать, что ту или другую роль быть этотъ могъ сыграть въ исторіи нашей пѣсни.

Какъ-бы то ни было, эпическая пѣсня имѣетъ свою опредѣленную физіономію. Самое крупное, прежде всего бросающееся въ глаза отличіе эпической пѣсни это—медлительность, неторопливость ея разсказа. Миклошичъ въ своей статьѣ: „Изобразительныя средства славянскаго эпоса" отмѣчаетъ типичнѣйшій примѣръ такой предусмотрѣнной неторопливости:... „разставлялъ шатеръ—полы бѣлыя; разставя шатеръ, сталъ огонь сѣчи; высѣча огонь, сталъ раскладывать: разложа огонь, сталъ кашу варить; сваря кашу, сталъ расхлебывать; расхлебавъ кашу, сталъ почивъ держать"... (Кирѣев. I, 3). Въ этомъ мѣстѣ эпическая пѣсня достигаетъ прямо пластичности: невольно хочется сказать о разсказѣ, что онъ *льется*. Этотъ пріемъ весьма обыченъ въ сказкѣ и почти не встрѣчается совсѣмъ въ лирической пѣснѣ, если не считать пѣсенъ о дуракѣ, въ которыхъ ясно отражается складъ сказки.

Остановимся еще на другомъ обычномъ пріемѣ эпической пѣсни, такъ характерно опредѣляющемъ ея внѣшній обликъ; онъ очень близокъ къ указанному и заключается въ томъ, напр., что лицо, которому поручается что-либо, *дословно повторяетъ порученіе*, или въ словесномъ *тожествѣ просьбы и согласія* на нее, напр.:

...Дай ты мнѣ, змѣй, сроку на три дня,
На три дни и на три часа,
На три часа, на три минуточки,
И даетъ онъ ему сроку на три дни,
и т. д.

(Русскія былины старой и новой записи № 21).

Совершенно наоборотъ—въ лирической пѣснѣ. Здѣсь разсказъ идетъ ускореннымъ темпомъ. Оно и понятно—какъ для пѣсни чисто лирической, въ которой часто интенсивность чувства достигаетъ драматизма, такъ и для пѣсни хороводной и другой обрядной. Послѣдняя, будучи заключена въ діалогическую форму и всегда сопровождаемая извѣстнымъ дѣйствіемъ, сосредоточиваетъ весь свой интересъ на развязкѣ и потому чужда эпическихъ отступленій, эпической задержки. Типичнымъ примѣромъ обрядной пѣсни въ діалогической формѣ можетъ служить, напр., извѣстная хороводная: „А мы просо сѣяли"... и въ не-діалогиче-

ской—не менѣе извѣстная, до сихъ поръ поющаяся въ каждой деревнѣ средней полосы Россіи, хороводная-же: „Какъ по морю“...

Достаточно одного бѣглаго знакомства съ поэзіей лирической и эпической, чтобы бросилось въ глаза различіе въ пріемахъ поэтическаго творчества въ той и другой—разнообразіе послѣднихъ въ поэзіи лирической и однообразіе—въ эпической. Если мы разберемъ былины *новой* записи (изъ Сборн. рус. был. стар. и нов. зап.) относительно встрѣченныхъ въ нихъ техническихъ пріемовъ, то сумма послѣднихъ будетъ очень незначительна, а группировка ихъ можетъ быть сведена къ десятку типовъ, и это будетъ еще мелкая, подробная группировка. Мы не безъ цѣли взяли былины именно *новой* записи: въ связи съ этимъ возникаетъ интереснѣйшій вопросъ, на который такъ трудно отвѣтить—чѣмъ объяснить устойчивость эпической пѣсни и разнообразіе художественныхъ пріемовъ въ лирической пѣснѣ, тогда какъ и та, и другая, такъ сказать, современники по ихъ записямъ? Болѣе древней традиціей эпической пѣсни, кажется, вопросъ не можетъ быть рѣшенъ: былины продолжали слагаться вплоть до Петровскаго времени,—жила и пѣсня; на послѣднее, между прочимъ, можетъ указывать то обстоятельство, что и Михаилъ Θеодоровичъ (указы Филарета Никитича), и Алексѣй Михайловичъ принуждены были бороться съ „бѣсовскими пѣснями и игрищами“. Настойчивость и раздраженіе, которыми проникнуты были эти указы, свидѣтельствуютъ, что обычаи были еще въ силѣ, обряды сохраняли еще полную вѣру къ себѣ. Даже, если предположить, что въ это время сложеніе новыхъ *не* эпическихъ пѣсенъ уже и прекратилось, то все же вѣра и непосредственное чувство не были еще утрачены, и если они утрачены теперь, то опять-таки эта утрата наступила не скоро. Теперь, если мы не имѣемъ права установить фактъ болѣе древней традиціи въ эпической пѣснѣ, и, слѣдовательно, мнимая древность традиціи безсильна рѣшить нашъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ, то видѣть въ богатомъ разнообразіи художественныхъ образовъ лирической пѣсни дѣло позднѣйшихъ пѣвцовъ-виртуозовъ, свободно обращавшихся съ традиціонными образами, мы также не имѣемъ достаточнаго основанія. Конечно, бывали такія дѣла виртуозовъ но отдѣльные случаи еще не даютъ намъ права возводить ихъ въ общее явленіе. Слѣдовательно, вопросъ опять остается нерѣшеннымъ: что такъ прочно и крѣпко опредѣлило характеры эпической и лирической пѣсенъ? Гораздо вѣроятнѣе допустить, что уже искони въ лирической и эпической пѣсняхъ различались два рода словесности, и если, напр., эпическая пѣсня имѣла своихъ особыхъ поклонниковъ, своихъ пѣвцовъ, то такъ естественно, что она имѣла и своихъ слагателей,—иначе, что она сознавалась, какъ самостоятельный родъ словесности.

Излюбленнымъ техническимъ пріемомъ въ эпической пѣснѣ является *отрицательное сравненіе*. Образы, какіе даются этими сравненіями, всѣ очень ясны, ассоціаціи идей въ нихъ вполнѣ понятны. Ясно, что какое-нибудь сравненіе, въ родѣ:

Не сильная погода подымалася,
Не зелена дубрава расшумѣлася,
Не бумажные листочки разстилаются,
Не сыренькой дубочекъ къ землѣ клонится,—
Тутъ кланяется Ильюша отцу съ матерью, (ibd № 2),—

есть только техническій пріемъ. Здѣсь не можетъ быть рѣчи не только о миѳологіи, но и о символизмѣ въ томъ смыслѣ, какой установился за нимъ въ современной поэзіи или музыкѣ. Этого нельзя сказать о сравненіяхъ лирической пѣсни. Позволимъ себѣ привести цѣликомъ одну изъ Собр. соч. Якушкина:

Не во саду ли я, бѣдна, обсидѣлася,
Не на садъ ли я, бѣдна, оглядѣлася,
Не на травку-муравку зеленую,
Не на всяки цвѣточки лазуревые!
Не вода ли подо мной разливается,
Не огонь ли подо мной разгорается?
Сама-то я знаю, бѣдна, да вѣдаю,
Что не въ саду-то я обсидѣлася,
Не на садъ-то я, бѣдна, оглядѣлася,
Не на травку-муравку зеленую,
Не на всяки цвѣточки лазуревые;
Не вода подо мной разливается,
Не огонь подо мной разгорается,—
Разгорается мое зябло сердце ретивое.
Разливаются мои горьвія слезы горячія
По блеклому лицу, не румяному.

Здѣсь уже не легко услѣдить тѣ ассоціаціи мыслей, какими вызвано это сложное отрицательное сравненіе. Относительно нѣкоторыхъ сравненій, казалось, могло бы возникнуть сомнѣніе: только ли они сравненія? Напр.:

Что не туча идетъ передъ дождичкомъ.
Не громъ гремитъ передъ молоньей,—
Идетъ удалый добрый молодецъ;
Подъ нимъ былъ конь, какъ лютый звѣрь;
Самъ на конѣ сидитъ, какъ упавъ въ добрѣ;
Очи его, какъ у яснаго сокола;
И румянецъ въ лицѣ какъ у алаго;
У коня изъ ушей и ноздрей искры сыпаются;
И идетъ онъ мимо эти бѣлы шатры
И самъ говоритъ таково слово....

(Был. стар. и нов. зап. № 14, ст. 5-14,)

Потебня (Объясн. малор. и сродн. народ. пѣс.) указываетъ на то, что это—величальный мотивъ, такъ какъ представленіе невѣсты и жениха въ образѣ тучи очень обычно въ величальныхъ пѣсняхъ. А сколько былинъ, гдѣ подобное сравненіе такъ далеко отъ величанья! Что же представляетъ собой такое сравненіе въ нихъ? Размѣнявшійся на мелкую, ходячую монету когда-то цѣльный миѳологическій образъ? Если даже и такъ, то примѣняется ли онъ во всѣхъ этихъ былинахъ въ связи съ миѳологической традиціей или внѣ ея? Намъ думается, что его примѣненіе говоритъ за то, что внѣ. А для насъ важно именно *примѣненіе*, т. к. искать *основанія* для очень многихъ сравненій въ далекомъ прошломъ значило бы то же, что искать основанія для всѣхъ нашихъ обыденныхъ словъ, которыя *теперь* для насъ простые

значки, безъ всякой связи между ихъ значеніями и ихъ звуковыми комплексами, но *когда-то* были гораздо больше того. Какъ-бы то ни было, но фактъ тотъ, что эти сравненія,—подходящія или нѣтъ, это другой вопросъ,—остаются здѣсь только сравненіями, перенесены ли они въ эпическую пѣсню изъ величальныхъ пѣсенъ, или это—самостоятельные пріемы. Но тѣмъ не менѣе, повторимъ, отрицательныя сравненія эпической пѣсни отличаются простотой и понятны относительно тѣхъ ассоціацій мыслей, которыми они вызваны. Наоборотъ, въ лирической пѣснѣ часто приходится встрѣчать въ отрицательныхъ сравненіяхъ, если не миѳологическую основу, то довольно сложную символику. Мы не хотимъ этимъ утверждать, что лирическая пѣсня представлетъ болѣе древнюю традицію, а желаемъ лишь сказать, что лирическая пѣсня еще можетъ оспаривать у эпической древность своей традиціи и не по чему другому, какъ по тѣмъ обломкамъ далекаго прошлаго, которые еще, м. б., кроются подъ формами, созданными и пересозданными техникою творчества.

Простѣйшимъ, но зато весьма употребительнымъ въ лирической пѣснѣ пріемомъ творчества является опредѣленіе, точнѣе сказать, *указаніе мѣста дѣйствія* разсказа пѣсни. Но это мѣсто дѣйствія не заключаетъ въ себѣ не только никакого художественнаго образа, объясняющаго мотивъ пѣсни, но и простой картины, живописующей обстановку; это въ полномъ смыслѣ только простѣйшій, легчайшій техническій пріемъ. Непосредственному, не привыкшему къ отвлеченному языку, человѣку трудно начать повѣсть прямо съ общаго,—онъ чуствуетъ потребность индивидуализировать это „общее" и повседневное явленіе своей жизни, будь оно бытовое или психологическое, сводитъ его къ к.-н. опредѣленному, часто якобы имъ самимъ видѣнному или испытанному случаю. До сихъ поръ это видно на разсказѣ любого простолюдина; начиная разсказывать вамъ о чемъ-нибудь, онъ уже непремѣнно начнетъ откуда-нибудь издалека, выраженіями въ родѣ: „вотъ сижу это я тамъ-то", или „позавчера сиверка подула," хотя, м. б., мѣсто, гдѣ онъ сидѣлъ, не имѣетъ никакого значенія въ разсказѣ, а то, что „сиверка подула," является и вовсе ненужной подробностью. Вотъ отчего эти пріемы, не претендуя еще на художественность, такъ часто являются для насъ чѣмъ-то лишнимъ, вносящимъ безпорядочность. Между тѣмъ, съ точки зрѣнія непосредственнаго человѣка, эти пріемы представляютъ собой логически обоснованный моментъ творчества, и разъ созданное поэтомъ-слагателемъ „указаніе мѣста" пріобрѣтаетъ въ пѣсенномъ преданіи такую прочность и устойчивость, что цѣлые десятки варіантовъ пѣсни бережно хранятъ его, несмотря на то, что, рядомъ съ этимъ, мотивы этихъ варіантовъ часто представляютъ собой значительно видоизмѣненные пересказы оригинала. Какой-нибудь „ракитовый кустъ" въ многочисленнѣйшихъ варіантахъ пѣсни о смерти молод-

ца на чужой сторонѣ является почти постояннымъ и непремѣннымъ свидѣтелемъ этой смерти. Въ нѣкоторыхъ варіантахъ этой пѣсни однако „ракитовый кустъ“ значитъ, повидимому, болѣе, чѣмъ простое указаніе мѣста. Въ сборникѣ Соболевскаго (т. I) приведено болѣе 50 варіантовъ данной пѣсни. Такой богатый сравнительно матеріалъ даетъ намъ возможность видѣть, какъ прочно мотивъ и техническій пріемъ (форма) сливаются въ одно цѣлое, и какъ они взаимно мѣняются. Въ первыхъ варіантахъ дѣло обстоитъ такъ: мѣстомъ дѣйствія разсказа является дуброва, поле; курится огонекъ, темнѣется дымокъ изъ-подъ камешка; возлѣ разостланъ войлочекъ; на немъ лежитъ убитый или раненый молодецъ; пріѣзжаютъ за нимъ его товарищи, зовутъ на св. Русь; на этотъ зовъ молодецъ отвѣчаетъ имъ просьбою: отвезти отцу-матери челобитьице, роду-племени—поклонъ, молодой женѣ—волю на всѣ четыре стороны. Кромѣ того, что касается творческой техники, въ варіантѣ № 350 пѣснѣ предпосланъ классическій запѣвъ: „Ахъ, палъ туманъ на сине море...!“

Наконецъ, обстановкой мѣста смерти молодца является упомянутый уже „частъ ракитовъ кустъ“. При этомъ въ нѣкоторыхъ варіантахъ обстановка нѣсколько усложняется: напр., въ вар. №№ 356 и 359, ibd. Зачины этихъ двухъ варіантовъ показываютъ, что съ представленіемъ „ракитова куста“ у пѣвца ассоціировались какія то мысли и, видимо, не веселыя Эти мысли въ свой чередъ могутъ давать образы—и осложнять зачинъ, какъ это мы видимъ, напр., на пѣснѣ № 366, ibd. Но трудно сказать, дана ли эта ассоціація традиціей, или явилась слѣдствіемъ такого процесса: ракитовый кустъ, составляя во многихъ пѣсняхъ обычную обстановку смерти молодца, вызвалъ въ послѣдствіи съ своимъ именемъ не веселыя мысли, которыя и стали зачиномъ пѣсенъ на данную тему? Далѣе, въ нѣкоторыхъ варіантахъ на ракитовомъ кустѣ сидитъ „младъ сизый орелъ“, держитъ „въ когтяхъ черна ворона“, „точитъ кровь на сыру землю“—вар. №№ 359, 360. Повидимому, это образъ умирающаго молодца. Интересны послѣдующіе варіанты, которые заставляютъ „сизаго орла“ не „точить кровь“ ворона „на сыру землю“, а выспрашивать его, „гдѣ онъ былъ-побывалъ“ и что видѣлъ; на этотъ вопросъ воронъ разсказываетъ ему о молодцѣ, умирающемъ подъ ракитовымъ кустомъ. Можно думать, что это позднѣйшая раціонализація: пѣвцу образъ сталъ непонятенъ, и онъ дѣлаетъ изъ „сизаго орла“ повѣствователя смерти молодца. Это тѣмъ болѣе возможно, что обращеніе къ птицамъ съ вопросомъ, что́ онѣ видѣли, очень обычно въ нашихъ пѣсняхъ.

Мы между прочимъ подошли къ новому виду техническихъ пріемовъ творчества; замѣтимъ, что онъ очень употребителенъ въ пѣсняхъ о чемъ-нибудь выходящемъ изъ ряда обыкновеннаго, о *чудесномъ*, какъ это прямо указывается самимъ пріемомъ; равнымъ

образомъ онъ очень распространенъ въ пѣсняхъ съ величальными мотивами. Кажется, что по отношенію къ величальнымъ пѣснямъ поэтомъ руководила въ выборѣ указаннаго выше пріема такая ассоціація мыслей: птица летаетъ высоко—она видитъ много чудеснаго. Въ одной сербской пѣснѣ это почти прямо указывается. У насъ нѣтъ ея подъ руками въ подлинникѣ, но вотъ ея близкое переложеніе:

„Ой орлы, орлы! вы летаете высоко, вы видите на большое пространство: видите ли вы сватовъ, ведутъ ли намъ невѣсту, тонка ли она, высока, бѣла ли, румяна?“.

Въ этомъ случаѣ настоящій техническій пріемъ уже можно назвать низшимъ, простѣйшимъ развѣ только въ смыслѣ его легкости. Онъ такъ же легокъ, какъ, напр., другой—*сновидѣніе*: № 99 сборн. Собол. I. Это пріемъ, подобный, напр., эпистолярной формѣ романа или формѣ дневника—простымъ и легкимъ формамъ. Замѣтимъ еще по поводу того, что образъ, умирающаго молодца легко могъ являться въ мысляхъ при видѣ ворона, клюющаго сокола: воронъ, какъ хищная птица, клюетъ сокола, т. е. молодца; это—предвѣстіе смерти послѣднему. Вспомнимъ, какое вообще пророческое значеніе приписываетъ народъ ворону. Насколько пѣвцы-слагатели свободно распоряжаются данными техническими пріемами, варьируя ихъ, осложняя или сокращая, видно изъ отдѣльныхъ варіантовъ этой пѣсни, напр. № 369 сбор. Собол. и № 372, тамъ же.

Обратимся теперь къ сюжету данной пѣсни и варіаціямъ его. Если принять во вниманіе то обстоятельство, что большинство варіантовъ, прямо или косвенно, сосредоточиваютъ интересъ на одиночествѣ умирающаго молодца, тогда будетъ понятна популярность пѣсни: сюжетъ драматическій. Варіанты этого вида заставляютъ потому умирать молодца на чужбинѣ, вдали отъ родныхъ и близкихъ. Но, очевидно, разнообразные трагическіе случаи въ жизни легко могли прикрѣпиться къ печальной пѣснѣ о кончинѣ молодца, что мы, дѣйствительно, увидимъ, если разсмотримъ причины смерти молодца. Одна серія варіантовъ, какъ напр., №№ 349, 350, 351, 352, 354, 355, 372, 385, 390, 408 и мн. др., вообще большинство въ сбор. Соболевскаго, переносятъ дѣйствіе на ратное поле и мотивируютъ смерть молодца смертельной раной на войнѣ; при этомъ дѣлаются намеки на лагерную обстановку, въ родѣ разоренныхъ палатокъ (№ 352—„копи“), упоминаются „боевыя ранушки“; умирающій молодецъ называется прямо солдатомъ (офицеромъ, казакомъ и проч.); умирающій проситъ сказать на родинѣ:

...Женился я на другой женѣ—гробовой доскѣ,
Засватала меня сабля вострая турецкая,
Обвѣнчала меня пуля свинцовая,
Положило спать ядро чугунное (ibd. № 385)

Въ другой серіи варіантовъ смерть молодца приключается отъ „зелена вина", оттого, что онъ водился съ бурлаками (№ 356 сбор. Собол.) Третья серія варіантовъ мотивируетъ смерть молодца условіями драмы, разыгравшейся на любовной почвѣ. Мать причитаетъ надъ тѣломъ убитаго сына:

Я давно, сынъ, тебѣ говорила:
Не ходить было по чужимъ дворамъ,
По чужимъ дворамъ, да къ чужимъ
женамъ (ibd № 357).

Подъ № 358 мы имѣемъ варіантъ, въ которомъ, повидимому, молодецъ становится жертвою разбойниковъ. Этотъ варіантъ очень простой, но очень поэтическій. Наконецъ, два варіанта приводятъ смерть молодца въ связь съ его удальствомъ, съ гуляньемъ его по „полю чистому", на конѣ, съ лукомъ (ibd №№ 353 и 404). Эти два варіанта въ своихъ запѣвахъ представляютъ интересный техническій пріемъ. Въ запѣвѣ № 404 дается, повидимому, такой образъ: стрѣла водитъ молодца, т. е. молодецъ свободно „гуляетъ" по „чистому полю" самъ-третій съ конемъ и лукомъ. Но въ запѣвѣ вар. № 353 мы встрѣчаемся съ интересной манерой народной поэзіи вообще (великорусской) — съ *передержкой* въ разсказѣ, если можно такъ выразиться. Приведемъ этотъ запѣвъ:

1. Погуляй-ка, добрый молодецъ,
2. Покуль воля есть тебѣ!
3.—Ужъ я радъ бы погуляти,—
4. Товарища со мной нѣтъ!
5. Ужъ какъ есть одинъ товарищъ—
6. Вороненекъ добрый конь;
7. А второй-то мой товарищъ—
8. Зелененекъ тугой лукъ;
9. Кабы третій мой товарищъ--
10. Есть каленая стрѣла.
11. Каленую эту стрѣлочку
12. Въ чисто поле отпущу.
13. Полетай-ка, моя стрѣлочка,
14. Въ чисто поле далеко,
15. Въ чисто поле, моя стрѣлочка,
16 Въ бѣлъ-полотняный шатеръ.
17. Какъ въ этомъ-то во шатрочкѣ
18. Сѣрый потничекъ лежитъ, и т. д.

Обратимъ вниманіе на три послѣдніе стиха; выходитъ, что молодецъ самъ погибаетъ отъ своей собственной стрѣлы, какимъ-то чудомъ перелетѣвъ въ этотъ традиціонный шатеръ. Можно подумать, что варіантъ искаженъ. Конечно, настаивать, что нѣтъ, мы не можемъ, но что возможно объясненіе кажущейся безсмыслицы *не* искаженіемъ только, это—безспорно. Всякій, кто самъ слышалъ и знакомъ съ народною рѣчью, хотя бы по произведеніямъ нашихъ извѣстныхъ беллетристовъ-народниковъ, знаетъ, что народъ любитъ разсказывать съ „передержками", такъ что непривыкшему къ народной рѣчи человѣку трудно слѣдить за этой безпорядочной смѣной лицъ (если передается діалогъ), за пропускомъ легко подразумѣваемыхъ промежуточныхъ мыслей. Съ однимъ ихъ видомъ такой „передержки" мы и сталкиваемся въ стихахъ 16 — 18 приведеннаго выше запѣва.

Какъ доходитъ на родину вѣсть о смерти молодца? Рядъ варіантовъ представляютъ дѣло матеріальнымъ, прозаическимъ

образомъ: молодецъ проситъ своихъ товарищей отвезти „батюшкѣ—челобитьице“ и т. д.

Но вотъ молодецъ умираетъ въ одиночествѣ, и другой рядъ варіантовъ перекладываетъ порученіе съ товарищей на коня. Понимать ли этотъ образъ нѣсколько раціонально, т. е.—прибѣжитъ домой конь одинъ—догадаются о случившейся бѣдѣ родные (вар. № 402 даетъ на это нѣкоторое право), или понимать образъ коня, несущаго скорбную вѣсть, широко: рано или поздно дойдетъ печальная вѣсть до дому. Пожалуй, въ обоихъ случаяхъ образъ будетъ понятъ правильно. Третій рядъ варіантовъ прибѣгаетъ уже къ совершенно искусственному пріему, не заключающему въ себѣ никакого художественнаго образа. Возьмемъ образчикъ:

Вылетаетъ тутъ младъ сизой орелъ
. . . .
На когтяхъ несетъ бѣлую рученьку,
Бѣлую рученьку, молодецкую,
Молодецкую, солдатскую.
На бѣлой-то рукѣ золотъ перстень,
На печаткѣ было написано:
—Моему батюшкѣ-челобитьице... и т. д.

Запѣвъ этотъ еще тѣмъ интересенъ, что на немъ видно, какъ далеко иногда идетъ техника творчества.

Выше мы сказали, что большинство варіантовъ пѣсни о смерти молодца сосредоточиваютъ интересъ на одинокой смерти молодца; но есть варіанты, которые, оставляя въ сторонѣ смерть молодца, останавливаютъ главное вниманіе на томъ, какъ встрѣчаютъ смерть эту мать, сестра и жена молодца? Одни варіанты говорятъ только о скорби матери и то лишь стороною: видно, что эта скорбь еще не сдѣлалась самостоятельнымъ сюжетомъ. Такъ это, напр., въ вар. Собол. № 356. Другіе варіанты вводятъ въ содержаніе пѣсни горе сестры и молодой жены, и, естественно, возникаетъ мысль—построить главный мотивъ на сравненіи глубины и прочности чувства горя матери, сестры и молодой жены: является самостоятельная пѣсня на мотивъ Некрасовскаго: „Внимая ужасамъ войны“... Таковы, напр., Собол. вар. №№ 360, 361, 362, 363 и мн. др., среди которыхъ просится быть отмѣченнымъ, по художественному исполненію, вар. 358. Выдвигая на видъ ту, а не другую сторону мотива, пѣсня сообразно этому варіируетъ и техническій пріемъ. Варіаціи того и другого могутъ быть настолько оригинальны, что о нихъ можно говорить, какъ о самостоятельныхъ поэтическихъ переработкахъ.

Отъ техническаго пріема, состоящаго въ указаніи обстановки, естественно перейти къ тому случаю, когда эта обстановка незамѣтно переходитъ въ запѣвъ, имѣющій внутреннюю связь съ мотивомъ. Въ частности такой случай обращенія обстановки въ запѣвъ заключается въ томъ, что а) та или другая черта обстановки составляетъ логическій переходъ къ мотиву, напр.:

Во лузяхъ, во лузяхъ зеленыхъ, во лузяхъ
Выростала травка шелковая,
Расцвѣтали цвѣты лазоревые.

—Ужъ я той травой выкормлю коня;
Выкормлю, выглажу его;
Поведу коня къ батюшкѣ...
(Якушк. № 101).

Далѣе идетъ просьба не отдавать за немилаго.

b) Такой переходъ можетъ заключать въ себѣ сравненіе или символъ, напр.:

1. Ай па горѣ дубъ, дубъ,
Что бѣла береза;
Промежъ дуба и березы
Рѣчка протекала,

2. Рѣка, рѣчка не глубокая,
Водица студеная;
Нельзя, нельзя воды пити,
Нельзя почерпнути...

У стараго мужа молодая жена,—разсказываетъ дальше пѣсня:—нельзя жену побить, поучить: билъ я жену часъ,—плакалъ недѣлю, „сушилъ, крушилъ ясны очи по четыре ночи".

Очень часто такого рода пріемы ясно раскалываются на двѣ части, какъ и здѣсь.

c) Иногда переходъ представляетъ собою картинку съ натуры:

1. У душечки, красной дѣвицы,
Зеленъ огородецъ,
Новый, новый огородецъ,
Частый частоколецъ.
2. Подъ тотъ ли огородецъ,
Подъ тотъ ли частоколецъ
Ручеекъ течетъ.
3. Покатился частоколецъ
Повалился частоколецъ,
Къ землѣ прикдопился.
Отъ того частокольца
Сбито три тычочка;
Отъ того отъ тычочка
Лежитъ три слѣдочка;
4. Ужъ три три слѣдочка
Снѣжкомъ призапали....
5. (Три дружочка распустили про дѣвушку худую славу...)

(Сах. II, хоровод. № 27).

Здѣсь цѣлая исторія романтическаго характера въ четырехъ картинахъ. Въ этомъ варіантѣ образъ—„лежатъ три слѣдочка" представляется еще дѣйствительностью, и въ такомъ случаѣ, пожалуй, еще не можетъ быть названъ образомъ: „три слѣдочка" представляются простымъ воспріятіемъ дѣйствительности. Но вотъ, формула „лежатъ три слѣдочка" отъ воспріятія дѣйствительности переходитъ къ ходячему образу, даже символу: „проложить, проторить дорожку"—часто значитъ „ославить".

Какъ одна думушка съ ума нейдетъ,
Мнѣ съ ума нейдетъ со разума:
Проторилъ милый дороженьку,
Путь дороженьку широкую,

Проложилъ то милой худу славушку,
Худу славушку онъ про дѣвушку....
(Шейнъ, голосов. № 42).

„Милъ дорожку проторилъ—худу славу проложилъ" становится готовымъ образомъ, способнымъ варьироваться въ своемъ значеніи; въ этомъ случаѣ, м. б., уже дѣйствуетъ дедукція: „проторить дорожку"=ославить; ославить=бросить дѣвушку, забыть, измѣнить и т. д. Есть варіанты, гдѣ „проторить дорожку"=любить, какъ, напр., № 51 Якушк.

d) Среди многочисленныхъ видовъ „указанія обстановки", какъ техническаго пріема творчества, нельзя не отмѣтить того случая, когда эта обстановка имѣетъ особое значеніе въ пѣснѣ. Въ этомъ смыслѣ указаніе обстановки не можетъ назваться элементарнымъ техническимъ пріемомъ, и образчикомъ его могутъ служить, и въ большомъ количествѣ, напр., пѣсни, имѣющія своею задачею величанье молодой, молодого или другихъ участниковъ свадебнаго торжества. Величанье требуетъ идеальной обстановки. Однимъ изъ предметовъ такой идеальной обстановки очень часто является какой-нибудь „шелковый коверъ":

Во горницѣ, во скамьѣ,
На дубовомъ на столѣ,
На шелковомъ коврѣ,
Люли, люли
На коврѣ, на коврѣ.
(Сах. III, сгов. 36).

Конечно, этотъ „шелковый коверъ", никогда не видавшій крестьянской избы, не болѣе, какъ вышеописанный техническій пріемъ, имѣющій свою опредѣленную цѣль, свое оправданіе въ пѣснѣ. Его распространенность свела его однако въ очень многихъ пѣсняхъ на степень „общаго мѣста", каковымъ онъ является, напр., въ пѣсняхъ „о смерти молодца", гдѣ, конечно, умѣстнѣе „войлочекъ" или „потничекъ", и гдѣ онъ не имѣетъ себѣ оправданія, какъ въ пѣсняхъ величальныхъ. Этимъ пріемомъ поэты-слагатели пользуются, очевидно, очень свободно, и необузданная фантазія даетъ подчасъ крайне причудливую идеализацію обстановки: щедрое, но дикое смѣшеніе самыхъ разнообразныхъ качествъ приближаетъ подобную идеализацію къ продуктамъ наивной дѣтской фантазіи. Но сколько есть предметовъ, передъ которыми непосредственный человѣкъ едва-ли далеко ушелъ отъ дѣтской наивности! Ребенку различеніе качественныхъ отношеній между вещами труднѣе количественныхъ, и онъ невольно переходитъ отъ первыхъ къ послѣднимъ. Закона о несмѣшеніи чувственныхъ впечатлѣній различнаго порядка онъ тоже не хочетъ признавать, откуда приложимость ихъ свойствъ, какъ качествъ, для него является неограниченною. Что же дастъ подобная наивность фантазіи? Невольное забвеніе качественнаго за количественнымъ и самое грубое смѣшеніе несовмѣстимыхъ качествъ. Вотъ образчикъ подобной идеализаціи:

Ты по сахару, рѣка, текла,
По патокѣ разливалася;
У тебя ли, у рѣченьки,
Берега были хрустальные.
А песка были жемчужные. ..
(Сах. III, сговорн. № 24).

Перейдемъ теперь къ слѣдующему крупному виду техническихъ пріемовъ творчества—художественному образу, пока простѣйшему. Уже изъ повседневнаго народнаго языка видно происхожденіе „художественнаго образа". Его основаніе—*сравненіе*.

Языкъ, рѣчь простого народа по преимуществу конкретны; это—сравненія, олицетворенія и прочія поэтическія фигуры.

Всякій знаетъ и самъ встрѣчалъ, конечно, такихъ простолюдиновъ, въ языкѣ которыхъ невольно поражаешься тѣмъ огромнымъ количествомъ готовыхъ сравненій, летучихъ образовъ, присказокъ и проч., которыми такъ изобилуетъ ихъ рѣчь. Но всѣ эти короткія, летучія сравненія, образы и проч. еще не представляютъ собой техническихъ пріемовъ, это скорѣе—повседневный разговорный языкъ, такъ что техническій пріемъ творчества, лучше сказать, сводится къ комбинированію всего этого готоваго матеріала изъ повседневнаго языка. Какое-нибудь „во-вѣки" выразится чрезъ „до гробовой доски", или даже цѣлымъ рядомъ образныхъ выраженій:

Я въ тѣ поры мила друга забуду,
Когда подломятся мои скоры ноги,
Когда опустятся мои бѣлы руки,
Засыплются глаза мои песками,
Закроются бѣлы груди досками...
(Сах. IV, семейн. 25),

т. е. только смерть, въ силу необходимости, заставитъ позабыть любимаго человѣка; отрицательное понятіе „никогда" выразится черезъ условное утвержденіе завѣдомо невозможнаго, „не бывать этому":

Не цвѣсти цвѣтамъ
Зимой по снѣгу.

Для отрицанія факта въ будущемъ отрицается не прямо онъ самъ, а напр., одинъ изъ составляющихъ его признаковъ или сопровождающихъ обстоятельствъ:

Не жилица я на бѣломъ свѣтѣ
Безъ тебя, моя надеженька!
Нѣтъ у горлинки двухъ голубчиковъ,
У лебедушки двухъ лебедиковъ,
У меня не быть двумъ милымъ дружкамъ.... (Сах., ч. IV, 29),—

т. е., не бывать моей свадьбѣ послѣ твоей смерти. Простѣйшимъ *образомъ* является уподобленіе, напр., пары любящихъ двумъ голубкамъ или дѣвушки—голубкѣ, что, кажется, представляется уже производнымъ. Встаетъ вопросъ: есть ли голубь миѳическій символъ любви, или только художественный образъ, возникновеніе котораго имѣетъ лишь психологическую основу? Въ пользу перваго привести можно любовные заговоры, гдѣ человѣку, котораго желаютъ приворожить, даютъ особыя лепешки на голубиномъ салѣ, конечно, при извѣстной формулѣ. При этомъ говорятъ, что въ данномъ обрядномъ заговорѣ выражена мысль о возможности механическаго перехода любви. Конечно, такое пониманіе возможно у народа въ связи съ его представленіемъ себѣ психическаго чѣмъ-то матеріальнымъ, вслѣдствіе обычной и понятной тенденціи—все объяснять конкретно; но это не устраняетъ возможности думать, что въ свою очередь этому матеріальному представленію дано психологическое осно-

ваніе. Кромѣ того, опираясь на заговоры, намъ пришлось бы положить, что всякое сравненіе въ пѣснѣ имѣетъ миѳическое основаніе, миѳическій смыслъ, что по меньшей мѣрѣ было бы странно. Гораздо проще и естественнѣе думать, что голубю и голубкѣ, какъ символу любви, дано психологическое основаніе: это—уподобленіе, явившееся результатомъ близкаго наблюденія окружающей жизни и природы. По крайней мѣрѣ, относительно пѣсенъ символомъ любви является далеко не одни голубь и голубка, а очень многія птицы: лебедь, утка, перепелка, кукушка (рѣже) и др., исключая, конечно, хищныхъ, изъ которыхъ одинъ соколъ имѣетъ эту привилегію. Послѣднее обстоятельство, при всей своей кажущейся маловажности, на нашъ взглядъ, значительчо подкрѣпляетъ положеніе, принятое нами, что голубь и голубка стали символомъ любви на почвѣ психологической. Конечно, трудно подмѣтить всѣ оттѣнки, которые способенъ принять тотъ или другой образъ, тѣмъ болѣе, что они такъ легко портятся, искажаются въ устномъ обращеніи пѣсенъ, но что образъ отрывается отъ своего основанія, что случаи его приложенія умножаются черезъ то, что онъ перестаетъ быть образомъ, какъ скоро теряется психологическая связь и онъ становится простымъ значкомъ какимъ-то,—это можно видѣть на варіаціяхъ любого такого образа. Такимъ путемъ создается масса ходячихъ образовъ, и чѣмъ они общѣе, тѣмъ больше этой мелкой монеты въ обращеніи въ пѣсенномъ репертуарѣ. Вотъ образчикъ ряда простыхъ образовъ, соединенныхъ въ одной пѣснѣ:

Какъ на дубчикѣ два голубчика
Цѣловалися, миловалися,
Сизыми крыльями обнималися.
Отколь ни взялся младъ ясенъ соколъ,
Онъ убилъ, убилъ сизова голубя,
Сизова голубя, мохноногова:
Онъ кровь пустилъ по сыру дубу.
Онъ кидалъ перья по чисту полю,
Онъ пухъ пускалъ по поднебесью.
Какъ растужится, разворкуется
Сизая голубушка по голубѣ,
О голубчикѣ мохноногенькомъ.
Какъ взговоритъ младъ ясенъ-соколъ:
Ты не плачь, не плачь, сиза голубушка,
Сиза голубушка по своемъ голубчикѣ,
Полечу я на сине море,
Пригоню тебѣ голубей стадо,—
Выбирай себѣ сизова голубя,
Сизова голубя мохноногова.
Какъ возговоритъ сиза голубушка:
Не лети, соколъ, на сине море,
Не гони ко мнѣ голубей стадо:
Вѣдь то мнѣ будетъ ужъ другой вѣнецъ,
Милымъ голубушкамъ не родной отецъ.
(Сах. ч. IV, семейн. 46).

Какимъ путемъ „образъ" все дальше и дальше отходитъ отъ своего основанія—сравненія?

Сравненіе любящихъ съ парою голубковъ сдѣлалось настолько обычнымъ, что для его приложенія нѣтъ нужды въ формальномъ сравненіи, параллелизмѣ и проч., напр., у Сах. III, сговорн. 69.

Въ слѣдующей пѣснѣ, напримѣръ (Сах. III, сговорн. 48):

У насъ нынѣ рано на зарѣ
Щекотала ласточка на дворѣ,
Плавала лебедушка по водѣ.
Сидѣла свѣтъ-Машенька на камнѣ,
Сидѣла Ивановна на бѣломъ;
На бѣломъ камушкѣ сидючи,
Свои бѣлы рученьки хватаючи,
На крутой берегъ глядючи, и проч.,—

„Плавала лебедушка“ и „сидѣла свѣтъ Машенька“— не сравненіе. Нельзя сказать, чтобы это было порчею стиха: такъ пришлось бы признать, что неиспорченной нѣтъ ни одной пѣсни. Это, именно, указанный выше процессъ: и ласточка, и лебедушка—образы дѣвушки, взятые безъ отношенія къ тому, что дѣлаетъ дѣвушка; при этомъ ласточка и лебедушка взяты слагателемъ-пѣвцомъ таковыми, какими онъ ихъ знаетъ и привыкъ видѣть: ласточка—щекочущей, лебедушка—плавающей.

Мы уже указывали выше, что „образъ“, когда-то, можетъ быть, находившій себѣ приложеніе въ пѣснѣ, лишенный таковаго, становится „запѣвомъ“, опредѣляющимъ общій тонъ пѣсни, почти всегда минорный. Какая судьба такихъ запѣвовъ? Очень часто самая превратная: они кристаллизуются, совершенно случайно фиксируются и приближаются къ „припѣвамъ“ въ шуточныхъ пѣсняхъ; напр.:

На улицѣ то дождь, то снѣгъ,
То дождь, то снѣгъ то вьялица,
То вьялица, то метелица;
Крутитъ, мутитъ въ глаза несетъ,
Меня младу свекоръ зоветъ.

„Для свекрушки сама съ мѣста не тронуся“—продолжаетъ пѣсня. Далѣе опять запѣвъ и та же исторія съ свекровью. Опять тотъ же запѣвъ, но зоветъ уже „милъ другъ“, тогда

Иду иду, скорешенько,
Скорешенько, торопешенько
(Сах. IV, 24).

Въ первыхъ двухъ случаяхъ (зоветъ свекоръ, свекровь) можно, конечно, понять запѣвъ въ томъ смыслѣ, что сравнивается зимняя непогода или, точнѣе сказать, производимое ею впечатлѣніе съ впечатлѣніемъ отъ зова свекра, свекрови; но запѣвъ этотъ теряетъ всякій смыслъ въ третьемъ случаѣ: зоветъ „милъ другъ“. Закрѣпленію такихъ запѣвовъ въ пѣсняхъ, видимо, очень способствуетъ риѳма; здѣсь очень удобно риѳмуются: „несетъ“ и „зоветъ“. Вообще, въ народной пѣснѣ риѳма идетъ впереди содержанія, такъ сказать, ведетъ его за собой, напр.:

Какъ хотѣла меня мать
За Филипушку отдать:
У Филипа въ саду липа—
Завсегда я буду бита.
(Шейнъ, пляс. № 15).

О логичности такой риѳмовки не спрашивается. Вообще въ народной пѣснѣ риѳма сравнительно рѣдка, но въ короткихъ плясовыхъ—очень обычна. Почему такое исключеніе для плясовыхъ? При отсутствіи музыки отъ плясовой пѣсни требовался извѣстный „ладъ“, который и достигался отчасти риѳмой, повтореніемъ одного и того же слова и даже части его, отъ чего получалась нѣкоторая аллитерація, напр., въ какомъ-нибудь безсмысленномъ наборѣ словъ, распѣваемомъ на мотивъ плясовой:

Приходи, кума, за лёдомъ—
Леду дамъ, леду дамъ.

Или: Рукавицы,-вицы-вицы
Позабылъ!

До чего можетъ истрепаться „припѣвъ", видно изъ судьбы, постигнувшей извѣстный припѣвъ: „Ахъ, Дунай..." Въ г. Тулѣ, извѣстномъ своими гармониками, мѣстными гармонистами, которыми оказываются большинство мастеровыхъ, выработался особый терминъ для игры на „гармошкѣ"—„Дунай разводить".

Слѣдующимъ за „образомъ" высшимъ техническимъ пріемомъ творчества является *символъ*. Беремъ этотъ терминъ въ смыслѣ „образа", не сразу понятнаго по вызвавшимъ его ассоціаціямъ мыслей. Какъ и выше, начнемъ съ простѣйшихъ типовъ „символа". М. б., эти простѣйшіе символы и дѣйствительно покажутся простѣйшими, понятными, т. е. явится вопросъ: почему же мы отдѣляемъ ихъ отъ разобранныхъ выше „образовъ"? Правда, эта группа символовъ не удалилась далеко отъ общей всѣмъ „образамъ" (въ широкомъ смыслѣ слова) основы—*сравненія*, настолько, чтобы быть совсѣмъ непонятной; но то обстоятельство, что въ этой группѣ находятся уже зачатки будущихъ отдѣльныхъ символовъ, что мы найдемъ здѣсь объясненіе возникновенію такихъ отдѣльныхъ летучихъ символовъ,—кажется, даетъ намъ основаніе допустить такое раздѣленіе. Пояснимъ свою мысль на пѣсняхъ:

Что цвѣли-то, цвѣли—цвѣли въ полѣ цвѣтики,
Цвѣли да поблекли, 2.

Что любилъ-то любилъ—любилъ парень дѣвицу,
Любилъ да покинулъ; 2....

(Якушк. № 14).

Ясно—сравненіе; дальше:

Цвѣтики цвѣточки,
Лазуревы мои!
Что же вы не весело
Цвѣтики цвѣли?
Или вамъ дожди-то
Были очень малы,
Лютые морозики
Крѣпко студены?

На эти на цвѣтики
Палъ меленькій дождь.
Не дали со миленькимъ
Подольше гулять, 2
Рѣчей поговорить.
Личному любезному
Въ очи напенять:
Что долго не женишься, и пр.

(Як. 121).

Понятно, конечно, что и это сравненіе, именно сравненіе судебъ, которыя встрѣчаетъ любовь, съ судьбами въ жизни растеній: какъ жизнь растенія во власти погоды, такъ любовь—во власти обстоятельствъ и счастья; но съ формальной стороны образъ этотъ, видимо, уже отходитъ отъ сравненія. Вотъ онъ отходитъ еще дальше:

Ты трава ль моя,
Ты шелковая,
1. Ты весной росла,
2. Лѣтомъ выросла,
3. Подъ осень травка
Засыхать стала, –

Про милаго дружка
Забывать стала;
Милъ сушилъ,-крушилъ,
Сердце высушилъ,
Онъ и свелъ меня
Съ ума разума

(Шейнъ, голосов. № 5).

А образъ между тѣмъ такъ простъ, такъ понятенъ: 1, полюбилъ; 2, окрѣпла любовь — сулила счастье; но 3, пришла пора—разлюбилъ,—совершенно такъ же въ природѣ!

Въ слѣдующей пѣснѣ примѣненія образа не видно совершенно, и въ этомъ-то смыслѣ „образъ“ представляетъ собою новый видъ—„символъ“ понятія.

1. Ты рябинушка, ты кудрявая,
2. Ты когда взошла, когда выросла?
3. Ты рябинушка, ты кудрявая,
4. Ты когда цвѣла, когда вызрѣла?—
5. Я весной взошла, лѣтомъ выросла,
6. Я весной цвѣла, лѣтомъ вызрѣла.
7. Подъ тобою ли, подъ рябинушкою,
8. Что не макъ цвѣтетъ, не трава растетъ,
9. Не трава растетъ, не огонь горитъ
10. Не огонь горитъ—ретиво сердце,
11. Ретиво сердце, молодеческое.

(Горитъ сердце по красной дѣвушкѣ: на зарѣ оставила она жизнь..., Сах. IV, № 8). Мы видѣли, что такой образъ, какой заключенъ въ первыхъ шести стихахъ пѣсни, символизуетъ собой любовь въ извѣстныхъ мѣняющихся обстоятельствахъ. Уже седьмой стихъ, раціонализуя образъ, заключенный въ первыхъ шести, указываетъ на то, что въ данномъ образѣ „сравненіе“ совершенно не сознавалось.

Что символизуетъ дерево съ подмытыми корнями въ какой-нибудь пѣснѣ, въ родѣ:

Съ молодцомъ дѣвка застоялася,
На рябинушку дѣвка заглядѣлася,
На кудрявую она засмотрѣлася.
—Ты рябина моя, рябинушка,
Ты рябина моя, кудреватая,
Кудреватая рябина, щеглеватая!
Не стой, рябина, близко къ берегу,—
Что придетъ-то придетъ весна красная
Что подмоетъ твои сучки-вѣточки,
Сучки-вѣточки, всѣ отросточки.

(Шейнъ, голосов. № 6).

Корни или вѣточки, сучечки, отросточки—это все одно. Говорятъ, что настоящій символъ данъ миѳологической традиціей, а что уже впослѣдствіи онъ сталъ поэтическимъ образомъ—горя, несчастья въ любви и т. п., здѣсь—грядущаго несчастья. Врядъ ли возможно объясненіе, что сперва „береза“, „рябина“, „сосна“, „верба“ съ подмытыми кореньями были символами миѳологическаго происхожденія, а что уже время сдѣлало изъ нихъ поэтическій образъ, взятый изъ природы. Странно было бы думать, что природа сама по себѣ не могла наводить пѣвца или слагателя на сравненіе жизни человѣка съ жизнью окружающей его природы и вызывать въ умѣ ихъ художественные образы для своихъ созданій, а что для этого потребовался сперва толчекъ со стороны миѳическихъ березы, рябины, сосны и проч.,—толчекъ, напр., въ формѣ раціонализаціи переставшаго быть понят-

нымъ образа. Несомнѣнно, конечно, что была береза, сосна... вообще дерево и миѳологическаго происхожденія: есть пѣсни, гдѣ то или другое дерево является въ такомъ фантастическомъ, сказочномъ нарядѣ, что пѣсни непонятны внѣ миѳологической традиціи, но такое миѳологическое дерево могло дать свой рядъ преемственныхъ символовъ, какъ дерево поэтическое—свой (символъ лица, понятія, мысли).

Интересенъ символъ „калина". Данъ ли онъ какимъ-либо повѣріемъ въ родѣ того, что калиновый цвѣтъ утоляетъ сердечную скорбь (Потебня, указ. соч. т. I, стр. 7, по Костомарову объ ист. зн. р. п.), или имѣетъ болѣе простое основаніе? Потебня отмѣчаетъ, что символъ „калина" примѣняется къ солнцу, солнце же часто является символомъ дѣвушки; представленіе же дѣвушки въ образѣ солнца, конечно, миѳологическаго происхожденія. Потебня же, на 57-ой страницѣ II т. указ. соч., указываетъ еще на одно обстоятельство, чуждое чего-либо миѳологическаго, но давшее основаніе тому же символу—калина. „Такъ и калина",—говоритъ онъ,—надъ которой поетъ соловей, бѣлыми цвѣтами, потомъ пучками красныхъ ягодъ какъ-бы освѣщаетъ темный фонъ береговой поросли. Эта обычная по нашимъ рѣчкамъ картина объясняетъ пѣсенныя сравненія: калина—дочь, дѣвушка; лугъ—взростившій и хранящій ее отецъ; калина—молодость, красота, радость; „темный лугъ"—печаль. Что касается великорусской пѣсни, то мы не нашли сочетанія „калина" и „лугъ", поэтому трудно сказать, данъ ли символъ „калина" такою же ассоціацией мыслей, какъ и въ малорусской пѣснѣ. Намъ думается, что онъ данъ и не миѳологическимъ преданіемъ, а также возникъ изъ сравненія съ природой. По отношенію къ „калинѣ" у насъ нѣтъ примѣра, но есть косвенное указаніе: „калина" очень часто употребляется въ раздѣльномъ или слитномъ сочетаніи съ „малиной", что даетъ одинъ символъ—„калина-малина"; соединеніе синонимовъ очень обычно въ народномъ языкѣ—травка-муравка, груша-яблонь и мн. др.

Не правдива малина!
Сказывала, будто цвѣсти не будешь,
Зеленаго листка не пустишь,
Алаго цвѣтка не выцвѣтишь;
Какъ пришла-то пора,
Малинушка расцвѣла,
Зеленые листики пустила,
Алые цвѣтики расцвѣтила.

(Неправдива Машенька: говорила—замужъ не пойду, Ивана не люблю; пришла пора—замужъ пошла. Сах. III, сговорн. 79. Или: ibd. 42; Сах. II, хоров. 44).

Рано калинушка, рано въ полѣ расцвѣла.
На ту пору матушка меня родила,
Не собравшись съ умомъ-разумомъ,
въ чужіе люди отдала.
(Шейнъ, голосов. 68).

Нельзя сказать, чтобы здѣсь было кажущееся по формѣ обращеніе символа лица въ указаніе времени событія. Это скорѣе—

самостоятельный символъ: калина цвѣтетъ—любовь, счастье дѣвушки; калина *рано* расцвѣла—несчастье, горе...

Но вотъ символъ „калина" приведенъ въ связь съ другимъ —„разливомъ воды":

„Калину съ малиной вода поняла,
„На ту пору матушка меня родила,

(Выдала, не подумавши, на чужую сторону).

Понимать ли данные два стиха пѣсни такъ, что второй есть раціонализація, а, слѣдовательно, первый—дѣвушку постигло несчастье, отдача на чужую сторону, или—второй понимать буквально, а первый тогда въ смыслѣ *пророческаго* символа (т. е., во время рожденія дѣвушки полая вода затопила калину: это ей предсказываетъ черезъ ея символъ несчастье),—все равно: символъ „калина" будетъ далекъ отъ чего бы то ни было миѳическаго. Замѣтимъ между прочимъ, что калина не есть исключительно символъ дѣвушки, дѣвства: онъ примѣняется и къ замужней женщинѣ (срв., напр., Шейнъ, бесѣдн. 11). Кромѣ того, есть пѣсня, гдѣ отдача дѣвушки замужъ на чужбину (горе для матери) символизуется тѣмъ, что полая вода уноситъ прямо самоё дѣвушку, а символъ калина отсутствуетъ:

Разлилась, разлелѣялась
По лугамъ вода вешняя;
Унесло, улелѣяло
Чадо милое, дочь отъ матери и пр.

(Сах. III, на дѣвичн. 132).

Мы думаемъ, что настоящая пѣсня подтверждаетъ то, что „калина" есть отдѣльный отъ сравненія символъ.

Какъ и многіе другіе, не избѣгъ кристаллизаціи и символъ „калина"; но гдѣ онъ кристаллизовался окончательно, такъ это въ припѣвахъ. Сколько пѣсенъ съ припѣвомъ: „калина-малина!"; быть можетъ, созвучныя окончанія—калина-малина—сдѣлали ихъ такими излюбленными припѣвами. Если внѣшняя природа, черезъ сравненіе съ нею различныхъ случаевъ человѣческой жизни, давала народному поэту художественные образы; если цѣлые образы выдѣляли изъ себя отдѣльные символы, то, кажется, были случаи и обратнаго процесса возникновенія символа. Приписывая неодушевленному предмету чувства человѣка, слагатель-пѣвецъ закрѣплялъ за этимъ предметомъ приписанныя ему, хотя бы на основаніи слабаго, отдаленнаго сходства, чувства и свойства: создавался символъ. Таково происхожденіе символа—„свиваться", символа любви.

Не свивайся, не свивайся трава съ павеликой!
Не свыкайся, не свыкайся молодецъ съ дѣвицей.
Хорошо было свыкаться—тошно разставаться.

(Якушк., 124).

Точно также „наклоненіе одного дерева къ другому“ символизуетъ свободную любовь, склонность:

Руби, руби, молодецъ,
Куда древо клонится,
Отдай, отдай, батюшка,
Куда замужъ хочется....

(Шейнъ, хоров. 34).

Разберемъ параллельные символы—„сѣять“ („сажать“) и „топтать“. Есть очень много пѣсенъ, гдѣ сѣютъ именно дѣвушки. Въ силу извѣстнаго поэтическаго пріема, то, что сѣется, становится символомъ лица сѣющаго, такъ что, если сѣютъ ленъ, то „ленъ“—дѣвушка. Даже если принять во вниманіе пѣсни, гдѣ сажаетъ (или поливаетъ, вообще „ходитъ за“) не дѣвушка, а молодецъ (напр. Сах. III, сговорн. 60), и одну, гдѣ даже сѣетъ молодецъ (Сах. IV, 14), то все-таки многочисленныя пѣсни, гдѣ сѣютъ именно дѣвушки, а не молодцы, достаточно прочно закрѣпили и опредѣлили символъ „посѣяннаго“.

Вспомнимъ наши свадебныя пѣсни, гдѣ пріѣздъ жениха со сватами представляется какимъ-то разбойническимъ набѣгомъ: они подломили сѣни, раздавили чару, выпугнули соловья; и принесъ-то ихъ не хорошій, лютый вѣтеръ—сѣверный, и пусть такое представленіе возникло съ точки зрѣнія дѣвушки, склонной, передъ разлукой съ домомъ, воображать себѣ „чужбину“ чѣмъ-то ужаснымъ и враждебнымъ ей,—для насъ важенъ фактъ существованія такого представленія, независимо отъ вызвавшихъ его причинъ. Конечно, въ такой пѣснѣ, какъ:

У воротъ трава росла,
У воротъ шелковая;
Кто ту траву потопталъ,
Кто ту потопталъ шелковую?

(молодецъ—отвѣчаетъ пѣсня.... Сах., сговорн. 33),—символъ „топтать“ могъ пойти и отъ реальности; но въ тѣхъ пѣсняхъ, гдѣ символъ „топтать“ стоитъ вмѣстѣ съ „сѣять“, тамъ происхожденіе перваго, несомнѣнно, иное. Принявъ во вниманіе сказанное сейчасъ, мы можемъ думать, что символъ „топтать“ находится въ той или другой связи съ представленіемъ себѣ дѣвушкой сватовства чѣмъ-то враждебнымъ, посягающимъ на ея дѣвическую вольность, на „нѣгу матушкину“. Что касается того, что топчетъ молодецъ *конемъ* или *конь* такого-то, то это слишкомъ понятно: „конь“—обычный символъ молодца, также какъ сѣемое есть символъ сѣющей. Кромѣ того, въ пѣсняхъ (хороводныхъ), какъ: „А мы просо сѣяли“..., символы „сѣять“ и „топтать“ могли быть даны и другими ассоціаціями мыслей, правда, очень близкими. Въ этихъ пѣсняхъ дѣвушки и молодцы представляются врагами другъ другу, но эта вражда, конечно, только—„милый задоръ“, вызванный деревенскимъ кокетствомъ дѣвушекъ и своеобразными пріемами ухаживанія парней. Такая quasi-вражда могла образовать символы „сѣять“ и „топтать“. Подобное пони-

маніе данныхъ символовъ вовсе не говоритъ противъ того, что въ пѣснѣ—„А мы просо сѣяли“ нѣтъ никакихъ древнихъ чертъ; она могла быть сопровожденіемъ очень древней игры, даже съ миѳическими чертами; но этотъ древній слой, если ужъ онъ есть, не можетъ свидѣтельствовать о томъ, что символы „сѣять“ и „топтать“ не произошли подъ вліяніемъ ассоціацій мыслей, понятныхъ и возможныхъ и въ наше время въ крестьянской средѣ. Вѣдь, при такомъ взглядѣ, пришлось бы положить, что въ „сѣдую древность“ пѣсня была однимъ голымъ наборомъ миѳологическихъ представленій.

Мы привели сейчасъ два ряда ассоціацій мыслей, которыя могли дать символы „сѣять“ и „топтать“. На этомъ уже видно, какъ разнообразны могутъ быть основанія тѣхъ или другихъ символовъ, а отсюда—какъ могутъ варьироваться послѣдніе. Въ сборникѣ Сахарова есть пѣсня (IV, 14), гдѣ „сѣетъ цвѣты“ молодецъ. Этотъ символъ означаетъ любовь молодца, которую требуется раздѣлить, что выражается символомъ „поливать цвѣты.“ Такъ иногда можетъ показаться тотъ или иной символъ причудливымъ или испорченнымъ, тогда какъ онъ есть одна изъ многихъ варіацій основного, простого символа. Проф. Потебня приводитъ для этого даже особое методологическое правило:„... распредѣлять символы не только по образамъ, на и по представленіямъ въ ихъ связи, т. е. по параллельнымъ рядамъ представленій“ (указ. сочин., т. I, стр. 42). Вооружившись такимъ, дѣйствительно, плодотворнымъ методомъ, можно установить безконечные ряды символовъ.

Теперь обратимся къ тому, какъ оперируетъ пѣвецъ-слагатель надъ символами, завѣщанными миѳологическою традиціей. Возьмемъ нѣсколько самыхъ типичныхъ и посмотримъ, какъ и насколько отразилась художественная техника на примѣненіи традиціонныхъ символовъ къ мотиву. Возможное возраженіе на то, что отражающаяся художественная техника есть дѣло позднѣйшаго времени, не будетъ возраженіемъ по существу: характеризовать пѣсню, со стороны ли отразившихся въ ней миѳологическихъ воззрѣній человѣка, или со стороны техническихъ пріемовъ творчества мы можемъ только на основаніи матеріала, который даютъ пѣсни сами, а не на основаніи несуществующихъ, но могшихъ существовать пѣсенъ.

Вотъ, напр., изображеніе чудеснаго дерева, просящееся быть отнесеннымъ къ миѳологическому преданію:

Какъ у города, у Архангельскаго,—
Виноградье красно-зеленое (*припѣвъ*).
У тово же пристанища карабельнова,
Тутъ стояла береза кудреватая,
У этой березы коренье булатное,
У этой березы кора позолочена,
У этой березы прутья серебряны,
На этихъ же прутьяхъ листья камчатные,
У этой же березы высокъ теремъ;
Тутъ сидѣла же душа красна дѣвица,
Она шила вышивала шириночку,
Шила вышивала чистымъ серебромъ,
Она строчки строчила краснымъ золотомъ

А тутъ зазрѣлъ засмотрѣлъ добрый молодецъ:
Я пойду да добрый молодецъ въ кузницу,
Искую три пилы, три булатныя,
Потпилю же я березу кудреватую
Уроню же я съ березы высокъ теремъ!
А тутъ услышала душа красна дѣвица.
И не ходи же, доброй молодецъ, въ кузницу,
Не куй три пилы, три булатныя,—
Ну и будетъ время—сама сойду,
(Сама сойду), за тебя пойду.
(Потебня II т., 394 стр.).

Нарядъ, дѣйствительно, чудесный! Но въ дальнѣйшемъ примѣненіи символа этого „чудеснаго" дерева обнаруживается уже техника творчества; именно, связующій символъ „подпилить"(рубить дерево, яблоню, грушу и т. д.), уже встрѣчавшійся намъ, довольно обыченъ въ пѣсняхъ. Возьмемъ другое „чудесное" дерево.

Стояли комони, пошибши головы,
Слышали комони дальнюю дорожку,
Повозку тяжелую съ душой красной дѣвицей.

(Женихъ говоритъ):

„Потихоньку, бояры, съ горы спускайтеся,
Не поломайте, бояры, кипарисна дерева!
Въ кипарисномъ деревцѣ было три угодійца:
Первое угодье—три пчолы ярыя,
Другое угодійце—звончатыя гусельцы.
Третіе угодійце—душа красна дѣвица.
Съ душой красной дѣвицей мнѣ вѣкъ вѣковать,
Съ душой красной дѣвицей мнѣ тошну ночь коротать".
(Шейнъ Р. н. п. 563, № 33).

Какъ-бы то ни было, а пока дерево - „чудесное", хотя какой-нибудь эпитетъ „кипарисное" здѣсь, очень можетъ быть, играетъ ту же роль, что и всегда готовый къ услугамъ пѣвца-слагателя эпитетъ „калиновый". Во всякомъ случаѣ, кристаллизація эпитета „кипарисный" подтверждается многими другими примѣрами. Далѣе, запѣвъ пѣсни очень не рѣдкій въ свадебныхъ пѣсняхъ.

Съ ранней утренней зори
Стояли кони на дворѣ;
Никто про тѣхъ коней не знаетъ,
Никто про тѣхъ не вѣдаетъ;
Одна знала-спознала Машенька....
(Сах. III, сговорн. 15).

Конечно, это—не болѣе и не менѣе, какъ кони сватовъ или жениха, готовые увезти дѣвушку изъ родительскаго дома, отсюда ставшіе символомъ близкаго выхода замужъ, сватовства, то желаннаго, какъ въ послѣдней пѣснѣ (дѣвушка засыпаетъ конямъ сахару и поитъ ихъ сытою), то нежеланнаго, откуда и кони представляются какими-то грозными исполнителями судьбы:„ не сама-то я къ вамъ заѣхала, —завезли меня кони N. "

Итакъ, остается непонятнымъ само „дерево", да „три угодійца". Но вотъ, пѣсня, гдѣ, кажется, проясняются эти непонятныя „трои пчолы ярыя," будучи видоизмѣнены:

Ужъ вѣтры мои, вѣтерочки,
Ваши тонки голосочки!
Вы не дуйте, вѣтры, на лѣсочки,
Не шатайте, вѣтры, во бору сосну!
Во бору ли сосенкѣ стоять тошно.
Стоять тошно сосенкѣ, невозможно;
Не водой ли сосенку подмываетъ,
Горностайка къ сосенкѣ подбѣгаетъ;
Посередь-то сосенки пчелы вьются,
Пчелы вьются,пчелушки не привьются.

Какъ у Ванюшки кудри вьются —не зазьются,
Какъ у Любушки слезы льются, льются—не уймутся.
Ты скажи-ка, Любушка, о чемъ плачешь?
. . . .
Ужъ есть у меня печаль-горе,
Отдаютъ дружка въ солдаты!

(Варенцовъ. Сбрн. пѣс. Самар. края, солдатскія № 6).

Второе угодье въ первой пѣснѣ также понятно: гусли — дѣвица: игра на гусляхъ—любовь молодца. Впрочемъ, надо замѣтить, послѣдній символъ не всегда примѣняется послѣдовательно: бываетъ, что на гусляхъ приходится играть не молодцу, а дѣвушкѣ (напр., Сах., III, 90). Такія метаморфозы, замѣтимъ, очень часто встрѣчаются, при нагроможденіи символовъ, какъ здѣсь: „рубить яблонь“ и „тесать“, „дѣлать гусли“ и „играть“ на нихъ—синонимическіе символы. Поэту-слагателю очевидно, трудно бываетъ справиться съ обиліемъ однозначащихъ или сродныхъ символовъ. Разберемъ только что приведенную пѣсню (изъ сбор. Варенцова). Мы постепенно подойдемъ къ тому, какъ въ ней проясняются непонятныя въ выше приведенной (Шейнъ № 3·) „трои пчолы ярыя“.

„Вѣтеръ шатаетъ въ бору сосну“, „водой сосенку подмываетъ“. „Горностайка къ сосенкѣ подбѣгаетъ“—врагъ сосны (говоритъ Потебня). Сопоставленіемъ: „пчелы вьются“—„слезы льются“ и „кудри вьются—не завьются“,—вводится мотивъ пѣсни. Что же касается „пчелы вьются“—„слезы льются“, то оно „основано (говоритъ Потебня, II т., стр. 219) на представленіи пчелъ разлетающимися и разливанья — разсыпанья (разлетанья) образомъ горя“. „Сосенка“ здѣсь, конечно, въ роли дерева („чудеснаго“)· есть пѣсни, гдѣ и сосна является въ такомъ же чудесномъ нарядѣ.

Пусть „садъ“—символъ, идущій изъ глубокой древности, но напр. въ великорусской пѣснѣ:

Ахъ ты садъ ли, ты мой садочекъ,
Садъ да зеленое виноградье!
Къ чему ты, садъ, рано расцвѣтаешь,
Расцвѣтаешь, садъ, засыхаешь,
Землю листьемъ, садъ, устилаешь?
Не пришло еще поры-времени;
Я сама тебя, садъ, садила,
Я сама тебя поливала,
Животъ, сердце надрывала,
А не для ково инова,
Для своего ли друга милова;
Что въ тебѣ ли, да во садочкѣ,
Соловей пѣсни воспѣваетъ,
Что и тотъ ли вонъ вылетаетъ,
А тебя, садикъ, пустъ оставляетъ,—

(Дѣвушка спрашиваетъ молодца, отчего пересталъ ходить къ ней... долго ждала она его вчера... Сах. IV семейн. 42),—въ этой пѣснѣ, что осталось отъ сѣдой старины?—Садъ—виноградье? Но это—припѣвъ, который, извѣстно, гораздо консервативнѣе и можетъ жить долго послѣ того, какъ сама пѣсня, ея мотивъ разорвалъ всякую связь съ древностью. Кромѣ того, это „виноградье“, несомнѣнное заимствованіе: откуда пѣвецъ-слагатель,

никогда не видѣвшій виноградниковъ, могъ взять этотъ образъ? „Расцвѣтъ сада“, „опаденіе листвы“ это — начало и конецъ любви („садъ садила“). „Садъ садила“—любовь, которую лелѣяла дѣвушка; „соловей, пѣвшій въ саду, но улетѣвшій потомъ“,—символъ молодца, любившаго когда-то, но любви котораго теперь положена преграда. Стóитъ ли и есть ли основаніе возводить рядъ этихъ символовъ къ древности!

Извѣстенъ солнечный миѳъ. „По эмпирически выведенному правилу, аттрибутъ миѳической личности изображаетъ то же явленіе, что и она сама. Такъ какъ золотое яблочко, золотое яичко, золотой перстень—образы солнца, то и дитя (дѣвица), которое играетъ ими, есть солнце“ (Потебня, указ. соч. II т., 58 стр.). Такъ, но что дало основаніе обратному символу — солнце=дѣвушка? Есть, пѣсни, гдѣ ясенъ этотъ миѳъ, но какъ объяснить такія пѣсни, какъ:

Перекатно красно солнышко,
Ты звѣзда перекатная,
За облакъ звѣзда закатилася
Прочь отъ свѣтлаго мѣсяца
Перешла наша дѣвица
Изъ горницы въ горницу, и пр.
(Сах. III, 117)

Катилось солнышко къ западу
Катилось красное ко терему,
Ко терему боярскому, княженецкому;
Восходилъ свѣтелъ мѣсяцъ ко востоку,
Онъ свѣтитъ ясно и не меркнетъ,
А кидаетъ лучи ясные
Къ Машенькѣ во высокъ теремъ.

(Пріѣзжали князья-бояры, входили въ свѣтлицу, звали М.... Сах. III, 133).

Шло солнышко по залѣсью,
Шло оно, остановилось.

(Шла красная дѣвица ко терему, шла и остановилась: „возьмите отъ меня ключи, батюшка, матушка,—больше я у васъ ни „ключница“, ни „ларешница“, Сахар., 152).

Что это, какъ не величаніе только?. Въ слѣдующей же пѣснѣ такимъ мнимымъ символомъ дѣвушки является не только солнце, но и мѣсяцъ:

Играло солнце красное,
Играло, да затмилося;
Свѣтилъ свѣтелъ мѣсяцъ,
Свѣтилъ, да померкнулъ.

(Веселилась Машенька да пріуныла: никто не пожалѣетъ ее... Сах. III, 155).

Что опять, какъ не величанье же дѣвушкѣ черезъ величанье отца, матери, братьевъ и свахъ, заключается въ слѣдующей пѣснѣ?

Что не батюшка выдаваетъ,
Что не матушка снаряжаетъ,
Что не братцы въ поѣздѣ,
Не сестрицы въ свашенькахъ:
Выдаетъ свѣтелъ мѣсяцъ,
Снаряжаетъ красное солнце,
Частыя звѣзды въ поѣздѣ,
Вечерняя заря у свашенькахъ, и проч.

(Шейнъ № 524).

Это—своего рода апоѳеоза, но еще вопросъ, насколько въ ней непосредственной вѣры и насколько техники творчества?

Возьмемъ еще нѣсколько символовъ, завѣщанныхъ миѳологической традиціей. Посмотримъ, что внесено въ нихъ, точнѣе—въ ихъ примѣненіе, творческою техникою?

„Разсыпанье жемчуга“ и „собиранье жемчуга“. Золото, жемчугъ, бисеръ и проч.—одинъ и тотъ же символъ. Это—аттрибуты солнца. Дѣло представляется, слѣдовательно, такъ: дѣвица, сѣющая золото, была символомъ солнца; этотъ образъ впослѣдствіи перенесенъ былъ на дѣвушку-невѣсту; „въ этомъ,—говоритъ Потебня,—и заключается, конечно, теперь утратившее свой смыслъ величанье послѣдней“. Величанье есть уже вторичный, производный актъ творчества, потому что, какъ ни представлять себѣ созданіе миѳологическихъ образовъ, все же нельзя въ видѣ какихъ-нибудь галлюцинацій всевозможнаго порядка; доля творчества есть и тутъ: аттрибутты миѳическаго лица взяты ни откуда, какъ съ земли. Чтобы перенести черты, приписанныя миѳическому лицу, обратно на землю, для этого, конечно, требовалось творчество. Естественно, что, при примѣненіи чертъ, перенесенныхъ съ неба на землю, символъ могъ быть или ближе къ небу (въ смыслѣ „сѣдой старины“) или къ землѣ. Напр.:

Растопись, банюшка,
Разгорись, сыра каменка,
Ты разсыпься, крупенъ жемчугъ,
Ни по атласу, ни по бархату.
По браной по скатерти,
По серебряному блюдечку!
Расплачься, красная дѣвица,
Передъ своимъ отцомъ, матерью...
(Якушк. № 5).

„Жемчугъ“—символъ слезъ. На это указываютъ снотолкованія. Дальше: заря—роса, роса—слезы; заря—солнце, солнце—дѣвушка. Соединеніе символовъ „разсыпать жемчугъ“ и „собирать разсыпанный жемчугъ“ съ отцомъ, съ милымъ и проч. даетъ новый символъ, который можно назвать уже третичнымъ. Такъ это, напр., въ слѣдующей пѣснѣ:

Во теремѣ дѣвица сидитъ,
Ожерельице жемчужное садитъ.
Разсыпала ожерельице
По всему высоку терему.
Не собрать, не собрать жемчужку
Ни батюшкѣ, ни матушкѣ,
Ни братцамъ, яснымъ соколамъ,
Ни сестрицамъ, бѣлымъ лебедямъ;
Соберетъ, соберетъ жемчугъ
Удалый добрый молодецъ
Со душой красной дѣвицей.
(Якушк., Рус. нар. пѣс. 177-8).

„Итти по мосту“. N переводитъ N черезъ жердочку (дощечку),—символъ, несомнѣнно, данный стариной: такъ естественно сблизить его съ хороводною игрою „мосты мостить“ или съ игрою „дощечка“. Въ какой-нибудь пѣснѣ:

Отъ горницы, отъ горницы
Да и до горницы
Лежатъ брусья, лежатъ брусья
Неотесанные,
Неоскобленные.

(По тѣмъ по брусьямъ шла дѣвушка N, несла въ рукѣ „зеленое вино", въ другой—„меды ставленные", подъ мышкою несла „бѣлъ крупитчатъ калачъ"... Сах. III, сговорн., 27),—упоминаніе этихъ „брусьевъ" не меньше, какъ описаніе дѣйствія обряда, который, б. м., настолько связанъ съ древностью, что имѣетъ значеніе священнодѣйствія.

Сильна связь и слѣдующей пѣсни съ обрядомъ, а можетъ быть и миѳологическимъ преданіемъ:

Ты зоря ль моя, зоренька,
Зорюшка вечерняя;
Ай люли, люли, лёли,
Зорюшка вечерняя!
Солнышко восхожее,
Высоко восходило,
Далеко освѣтило—
Черезъ лѣсъ черезъ поле,
Черезъ синее море.
Какъ на синемъ на морѣ
Тутъ лежала жердочка
Тонкая кленовая.
Тутъ никто не хаживалъ,
Никого не важивалъ;
Переходилъ добрый молодецъ,
Переводилъ красну-дѣвицу;
Переводилъ онъ ее—
И цѣлуетъ, и милуетъ....

(Якушк., обрядов. 5).

Уже здѣсь символизмъ въ достаточной степени заявляетъ свои права, и въ этомъ смыслѣ можно сказать, что старина. обрядъ предстоятъ въ этой пѣснѣ въ жалкихъ остаткахъ. Въ двухъ же другихъ варіантахъ этой пѣсни (Якушк. 100 и 132) символизмъ, разрывая связь съ обрядомъ, вступаетъ въ свои права безраздѣльно; особенно же это будетъ убѣдительно, если сдѣлать детальное сравненіе этихъ двухъ варіантовъ между собой: получится видоизмѣненіе примѣненія символа „жердочка". Такое детальное сравненіе сдѣлано нами въ началѣ нашей работы. Лучшимъ же, думается намъ, доказательствомъ того, что пѣсня даже самаго древняго происхожденія не чужда значительной технической обработки, служатъ „заговоры". Пусть, скажутъ, пѣсня утратила свой старинный обликъ и характеръ въ устномъ обращеніи, составляя какъ бы то ни было развлеченіе народа,—но заговоры, имѣющіе такую серьезную цѣль, должны обладать болѣе прочной традиціей: каждое слово заговора, говорятъ, имѣетъ магическое значеніе—пропустить или измѣнить хоть одно слово равносильно тому, что и не исполнить, какъ слѣдуетъ, какое-нибудь священнодѣйствіе. Да такъ оно и должно быть: разъ сравнительно культурные люди могли думать, что измѣненіе слова въ священнодѣйствіи (даже только фонетическое измѣненіе) могло сдѣлать недѣйствительнымъ таинство, то тѣмъ болѣе—непосредственный человѣкъ. Однако и на заговорахъ лежатъ слѣды техническаго творчества.

Сколько заговоровъ начинаются традиціонною формулой: „Встану я, рабъ Божій (имя рекъ), и пойду изъ избы въ двери, изъ дверей въ ворота, въ чистое поле, подъ востокъ, подъ восточную сторону".. (Майковъ, Загов. 3). Начало этой формулы мож-

но найти и въ пѣсняхъ. Въ заговорахъ также можно встрѣтить фиксацію эпитетовъ въ родѣ: „калиновый" щелокъ, „шелковый" вѣникъ и проч. Не послѣднюю, наконецъ, роль играютъ въ заговорахъ и „сравненія", и многія изъ нихъ тѣ же, что и въ пѣсняхъ. Спрашивается, какъ же рѣшить вопросъ: навязать ли всѣмъ „сравненіямъ" въ пѣсняхъ то значеніе, какое они якобы должны имѣть въ заговорахъ, или признать, что „сравненія" въ послѣднихъ,— конечно не всѣ,—имѣютъ то же значеніе, что и въ пѣсняхъ, т. е. это—техническіе пріемы творчества, которое, стало-быть, имѣетъ мѣсто въ заговорахъ?—Для насъ болѣе убѣдительно второе рѣшеніе вопроса. Разъ же такъ въ заговорахъ, то въ пѣснѣ тѣмъ болѣе. Конечно, иллюзія зрѣнія и слуха нѣсколько вѣковъ тому назадъ была у взрослыхъ на той степени, на которой она теперь у дѣтей нашихъ самыхъ глухихъ деревень: колеблющійся листъ, пустое дуновеніе вѣтра, необъяснимый сразу звукъ въ воздухѣ принимали у нихъ образъ, который они видѣли и въ который дѣйствительно вѣрили абсолютно, — это мы должны принимать во вниманіе; очень можетъ быть, что мы, у которыхъ не мыслима такая иллюзія, многое раціонализируемъ—видимъ только символъ тамъ, гдѣ одна наивная вѣра, но все-же техническіе пріемы творчества играли огромную роль въ пѣснѣ, и добрая половина въ ней принадлежитъ имъ, а въ такомъ случаѣ пѣсня не могла не выйти изъ устъ профессіональныхъ пѣвцовъ-слагателей. Переработки пѣсенъ, взаимное видоизмѣненіе мотива и техническаго пріема, варіаціи ихъ убѣдительно свидѣтельствуютъ обо всемъ этомъ.

Вл. Карповъ.

О ПОГРЕБАЛЬНЫХЪ ОБРЯДАХЪ.

I.

Остатки язычества въ погребальныхъ обрядахъ Малороссіи.

Въ различныхъ мѣстахъ Украины можно встрѣтить любопытныя особенности малорусскаго погребенія, связывающія этотъ трагическій актъ современной жизни съ далекой языческой стариной. Мнѣ лично приходилось наблюдать нѣкоторые подобные обряды въ Кіевской губ., въ Уманскомъ уѣздѣ; кромѣ того, я также собиралъ свѣдѣнія о нихъ и отъ другихъ лицъ и въ другихъ мѣстахъ. Нѣкоторые древніе обряды соблюдаются и въ настоящее время въ Малороссіи, другіе только недавно вышли изъ употребленія и извѣстны по воспоминаніямъ. Многіе изъ нихъ указываютъ на то языческое міровоззрѣніе, которое ясно уже обрисовалось въ погребальномъ обрядѣ, описанномъ у Ибнъ-Фадлана [1]).

Въ описаніи погребенія Русса онъ говоритъ, что къ покойнику въ палатку „принесли горячій напитокъ, плоды и благовонныя растенія и положили къ нему; принесли также хлѣбъ, мясо и лукъ и бросили предъ нимъ; принесли также собаку, разсѣкли ее на двѣ части и бросили въ судно. Затѣмъ принесли все его оружіе и положили о́-бокъ ему“; затѣмъ разрубили и бросили двухъ лошадей, двухъ быковъ, пѣтуха и курицу. Въ заключеніе пронзили кинжаломъ дѣвушку и положили вмѣстѣ съ мертвецомъ.

Основной смыслъ всѣхъ этихъ обрядовъ заключается въ вѣрѣ, что покойникъ и послѣ своей смерти продолжаетъ жить такою же жизнью, какою жилъ и до кончины; поэтому ему необходима пища, животныя, жена и прислуга.

Такой же смыслъ мы должны видѣть и въ погребальномъ обычаѣ, только недавно прекратившемся въ Малороссіи. Лѣтъ 50 назадъ, передаютъ старики, клали вмѣстѣ съ покойникомъ въ гробъ хлѣбъ, горшокъ съ кашей и графинъ съ водкой. До настоящаго времени практикуется обычай ставить вечеромъ того дня, въ который погребли умершаго, на покути (въ переднемъ

[1]) Сказанія мусульм. писателей, А. Я. Гаркави, стр. 96—101.

почетномъ углу) или на окнѣ стаканъ съ водой или водкой и горбушку (цилушку) хлѣба. Этотъ обычай основанъ на томъ вѣрованіи, что душа покойника приходитъ ужинать.

Въ наблюдаемой мною мѣстности принято, что покойника везутъ на возу или на саняхъ, непремѣнно запряженныхъ волами; въ старину же, говорятъ, возили покойника лѣтомъ и зимою только на саняхъ. При этомъ вокругъ покойника садятся дѣти, а иногда и взрослые родственники.

Несомнѣнно, глубокая древность видна и въ обычаѣ бросать въ могилу мѣдныя деньги. Объ этомъ обычаѣ упоминаетъ и П. Чубинскій въ Трудахъ Этн. Эксп. IV, 710, въ описаніи малорусскаго погребенія, и толкуетъ такъ, что деньги даются за „мисце“ (мѣсто). Я подробно разспрашивалъ, какой смыслъ придаетъ народъ этому бросанію мѣдныхъ монетъ, и мнѣ объяснили, что подъ землей живетъ дидько, который придетъ и скажетъ: это мое мѣсто—уходи, и надо ему заплатить за мѣсто, чтобы онъ не прогонялъ. Слово—„дидько“ въ малорусской демонологіи замѣняетъ собою древнія русскія низшія божества: и лѣшій—дидько, и домовой—дидько, и водяной—дидько,—названіе, стоящее въ несомнѣнной связи съ миѳическимъ существомъ „Дидъ“. Такимъ образомъ въ обычаѣ бросать въ гробъ деньги видна вѣра въ подземное царство и въ существо, которое имъ владѣетъ. Здѣсь нельзя не видѣть родства съ греко-римскимъ обычаемъ класть мертвецу въ зубы или на лобъ мѣдную монету для уплаты Харону при перевозѣ чрезъ рѣку Стиксъ въ царство тѣней.

Особыя знаменательныя обрядности сопровождаютъ погребеніе дѣвушки. Дѣвушку-невѣсту одѣваютъ, какъ къ вѣнцу, расплетаютъ и расчесываютъ волосы, кладутъ на голову ленты и вѣнокъ и украшаютъ голову зеленью и цвѣтами. Какъ дѣвушкѣ, такъ и парню на средній палецъ правой руки надѣваютъ металлическое кольцо; между тѣмъ какъ женатому человѣку и замужней женщинѣ кольца не надѣваютъ. Въ случаѣ смерти дѣвушки-невѣсты или парня родные пекутъ коровай (хлѣбъ, имѣющій символическое значеніе и употребляемый только на свадьбахъ), кладутъ его на гробъ, и послѣ похоронъ на могилѣ раздаютъ его роднымъ покойника. Дѣлаютъ это для того, чтобы вмѣстѣ съ похоронами состроить дѣвушкѣ или парню и свадьбу. Плачи, которые при этомъ раздаются, всѣ высоко-поэтичны; они напоминаютъ слова Жуковскаго въ „Орлеанской дѣвѣ“:

Не знать тебѣ любви земныя,
Цвѣтущаго младенца не ласкать.

Это соединеніе свадебныхъ обрядовъ съ погребальными производитъ глубоко-трагическое впечатлѣніе. Отсюда видно, какое большое значеніе народъ приписываетъ любви: пѣсни свадебныя,

любовныя (ладканя), семейныя, чумацкія и даже похоронныя заплачки говорятъ въ большинствѣ случаевъ о любви. Это снимаетъ упрекъ и съ нашей художественной литературы, почему она не разрабатываетъ соціальные вопросы или не занимается политикой, а беретъ завязкой для повѣсти и драмы по преимуществу любовь. Народъ съ своей естественной поэзіей служитъ истолкованіемъ этого явленія.

Въ заключеніе я еще укажу на обычай, который я имѣлъ случай наблюдать и который, сколько мнѣ помнится, нигдѣ не упоминается. Если умираетъ отецъ или мать и оставляетъ дочь невыданною за-мужъ, то послѣдняя расплетаетъ косу, какъ дѣлается это на свадьбѣ, и идетъ такъ за гробомъ, чтобы все-таки дать возможность родителямъ видѣть дочь въ брачномъ одѣяніи.

Покойника обыкновенно провожаютъ, какъ въ Великороссіи, такъ и Малороссіи съ особенными, опредѣленными плачами; но существовалъ обычай, правда не повсемѣстно, не плакать надъ умершимъ, а веселиться, пѣть пѣсни и играть на свирѣли. Такой обычай, по разсказу одной старухи, существовалъ въ с. Подвысокомъ, Кіевск. губ. Уманскаго уѣзда. Какъ ни страненъ, на первый взглядъ, этотъ обычай, но онъ коренится въ древнерусской тризнѣ, празднествѣ надъ умершимъ, состоявшемъ въ военныхъ играхъ и веселіи.

Нѣкоторое отдаленное соотношеніе съ тризной имѣетъ и въ настоящее время погребальная трапеза, которая предлагается или на гробѣ покойника, или въ домѣ, откуда его вынесли; это такъ называемыя поминки по умершемъ. Обыкновенно онѣ устраиваются для того, чтобы смѣнить мрачность погребенія нѣкотораго рода веселіемъ. Для подтвержденія этого я приведу обычную здравицу, которая на поминкахъ непремѣнно раздается въ честь покойника. Эта здравица слѣдующая: „помянемъ покойничка (или родителей), чтобъ ему легко икнулось на томъ свѣтѣ, чтобъ ему весело жилось на томъ свѣтѣ“!

Все это несомнѣнно напоминаетъ древне-русскія языческія воззрѣнія на загробную жизнь.

Хр. Ящуржинскій.

II.

Малорусскіе обряды, повѣрья и заплачки при похоронахъ.

1.

(*Ахтырскій уѣздъ Харьковской губер.*).

Умирающему передъ кончиною дается въ руки восковая свѣча; послѣ смерти эта свѣча втыкается гдѣ-либо вблизи покойника. Сзываютъ бабъ; онѣ обмываютъ трупъ, одѣваютъ и кладутъ—взрослыхъ на лавкѣ подъ образами, а маленькихъ на столѣ; въ руки кладется восковый крестъ или же крестъ, принесенный изъ какого-либо святого мѣста (изъ Кіевской лавры, изъ Почаева). Потомъ идутъ къ священнику за вѣнчикомъ и разрѣшательной молитвой; вѣнчикъ кладутъ на покойника сейчасъ же, а разр. молитву потомъ—въ гробъ. Являются желающіе прощаться съ покойникомъ; ихъ угощаютъ пирогами, паляницами и водкой. Пономарь или другой кто читаетъ псалтирь. Пріѣзжаетъ священникъ; мертваго кладутъ въ гробъ и несутъ хоронить. По возвращеніи съ кладбища начинаются поминки: ѣдятъ сперва канунъ, приготовленный изъ разведеннаго въ водѣ меду и бубликовъ; каждый изъ присутствующихъ подходитъ къ мискѣ и съѣдаетъ по три ложки кануна. Потомъ ѣдятъ капусту, блины, лапшу и др. кушанья. Во все продолженіе похоронъ кто-нибудь изъ родственниковъ плачетъ надъ покойникомъ, приговаривая.

№ 1. (*Дочь по отцѣ*). Мій татычку, мій риднесынькый! на кого жъ мене кыдайишь, на кого ты мене прыручайишь? Ныма у мене ны ридного, ны вирного; ни до кого мыни прыйты, ны поговорыть, ны порадыця. ростуть мои стежкы-дорожкы. Шо въ людей есть братыкы и сыстрыци, есть до кого поговорыть, съ кымъ порадыця и погулять, а мыни бидни сыроти ни съ кымъ ны порадыця, ны погулять. На шо ты мене бидну сыроту такою малою оставывъ? Я смалу пійшла по наймамъ и добра ны знала. Мій татычку, ты всихъ до ума довивъ, а я одъ тебе осталась малою; на шо жъ ты мене оставывъ такою малою? Шо мыни горяздъ ныхто нычого й ны скаже; шо десять разъ угодышъ, а разъ ны вгодышъ, и вси твои разы пропалы; а дома чужи дитьы пры отци, пры матери то й гораздъ и ны гораздъ зроблять, а отець зъ матерью все покрываютъ. Шо коло тебе ны говорю, шо я коло тебе ны клопочю, а ты со мною ны словечка, ны повсловечка. Устань и пидвыдысь, и свою головоньку пидвыды. Шо ты якъ жывъ бувъ, до тебе ридко хто прыйде, а тыперъ устань и подывысь, якого нарсда коло тебе багацько .. (Обращаясь къ своему брату, плачетъ:) Мій братыку, ны мынай же мене, ны проганяй. Хоть ны такъ ты мыни ридный, такъ такъ будь мыни вирный и ны цурайся жъ мене. . Якъ бувъ батько,

хоть я й жыла по наймамъ, а все жъ я шла до васъ смило, а тыперъ ны знаю, якъ и ходыть до васъ...

№ 2. (*Дочь по матери*). Моя матынько, моя голубонько! на що ты насъ покыдайишъ? Якойи тоби хаточки схотилося—смутнойи та ныввиднойи... Та хаточка така, шо сонце ны гріе, и буйный витеръ ны віе... Моя матынько, моя голубонько, а прышла жъ я васъ провидаты, распровидаты, а вы до мене словечка ны промовыте. Чомъ ты мини словечка ны промовышъ, чомъ ты мене не порадышъ? Да скажи жъ, моя матынько, до кого жъ мини ходыть теперъ? Хто жъ мене буде поражаты, угощаты? На шо ты мене нысщасною уродыла, мою головоньку утопыла? Чого жъ тоби, моя матынько, схотилося, шо ты насъ изъ молодыхъ литъ осыротыла?.. Колы жъ ты, наша матынько, до насъ въ гости прыбудешъ? Колы жъ ты насъ порадышъ, якъ поражала?.. Устань, моя матынько, порадь, шо мини пыкты та варыты и чымъ мини твойихъ любыхъ та малыхъ гостей гостыты, якъ поражаты, шобъ була я йихъ маты. Чомъ ты, моя матынько, ничого мини ны говорышъ, якъ йихъ поражаты, якъ вытаты? Чомъ ты мини ничого ны говорышъ? Чы я тыби чимъ догрубыла, шо я тебе пытаю, а ты до мене и слова ны промовышъ? Устань, моя матынько, подывися на свойихъ сыночкивъ-соколочкивъ, на свойихъ внучкивъ малесенькыхъ; устань да порадь мини, якъ йихъ годуваты тай воспытаты. Чы мини раненько вставать, чы пизненько лягать, чы мини маленькихъ дитокъ годувать? Я жъ ны знала, якъ йихъ годувать, тай якъ йихъ воспытать; ты жъ було нагодуйишъ йихъ и напойишъ, и спаточкы положышъ....

№ 3. (*Жена по мужѣ*). Мій чыловиче, мій дружыне, на шо жъ ты мене покыдайишъ, на шо сыротышъ; ны такъ ты мене сыротышъ, якъ дитокъ свойихъ ридныхъ. Якъ бы я сама була, я заразъ бы соби мисто найшла, а хоть я соби й мисто найду, а диткамъ свойимъ уже батька ны найду. Шо я буду жыть и робыть, а моя й робота ны въ моду буде. Шо мойи диткы выноватн и невыноватн, а йихъ быты муть, а якъ бы у йихъ батько бувъ, то ныхто йихъ и пальцемъ ны тронувъ бы. Мій чыловиче, мій хозяинъ, хто мыни хлибъ покосе, хто й збыре, хто мыни намолоте, хто й намеле? Чы мыни людей просыть, чы самій братьця? Шо одного попросы и другого попросы, а воно й ны дывытця. Шо ты мыни гораздъ нычого ны росказавъ и ны ростовковавъ. Шо ты день и ничъ ны спавъ, а все хозяйновавъ и прыдбававъ, шо ты ны вспивъ и на лавку лягты, якъ уже вси коло тебе и все тягнуть и ростягають; пока я оглянулась, нычого нымае ны по хливахъ, ны по городахъ... Устань и роскажы, якъ мыни жыть? Шо чужа жынка выйде у поле, та й весело йій; шо въ ейи и чыловикъ, и диткы, есть съ кымъ робыть, кому помочы дать, а я выйду въ поле и прыйду до дому да й ни до кого мыни поговорыть, ни порадытця. Шо ты насивавъ, насивавъ, прыдбававъ, прыдбававъ, а никому й прибыраты. Устань же, мій чоловиче, и хоть ны такъ поможы, якъ словомъ роскажы... Прыйде було годовый празныкъ, то есть съ кымъ пітты до свойихъ ридныхъ поговорыть, а теперъ диждала празнычка, та й війду въ хату, и ны-

мае ныкого, и въ городи нымае ныкого. Шо ты мене побъешъ и полаишъ, мыни твоя бійка и лайка ны болыть, лышъ бы було съ кымъ мыни робыть у поли и дома. Прощай, чыловиче, прощай, дружыне! Шо я тебе пытала, шо я тебе просыла, а ты мыни нычого ны росказавъ, ны ростовковавъ; шо ты якъ жывъ бувъ, то до мене говорывъ, а теперъ шо я до тебе говорыла и тебе просыла, а ты и ны озвався...

2.

(Нѣжинскій у. Черниговской губ.)

а) Въ Нѣжинѣ при выносѣ покойника изъ дому обсѣваютъ его рожью; въ могилу, прежде чѣмъ засыпать ее, бросаютъ мѣдную монету—на перевозъ.

Приводимъ заплачки, записанныя въ означенномъ уѣздѣ.

№ 4. (*Дочь по матери*). Матинко моя, матинко, голубонько, на що жъ ты мене покинула?.. Да теперъ же я осталася якъ горохъ пры дорози. Да порадь же мене, якъ у свити мыни прожыты безъ рыдный матеры? Да скажи жъ ты мыни, колы ты ко мни у гости прыбудешъ? Колы мыни для тебе столы застилаты?.. Да ты жъ не прыбула къ Рожеству за велыкымы снигамы, да не прыбудешъ и къ Велыкодню за велыкымы дорщамы, да ты не прыбудешъ къ Святой недильци за начальнымы диламы; да ты не прыбудешъ къ Николи да й николы... Да колы ты до мене въ гости прыбудешъ, да чы ты итымешъ, чы летитымешъ, чы плестымешъ? Утенькой плестымешъ,—буду ряску розгоняты; зазулей будешъ летиты,—сады буду росхыляты; дорогою итымешъ,—буду дороженьку промитаты, буду и ворытечки очыняты... Якъ бы я жъ знала, де мыни тебе взяты!.. Да тебе жъ мыни не купыты, да й не заслужыты; моляра нанять да й зрысовать... Да де жъ тыйи моляры, що молюють матеры? Да де жъ тыйи кромары, що продають матеры? Да де жъ тыйи ярморкй, що продаюця матерки?.. Якъ бы я знала, де тебе купыты, я бъ серденько выколупыла, соби бъ матеньку купыла...

№ 5. (*Мать по дочери*). Доню моя, голубочко, да куды жъ ты одъ мене одражаесся?.. Да чы тутъ же тоби надойило жыты на билому свити? Да чого жъ тоби туды захотилось? Да тамъ же хаточка смутная да невеселая, темная да невыдная; да тамъ же соловейки не щебечуть, и зозульки не кують. Донячко моя, перепелочко, куды ты полетила? Хто жъ мыни теперъ будыть дилечко робыты такъ, якъ ты робыла?.. Да ты жъ було що робышъ, да я й очей не посылаю; да якъ мыни теперъ безъ тебе остатысь?.. Да промовъ ты мыни хоть словечко, дытыно моя. За що ты на мене розгнивалася?.. Да чужы диты гуляты муть, а тебе й не буде. А я буду ходыты, да тебе пытаты, чы не бачылы люды. Воны скажуть: мы бачылы, да вже на ты свити. Що жъ мыни робыты, моя дытыно, безъ тебе въ свити?.. Дытына моя, картына моя, да куды ты

одражаессн, мене покидаешъ нещасну? Доничка моя, ткаличка моя! да хто жъ мене буде теперъ поражаты, якъ ты будешъ у сырой земли лежаты...

(Записано Кл. Пирожниковою въ г. Нѣжинѣ).

б) № 6. (*Мать по сынѣ*). Сыночокъ мый голубчычокъ! Яка це сторона, яка це слобода, що не самъ не йдешъ, не пысьма не шлешъ? Нехто не прокаже, нехто не скаже, якъ тоби тамъ жывеця... И сыну мой, и дытына моя, ой уставай, моя дытыночка! Де вона та смерть узялася, на що вона тебе узяла?.. Такъ якъ страныкъ лежышъ... Выдкиля жъ мыни тебе вызыраты, выдкиля жъ тебе выглядаты? Чы съ-пидъ червонойи калыны, чы съ-пидъ чорнойи могылы? И коли мыни тебе въ гости дожыдаты, чы къ Велыкодню, чы къ Риздву?..

№ 7. (*По матери*). И матинко, и пъятинко, колы мыни тебе дожыдаты, выдкиля выглядаты?.. Чы выдтыль, де сонечко сходыть, чы выдтыля, де заходыть?.. Моя матинко, моя матинко, моя порадныця, моя ты розвадныця! Хто мене буде такъ пораджаты, хто мене буде такъ розважаты, якъ тебе нема.

№ 8. (*По матери, если раньше умеръ и отецъ*). Татусеньку мый, голубонько, устричай же мою матинку, стричай и мистечко пробырай, дорыженьку промитай, и столыки застилай, и мою матинку у гостиньки дожыдай.

№ 9. (*По дочкѣ*). Моя донечко, моя тополечко, моя донечко, моя маковочко, моя донечко, моя рожа повная! Якъ же ты зацвила и скоро отцвилась и обсыпалась... Выдкиля мени тебе ожыдаты... и т. д. (какъ въ № 6 и 7).

№ 10. (*По женатому сыну*). Сыну мый, дытыно моя, родына моя! де мыни тебе взяты, чы купыты, чы заслужыты, чы змулюваты?.. Нащо жъ ты мене покынувъ стареньку и дитокъ своихъ?.. Якъ мыни горуваты, якъ мыни твойихъ дитокъ годуваты?..

№ 11. (*По семейному сыну*). Сыночку, прымай свойихъ дитокъ до себе, шобъ воны по дорози не ходылы, шобъ йихъ чужы диты не былы, шобъ воны не служылы, шобъ воны чужого дилечка не робылы. Воны будутъ служыть, чуже дилечко робыть, йихъ будуть быть, да никому за йихъ оступыця...

№ 12. (*По батьку*). Татусеньку мый, голубоньку, татусеньку мый, соколоньку, татусеньку мый, соловейко!.. Прымайте мене до себе, прыгортайте... Нащо вы мене покынулы? Прымайте мене до себе, щобъ я чужого дила не робыла...

№ 13. (*По матери*). У саду соловейки будутъ щебетаты, а я выду да буду своейи матинки пытаты: колы мыни у гостеньки дожыдаты, чы къ Роздву, чы Велыкодню, чы одъ Мыколы, чы одъ некóлы... Моя матинко, моя горувальныце, моя матинко, моя страдательныце, моя матинко, моя покрывонько... Хто жъ мене буде пораджаты, хто мене буде розважаты? Немае цвиту чырвоного, немае роду рыдного... Нада цвиту маковку, нема рыднишого надъ матинку...

№ 14. (*Тоже*). Моя матинко, моя пьятинко, моя покрывонько, моя зазуленько, моя вышенько и моя черешенько, и мое слово вирнее, мое слово правдывее, и моя жалобныця, и моя порадныця, и моя заступныця... И колы жъ мени тебе у гостеньки дожыдаты, колы для тебе столы застылаты? Чы на Велыкдень, чы на Роздво, чы на сяту недиленьку, чы на Мыколы, чы ныколы? Соловеечки будуть щебетаты, а зазуленьки куваты, а я буду йихъ пытаты: соловейки мойи братики, а зазуленька моя ненька, вы высоко летаете, вы далеко буваете, чы вы не бачылы моейи матинки, чы не передавала вона свойимъ дитечкамъ поклона и вирного слова?... Да на шо жъ ты, матинко, насъ покыдаешъ, да кому насъ, матинко, уручаешъ? Да буде насъ, матинко, всюды—и по горахъ, и по долынахъ, и буде насъ, матинко, и по чужыхъ украйинахъ... Да кому жъ ты насъ, матинко, уручаешъ, чы старшому брату, чы меньшому? Нашо ты насъ, матинко, породыла, да сыротамы опредилыла?...

№ 15. (*По батьку*). Мый татусеньку, мый голубоньку, мый соловейчыку! И на шо ты насъ покыдаешъ, и кому ты насъ, татусеньку уручаешъ: чы старшому брату, чы меньшому? А намъ же теперъ, татусеньку, треба чужымъ людямъ годыты, а намъ треба чужее дилечко робыты... Да мы що зробылы, нещасны сыроты, да наше дило не въ дило; да мы що скажемо, да наше слово не въ слово,—наше дило перероблене и слово переговореное. Татусенько нашъ, голубонько, устань же да порадь насъ, якъ намъ жыты, якъ намъ горуваты, и колы для тебе столы застилаты, и колы тебе въ гостоньки дожыдаты: чы на Велыкдень, чы на Роздво, чы на сяту недиленьку, чы на Мыколы, чы одъ Мыколы да и ниволы?...

№ 16. (*По дѣтямъ*). Моя дытыночко, моя родыночко, моя пташечко, и моя комашечко, и моя роза повная, и моя роза червоная, и моя ягода повная, и мый цвиточокъ, и моя крашаночко! Да якъ весна настае, да выду я у садочокъ, да и цвиточки цвитуть, да и пташечки поють; и якъ люде ожыдають, якъ первый цвиточокъ росцвитеця, и вси радуюця, и вси веселяця, и одно другого прызывае и показуе, яки же це первый цвиточокъ хорошый! О такъ, моя донечко, дыждемъ мы праздныка Свитлого Воскресенія; якъ дожыдаемъ первой крашанки, одно другому показуемъ: чы гарна, чы гарна крашанка? Такъ ты була мени доню, а теперъ позаросталы твойи стежкы-дорыжкы, де ты ходыла; а теперъ пойду я тыльки у зеленый садочокъ, да вырву я кленовый лысточокъ, да прыкрыю я своейи донечки слидочокъ, шобъ и зозули не кувалы, шобъ и пташеки не леталы, шобъ моейи донечки слиду не истопталы... Охъ, набудь я, набудь я марно все слова свойи трачу! да пойду сяду край могылы да гирко заплачу..

(Записано Алевт. Малинкою въ м. Монастырщинѣ, Нѣжинск. у.).

в) Въ с. Березанкѣ, Нѣжинскаго уѣзда, больному передъ смертью даютъ въ руки восковую свѣчу. Послѣ кончины кто-либо изъ семьи идетъ за бабами, а хозяинъ ѣдетъ въ городъ за необходимыми покупками; покупая нужное для похоронъ, обыкновенно не тор-

гуются, чтобы покойникамъ не пришлось торговаться между собой. Собираются бабы, грѣютъ воду, омываютъ покойника; затѣмъ одѣваютъ его: на мужчину надѣваютъ нижнее бѣлье, подпоясываютъ краснымъ или зеленымъ поясомъ, шею обвязываютъ маленькимъ ситцевымъ платочкомъ, на ноги надѣваютъ „панчохи"—шерстяные чулки; дѣвушкѣ надѣваютъ рубаху, непремѣнно изъ покупного полотна, плахту, шелковую или шерстяную запаску, красный поясъ, корсетку, панчохи, черевики, монисто; волоса раздѣляютъ на двѣ части, перевязываютъ лентами и перебрасываютъ черезъ плеча напередъ; поверхъ повязки возлагается „квитокъ," т. е. вѣнчикъ; такъ же одѣваютъ и замужнюю женщину; не надѣваютъ на нее только лентъ, мониста и черевиковъ, волоса покрываютъ очипкомъ и завязываютъ голову платкомъ „перелепомъ," т. е. такъ, чтобы конецъ платка изъ повязки закрывалъ очипокъ; на ребенка надѣвается ситцевая рубашка, поясокъ и цвѣтная шапочка.—Послѣ этого покойника кладутъ—взрослаго на ослонъ (скамью) или лавку, а дитя на столъ; подъ голову кладется подушка, а подъ покойника кусокъ холста—по росту. Зажигаютъ свѣчу, прикрѣпляютъ ее къ столу, въ руки умершему даютъ крестъ изъ восковой свѣчи и идутъ за чтецомъ и къ священнику заявить о смерти, взять вѣнчикъ и заплатить „за позвонне." Бабы бѣгутъ просить сосѣдей сдѣлать гробъ, копать яму. Тотъ, кого просятъ, не долженъ никогда отказывать, хотя бы и былъ очень занятъ своими дѣлами: отказъ считается величайшимъ грѣхомъ; объясняютъ, что покойники, которымъ они отказались отдать послѣдній долгъ, не будутъ на томъ свѣтѣ дѣлиться съ ними тѣмъ, чего послѣдніе не будутъ имѣть. Пока на дворѣ дѣлаютъ гробъ, бабы приготовляютъ канунъ (разведенный въ водѣ медъ и булка). Моютъ у колодезя рядно, которымъ укрывался больной (къ этому вымытому рядну, говорятъ бабы, не пристанетъ уже никакое „лыхо"), подушку его выносятъ на чердакъ, одежу вѣшаютъ гдѣ-нибудь въ сѣняхъ, а послѣ похоронъ она отдается нищимъ; присутствующіе закусываютъ, пробуютъ канунъ—съ пожеланіями покойнику царствія небеснаго, при чемъ утѣшаютъ родныхъ; женщины-родственницы плачутъ, голосятъ, бѣгаютъ по хатѣ, бросаются къ покойнику, обнимаютъ его, цѣлуютъ... Особенно потрясающая бываетъ картина послѣ смерти матери, оставившей кучу дѣтей: старшія голосятъ, причитываютъ; меньшія, не понимая, въ чемъ дѣло, думая, что мать заснула,. лазятъ возлѣ нея, стараются разбудить, тормошатъ ее за руки, за ноги.. Безпомощнымъ положеніемъ осиротѣвшихъ иные любители чужого добра пользуются: отправляются въ амбаръ, въ хлѣвъ, тащатъ себѣ подъ полу что попалось, относятъ себѣ домой и снова возвращаются на промыселъ; иногда даже доски растащатъ, прежде чѣмъ соберутся рабочіе дѣлать изъ нихъ „труну" (гробъ).—Хозяинъ, вернувшись изъ города, сдаетъ покупку женщинамъ, а самъ

идетъ къ сосѣдямъ просить нести при похоронахъ „корогвы", фонари, крестъ „мары" (носилки), коливо. Если покойникъ остается на ночь въ домѣ, то вечеромъ собираются родственники, знакомые; имъ подается закуска; на ночь остаются только чтецъ псалтыри и нѣсколько бабъ: имъ ставится закуска, водка, сѣмечки, чтобы онѣ не поснули. На другой день идутъ за необходимыми при похоронахъ вещами въ церковь, за священникомъ; бабы вносятъ въ хату гробъ, ставятъ на ослонъ, на дно кладутъ сѣно, покрываютъ полотномъ, подъ голову дѣлаютъ подушку изъ намитки (особая кисея, изъ которой старыя бабы дѣлаютъ себѣ головной уборъ) и набиваютъ ее стружками. Отпѣвши заупокойную литію въ хатѣ, священникъ выходитъ во дворъ, а бабы кладутъ покойника во гробъ, прикрываютъ намиткой, оставляя открытой одну только голову; мужчинѣ по бокамъ кладутъ шапку и палку, подъ руку хустку съ мелкой монетой, чтобы было чѣмъ на томъ свѣтѣ „подушне" заплатить, закуску, водку, если покойный былъ пьяница, какой-либо инструментъ (смотря по роду занятій покойника); бабѣ кладутъ букетъ изъ маку; дѣвушку осыпаютъ цвѣтами; старикамъ на голову надѣвается колпакъ изъ бѣлой шерсти. Хозяева раздаютъ платки рабочимъ, подъ евангеліе; священнику и причетникамъ—платки и свѣчи; на крышку гроба кладется „настольныкъ", холщовая скатерть. Когда гробъ выносятъ изъ хаты, то бабы бросаютъ вслѣдъ овесъ, ячмень, чтобы больше никто не умиралъ въ этой семьѣ. Жена, мать, дочь покойника голосятъ.

№ 17. (*Жена*). Дружыно моя дорогая, куды ты убыраеся, на що жъ ты мене кыдаешъ, неспособную да немощную? Диточки мойи, горевальнычки, посли тебе воны остануця, по крапывамъ, кусточкамъ ростянуця, будутъ же воны тебе вспомынать, по-подъ тыномъ валяця и и отъ голоду крычать... Чоловиче, дружына моя, прымай же до себе мене и все семейство мое...

№ 18. (*Мать по дочери*). Донечку моя, фіялочко моя, видкиль буду тебе вызырать, видкиль буду выглядать?.. Да чужыйи дитки бигають, да гуляють; да чужы матерки глядять да радіють, а я тоскую, досадую, своей дытыны не важаю... Шо вже стежечки и дорыжечки позаростають, мою дытыну люде позабувають... И прымай же мене до себе, прыгортай, я вже жъ тутъ нажылась и нагоровалась...

№ 19. (*Дочь по матери*). Матюнко моя рыдна, оставляешъ дочку сыротыну... Кого жъ буду я пытаця, на кого буду я надіяця? Хто мыни буде помогать и у скрыню дбать?... Остаюся я дивчыною молодою, нещасною сыротою... Зробылы тоби хаточку темную да невыдную, да не съ однымъ да оконечкомъ, да не съ однымъ да стульчыкомъ. Ой матюнко, моя зазуленько, кому ты мене покыдаешъ, на кого ты оставляешъ? Хто буде мене выдаваты, хто буде мене выпровожаты, хто буде мене выслухаты, съ кимъ буду слово розмовляты?..

Покойника заносятъ въ церковь, гдѣ правится панихида, по-

томъ на кладбище. Послѣ похоронъ коливо и паляницы бабы раздаютъ дѣтямъ; принимавшіе участіе въ похоронахъ приглашаются на обѣдъ поминать покойника; приглашаются и нищіе, которымъ отдается одежа умершаго. Послѣ обѣда бабы идутъ въ садъ, пьютъ тамъ, закусываютъ; моютъ затѣмъ посуду, и воду выливаютъ туда, гдѣ не ходятъ люди и нѣтъ растеній, чтобы ничто не засохло „одъ мертвой воды". Стружки и трески (щепки) отъ гроба бросаютъ въ рѣку или сожигаютъ и потомъ уже пепелъ высыпаютъ въ воду, чтобы покойнику на томъ свѣтѣ было такъ легко жить, какъ пеплу плыть по водѣ. Вечеромъ сходятся бабы ночевать; имъ даютъ закуску, водку. Если покойникъ былъ взрослый, то приглашаютъ причетника почитать псалтирь.

(Записано Ал. Вербицкою).

3.

(*Борзенскій уѣздъ, Черниговской губ.*).

№ 20. (*По батьку*). Мій батыньку, мій голубоньку, мій соловеечку! Да куды жъ ты полынешъ и поплывешъ, да на яку дорыженьку, да на яку сторыненьку?.. Да колы жъ дворы вымитать, да столы застилать, да колы жъ васъ у гости дожыдать?.. А якъ же намъ сыротамъ оставаця? Хто насъ буде зберегать, да хто намъ буде прыютъ давать? Мы жъ маленьки да неспособны дила робыть и чужымъ батькамъ годыть,—а чужому батьку скилько не робы, дакъ не вгодышъ... Засуджены и огуджены...

Воду, которою омываютъ покойника, выливаютъ въ такое мѣсто, гдѣ никто не ходитъ; солому палятъ; щепки и стружки отъ гроба часть выбрасываютъ на улицу, часть палятъ. Покойнику подъ руку кладутъ подорожній билетъ (?), сбоку—въ платкѣ ладанъ и деньги, чтобы на томъ свѣтѣ умершій могъ купить себѣ мѣсто.

(Записалъ И. Локоть въ г. Борзнѣ Черниг. губ.).

4.

(*Кролевецкій уѣздъ, Черниговской губ.*).

№ 21. (*Плачъ по умершему ребенку*).

Дытятко мое, любе та мыле!
Куда жъ ты убыраесся?..
Видкиля тебе вызыраты, видкиля тебе выглядаты?
Чы ты зъ церкви итымешъ,
Чы зъ дороги йихатымешъ?...

Чы тебе соловейки одщебеталы,
Чы тебе зозуленьки одковалы?
Яка твоя дорыженька смутна да невесела!
Яка твоя хаточка темна да невыдная,
Що не дверечокъ, не оконечка, не праведнаго сонечка...
Якъ яблочко одъ яблоньки одкотылося,
Такъ ты одъ мене, мое дытяточко, одрозныдося.
И видкиля ты итымешъ,
И яку висточку нестымешъ, моя донечко (мій сыночку)!
Моя донечко, моя нагидочко,
(Мій сыночокъ, мій колосочокъ!)
На що жъ ты мене кидаешъ?
Хто жъ тебе буде доглядаты тамечки?
И колы жъ ты до мене у гости прыдешъ?
Колы жъ тебе дожыдать, колы жъ тебе сподивать?
Прымай мене до себе,
Прыгортай мене до себе!
Обырай мыни мистечко коло себе!
Де тоби мистечко найшлося гарне,
Що ты мене покинуло?
И серце мое одырвалося,
Дытятко мое и голубъятко мое!
Колы я тебе побачу?
Чы ты зозулею прылетышъ, чы соловейкомъ?
Чы ты намъ перекажешъ, чы ныськю прышлешъ,
Щобъ я почула де ты будешъ,
Мое соколятко, мое голубъятко!

№ 22. (*По мужу*).

Дружыно моя! куды жъ ты убыраешся?
На що ты мене кидаешъ изъ дрыбненькимы диточкамы!
Хто имы буде замышляты, хто имъ буде порядкы даваты,
Що у йихъ батька немае!
Сыроточки мойи нещасныйи,
Куды вы не прыгорнетесь,—
Усе до батька чужого...
Дружыно моя вьирная,
Хозяйинъ мый любый, мылый,
Куды жъ ты убыраешся
И кидаешъ мене зъ малымы дитьмы?
Кого жъ мыни пытацьця,
До кого жъ мыни горнуцьця?
Де жъ мыни йимъ найты батька рыдного?
Усе не рыдный, усе не вьирный.
Сырытки мойи нещасныйи...

Дружыно моя вырная!
Промовъ мыни хоть словечко,
Якъ мыни на свити жыты?
А дружынонько жъ моя, дружынонько!
На що жъ ты одъ насъ выйижжаешъ?
На що тоби мойи сыночки ворота одчыняють?
У яку ты дороженьку выйижжаешъ?
Чы ты на ярмарокъ, чы на заробытки?..
Да скажи жъ мыни хоть словечко!
Колы ты до насъ прыбудешъ
И порядокъ дасы,
Якъ жыть, якъ горовать изъ нещасными сыротами!
Чы ты прыдешъ насъ самъ одвидать,
Чы кому перекажешъ,
Чы пысьмо прышлешъ?..
Хозяйинъ мый мылый,
Хозяйинъ мый любый!
Чого жъ ты не хочешъ у сій хати жыть?
Якойи ты забажавъ новойи да темнойи,
Невеселойи да невыднойи;
Вона й безъ выконъ,
Вона й безъ дверей,
И смутна й невесела!
Дружынонько моя, соловеечку мый!
Прымай мене до себе,
Забырай мене до себе!
Не хочу я безъ тебе жыты,
На симъ свити гороваты.
На кого жъ се ты розгнивався:
Чы на дружыночку свою,
Чы на матюночку, чы на диточокъ?
Ой, куды жъ ты убыраешся у далекую дорыженьку,
Хозяйину мый, соколоньку мый!..

(Записано г-жею Волошинскою въ с. Алтыновкѣ Кролевецкаго уѣз.).

5.

(*Маріупольскій уѣз. Херсон. губ.*).

№ 23. (*По сынѣ*). Ой мій сыночку, ой мій голубчыкъ! на що ты на насъ розгнивався и покынувъ насъ? Яка въ тебе хата смутна и невесела: ни сонце ны гріе, ни витыръ ны віе и дощъ ны промоче... Виткиль мы тебе будемъ выглядать и колы мы тебе побачемъ? И хто намъ буде въ роботи помогать? Мы тебе ни былы, ни лаялы, а ты насъ покынувъ...

№ 24. (*По сынѣ*). Ой мій сыночку, ой мій голубчыкъ! На що ты насъ покынувъ, на що ты насъ насмутывъ, на що ты насъ посыротывъ? Горько безъ тебе у свити жыть... Та куды ты убрався у хаточку невеселу, у смутную? Чы тыби тисно було съ намы жыть? Туды витыръ ны завіе и ясное сонце ны загріе... Встань, моя ненько, край дороженьки и роспытай ёго про наше жытья горькое...

№ 25. (*Дочь по матери*). Ой моя ненько, моя ридненько, та на що ты насъ посыротыла? И горько бизъ тебе у свити жыть... Прылыты, ненько моя, сызою голубочкою; я роскажу тоби свое горе,—горько бизъ ненькы жыть. Якъ бы мыни ненька, и журбы у мене бъ ны було... Та куды ны пидышъ,—чужи матыри сыдять, а моей ненькы ныма... Ныхай съ святымы спочыва и насъ гришныхъ дожыда.

№ 26. (*Сестра по сестрѣ*). Ой моя сыстрычка, ой моя ридненька, и чого ты отъ насъ скоро убралась? Яка у тебе хаточка смутна и невесела,—туды витыръ ны завіе и ясне сонечко ны загріе... Виткиля мы тебе будымъ выглядать, чы зъ гаю, чы зъ далекого краю, чы зъ долыны, чы зъ высокойи могылы?.. Мойи братики, мойи ридненьки, вставайты вы край дороженьки и сострічайты свого гостя дорогого, и роспытуйты про насъ, якъ намъ горько у свити жыть. Жалійты йийи, такъ якъ мы жалилы, и прыгортайты, такъ якъ мы прыгорталы...

№ 27. (*По матери*). Моя ненько, та моя ридненько, та чого вы на насъ розгнивалысь? На що вы насъ покыдаете?... Та якъ у васъ очи склыпылыся, губы стулылыся... Ой моя ненька, та встань, хоть промовъ словечко до свойихъ дитокъ, та скажы, якъ намъ распоряжаться... Та видкиля васъ выглядать и колы дожыдать?.. Та яка у васъ хата смутна и невесела, безъ виконъ и безъ дверей, та ни сонце не загріе, ни витеръ не завіе... Та куда не пиду, та чужи ненькы сыдять, а васъ нема та й не буде...

№ 28. (*Дочь по отцѣ*). Мій таточку, мій ридненькій, на що вы насъ бросылы?.. Хто намы буде замышлять и хто насъ буде годувать и зодягать?.. Видкиль же мы васъ, таточку, будымъ выглядать—чы зъ долыны, чы зъ высокой могылы, чы зъ зеленого гаю, чы зъ далекого краю?.. Яка у васъ, таточку, хата смутна и невесела — бизъ виконъ, бизъ дверей; туда ни сонце не гріе, ни витеръ не віе, тамъ ни соловъйи не поють и зозули не кують... И позаростають стыжки и дорыжки, де вы ходылы, мій таточку, мій ридненькій... На що вы насъ покынулы,—мы не вмійимъ ни дила робыть, ни до людей говорыть...

№ 29. (*Сестра по сестрѣ*). Ой наша сестрыця, наша ридненька! За що ты на насъ разгнивалась и на що ты насъ покынула,—чы мы тебе ны любылы, чы у насъ тоби плохо жыть було, чы мы тебе ны годувалы, чы мы тебе не одягалы?.. У тебе и хата темна—безъ виконъ, безъ дверей... Та хто тебе тамъ прыласкае, и хто тебе нагодуе, та хто тебе обуе и одине?

№ 30. (*Жена по мужѣ*). Ой мій мужынёкъ, мій ридненькій, та на що ты мене саму покынувъ одну? Чы я тебе ны любыла, чы у насъ тоби жыть ны понаравылось, чы мы тебе ны годувалы и ны одя-

галы?.. Та колы ты до насъ прыйдышъ? Видкиль же мы будемъ тебе выглядать,—чы изъ поля, чы изъ роздоля?.. Та хоть бы ты до насъ заговорывъ, та хоть бы ты до насъ прыйшовъ ..

№ 31. (*Племянница по дядѣ*). Ой мій дядя, мій голубчыкъ, та на що ты насъ покынувъ? Чы мы тебе ны доглядалы, чы мы тебе ны годувалы, чы мы тоби пыть ны давалы?... Та хоть бы ты уставъ, на насъ подывывсь, та хоть бы ты до насъ словомъ заговорывъ, та хоть бы ты до насъ уста роскрывъ, та хоть бы ты сказавъ, куда идешъ, та колы ты до насъ прыйдешъ... Та виткиль же мы тебе будемъ выглядать?.. Та яку жъ ты, дядьку, соби хату выбравъ — смутну, нывеселу, та яку жъ тисну, нытросторну; та тамъ пташки ны поють, ны зузули ны кують; та тамъ же ты ны вглядышъ ны сонця красного, ны неба ясного...

№ 32. (*Мужъ по женѣ*). Ой моя голубочко, ой моя сывесынька, моя рыднесынька! Якъ мы съ тобою втишалысь, а ты насъ покынула и сыби хату найшла смутну та нывыселу; туда ни сонце ны загріе, ни витыръ ны задуе, ни дощъ не пройдеть... Ой моя голубочка, и очыци склыпылысь и губы стулылысь... Будю, будю, та ны добудюсь! Хоть бы же ты голову подняла подывыця, сколько у тебе дружокъ и бояръ; пойиздъ дорогый я тыбе хоть теперъ справлю... Ой моя голубочка сывесынька, я жъ съ тобою ны наговорывся, тай ны надывывся, поки ты свою головочку ны положыла... Ой моя голубочко, ой моя рыднесынька, та видкиль тыбе выглядать,—чы зъ долыны, чы зъ высокойи могылы?.. Та вже жъ позаросталы дорожки, де ты й ходыла,—тыхъ дорожокъ никому протоптать...

№ 33. (*Мать по дочери*). Ой моя дочечка, ой моя рydненька, та чого ты на насъ разгнивалась, чого ты отцуралась, моя дочечка... Та якъ ты насъ смутыла, та якъ посыротыла... Ой моя дочечка, моя рыдненька, та яка у тебе хата невеселая,—туда ни дощъ не пройде, и витеръ не провіе и сонце не прыгріе... Ой моя дочечка, ой моя голубочка, та чого ты насъ та покынула? А мы жъ тебе и не лаялы, а ты насъ покынула... Ой моя дочечка, ой моя голубочка, та видкиль тебе выглядать, та видкиль тебе пытать?... та нихто не скаже, нихто не звистыть... Ой моя донечко, чого ты одцуралась? Та чы я васъ, мойи дитки, та обижаю? Та лучче бъ вы маленькимы булы померлы, а то я васъ годувала до якого время, а вы тоди мрыте...

III.

Новогреческія похоронныя причитанія и представленія о загробной жизни.

Нижеслѣдующія причитанія представляютъ собственно смѣсь новогреческихъ и турецкихъ. Записаны они Антономъ Михайловымъ Иммерели въ с. Игнатьевкѣ, Маріупольскаго у., а переведены маріупольскимъ привиллегированнымъ грекомъ Михаиломъ

Степ. Печохчи. Причитаніямъ предпосылается нѣсколько замѣчаній о повѣріяхъ грековъ этой мѣстности, относящихся къ умершимъ и къ загробной жизни.

Умершимъ кладутъ въ гробъ деньги, яблоки, пряники; яблоками и пряниками питается умершій на томъ свѣтѣ. Умершій, впрочемъ, можетъ насытиться однимъ запахомъ яблокъ; достаточно положить на могилу яблоко, и онъ будетъ сытъ. Деньги необходимы умершему при его странствованіяхъ для разныхъ расходовъ; часть этихъ денегъ умершіе предъявляютъ на судѣ Божіемъ, какъ доказательство, что они пользовались среди живыхъ людей извѣстнымъ почетомъ. Три раза въ годъ греки всѣмъ селомъ поминаютъ родичей: въ день Проводъ, Троицынъ день и Воздвиженье. Кромѣ этихъ общихъ поминокъ, каждое семейство устраиваетъ частнымъ образомъ поминки по своимъ родственникамъ. На общихъ поминкахъ на могилы возливается красное вино; прежде это возліяніе дѣлалъ священникъ, теперь сами поминающіе. Души умершихъ ко дню поминокъ собираются въ одно мѣсто и подъ землею „нюхаютъ", втягиваютъ въ себя запахъ возливаемаго вина, и этимъ подкрѣпляютъ себя до слѣдующихъ поминокъ. Если бы живые почему бы то ни было не устроили возліянія, то умершіе стали бы отзывать къ себѣ живыхъ; чтобы прекратить смертность, нужно совершить возліяніе въ могилы новыхъ „отозванныхъ" мертвецовъ.

Въ присутствіи умирающихъ не слѣдуетъ говорить, что они близки къ смерти, потому что въ противномъ случаѣ тѣло умирающаго не хочетъ выпустить души, а душа не хочетъ оставаться въ тѣлѣ, вслѣдствіе чего умирающій испытываетъ мученія; для прекращенія этой борьбы нужно умирающему дать іорданской воды, которую паломники (аджи) привозятъ изъ Іордана; послѣ этого душа примиряется съ тѣломъ, и одно изъ началъ—матерія или духъ—беретъ перевѣсъ надъ другимъ; если перевѣсъ за духомъ, то человѣкъ умираетъ, если за тѣломъ—выздоравливаетъ. Крикъ птицы считается предвѣстникомъ смерти; примѣты о смерти вообще такія же, какъ и у русскихъ.

Было бы, конечно, слишкомъ смѣло по ничтожнымъ матеріаламъ, заключающимся въ сообщаемыхъ ниже текстахъ, дѣлать окончательные выводы относительно воззрѣній на загробную жизнь жителей той мѣстности, гдѣ записаны помѣщаемыя ниже причитанія. Для этого нужно не такое количество матеріала и при томъ не однихъ только причитаній. Только путемъ строгаго сравненія многочисленнаго и разнороднаго матеріала можно пріити къ болѣе или менѣе правильнымъ выводамъ. Тѣмъ не менѣе и при ограниченномъ матеріалѣ не мѣшаетъ попытаться отмѣтить, по крайней мѣрѣ, тѣ черты, по которымъ можно судить о воззрѣніяхъ на загробную жизнь. Подобныя замѣтки облегчатъ

трудъ будущаго изслѣдователя дѣлать выводы по достаточному уже количеству матеріала.

Лучшимъ матеріаломъ для знакомства со взглядами на загробную жизнь служатъ, безъ сомнѣнія, причитанія и погребальные обряды. Это и понятно: простому человѣку, занятому добываніемъ насущнаго хлѣба, некогда задаваться вопросами о загробномъ мірѣ; только смерть любимаго существа, оторвавъ его отъ повседневныхъ занятій, заставляетъ невольно задуматься о томъ, что такое эта смерть, куда дѣвалось любимое существо, уничтожилось-ли оно окончательно или продолжаетъ существовать, гдѣ именно и въ какомъ видѣ и т. п. Отвѣты на подобные вопросы у трупа умершаго и высказываются въ причитаніяхъ. Изслѣдователь не долженъ упускать изъ виду и погребальныхъ и поминальныхъ обрядовъ. Въ нихъ на дѣлѣ исполняется то, что въ причитаніяхъ высказывается только на словахъ.

Что такое смерть, въ видѣ чего она является,—на эти вопросы не находимъ отвѣта въ нашихъ причитаніяхъ. Во всякомъ случаѣ она посылается Богомъ: „когда отъ Бога придетъ мнѣ смерть..“ (см. прич. № 5). Тѣмъ не менѣе, смерть не считается благомъ: „это несчастье твое“ (№ 5); отъ нея стараются отбиться (№ 3), потому что мучительно отдавать душу (№ 3); тѣло всѣми силами удерживаетъ душу, какъ сказано выше; но всѣ усилія напрасны: „сильно отбивалась ты отъ смерти... но не избавилась“ (№ 3).

Жилищемъ умершаго человѣка становится гробъ: „ты сдѣлалъ себѣ домъ безъ оконъ и дверей...“ (№ 2, № 3). Когда мертваго опустятъ въ землю, душа его также уходитъ подъ землю: „ты пошелъ въ черныя земли“ (№ 1); души умершихъ *подъ землею* нюхаютъ приносимое имъ возліяніе.

Дорога, по которой ушелъ умершій, безвозвратная: идущій въ загробный міръ назадъ уже не возвращается (№№ 1, 3); дорога эта покрыта лѣсами, скалами (№ 4); душа умершаго сама врядъ ли сможетъ и найти ее; эту дорогу показываютъ души прежде умершихъ (№ 4); во всякомъ случаѣ, душѣ приходится преодолѣть много препятствій, прежде чѣмъ она достигнетъ того міра; для преодолѣнія ихъ душѣ необходимы даже деньги на расходы; въ концѣ концовъ душа попадаетъ въ рай (№ 4).

Душа послѣ разлуки съ тѣломъ не уничтожается; она не матеріальна, какъ тѣло; тѣмъ не менѣе, она все-таки нуждается въ пищѣ, хотя и не грубой: душа довольствуется однимъ запахомъ вина и плодовъ.

Связь умершихъ и живыхъ людей не прекращается: живые люди въ извѣстное время должны устраивать поминки, дѣлать возліяніе въ честь умершимъ. Въ свою очередь души раньше умершихъ людей съ радостью встрѣчаютъ души недавно умершихъ (№ 4), показываютъ имъ дорогу къ раю; быв-

шіе знакомые на семъ свѣтѣ и на томъ узнаютъ другъ друга: „тогда братъ брата узнаетъ“ (№ 5). Новопреставившіеся разсказываютъ душамъ раньше умершихъ о земныхъ новостяхъ, передаютъ имъ поклоны отъ ихъ живыхъ родственниковъ и знакомыхъ (№ 5).

Отдѣльныя черты вѣрованій будутъ болѣе ясны изъ самыхъ причитаній. Кромѣ того, интересно обратить вниманіе на нѣкоторыя черты сходства новогреческихъ причитаній съ малорусскими. Помимо общности чувствъ и воззрѣній, обусловливающихъ сходство въ ихъ выраженіи, многое, вѣроятно, придется объяснить прямымъ заимствованіемъ.

№ 1. (*Жена по мужѣ*). Вай, стванозум холуму ханатыны хырдын кирдин хара топрахлара бир кесек чепчелерин холуну ханатыны хырдын. Вай, стванозум сен бу балалары мана брахып китин мен сенин кибик коз хулах олмам насынки баба окюмю зіяде немутлу эвлада баба кибик сайса. Вай, стванозум эвими сёндюрюп киттин бу іолюмнер стванозум атештен кёлмек[1]) бу іолюмнер сана ярашмаз бу юлар янныш онда китен хайтмаз.

Ой мужъ мой (собственно: избранникъ вѣнца моего), ты сломалъ крыло мое, вошелъ въ черныя земли, цыплятамъ (дѣтямъ) своимъ и потомству ихъ также сломалъ крылья! О мужъ мой, ты ушелъ, оставивъ мнѣ этихъ дѣтей. Я, какъ ты, призрѣть ихъ не смогу, такъ какъ отцовское вліяніе (владѣніе) шире. Пожалуй, счастливъ былъ бы ребенокъ, который, какъ отца, почиталъ бы меня. Мужъ мой! ты уходишь, погасивъ свѣтъ дома моего; мужъ мой! эта смерть, какъ отъ огня рубаха [1]); эта смерть тебѣ не подъ стать (тебѣ не слѣдовало бы умирать); эта дорога безвозвратная: туда идущій не возвращается.

№ 2. (*Мать по сынѣ*). Вай, балачигым он секиз яшина кетирдым бу сыралары имтетмедим мен сени дёкмедим биркун харгамадым сен мени бек кустар брахып киттин балам бабанин ультери эдин бабанын холуну ханатыны хырдын белини бюктюн. Вай, балам мен сени эки іилдан дана кіёв этечектим вай кіёвлар беле янгыз олмаз олар чифт олур балам бу долулар янныш долулар балам союн сопун ханатыны хырдын балам. Вай, балам бизи некустар кордун балам озю башына мюлькiер

О дитя мое, не имѣющее 18 лѣтъ, я вскормила тебя, а этого (смерти) встрѣтить не думала! Я тебя ни била, ни въ одинъ день не проклинала. Ты, оставивъ меня сирой, ушелъ, дитя мое? Ты отца любимецъ былъ, въ отца потомствѣ (своею смертью) крыло сломалъ, отцу спину согнулъ! Ахъ дитя мое, я тебя черезъ 2 года намѣревалась женихомъ сдѣлать. Женихи, какъ ты, одинокими не бываютъ: они бываютъ парными. Эта радость (т. е. ожидаемаго сватовства) ошибочная:

---

[1]) „атештен кёлмек“ — внушеніе опасенія къ предмету, котораго слѣдуетъ бояться, какъ огня.

яптыю балам пенчерезит хапусуз балам.

№ 3. (*Дочь по матери*). Вай аначыгым бизи ким бахачах ким коз хулах олачах ананын сырасы башхадыр аначыгым бабалар аналар кгибик коз хулах оламазлар яныш ишлер туттун аначыгым онда китен хайтмаз аначыгым. Вай, аначыгым нехійндыр джан вер мек чапхын чапхын чапинедин аначыгым кгенеде хутламадын кгенди башына мюльк-зер яптын аначыгым союндан сопун-дан айрылдын аначыгым стванозу-нун холуну ханатыны хырдын бой-нуну буктун аначыгым бизи неку-стар кёрдун олара севинч куннер бизе хара куннер. Бабан анан чы-хандырлар окюнѣ холундан ханатын-дан тутхандырлар аначыгым.

№ 4. (*Мать по дочери*). Вай, меним хызым мен бирезене гарип халдым кимиме архаланайм халдым мерда гарип янгыз бирдене харт бабан вар хырдын ханатымы бюк-тюн белимизи яштан харардын ялан дуньянын ферагы арам олдусана ба-лам сен олачахтын іюч іилдан кге-лин ахменим ал дувахлы хызым он пармагы хыналы хызым беле кге-лин олмаз хызым сыртыннен сте-фана вармазлар хызым чифт варыр-лар хызым стефана энди айрылдых сеч олдух бизден айрылдын ченетен айрылма хызым энде мана хара куннер хызым хырх кун хырх кече ясыны пеклерим хызым энди мен нас даяныръле хызым даглара таш-лара китерим хызым менде бир ер

ты родственникамъ и ближнимъ крылья сломалъ, дитя мое! Дитя мое, неужели ты насъ такими пло-хими нашелъ, что сдѣлалъ себѣ домъ безъ оконъ и дверей?

Охъ мать моя, кто насъ ста-нетъ смотрѣть, кто насъ призритъ? У матери порядокъ другой,—отцы призрѣть, присмотрѣть за нами не могутъ такъ, какъ матери. Ты не-правильно повела дѣла, мать моя: туда идущій не возвращается. Охъ мать моя, насколько мучительно отдавать душу! Сильно, сильно от-бивалась ты отъ смерти, мать моя, а все-таки не избавилась. Сама се-бѣ домъ сдѣлала, отъ родственни-ковъ и ближнихъ отдѣлилась, избран-ному своему (т. е. мужу) крыло сломала, шею свернула. Ты видѣла насъ настолько плохими, что ра-достные (для другихъ людей) дни для насъ мрачны. Къ отцу и ма-тери идешь. Отецъ и мать навѣр-ное вышли встрѣтить, радуясь, подъ руки, подъ мышки навѣрное взяли тебя, мать моя.

Охъ дочь моя, я одна бѣдная осталась. Къ кому я прильну? Я осталась безпріютной нищей сама одна. Есть еще старикъ дѣдъ; сло-мала ты крылья намъ, свихнула спины намъ. Смолоду положила ты все (здоровье) твое; фальшивый міръ сей не принесъ тебѣ, дитя мое, ничего хорошаго. Ты должна была черезъ три года быть невѣстой. У тебя на рукахъ 10 изящныхъ паль-цевъ. Такихъ (какъ ты) невѣстъ не бываетъ, дочь моя. Спиной подъ вѣнецъ не идутъ,—попарно идутъ подъ вѣнецъ, дочь моя! Уже мы разстались, сдѣлавшись чужими другъ другу; отъ насъ отдѣлилась,—такъ не отдѣляйся отъ рая! Уже для меня черные дни: сорокъ дней

гарибійм хызым китерим ардындан хыдырмая хызым одуньянын ёлуну сен чыхып костер хызым.

№ 5. (*Сестра по братѣ*). Вай меним хардашым сен харт дёкульдин хардашым нёчин кельди бузулуннар башына хардашым іолчулар іолавчыгар кибик іолун хардашым іолюм деким бу зулумдыр сана хардашым халды бир кесек балан хардашым харарды мюлькюн хара тутунер чихти очагындан хардашым бирдене харт анан халды хардашым онун атири олайды чомадым хардашым онунда жахул кормесен хардашым стванозунун атири олайды хардашым бир ябан ерде чычан варды хардашым ода кормеди іолюну хардашым секиз іилдан бери бекледим энде мен варырым сана хардашым кенды аитымнан варамам хардашым менимде вар бгер экидене чипчелерим хардашым алахтан кесе менде бахмогли оларын сёзюне хардашым мен овахит сана селам кютюррюм кенди чипчелеринден хардашым о вахитѣ хардаш хардашы танырых.

и сорокъ ночей стану носить трауръ. Какъ ужъ я вытерплю, какъ перенесу теперь, дочь моя? Пойду я въ лѣса и скалы, одинокая, бѣдная женщина, пойду за тобою, дитя мое, стану искать тебя. Ты выйдешь навстрѣчу и покажешь мнѣ дорогу того міра, дочь моя!

Охъ, братецъ мой, ты не старъ. Зачѣмъ пришли эти несчастія на твою голову? Не какъ путешествующимъ дорога: — это не твоя дорога, — это несчастье твое. У тебя осталось много дѣтей, почернѣло имущество твое, черный дымъ вышелъ изъ (неразобр. слово), братъ мой! Одна старая мать осталась, изъ уваженія къ ней ты жилъ бы; если не матери, то женѣ бы ты уважилъ. Въ чужой, далекой сторонѣ была сестра твоя, и та не видѣла смерти твоей. Сколько ужъ лѣтъ я ожидала, и къ тебѣ своими ногами не дойду, и у меня есть два цыпленка (дѣти). Когда отъ Бога придетъ мнѣ смерть, и я не посмотрю на ихъ (дѣтей) просьбу. Тогда я понесу тебѣ поклонъ (извѣстіе) отъ твоихъ дѣтей. Тогда братъ брата узнаемъ, братъ мой!

Примѣчаніе. У мѣстныхъ поселянъ въ большомъ употребленіи сравненіе потери родственниковъ съ отсѣченіемъ крыла птицы, поэтому часто попадаютъ выраженія: „ты отсѣкъ, сломалъ крыло". Затѣмъ, сынъ какъ бы подпираетъ отца, и потому объ отцѣ, лишившемся сына, говорятъ, что „онъ падаетъ", „согнулъ спину", „сломалъ шею".

Сообщилъ А. Н. Малинка.

О НАРОДНЫХЪ СРЕДСТВАХЪ ВРАЧЕВАНІЯ.

ВЪ СВЯЗИ СЪ ПОВѢРЬЯМИ.

Если изученіе народныхъ обычаевъ важно въ научномъ отношеніи, то болѣе важно изученіе народныхъ средствъ врачеванія еще въ практическомъ отношеніи. Первое, представляя собою интересъ болѣе для людей ученыхъ, удовлетворяетъ потребностямъ только любознательности, а второе, кромѣ того, ознакомляетъ съ неизвѣстными еще медицинѣ домашними средствами врачеванія, большая часть которыхъ иногда, по испытаніи, оказывается вѣрнѣйшими и простѣйшими средствами противъ той или другой болѣзни, и такимъ образомъ средства эти вносятъ собою цѣнный вкладъ во врачебную науку.

Хотя практическій умъ простолюдина и не любитъ пускаться въ различныя отрасли науки, ненужныя совершенно, по мнѣнію его, для простолюдина, но въ то же время иной въ трудныхъ случаяхъ жизни старается изъискивать сподручныя ему средства, безъ которыхъ ему или очень трудно, или совершенно нельзя обойтись, и при этомъ онъ случайно наталкивается на такія вещи, которыя насколько бы ни были онѣ поразительны по своей простотѣ, настолько же оказываются вѣрными и цѣлесообразными средствами, которыхъ онъ ищетъ, и они получаютъ уже въ короткое время общую извѣстность, дѣлаясь въ то же время достояніемъ народа.

Въ настоящей статьѣ мы будемъ говорить о домашнихъ средствахъ врачеванія, употребляемыхъ народомъ въ Вятской губерніи, и самая статья наша будетъ представлять собою матеріалъ, собранный въ восточной ея окраинѣ, во время лѣтнихъ экскурсій, совершенныхъ съ этнографическою цѣлью. Хотя авторъ при собираніи изложенныхъ здѣсь свѣдѣній и ограничивался небольшимъ райономъ, но собранный имъ матеріалъ, даетъ уже удовлетворительное понятіе о народной медицинѣ вообще и въ особенности о томъ, какое воззрѣніе имѣетъ народъ на растенія и какъ пользуется ими. Конечно, статья наша составляетъ только ничтожную часть того, что могла бы дать цѣлая Вятская губернія, если бы собирать свѣдѣнія по этому предмету путемъ разспросовъ жителей на частныхъ бесѣдахъ, не торопясь. Если бы, повторяемъ, собирать матеріалы по народной медицинѣ во всей губерніи, то, несомнѣнно, со-

ставился бы не одинъ томъ своеобразныхъ народныхъ рецептовъ, изъ коихъ извѣстна врачебной наукѣ только малая доля, между тѣмъ большая часть ихъ—средства испытанныя; въ этомъ насъ должно убѣдить и то, что въ одной извѣстной намъ деревнѣ изъ 50 больныхъ обращались къ земскимъ врачамъ и фельдшерамъ только около 10 человѣкъ, остальные же вылѣчились домашними средствами. Изъ этого ясно, что народъ знаетъ лѣкарственныя растенія и другія средства врачеванія и умѣетъ пользоваться ими, особенно тамъ, гдѣ дальнее разстояніе не позволяетъ обращаться за лѣкарствами въ аптеки. Бываютъ, конечно, случаи, что иной пользуется извѣстными растеніями неправильно, а иной вмѣсто лѣкарственной травы, описанной ему въ короткихъ словахъ знахаремъ нетолково, принимаетъ ядовитую, послѣдствіемъ чего бываетъ не только вредъ для здоровья, но даже смерть.

Сколько ни лѣчится народъ извѣстными травами или симпатическими средствами, сколько ни знаетъ лѣкарственныхъ растеній, но почему-то считаетъ нужнымъ все это скрывать. Вотъ поэтому и трудно добывать матеріалы о домашнихъ средствахъ лѣченія народа, хотя это, повидимому, и не стоило бы назвать трудомъ. Но какъ бы то ни было, а посвятившій себя дѣлу изученія народа все таки находитъ средство или возможность добыть нужныя ему свѣдѣнія, хотя бы это стоило ему и имени порядочнаго человѣка. Говоримъ—имени „порядочнаго“ человѣка потому, что собирателя подобныхъ матеріаловъ необходимость заставляетъ иногда посѣщать трущебныя мѣста, сталкиваться съ такъ называемыми „непорядочными“ людьми и вести съ ними бесѣду, а подъ-часъ принять и участіе въ собутыльничествѣ съ ними, и „порядочный“ человѣкъ, видя собирателя матеріаловъ въ несоотвѣтствующемъ его званію мѣстѣ, въ обществѣ „непорядочныхъ“, клеймитъ его нерѣдко именемъ безнравственнаго кутилы. Но что же дѣлать! Безъ худа, скажемъ мы, нѣтъ добра, равно какъ нѣтъ и худа безъ добра.

Лѣченіе домашними средствами совершается преимущественно съ помощью травъ, нарванныхъ между началомъ всхода ихъ и 24 іюня, т. е. Ивановымъ днемъ, послѣ котораго трава, по народному мнѣнію, лишается цѣлительной силы, а лучшимъ временемъ для сбора лѣкарственныхъ растеній (исключая нѣкоторыхъ изъ нихъ) считается мѣсяцъ *май*. По укоренившемуся въ народѣ повѣрью, ночь на Ивана-Купалу въ отношеніи всѣхъ вообще растеній является ночью таинственной: въ эту ночь, по словамъ суевѣрныхъ, растенія *говорятъ* между собою, какъ человѣко-подобныя существа, и цвѣтутъ въ продолженіе трехъ минутъ, давая по три цвѣтка, таинственныя травы: *спрыкъ* [1]), *папоротникъ* и проч., и цвѣты этихъ травъ беретъ нечистая сила, чтобы быть

[1]) Разрывъ—трава.

для человѣка невидимой. Объ этой ночи въ народѣ сложились цѣлыя фабулы интересныхъ сказаній, изъ коихъ одно, признаваемое народомъ основаннымъ на дѣйствительномъ фактѣ, приводимъ здѣсь въ сокращенномъ, по возможности, видѣ.

По разсказамъ извѣстнаго намъ мельника Андрея Чиркова, жена Ѳедора Васильева, однажды, при наступленіи Ивановской ночи, сидѣла подъ березой во 100 саженяхъ отъ людскихъ жилищъ съ двумя малолѣтними сыновьями, изъ коихъ одинъ былъ еще грудной. Ночь наступала тихая, вполнѣ могущая назваться таинственной,—такая ночь, какая можетъ выпасть только на долю Ивана-Купалы. Долго ли сидѣла женщина подъ березой, разсказъ умалчиваетъ, только говоритъ, что во время созерцанія женщиной окружающаго ее, когда тѣнь чарующей ночи сгущалась съ каждой минутой сильнѣе и сильнѣе, услышала она вдругъ человѣческій голосъ, говорящій березѣ, подъ которой она сидѣла „пойдемъ бабушку хоронить: она умерла".—„Нельзя мнѣ итти: у меня на колѣняхъ сидитъ рабъ",—отвѣчаетъ береза таинственному голосу. Это,—заключила женщина,—былъ разговоръ двухъ березъ: приходила къ пожилой березѣ молодая звать на похороны старой, которая, вѣроятно отъ времени, упала, но березѣ, подъ которой сидѣла женщина, итти было нельзя: на колѣняхъ ея (т. е. на корняхъ) сидѣлъ грудной ребенокъ.

Считая ночь на Ивановъ день ночью таинственной, временемъ самымъ удобнымъ для добытія таинственныхъ травъ, въ эту ночь запасаются волшебными и другими необыкновенными травами колдуны и знахари, и нарванныя травы держатъ или въ трубѣ, какъ и черную книгу, или подъ печкой, или же подъ порогомъ и въ прочихъ укромныхъ мѣстахъ, въ которыхъ только и можно хранить ихъ.

Собираніемъ лѣкарственныхъ травъ занимаются преимущественно знахари и знахарки, особенно послѣднія, и самыя травы рвутъ съ различными словами или заговорами, какъ напримѣръ: „рву я рабъ (имя рекъ) или раба отъ травки цвѣточки, отъ земли коренья; на что они полезны, на то ихъ и рву".

По мнѣнію знахарей и знахарокъ, каждая ничтожная травка имѣетъ чудесную силу врачевства, но не каждая травка, полезная для мужчины, въ то же время полезна для женщины; въ медицинскомъ отношеніи травку отъ травки слѣдуетъ различать такъ, какъ различаются человѣкъ отъ человѣка, именно: для женатаго мужчины и замужней женщины существуютъ особыя травы, такъ равно и для холостого и дѣвицы травы особыя. Кто не можетъ въ этомъ отношеніи различать травку отъ травки, тотъ не долженъ предлагать больному и составленнаго лѣкарства, хотя извѣстная трава и считается лѣкарственной во многихъ болѣзняхъ. Одну траву, говорятъ, нельзя сорвать голой рукой, къ другой нельзя прикоснуться простой рукой, а иную нельзя

сорвать никому, кромѣ самого больного, и проч. Больной, принимая лѣкарство, долженъ поститься и, если будетъ чувствовать облегченіе, не долженъ объ этомъ говорить никому, въ противномъ случаѣ пользы-де отъ лѣченія не будетъ. По разсказу, услышанному нами отъ знакомаго, въ одной изъ деревень Воткинскаго округа былъ такой поразительный случай. Молодой человѣкъ, получившій чахотку, былъ уже недалекъ отъ смерти. Онъ до того исхудалъ, что остались на немъ кости да кожа. Дотянулъ онъ кое-какъ до лѣта и вышелъ однажды подъ вечеръ за деревню съ палкой въ рукѣ, какъ дряхлый старикъ, и побрелъ по дорогѣ, надѣясь, можетъ быть, получить облегченіе. Отошедши отъ деревни примѣрно на 50 саж., онъ встрѣтился случайно съ мужикомъ изъ сосѣдней деревни. „Ты, я вижу, очень хвораешь?“ обратился къ больному встрѣтившійся мужикъ,—„Развѣ не видишь? зачѣмъ спрашиваешь?“ отвѣчаетъ больной съ грубостью (чахоточные вообще раздражительны). — „Не горячись“, продолжалъ мужикъ: „можетъ быть я помогу тебѣ“.—„Поможешь ты! Лѣчилъ докторъ, и онъ не помогъ, ты ли поможешь?“— „Какъ знаешь? можетъ быть и помогу, иди-ка за мной“. Больной однако не соглашался итти, но убѣдительная просьба собесѣдника наконецъ заставила его согласиться. Сошелъ мужикъ съ дороги и повелъ больного въ болотистое мѣсто. Остановился онъ тамъ у одной тра́вки вышиной около двухъ четвертей и говоритъ больному: „сорви эту травку и съѣшь“. Больной проситъ мужика, чтобы травку сорвалъ онъ самъ и далъ ему, но мужикъ не срываетъ, говоря, что сорвать травку долженъ самъ больной. Сорвалъ больной травку, и говоритъ ему мужикъ: „иди домой и ѣшь эту травку, да смотри, въ теченіе трехъ сутокъ ничего кромѣ этой травы не ѣшь. Если тебя одолѣетъ сонъ—спи, а не съѣшь вдругъ всю травку—ѣшь потомъ, да если будешь чувствовать облегченіе, никому объ этомъ не говори“.

Поблагодарилъ больной мужика и побрелъ домой. Пришедши домой, съѣлъ онъ кое-какъ половину травки и задремалъ; легъ на кровать и уснулъ. Проспалъ онъ почти до утра и сталъ чувствовать облегченіе. Съѣлъ остальную часть и опять уснулъ. На другой день сходилъ за травкой самъ и опять съѣлъ ее. Такъ провелъ онъ три дня, не касаясь, кромѣ травы, никакой пищи и никому про свое лѣченіе не говоря. Черезъ три дня у него появился аппетитъ, какъ у совершенно здороваго человѣка, и онъ, поѣвши, опять уснулъ. Сходилъ за травой еще и съѣлъ всю принесенную. Наконецъ онъ выздоровѣлъ совершенно.

Приписывая травамъ чудесную силу врачевства, говорятъ, что красивыя травы съ цвѣтами созданы для красы, чтобы ими пестрѣли поля и луга, а простыя назначены на кормъ скоту и для врачеванія больныхъ. Вообще, говоря о растеніяхъ, должно сказать, что народъ въ растительномъ царствѣ видитъ сходство съ

царствомъ животныхъ, гдѣ каждое отдѣльно взятое по родамъ существо имѣетъ свое назначеніе.

Травы раздѣляются на а) *магическія*, б) *амулеты*, в) *лѣкарственныя*, г) *ядовитыя*, д) *возбуждающія похоть*, е) *привораживающія*, и проч.

Изъ магическихъ особенно замѣчательны:

Спрыкъ. Траву эту узнаютъ только самые искусные знахари, и то счастливые, по покрывшимъ ее блесткамъ на утренней зарѣ до восхода солнца и по другимъ признакамъ. Говорятъ, что если эта трава во время сѣнокоса случайно попадетъ подъ косу, коса непремѣнно разлетится на нѣсколько частей или покрайней мѣрѣ переломится пополамъ. Трава спрыкъ имѣетъ ту силу, что отъ одного прикосновенія ею къ замкамъ и желѣзнымъ запорамъ таковые разрываются, отчего, вѣроятно, и получила она въ другихъ мѣстахъ названіе разрывъ-травы. Найти эту траву можно слѣдующимъ образомъ. Когда коса безъ всякой причины на ровномъ мѣстѣ разлетится или, звякнувши, переломится, тогда всю подкошенную траву надо собрать и бросить въ рѣку. Изъ кучи травы мгновенно выдѣлится спрыкъ и поплыветъ вверхъ по теченію рѣки, тогда какъ обыкновенная трава будетъ плыть внизъ по теченію рѣки. Можно ее найти еще такъ. Нужно искать гнѣздо дятла въ дуплѣ; если найдешь, заткни лазейку дятла или отверстіе въ дуплѣ желѣзнымъ прутомъ или чѣмъ-нибудь другимъ подобнымъ, и затѣмъ надо постлать подъ дупло, къ корню дерева, чистую скатерть (само собой разумѣется, все это нужно дѣлать въ то время, когда дятелъ не будетъ въ дуплѣ, гдѣ гнѣздо его). Дятлу, прилетѣвшему къ гнѣзду, нельзя будетъ пролѣзть въ дупло; тогда онъ улетитъ искать траву спрыкъ; найдетъ ее и принесетъ во рту. Коснется желѣза травой, и оно (желѣзо) упадетъ на землю, и дятелъ траву выпуститъ изо рта, и она упадетъ на скатерть. Трава спрыкъ лишится силы, если бросишь ее въ отхожее мѣсто. Цвѣты этой травы, какъ мы замѣтили уже выше, имѣютъ еще силу дѣлать человѣка невидимымъ, подобно духу.

Папоротникъ. Цвѣтамъ означенной травы приписывается почти такая же сила, какая приписывается цвѣтамъ предыдущей травы. Чтобы добыть цвѣты названной травы, нужно итти въ ночь на Ивановъ день въ самое глухое мѣсто, въ лѣсъ, чтобы до этого мѣста не доходилъ звукъ пѣнія пѣтуховъ. Пришедши на мѣсто, гдѣ растетъ папортникъ, нужно обвести вокругъ себя черту взятымъ съ собой желѣзнымъ орудіемъ, напримѣръ, ножомъ, топоромъ, заключающимъ въ себѣ укладъ, и постлать на землю, подъ листья папортника, чистую скатерть; затѣмъ самому нужно лечь на спину и въ такомъ положеніи смотрѣть въ небо и считать звѣзды. Около полуночи къ чертѣ будутъ подходить въ образѣ разныхъ животныхъ бѣсы и угрожать смертію, чтобы лежащій вышелъ изъ кружка и лишился цвѣтовъ папоротника; но лежащій не долженъ

даже и шевелиться, а только считать звѣзды. Въ самую полночь папоротникъ расцвѣтетъ и уронитъ на скатерть три серебряныхъ цвѣтка (по словамъ нѣкоторыхъ, одинъ цвѣтокъ). Тутъ лежащій будетъ испытывать неслыханныя, страшныя видѣнія и голоса нечистой силы, но онъ долженъ терпѣть и не предаваться страху; страшиться же ему не для чего: нечистая сила не перейдетъ за черту, а при первомъ пѣніи пѣтуховъ она вся исчезнетъ, и, слѣдовательно, цвѣты добыты

Араратъ. Трава эта, кромѣ магической силы, служитъ еще, такъ сказать, ключемъ къ отысканію чудесныхъ травъ. Она, по словамъ одного разсказчика, имѣетъ вышину 12 верш. и толщиной съ палецъ; цвѣты на ней голубые и желтые, подлѣ самыхъ листочковъ; корень ея какъ рѣдька. Можно добыть ее только въ Ивановъ день, между заутреней и обѣдней, слѣдующимъ образомъ. Увидѣвши ее, вырѣжи ножемъ противъ солнца кружокъ земли, въ которомъ заключается ея корень. Если поднимешь траву съ кружкомъ земли—бери, если же сорвешь травку—не бери: пользы отъ нея не будетъ. Траву находятъ тамъ, гдѣ сошлась Москва съ Окой.

Амулетами считаются слѣдующія травы и ихъ коренья:

а) *Христовъ посохъ*. О травѣ этой мы слышали такое сказаніе. Когда произошла война между небесными силами и злыми духами съ Акеломъ [1]) во главѣ, злые духи взяли въ адъ и пчелъ, гдѣ онѣ и находились до сошествія Спасителя въ адъ. Спаситель, выдернувши траву Христовъ посохъ (Tritillaria imperialis), сошелъ съ ней въ адъ, посадилъ въ лукообразный корень этого растенія пчелиную матку и вывелъ ее изъ ада съ пчелами вмѣстѣ съ праведными духами и отдалъ матку съ пчелами людямъ.

б) *Петровъ крестъ* (Lathraea squamaria). Народное сказаніе объ этой травѣ повѣствуетъ, что св. апостолъ Петръ, занимаясь рыбачествомъ, привязывалъ траву къ сѣтямъ и ловилъ рыбы много, поэтому привязываютъ ее нѣкоторые рыбаки къ сѣтямъ.

в) *Плакунъ* (Lythrum Salicaria Epilobium. Чтобы ознакомить со сказаніемъ объ этой травѣ, мы приведемъ здѣсь извѣстный намъ варіантъ пѣсни о Голубиной книгѣ, въ которой между прочимъ воспѣвается эта трава.

Среди свѣту бѣлаго, міру христіанского,
Что во градѣ было во Кіевѣ,
Выпадала книга Голубиная
Ни малая ни великая—
Въ длину сорокъ локоть,
Поперечины двадцать локоть.

Кому честь—не прочесть ее,
Кому держать — не сдержать ее.
Кы той книгѣ Голубиной
Собиралися съѣзжалися
Сорокъ царей со царицами,
Сорокъ князей со князицами,
Сорокъ поповъ со діакономъ.

---

[1]) Князь тьмы, начальникъ демоновъ.

Какъ сговоритъ Володиміръ царь:
„Ты скажи намъ, Давидъ Евсеевичъ,
Ты скажи намъ, премудрый царь,
Скажи ты намъ, отчего свѣтъ зачался?
Скажи ты намъ, отчего солнце красное?
Скажи ты намъ, отчего свѣтелъ мѣсяцъ?
Скажи ты намъ отчего часты звѣзды?"
Имъ отверзелъ премудрый царь:
„Я разскажу по памяти, какъ по грамотѣ.
Бѣлый свѣтъ зачался отъ Свята Духа,
Солнце красное отъ лица Божія,
Свѣтелъ мѣсяцъ отъ грудей Его,
Часты звѣзды то—отъ ризъ Его".
Какъ сговоритъ Володиміръ царь:
„Гой еси, премудрый царь Давидъ Евсеевичъ!
Скажи ты намъ, отчего цари пошли?
Скажи ты намъ, отчего короли пошли?
Скажи ты намъ, отчего князья пошли?
Скажи, отчего бояре пошли?
Скажи, отчего попы пошли?
Скажи, отчего христіане?
Скажи, отчего тати пошли?
Скажи, отчего разбойники?
Скажи, отчего нищета пошла?"
Что отверзелъ имъ премудрый царь:
„Еще разскажу по памяти, какъ по грамотѣ.
Цари пошли отъ солнышка,
Короли пошли отъ мѣсяца,
Князья пошли отъ утренней,
Бояре отъ вечерней зари;
Попы пошли отъ четьи Божіи,
Христіане—отъ частыхъ звѣздъ,
Тати пошли отъ туга лука,
Разбойники—отъ темной ночи,
Нищета пошла отъ самого Христа".
Какъ сговоритъ Володиміръ царь:
„Гой еси, премудрый царь Давичъ Евсеевичъ!
Скажи ты намъ, какой царь всѣмъ царямъ отецъ?
Скажи ты намъ, какой градъ всѣмъ градамъ отецъ?
Скажи ты, кое море всѣмъ морямъ отецъ?
Скажи ты, кая рѣка всѣмъ рѣкамъ отецъ?
Скажи ты, кая гора всѣмъ горамъ отецъ?
Скажи ты, кой звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ?
Скажи ты, кая рыба всѣмъ рыбамъ отецъ?
Кая птица всѣмъ птицамъ отецъ?
Кая трава всѣмъ травамъ отецъ?"
Что отверзелъ имъ премудрый царь:
„Я разскажу по памяти, какъ по грамотѣ.
Нашъ Бѣлый Царь всѣмъ царямъ отецъ:
У него вѣра крещеная, православная, богомольная;
Оттого нашъ царь всѣмъ царямъ отецъ.
Русалимъ-градъ всѣмъ градамъ отецъ:
Стоитъ онъ средь свѣту бѣлого,
Что не пупъ земли-то въ Русалимѣ градѣ;
Оттого Русалимъ-градъ всѣмъ градамъ отецъ.
Кіянъ-море всѣмъ морямъ отецъ:
Изъ него вышла церковь Касандрійская,
А за нею папы Рымскаго;
Оттого кіянъ-море всѣмъ морямъ отецъ.
Ердань-рѣка всѣмъ рѣкамъ отецъ:
На ней крестился Самъ Іисусъ Христосъ

Со Ангелы и Архангелы,
Со двѣнадцатью Апостолы;
Оттого Ердань-рѣка всѣмъ рѣкамъ отецъ.
Ѳагоръ-гора всѣмъ горамъ отецъ:
На ней преобразился Самъ Іисусъ Христосъ;
Оттого Ѳагоръ-гора всѣмъ горамъ отецъ.
Кипарисъ-древо всѣмъ древамъ отецъ:
На немъ распялся Самъ Іисусъ Христосъ
Промежду двухъ разбойниковъ;
Оттого кипарисъ-древо всѣмъ древамъ отецъ.
Ендарь-звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ:
Живетъ онъ подъ старымъ дубомъ,
Питается онъ Святымъ Духомъ;
Оттого Ендарь-звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ.
Китъ-рыба всѣмъ рыбамъ отецъ:
На немъ лежитъ вся сыра земля
Свята русская православная;
Потому китъ-рыба всѣмъ рыбамъ отецъ.
Строфилъ-птица всѣмъ птицамъ отецъ:
Живетъ онъ въ синемъ морѣ,
Дѣтей водитъ подъ камнемъ онъ.
Когда Строфилъ вострепехнется,
Тогда море поколыхнется,
Тогда зальетъ весь невѣрный міръ;
Оттого Строфилъ-птица всѣмъ птицамъ отецъ.
Плакунъ-трава всѣмъ травамъ отецъ:
Когда Христосъ на распятьи былъ,
Тогда Дѣва, Мать Пречистая,
Она плакала, сильно рыдала,
На сыру-землю слезы роняла,
Отъ той слезы отъ Пречистенской
Выростала-то Плакунъ-трава;
Оттого Плакунъ-трава всѣмъ травамъ отецъ.
Кривда правду одолѣть хоча,
Кривда пошла по свѣту,
Правда пошла на небо.
Старымъ людямъ на спокоенье,
Младымъ людямъ на наученье.
И славенъ Богъ, и прославенъ Богъ,
Велико Имя въ дѣлахъ Его.

Къ амулетамъ причисляются еще травы: *одоленъ*, *царевы очи*, *сивулистъ*...

Привораживающими травами служатъ *хоровлецъ*, *пырецъ*. Объ нихъ рѣчь ниже слѣдуетъ.

Нѣкоторые изъ знахарей, занимающихся собираніемъ травъ, имѣютъ и описанія травъ или травники и даже самыя травы въ засушенномъ видѣ, въ родѣ гербарія; при такихъ описаніяхъ есть и таинственные знаки, извѣстные только имъ. Описанія такія переходятъ отъ знахарей къ ихъ дѣтямъ отъ дѣтей ко внукамъ и т. д. по нисходящей линіи, какъ наслѣдство, и ими нѣкоторые потомки дорожатъ, подобно тому, какъ въ нѣкоторыхъ образованныхъ семействахъ дорожатъ фамильными цѣнностями.

Однажды, перебирая у одного грамотѣя различныя книжки лубочного изданія, хранящіяся въ ящикѣ, увидѣлъ я, между прочимъ, остатки старинной рукописи съ пострадавшими отъ времени листами, у которыхъ края и углы оказались очень обтрепанными, вслѣдствіе чего, естественно, и слова могли сохраниться не всѣ. Тетрадь эта, несомнѣнно, есть отрывокъ отъ объемистой рукописи, заключавшей въ себѣ описанія различныхъ

травъ. Я выпросилъ на время эту тетрадку и привожу здѣсь ея содержаніе, прибавляя отъ себя только необходимые знаки препинанія, которыхъ въ рукописи нѣтъ. Неразобранныя слова въ рукописи означены нами точками.

Трава есть *Гонецъ*. Растетъ на раменскихъ мѣстахъ, что лапы листы на ней крещатые, собою въ локоть; ягоды на ней черныя, вишневыя на верху; корень чернъ. Та трава—отъ грыжи нутренныя и отъ порѣзу. Давать пить въ молокѣ или въ винѣ.

Трава есть *Золотуха*. Растетъ на борахъ, раменскихъ мѣстахъ, при осинникахъ, кустиками въ пядь; на одномъ корени живетъ вол...... сама будто зл..... перевата (?); цвѣтъ бы..... Добра та трава отъ порчи. Давать въ меду. Въ которомъ человѣка одна (?) [1], то заправить ею и поможетъ, и отъ волосатика и отъ нырка.

Трава есть *Насоръ*. Растетъ на раменскихъ мѣстахъ и земляхъ, при орѣшникахъ, ростомъ въ локоть; цвѣтъ красенъ, листочки стрѣлки, зеленѣется; на верху стручки, а въ стручкахъ сѣмячко, а корень бѣлъ. Добра та трава отъ сонныя грезы и отъ всякія скорби нутренныя; сѣмячко добро: у кого бѣльмо на глазу, стираетъ съ медомъ.

Трава есть *Одоленъ* [2]). Растетъ она въ стрѣлу и выше; вцѣтъ красенъ или желтъ, а корень, что бумага хлопчатая, и та трава вельми добра, а корень—отъ порчи; давать корень въ уксусѣ утопивши... Поможетъ; да и къ конскому сидѣнью добра, а надо держать при себѣ или коню въ гриву ввязать, а цвѣтъ ея носить съ воскомъ въ чистотѣ и будетъ человѣкъ вездѣ въ чести у всякой власти и одолѣетъ враговъ; потому и зовутъ ее Одоленъ; а рвать не просто, приговаривать сквозь серебро или злато.

Трава есть *Хоровлецъ*. Растетъ на боровыхъ мѣстахъ, собою съ ножъ; цвѣтъ на ней бѣлъ, а корень красенъ, и та трава вельми добра давати женамъ: душа горитъ, и ту траву вельми угодно......... мъ.
м| ѾЦъ |у м|.

Трава есть *Пухлецъ* именемъ. Растетъ на старыхъ мѣстахъ по межамъ, при пашняхъ; цвѣтъ на ней бѣлъ, собою бѣла же. Угодна она давать въ молокѣ маковомъ съ медомъ—и поможетъ; утерши присыпать сѣченымъ и колотымъ людямъ: вельми добра; или загноится рана, сложити съ папушникомъ, сотри съ масломъ, то скоро заживетъ; а присыпешь многажды, не застуживать, но въ теплѣ держать... Поможетъ.

Трава есть *Ерща*. Растетъ при каменистомъ (мѣстѣ) у воды, сама синя, а цвѣтъ на ней что ма...... твердой и жестка. Давать ту траву пить съ виномъ. Тотъ человѣкъ добръ будетъ и легокъ, и сидѣлецъ къ конскому сидѣнью, и къ бою, и при томъ и тѣломъ легокъ, и того синѣе ни которая не родится.

---

[1]) Вѣроятно *дна*—болѣзнь, извѣстная по старинным лѣчебникамъ, но не вполнѣ опредѣленная (болѣзнь матки, „золотника"?). *Ред.*

[2]) Вѣроятно Euphorbia pilosa или Nymphaea alba. *Авт.*

Трава есть *Погибельна* слыветъ. Растетъ на бору, цвѣтъ лазоревъ, а растетъ она на мартѣ мѣсяцѣ и отцвѣтаетъ. Та трава отъ дѣтей: захощешь дѣтей, то дай тоежъ травы на другой годъ въ мартѣ мѣсяцѣ въ 5 день тоежъ травы, а не иной, и дѣти будутъ опять.

Трава есть именуется *Царь* [1]...... Растетъ въ илу, красна собою, листочки красны, и цвѣтъ красенъ, на верху дыхленко (?) мало, и та трава вельми добра держати въ дому: и житу, и скоту и человѣку весьма полезна; на судъ придешь—собою побѣдишь врага, кривыхъ судей, не осудятъ тебя; въ пиръ или на какое дѣло идти—возьми съ собою: добро тебѣ будетъ; да ею же окуривать. Которому человѣку идти въ пиръ, возьми съ собою, и отъ всякаго человѣка честь узриши; а кто захощетъ жениться, держи при себѣ, то ласково жить будешь, и которому человѣку ѣздить, держи при себѣ, и кто захощетъ въ славѣ быти отъ вельможъ и вездѣ честенъ, держи при себѣ; а ростетъ на болотахъ, гдѣ клюква родится.

Трава есть *Бакланъ*. Растетъ при рѣкахъ и въ озерахъ, а цвѣтъ на ней желтъ, собою высокъ, сколько вода велика, листъ кругомъ, а корень великъ, бѣлъ. Добра та трава давать конямъ и коровамъ ясти; который человѣкъ трупомъ (?) и забываетъ, то пить и хлебать, и париться ею и травою обкладывать, потъ вельми пойдетъ, и скорбь изъ человѣка всю выгонитъ.

Трава есть *Самотока*, вельми добра. Растетъ на старыхъ мѣстахъ, ростомъ въ пядь, цвѣтъ на ней синь, что шапка, вельми добра...... и та трава пить въ молокѣ, въ уксусѣ, у котораго человѣка чемеръ... Помилуетъ, а пить на исходѣ; или сердце щепетитъ, или грудь ломитъ, то пить въ уксусѣ, то поможетъ Богъ.

Трава есть *Медвѣжье ухо* [2]. Растетъ на добрыхъ земляхъ, на старыхъ путяхъ, по огородамъ, раменскимъ мѣстамъ; растетъ въ стрѣлу и выше, листомъ мохната, цвѣтъ желтъ. Вельми добра та трава конямъ: вовсе не будетъ ящеръ.

Трава есть *Багунъ*. Растетъ на борахъ и по болотамъ, кустиками; вся зелена, а цвѣтъ на ней желтъ, и та трава добра отъ тараканов, топи избу съ цвѣтомъ калиновымъ, да съ корою черемуховою и въ той избѣ таракановъ не будетъ, а топить двои сутки, и они всѣ подохнутъ и не будетъ той гадины, а станешь топить, въ ту пору въ избу не ходи и никого не пускай, покамѣстъ тотъ не выйдетъ духъ; если кто подойдетъ—умретъ, а класть огонь въ подполье подъ печь.

Трава есть *Переньиа* именемъ. Растетъ по изгородамъ и по старымъ сильнымъ землямъ; растетъ что елочка, листочки что язычки, долгоньки, маленьки, гладеньки; цвѣтъ на ней желтъ съ пятнышками. Добра та трава парить, очи у кого прѣютъ или слезы текутъ, или которая рана долго не заживаетъ, сотри съ папушникомъ и приложи съ масломъ или съ мукою оржаною. Поможетъ Богъ въ томъ же мѣсяцѣ.

---

[1]) Не Aconitum Lycoctonum ли?
[2]) Медвѣжье ухо—Verbascum Thapsus.

Трава есть *Полевая ягиль*. Растетъ по огородамъ, по сухимъ мѣстамъ, собою въ локоть или въ стрѣлу, на верху кисточка бѣловата, духъ мятвенъ, а корень что перецъ, и та трава давать пить, у которыя жены груди болятъ или зубы, и тотъ корень въ зубахъ держать.

Трава есть *Смыкъ*. Растетъ бѣла, а иная желта, что пестики или что свѣщатой воскъ, ростомъ таковая же, а пригодна она къ тому, который человѣкъ не слышитъ; утерши въ винѣ, въ ухо пустить, то станетъ слышать; да она же жельямъ (?) [1] добра парить и хлебать. Поможетъ Богъ.

Трава есть *Юнецъ*. Растетъ при рѣкахъ и болотахъ, на старыхъ мѣстахъ раменскихъ и на старыхъ о......., ростомъ въ локоть, цвѣтъ багровъ, корень красенъ. Добра она, у котораго человѣка волосъ растетъ, пускай тотъ корень съ солью и поможетъ. У котораго человѣка волосатикъ или нырокъ, хлебай и прикладывай къ ранѣ съ овечьимъ саломъ. Поможетъ.

Трава есть *Пырецъ*. Растетъ при водѣ, цвѣтъ синь, а сама мягка, корень бѣлъ, и та трава добра держати и въ гнѣздо утичье или гусиное, или свиное или овечье (положить), то поведетъ скотъ, а всего лучше держать рыболовамъ ту траву при себѣ, то побѣдитъ рыбы много; та же трава вельми добра, у котораго человѣка .... [2]); хлебай и поможетъ.

Есть трава *Ерохо*. Растетъ малинька, свѣтлинька или желта, что булавочка, съ хохолкомъ, цвѣтъ на ней ...... а сама въ иглы; гдѣ она, тутъ много (ее?) съищешь кустиками. Добра та трава хлебать съ квасомъ. Поможетъ. Богъ. Добро держать мельникамъ въ мельницѣ. м҃ п҃ с҃.

Трава есть *Синій воронъ*. Растетъ въ локоть подлѣ лѣсовъ, гладка; цвѣтъ желтъ, и та трава угодна въ грыжѣ, которое мѣсто грызетъ..... .... что орѣшикъ жестенекъ; угодна имать въ апрѣлѣ мѣсяцѣ и топить въ молокѣ, или съ медомъ съ перцемъ давать пить, у котораго урчитъ и болитъ во чревѣ, или въ коемъ человѣкѣ порча или переполохъ ходитъ или пупъ грызетъ. Поможетъ Богъ, а запасать въ годъ.

Трава есть *Ефимъ*, и та трава въ человѣка, вся желта, и цвѣтъ желтъ, а растетъ на низкихъ поляхъ, дикихъ лѣсахъ; она что волокно тянется, и та трава вельми угодна давать, который человѣкъ или не растетъ, или горбатъ, или горбъ растетъ; давать пить съ травою Плакуномъ по 9 въ три м҃ца станетъ говорить, да она же добра отъ пожогу; парся и хлебай. Поможетъ Богъ, только если не смертна.

Трава есть *Любистъ* [3]). Растетъ при валежникахъ и при красныхъ разныхъ травахъ, при старыхъ при великихъ рѣкахъ или при раменскихъ мѣстахъ, собою ростомъ въ локоть; цвѣты рудо-желты или .... посреди цвѣту кисточка, вышелъ корень что лодыжка барановая. Добръ тотъ корень носить при себѣ: люди любятъ, покоряются предъ тобою и

---

1) Не желвакъ ли? *Авт.* Вѣроятно железа́. *Ред.*
2) Нескромное выраженіе. *Авт.*
3) Должно полагать Levisticum ligusticum. *Авт.*

зла на тебя не мыслятъ; а цвѣтъ ея добръ умываться рябому; снимаютъ тѣмъ... Поможетъ.

Трава есть *Скорпія*. Растетъ пестро, и листъ пестръ и корень пестръ, подлѣ муравейниковъ или на шмеляхъ старыхъ. Добра та трава, у кого руки или ноги судорога держитъ; возьми да парся; да она же добра, кто змію или ужа найдетъ; кинь на то мѣсто и онъ отнюдь прочь не отойдетъ, хоть умретъ.... будто сонная, а не ужалитъ, хошь за пазуху положь.

Трава есть *Копа*. Растетъ малинька, кисточки на верху, налинастой (?) корень, что дуга, наконецъ крючикъ, и та трава вельми добра держати торговымъ людямъ; ино станетъ что торговать, положь въ правую пазуху, то возьмешь на свою цѣну; что захочешь продать, положь въ лѣвую пазуху .... въ лавку.......................

Есть трава *Сивулистъ*; листвіемъ мала, по землѣ стелется, а цвѣту нѣтъ. Добра та трава отъ пакостей вѣдьмъ. Кто носитъ при себѣ, мужъ и жена другъ друга любятъ, а корень ея носить женамъ: безъ болѣзни дитя мещетъ.

Трава есть *Кумъ* (Кумъ-трава); стебліе тонко, цвѣтъ огненъ. Пригожа та трава въ недузѣхъ, а кто носитъ при себѣ на шеѣ, зазнобы, оморочи, лихихъ колдуновъ избавится, а копать надо при зарѣ утренней, чтобы роса была.

Какъ видно, въ числѣ описанныхъ травъ заключаются и цѣлительныя, и амулеты и проч. О такихъ растеніяхъ слыхалъ всякій деревенскій житель, но умѣютъ распознавать ихъ очень немногіе. Кто знаетъ ихъ, не знакомитъ съ ними даромъ, исключая тѣхъ, которые сами по себѣ считаются нечудесными, и такимъ образомъ травы эти остаются въ области таинственныхъ. Употребленіе нѣкоторыхъ изъ нихъ связано тѣсно съ заговорами или таинственными словами, которыя извѣстны только самимъ знахарямъ, умѣющимъ различать травы, на это указываютъ и буквы въ родѣ помѣщенныхъ подъ описаніями травъ Хоровлецъ и Ерохо, значеніе которыхъ ясно только самимъ знахарямъ и грамотѣямъ, описывающимъ травы. Что же касается обыкновенныхъ лѣкарственныхъ травъ, употребляемыхъ въ обыкновенныхъ болѣзняхъ, то ихъ знаетъ едва ли не каждый деревенскій житель, особенно женщины, и если, по испытаніи, онѣ оказываются полезными противъ извѣстной болѣзни, совѣтуютъ употреблять ихъ въ лѣкарство, и такимъ образомъ онѣ получаютъ общую извѣстность.

Далѣе, перейдемъ къ описанію народныхъ средствъ противъ болѣзней или въ предотвращеніе ихъ. Въ числѣ указанныхъ ниже рецептовъ будутъ заключаться и такъ называемыя симпатическія средства, принятыя простонародіемъ и употребляемыя болѣе знахарями въ деревняхъ. Къ такимъ средствамъ лѣченія прибѣгаютъ

иногда, болѣе, чѣмъ къ лѣченіямъ извѣстными травами и, въ случаѣ благополучнаго исхода, имъ дается предпочтеніе.

Въ *лихорадкѣ* употребляется настой травъ: 1, полыни; 2, троелистки; 3, корень чернобыльника. Пережигается въ печи, на сковородѣ или на горячихъ угольяхъ, поваренная соль; въ послѣднемъ случаѣ соль завязывается въ тряпку. Если лихорадкой страдаетъ взрослый, пережженной соли берется столовая ложка или больше, смотря по тому, сколько можетъ принять больной; эта соль распускается въ стаканѣ кипяченой воды и выпивается утромъ натощакъ. Дѣтямъ пріемъ уменьшается до половины чайной ложки.

Настаивается водка съ чеснокомъ и принимается понемногу послѣ припадка.

Берутъ щепотки двѣ бузиннаго цвѣту и, всыпавши въ стаканъ съ кипяткомъ воды, настаиваютъ около получаса времени; потомъ, процѣдивши это, сыплютъ въ настойку чайную ложку нашатырю. Лѣкарство это дается черезъ каждые два часа: взрослымъ по столовой ложкѣ, а дѣтямъ—по чайной, до выздоровленія.

Настаиваютъ въ винѣ (виноградномъ) свѣжій натертый хрѣнъ и поятъ этимъ виномъ больного, по окончаніи лихорадочнаго при ступа, по рюмкѣ, около пяти разъ въ день. Отъ перемежающейся лихорадки составляется порошокъ изъ живыхъ раковъ слѣдующимъ образомъ. Въ чашку наливаютъ простое хлѣбное вино и кладутъ туда живыхъ раковъ; затѣмъ чашку закрываютъ и оставляютъ такъ до тѣхъ поръ, пока раки не замрутъ; послѣ этого раковъ вынимаютъ и кладутъ сырыми въ печь, въ которой долженъ быть жаръ легкій. Когда раки высохнутъ, обращаютъ ихъ въ мелкій порошокъ, просѣиваютъ и, всыпавши въ стклянку, закупориваютъ крѣпко и держатъ до употребленія. Предъ лихорадочнымъ приступомъ даютъ этого порошка чайную ложку въ рюмкѣ водки такъ, чтобы изъ рюмки былъ выпитъ весь остатокъ. Дѣтямъ пріемы уменьшаются. Послѣ принятія такого лѣкарства больной, одѣвшись теплѣе, ходитъ по комнатѣ (зимой) или на дворѣ (лѣтомъ) до тѣхъ поръ, пока не устанетъ и не ослабѣетъ, или не получитъ сильный потъ, послѣ чего онъ ложится въ постель. Если случится второй припадокъ, пріемъ лѣкарства повторяется.

Принимаютъ также обращенную въ порошокъ паутину.

Симпатическимъ средствомъ лѣченія отъ *лихорадки* считается слѣдующее. Кто страдаетъ этой болѣзнью, долженъ обмарать лицо сажей или какой-нибудь нечистотой, чтобы вызвало это лицо отвращеніе; затѣмъ должно спуститься въ рѣпную яму и лежать въ ней не шевелясь. Придетъ болѣзнь—лихорадка въ человѣческомъ образѣ и будетъ различными угрозами выживать изъ ямы; но лежащій въ ней не долженъ и шевелиться. Наконецъ, лихорадка плюнетъ на лежащаго и скажетъ: „не приду къ тебѣ

больше вовѣки: ты весь опачканъ, обмазанъ, безобразенъ." Сказавши это, лихорадка уйдетъ.

Лихорадка, по русскому повѣрью, ходитъ, какъ мы уже говорили, въ человѣческомъ образѣ, въ видѣ женщины. Ее называютъ: Мавридой, Сидиней, Листовіей, Желтой, Синей, Медвѣдной, Змѣей огненной и другими именами, которыхъ насчитываютъ двѣнадцать.

Отъ *цынги*. Совѣтуютъ натирать десны нюхательнымъ табакомъ и табачнымъ дегтемъ.

Даютъ пить больному черезъ два часа по ложкѣ пивныхъ дрожжей, примачивая въ то же время десны и скулы; а для предохраненія отъ болѣзни принимаютъ внутрь хрѣнъ, настоянный въ пивѣ или въ винѣ, и полощутъ во рту.

Пьютъ кислое питье, напримѣръ, квасъ и ѣдятъ капусту.

Отъ *бѣльма на глазу*. Впускаютъ въ больной глазъ: 1, маковое масло; 2, жидкую пихтовую сѣру, вынутую изъ коры—ту сѣру, которая еще не подвергалась вліянію воздуха; 3, порошокъ ревеня; 4, масло съ серебра и 5, настой дождевыхъ (красныхъ) червей. [1])

Масло съ серебра добывается слѣдующимъ образомъ. На большую серебряную монету кладутъ колечко изъ снѣга; потомъ зажигаютъ лучину и держатъ ея зажженный конецъ надъ центромъ, ограниченнымъ снѣжнымъ колечкомъ, отчего на серебрѣ получается вещество, называемое масломъ.

Набравши дождевыхъ червей меньше половины чайной чашки, кладутъ туда кусокъ сахару и наливаютъ воды; затѣмъ чашку закрываютъ сукномъ. Черезъ нѣсколько времени, когда черви превратятся въ жидкость, ее процѣживаютъ сквозь чистыя тряпки и пропускную бумагу. Эту жидкость впускаютъ въ глазъ, на которомъ образовалось бѣльмо.

Второе средство, въ которое входятъ земляные черви, слѣдующее. Набравши этихъ пресмыкающихся въ чашку или стеклянную банку, докладываютъ банку бѣлымъ медомъ и ставятъ ее на солнцѣ на 12 дней; послѣ этого массу процѣживаютъ и впускаютъ въ больной глазъ раза два или три въ день.

Вынимаютъ изъ живого налима, распоровши ему животъ, печень; разрѣзываютъ этотъ органъ на части и кладутъ въ длинную стклянку; затѣмъ наливаютъ туда до половины воды и вѣшаютъ на 7 дней на солнцѣ. через 7 дней наверху отдѣлится жиръ, и, сливши его, впускать по каплѣ или по двѣ въ глазъ съ бѣльмомъ.

Отъ *кашля*. Разводятъ въ двухъ стаканахъ воды щепоть ржаной муки и даютъ отстояться; потомъ, когда мука осядетъ на

---

[1])Lumbrin terrestres

дно, сливаютъ воду и дѣлятъ осадокъ на двѣ половины. Одну половину выпиваютъ утромъ, другую—вечеромъ.

Кипятятъ воду съ сахаромъ въ закрытомъ чайникѣ и пьютъ. Такую воду пьютъ и въ грудныхъ болѣзняхъ.

Втираютъ въ тѣло маковое масло, которое, вызывая обильную испарину, прекращаетъ кашель.

Натирать на ночь подошвы толченымъ чеснокомъ.

Ѣдятъ икру королевскихъ соленыхъ сельдей и, ложась спать, кладутъ на грудь синюю сахарную бумагу, проткнутую въ нѣсколькихъ мѣстахъ иголкой и намазанную свинымъ или другимъ саломъ, а бумагу привязывать ко груди бинтами.

Отъ *икоты*. Берутъ въ началѣ икоты въ ротъ кусокъ сахару и держатъ таковой во рту, высасывая и проглатывая жидкость.

Выпиваютъ глотковъ 12 воды, а равно и нѣсколько капель уксуса съ водою.

Приводятъ подверженнаго икотѣ какимъ-нибудь обманомъ вдругъ въ испугъ или стыдъ; лучше всего, говорятъ, взвести на него ложное обвиненіе.

Отъ *рвоты и боли въ животѣ* ставятъ на животъ горшокъ, положивши въ него пучекъ зажженной кудели, подобно тому, какъ ставятъ кровесосныя банки.

Пьютъ холодный чай изъ перечной мяты или же деревяное масло, которое принимается ложками.

Ѣдятъ на тощакъ по три столовыхъ ложки кислой капусты.

Дѣтямъ, кричащимъ безпрестанно, извергающимъ изо-рта створоженное молоко и марающимъ зелено, даютъ чай изъ буковицы пополамъ съ молокомъ, прибавляя къ нему по $1/2$ чайной ложки чистаго мѣлу.

Отъ *грыжи*. Поятъ водой, въ которой распущено бумажное масло (на полуштофъ примѣрно 5 капель). Въ пупочныхъ грыжахъ дѣтей, сверхъ употребленія внутрь означеннаго лѣкарства, мажутъ однажды пупокъ бумажнымъ масломъ.

Поятъ дѣтей, а равно и взрослыхъ, конопляной смолкой въ холодной водѣ или молокѣ грудномъ, или же коровьемъ, по 5 капель въ день. Конопляная смолка добывается такъ. Берутъ два горшка, изъ коихъ одинъ долженъ быть меньше. На днѣ бо́льшаго горшка просверливается дырочка и этотъ горшокъ набивается туго конопляным сѣменемъ, затѣмъ на него опрокидывается мéньшій горшокъ и промежутокъ между стѣнками обоихъ горшковъ замазывается глиною, смѣшанною съ мякиной, и ждутъ, пока замазка не высохнетъ. Далѣе, кладутъ на бокъ три кирпича, располагая ихъ въ видѣ буквы П. На подставку эту полагается желѣзный листъ съ прокованной въ срединѣ дырочкой. На желѣзный листъ ставится горшокъ, но притомъ такъ, чтобы отверстіе горшка пришлось на отверстіи листа. Снизу, чрезъ отверстіе листа и горшка просовывается прутикъ, длиною около по-

лутора вершка и толщиною въ иглу, такъ чтобы прутикъ ушелъ въ горшокъ на $^1/_2$ вершка. Наконецъ, подъ листъ ставится сосудъ для пріема смолки и нагрѣваютъ горшокъ, обкладывая его съ боковъ щепками или горячими углями. Жаръ долженъ быть умѣренный.

Подобнымъ же образомъ можетъ быть добываемо и бумажное, а равно и лутошечное масло, употребляемое во внутреннихъ болѣзняхъ, но обыкновенно бумажное масло добывается болѣе простымъ путемъ, однако невидавшему добыть едва-ли возможно. Свертывается въ трубку, какъ передавали намъ, листъ бумаги и таковая трубка положенная въ рюмку, зажигается, и съ выгораніемъ ея получается масло количествомъ около одной капли.

Пьютъ настойку травъ: а) тысячелистника; б) изгона борового; в) кореньевъперелойной травы и г) девятильника; а въ предотвращеніе грыжи у дѣтей поятъ ихъ настоемъ изъ листьевъ свеклы.

Отъ внутренней грыжи берутъ корни отъ трехъ кустовъ шипицы, которые не видали бы другъ друга; настаиваютъ ими водку и пьютъ.

Отъ боли въ *горлѣ* принимается внутрь медъ съ солью.

Прикладываются къ горлу листья травы горлянки.

Нѣкоторые въ этой болѣзни вырѣзываютъ изъ бересты подобіе жабы, накладываютъ его на больное мѣсто и завязываютъ платкомъ. Береста съ платкомъ остаются на шеѣ до выздоровленія. Иные въ болѣзни этой по утрамъ ходятъ къ сухой ели и, вдыхая окружающій дерево воздухъ, говорятъ: „проглочу елку всѣми сучьями“.

Погружаютъ ноги въ теплую воду, которая была бы не теплѣе парного молока.

Намыливаютъ шерстяной чулокъ и надѣваютъ его, какъ шарфъ, на ночь на шею.

Держатъ во рту желе изъ смородины (черной) и понемногу глотаютъ.

Трутъ горло раза по три въ день летучею мазью.

Обкладываютъ шею льдомъ, а въ предохраненіе отъ болѣзни каждый день трутъ льдомъ шею и грудь или моютъ холодною водою. Всѣ эти средства употребляютъ не въ простомъ только воспаленіи, но и въ жабѣ съ нарывами.

Отъ *паралича* принимается внутрь настой травы былильника, а въ предотвращеніе апоплексическаго удара расположенные къ нему пьютъ настой коры лиственницы.

Пораженныхъ ударомъ натираютъ свѣжимъ натертымъ хрѣномъ, прикладывая тоже, къ рукамъ и ногамъ его.

Приготовляется продолговатый мѣшокъ и вкладывается туда больной т. е. пораженный параличемъ членъ, затѣмъ наполняется мѣшокъ около пораженнаго члена живыми рыжими муравьями и крѣпко завязывается. Въ этомъ мѣшкѣ больной членъ

находится около 3 сутокъ и затѣмъ членъ вынимается и больной отдыхаетъ однѣ сутки; послѣ этого опять погружаютъ членъ въ мѣшокъ съ муравьями и сутки черезъ третьи его вынимаютъ.

Отъ застарѣлой *ломоты и онѣмѣній* раздавливаютъ въ мѣшкѣ около 5 фунтовъ большихъ муравьевъ съ яйцами и, наливши въ сосудъ кипятку около 30 градусовъ теплоты, кладутъ туда раздавленную массу и погружаютъ больного въ эту ванну, въ которой онъ и долженъ пропотѣть.

У кого отнимется языкъ, полощутъ его профильтрованнымъ настоемъ травы крессъ и при полосканіи жуютъ свѣжіе листы шалфея и глотаютъ сокъ его.

Въ *золотухѣ* составляется лѣкарство изъ бодяги, для чего бодяга завязывается въ узелъ и опускается въ вино. Когда порошокъ достаточно смокъ, узелъ вынимаютъ и даютъ вину вытечь изъ него; затѣмъ узелъ съ бодягой закатываютъ въ кислое тѣсто, каковое и пекутъ. Тогда бодягу или пьютъ въ винѣ, или ѣдятъ въ хлѣбѣ. Больному воспрещается ѣсть медъ.

Золотушныхъ дѣтей ставятъ въ теплую ванну съ горчицей и керосиномъ.

Моютъ голову и примачиваютъ ранки кипяченымъ квасомъ съ солью.

Пьютъ настой травы череды и примачиваютъ имъ ранки; также поятъ настоемъ лавроваго листа, иногда горячимъ, какъ чай. Пораженныя мѣста мажутъ свинымъ жиромъ.

Въ золотушные желваки втирать утромъ и вечеромъ масло изъ дикой рѣпы.

Отъ *головной* боли привязывается къ подошвамъ ногъ и къ затылку глина съ уксусомъ. Варятъ въ водѣ коренья чернобыльника и пьютъ отваръ по небольшой рюмкѣ черезъ часъ и примачиваютъ голову холоднымъ отваромъ.

Пьютъ настой травы дѣдовы кудри. Если боль сопряжена съ шумомъ въ ушахъ, къ головѣ прикладываютъ капородъ [1]) и пьютъ настой этой травы.

Прикладываютъ къ вискамъ лимонныя корки внутренней стороной.

Въ болѣзняхъ *глазъ* впускаютъ въ глаза муравейное масло, находимое въ муравейникахъ.

Прикладываютъ къ вискамъ и ко лбу глину съ уксусомъ для уменьшенія жара. Если идетъ изъ глаза слеза, примачиваютъ слѣдующимъ составомъ: распускается въ стаканѣ отварной воды 2 куска сахару, 1 кусокъ квасцовъ и $^{1}/_{2}$ куска синяго купоросу, профильтровываютъ эту воду, каковой и примачиваютъ глаза.

Умываютъ глаза ивановской росой.

Примачиваютъ глаза чайной водой.

---

[1]) Aspidium Filix.

Къ *порѣзанному*, мѣсту прикладываютъ траву серебрюху, [1]) живую траву, топтунъ, паутину, свѣжую тертую рѣпу, плисну, получаемую съ гніющаго дерева на подобіе ваты, трутъ. Присыпаютъ порѣзанное обращенною въ порошокъ окаменѣлостью называемою чертовымъ пальцемъ, угольный порошокъ и сахаръ.

Примачиваютъ рану орѣшковою кислотою.

Совѣтуютъ засыпать рану обращенными въ порошокъ и просѣянными простыми бобами безъ шелухи, которые поджариваютъ на сковородѣ, какъ кофе.

Отъ *чесотки* составляется мазь изъ свиного сала и синяго купороса. Если чесотка очень сильна, мажутъ пораженныя мѣста составомъ изъ бѣлка, куринаго изверженія и отвердѣвшаго дегтя, а нѣкоторые чесоточные струпья присыпаютъ обращенными въ порошокъ комнатными мухами и корнемъ коровьей кисленицы. Если на тѣлѣ зудъ, обмываютъ пораженныя мѣста настоемъ листьевъ табаку.

Отъ *лишая*. Обмакиваютъ въ чернила, составленыя изъ купороса и чернильныхъ орѣшковъ, кисть или перо, и обводятъ чертой лишай, отчего онъ, говорятъ, дальше не распространяется. Варятъ въ молокѣ винныя ягоды и прикладываютъ ихъ къ лишаю, а молоко пьютъ. Мажутъ лишай дрожжами съ солью. Кладутъ въ чашку съ горячей водой скорлупы грецкихъ орѣховъ и ставятъ въ печь настояться. Когда вода сдѣлается темно-бурою, примачиваютъ ею лишай. Берутъ чистаго дегтя 1 фунтъ, синей овечьей мази $^1/_4$ фунта, поваренной соли около $^1/_2$ бутылки и $^1/_2$ бутылки горячей воды; разжижаютъ этой водой деготь, прибавляютъ затѣмъ нѣсколько ржаной муки; далѣе смѣшиваютъ овечью мазь съ поваренною солью; соединяютъ все это съ вышеописанною смѣсью и мажутъ лишаи. Синяя мазь составляется слѣдующимъ образомъ: 6 лот. скипидару, 2 лота ртути смѣшивается, и мазь готова.

Зажигаютъ смолянистую лучину изъ сосноваго дерева, и, погасивши, наводятъ дымъ на больное мѣсто. Это повторяется нѣсколько разъ въ день въ продолженіе недѣли.

Для уничтоженія *рака* варятъ въ парномъ, только что выдоенномъ и не процѣженномъ молокѣ винныя ягоды, а варятъ въ печи, въ горшкѣ, послѣ того, какъ испечется хлѣбъ. Молоко пьютъ, а ягоды прикладываютъ къ ранѣ. Если же ракъ внутри, берутъ означенныхъ ягодъ 1 фун. на $^1/_4$ ведра парного молока. Молоко пьютъ, а ягодами обкладываютъ мѣсто, гдѣ чувствуется боль.

Прикладывается къ ранѣ жеванный шалфей. Берутъ свѣжую морковь, натираютъ ее на теркѣ и выжимаютъ сокъ; затѣмъ разогрѣваютъ натертую морковь на тарелкѣ и прикладываютъ къ ранѣ, наполнивши плотно всѣ ямки ранъ; потомъ мор-

[1]) Potentilla argentea.

ковь покрываютъ нагрѣтою сухою салфеткою. Эту припарку перемѣняютъ чрезъ каждые $^1/_2$ сутокъ; когда мѣняютъ припарку, моютъ рану и очищаютъ ее кисточкой изъ корпіи, обмоченной въ теплый отваръ травы омеги (Cicuta major octeda). Прикладывается къ ранѣ свѣжій творогъ; перемѣнять нерѣдко.

Отъ *водянки*. Знахари совѣтуютъ, что надо выдрать три куста можжевельника, которые находились бы другъ отъ друга въ разстояніи 1 саж., затѣмъ, изрубивши ихъ мелко, должно всыпать въ корчагу и налить туда воды; потомъ поставить въ печь и варить, но такъ, чтобы вода, кипя, не выходила изъ корчаги. Черезъ сутки надо пить эту воду.

Пьютъ, какъ чай, траву серебрюху [1]).

Должно набрать мокрицъ и положить ихъ въ горшокъ; закрывши затѣмъ горшокъ, поставить его въ печь, гдѣ мокрицы и испепелятся. Пепелъ этотъ надо принимать утромъ и вечеромъ по 1 золот., а больнымъ малолѣтнимъ давать по $^1/_2$ зол.

Наливаютъ въ кадку горячей воды и кладутъ туда муравьиное гнѣздо съ муравьями. Это—ванна. Держатъ въ такой ваннѣ ноги, если онѣ простужены и пухнутъ. Если же больной весь пухнетъ—долженъ погрузиться въ ванну всѣмъ туловищемъ. Вода въ ваннѣ должна быть горячая, чтобы можно было только терпѣть. Отъ опухоли всего тѣла принимаютъ въ водѣ, какъ лѣкарство, черныхъ русскихъ таракановъ, обращенныхъ въ порошокъ.

Насыпать сухихъ березовыхъ листьевъ, набранныхъ свѣжими въ концѣ мая и высушенныхъ съ сохраненіемъ зеленаго цвѣта и запаха, въ ванну, въ которой больному можно было бы лежать. Раздѣвши больного до-нага, велѣть ему ложиться въ приготовленную ванну и затѣмъ его засыпать сверху такими же листьями такъ, чтобы онъ могъ только дышать. Въ ваннѣ этой больной долженъ лежать до тѣхъ поръ, пока не будетъ чувствовать онѣмѣнія въ тѣлѣ. Въ водянкѣ ногъ вкладываютъ ноги въ мѣшокъ съ такими листьями.

Отъ подкожной водянки обкладываютъ тѣло нагрѣтою ржаною мукою до выздоровленія.

Берутъ горсть бобовъ, варятъ ихъ въ квартѣ воды и поятъ этой водой больного (тепловатымъ питьемъ) по 2 чайныхъ чашки утромъ, въ обѣдъ и вечеромъ.

Пьютъ три раза въ день (утромъ, въ обѣдъ и вечеромъ) по столовой ложкѣ рѣдечнаго сока, принимая послѣ каждаго пріема по 5 и 6 зеренъ перца.

Обращаютъ въ порошокъ траву мокрицу, [2]) которую собираютъ тогда, когда она еще цвѣтетъ, и сушатъ въ тѣни въ су-

---

[1]) Oniscus asellus.
[2]) Stellaria media.

хомъ мѣстѣ. Принимаютъ это лѣкарство, какъ чай, отъ 3 до 4 разъ въ день по стакану.

Пьютъ кипяченую и простуженную воду, въ которой распущена селитра (на полуштофъ 3 зол. селитры). Принимать по утрамъ по 1 драхмѣ селитры въ рюмкѣ пива.

Веснушки на лицѣ выводятся, если умываться кобыльей мочею и молокомъ этого же животнаго.

Мыть по вечерамъ, передъ сномъ, лицо и шею, гдѣ есть веснушки, крѣпко разсоленной водою, приготовляемою слѣдующимъ образомъ. Въ кипятокъ рѣчной воды кладутъ столько соли, сколько ея можетъ распуститься. Простудивши воду, смачиваютъ ею лицо; если лицо засохло, соляной слой стираютъ.

Нажавши соку изъ неспѣлой, но уже начинающей рдѣться смородины, примѣшиваютъ къ нему сѣрнаго молока, такъ густо, чтобы вышелъ кисель. Этимъ лѣкарствомъ намазываютъ лицо по вечерамъ, и на слѣдующее утро смываютъ тепловатымъ молокомъ. Лѣченіе продолжается отъ 7 до 12 дней.

Берутъ 6 лот. горчичнаго порошка и по 1 лоту миндальнаго масла и лимоннаго сока, смѣшиваютъ все это и мазью натираютъ веснушки каждый день по одному разу.

Опившагося до безчувствія поятъ человѣческой мочею и подносятъ къ носу зажженныя сѣрныя спички. Обливаютъ его холодной водой.

Даютъ пить отъ 1 до 2 чайныхъ ложекъ гофманскихъ капель.

Вливаютъ въ ротъ нѣсколько ложекъ виннаго уксуса.

Отъ *злой корчи*, являющейся послѣ употребленія хлѣба, испеченнаго съ значительнымъ содержаніемъ спорыньи, пьютъ отваръ изъ осиновой коры и погружаютъ подверженные корчѣ члены въ ванну съ отваромъ.

Угри на лицѣ выводятся слѣдующимъ образомъ. На 1 бутылку кипятку берутъ 1 зол. селитры и разводятъ ее въ горячей водѣ; когда вода остынетъ, обмакиваютъ въ нее полотенце и утираютъ лице нѣсколько разъ.

Имѣющіе на лицѣ угри ходятъ въ баню, не благословясь, и умываются тамъ; при этомъ соблюдаютъ ту примѣту, чтобы этого никто не зналъ, а идя въ баню и возвращаясь изъ нея, если съ кѣмъ случайно встрѣтишься, ни слова не говори. Такое лѣченіе повторяется до трехъ разъ.

Отъ *боли сердца* пьютъ, какъ чай, сердечную траву, если мужчина—мужскую, если же женщина—женскую, или принимаютъ настой этой травы.

Отъ *разслабленія* вслѣдствіе внутреннихъ болѣзней пьютъ золотую траву и дикую крапиву.

Въ безсонницѣ пьютъ, какъ чай, травы: колютикъ, богородскую, блошницу и выкушенныя головки огороднаго мака. Ѣдятъ лукъ или принимаютъ луковичное масло.

Къ *нарывамъ* и *опухолямъ* прикладываютъ размоченныя въ теплой водѣ листья травъ: лебеды, топтуна, борща, горькой лапухи; прикладываютъ также толченный мѣлъ, сѣнную труху и тертый картофель; больныя мѣста подкуриваютъ льнянымъ сѣменемъ, для чего сѣмя сыплютъ на горячую сковороду или на камень и держатъ больное мѣсто надъ дымомъ.

Въ опухоляхъ колѣнъ составляютъ пластырь изъ кала козьяго или овечьяго съ ячменною мукою, медомъ и уксусомъ и прикладываютъ таковой къ затвердѣлому мѣсту.

Берутъ по одной горсти травъ: шалфею, цвѣтовъ ромашки и полыни, и варятъ все это въ бѣломъ винѣ и прикладываютъ ихъ теплыми къ больному мѣсту.

Если болятъ *зубы*, кладутъ въ больное мѣсто кусочки камфоры, величиною съ булавочною головку, и укрѣпляютъ жеванной бумагой. Если по вложенію камфоры, больной будетъ чувствовать жестокую боль, долженъ терпѣть: боль чрезъ минуту прекратится.

Набиваютъ горшокъ до верху дубовой корой, наливаютъ туда чистой проточной воды и горшокъ накрываютъ сверху другимъ горшкомъ; затѣмъ промежутокъ между краями горшковъ обмазываютъ тѣстомъ; ставятъ этотъ горшокъ въ истопившуюся печь и даютъ упрѣть, чтобы жидкость была густа, какъ пиво. Сцѣживаютъ эту жидкость въ бутылку и кладутъ туда чайную ложечку квасцовъ; взбалтываютъ и даютъ настояться. Этимъ составомъ полощутъ зубы по нѣскольку разъ въ день.

Кладутъ между больнымъ и здоровымъ зубомъ листья кошачьей травы или, если нельзя листьевъ держать на больномъ зубѣ, жуютъ ихъ.

По сообщенію одного священника, надо взять коп. на 10-15 бакаутоваго дерева, 2 стрючка перца, на 15 коп. кохлеарнаго спирта, полштофа пѣннаго вина, да 2 зол. табаку-махорки въ листьяхъ. Смѣшавши все поставить въ темное мѣсто на время отъ 5 до 7 дней. Полученную жидкость больной долженъ брать по $^1/_4$ рюмки въ ротъ и держать на больной сторонѣ, но жидкость не долженъ глотать; держать жидкость онъ долженъ столько времени, сколько можетъ, и наконецъ выплюнуть.

Въ чайную чашку кипятку положить щепотку китайскаго перцу и, покрывши, дать настояться. Этимъ настоемъ полоскать больной зубъ.

Если опухла щека отъ болѣзни зубовъ, берутъ синей сахарной бумаги, намачиваютъ ее въ теплой водѣ, потомъ насыпаютъ щепоткою нашатырю и прикладываютъ къ щекѣ.

Берутъ равныя части поваренной соли, сахару и немного чернаго перцу и растираютъ все это въ порошокъ и, всыпавши въ металлическую ложку, добавляютъ нѣсколько капель рому или крѣпкаго уксусу и варятъ надъ свѣчкою до тѣхъ поръ, пока не получится какъ-бы одноцвѣтная масса. Берутъ по кусочку этой

массы, когда она еще тепла и кладутъ на больной зубъ или десну. Появившуюся слюну больной долженъ выплевывать и класть новые кусочки.

Отъ зубной боли въ употребленіи, между прочимъ, такой заговоръ: „Встану я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь и перекрестясь; умывшись свѣтлой водой и утершись Владычицыной пеленой, пойду изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, въ чистое поле въ широкое раздолье на море Кіянъ, на островъ Буянъ. На островѣ Буянѣ идетъ самъ царь съ медовыми устами, съ желѣзными зубами; и я рабъ (имя рекъ) поклонюсь ему и покорюсь: отними отъ тѣла пухоту, отъ костей пухоту, всѣ болѣзни зубовъ, чтобы не болѣли зубы у раба (имя больного) отнынѣ до вѣку. Аминь".

Отъ *родимца* принимаютъ внутрь настой травъ: изгона борового, грабельцовъ, черной травы (мужская и женская, смотря потому, какого пола больной), корень чертопалочника, девятильника.

Если ребенка трясетъ родимецъ, закрываютъ его подвѣнечнымъ платьемъ и кладутъ по бокамъ его голыя лутошки.

Даютъ страждущему родимцомъ ребенку каждый день порошка заячьей крови, въ водѣ или въ грудномъ молокѣ, отъ одной до двухъ чайныхъ ложекъ, сообразуясь съ возрастомъ младенца. Порошокъ крови приготовляется въ мартѣ мѣсяцѣ, слѣдующимъ образомъ: ловятъ въ этомъ же мѣсяцѣ зайца и гоняютъ его въ оградѣ или другомъ мѣстѣ, изъ котораго ему, зайцу, нельзя выскочить; когда онъ утомится сильно, его закалываютъ, нацѣживая кровь въ сосудъ; эту кровь высушиваютъ и обращаютъ въ порошокъ.

Отъ *угара* кладутъ въ уши ягоды клюквы или брусники и прикладываютъ ко лбу и темени головы куржевину.

Прикладываютъ къ вискамъ листья свѣжей капусты, а ко лбу соленой.

Совѣтуютъ щекотать въ горлѣ угорѣвшаго перышкомъ, обмоченнымъ въ конопляномъ маслѣ, чтобы вызвать рвоту.

Въ *переломахъ* прикладываютъ правильную траву, а настоемъ поятъ больного.

Въ *ушибахъ* пьютъ рѣдечный сокъ, кровавикъ и настой травы уразной и примачиваютъ сокомъ этой травы и виномъ опухшія мѣста.

Прикладываютъ, въ видѣ пластыря, бодягу вскорѣ же послѣ полученія ушиба. Пластырь изъ бодяги для приложенія къ ушибленному мѣсту приготовляется такъ. Берутъ порошокъ сухой толченой бодяги ложки двѣ и смѣшиваютъ съ 1 ложкой воды, чтобы вышло тѣсто и чтобы прильнуло къ ушибленному мѣсту. Чтобы удобнѣе приложить бодягу къ ушибленному мѣсту, ее намазываютъ на холстину. Сильнѣе проявляетъ бодяга свое дѣйствіе въ соединеніи съ водою.

Превращаютъ въ порошокъ высушеннаго простого мыла, нашатырю и камфоры по 6 зол., затѣмъ берутъ по стакану бѣлаго скипидару и деревяннаго масла и взбиваютъ все это хорошенько. Послѣ втиранья больные члены покрываютъ сукномъ и сутки не выходятъ на воздухъ. Это лѣкарство употребляется и въ ломотѣ.

Въ *поносахъ* пьютъ рѣдечный сокъ, черный рижскій бальзамъ, настой кореньевъ и листьевъ травъ: сороколистки, марьина корня, прострѣла и земляники. Листья съ корнями земляники варятъ въ парномъ молокѣ въ закрытомъ горшкѣ и принимаютъ внутрь. Пьютъ настой березовыхъ почекъ и порошокъ березоваго угля. Ѣдятъ ягоды черемухи и пьютъ настой этихъ ягодъ.

Принимаютъ внутрь малиновый сиропъ и мяту; ѣздятъ верхомъ и на телѣгѣ. Пьютъ отваръ свѣженадранной коры черемухи (унцъ коры на 1 фун. воды). Принимаютъ въ день отъ 5 до 6 чайныхъ чашекъ.

Въ *кровавыхъ поносахъ* больнымъ даютъ свѣжихъ куриныхъ яицъ по 2 штуки черезъ 2 часа и послѣ принятія больные запиваютъ настоемъ простой мяты. На другой день даютъ столько же, а на третій и четвертый день по 2 яйца черезъ 3 часа; на пятый и шестой день утромъ и вечеромъ по 2 яйца, такъ что пріемъ постепенно уменьшается.

Пьютъ лимонный сокъ и наливку изъ черемуховыхъ ягодъ, взрослые по 1 рюмкѣ 2 раза въ день, а груднымъ дѣтямъ даютъ по наперстку. Лучше всего настоять въ пѣнномъ винѣ (на 5 или 6 стакановъ вина 1 стаканъ ягодъ). Лучше дѣйствуютъ свѣжія ягоды, такъ какъ онѣ настаиваются скорѣе, по этому нужно запасаться настойкою тогда, когда ягоды свѣжи. Чтобы приготовить настойку, лучше взять ягодъ по вѣсу: $^1/_4$ фун. ягодъ на полуштофъ вина.

Отъ *испуга* подкуриваютъ и окуриваютъ дымомъ жжевыхъ травъ, адамовой головы, колючаго чертополоха, и перьями дикой утки.

Пьютъ настой травы адамовой головы. По совѣту знахарей, испугавшееся дитя надо подкуривать волосами или шерстью тѣхъ животныхъ, кого испугалось дитя.

Въ *предотвращеніе внутреннихъ болѣзней* пьютъ настой травъ: плотника, звѣробоя, троелистки и кореньевъ крапивы.

Если впился въ тѣло *волосатикъ*, въ корчагу наливаютъ горячей воды и кладутъ туда такъ называемую траву отъ волосатика и держатъ надъ паромъ рану, въ которой находится волосатикъ.

Приготовляется изъ древесной золы горячій щелокъ, и больной, въ которомъ находится волосатикъ, ложится нагимъ въ большое корыто; затѣмъ набрасываются на страждущія части хлѣбные колосья и выливается на нагого немедленно ушатъ горячаго щелока, которымъ постепенно поливается все тѣло больного. На

колосья выходятъ черви волосатики. Это лѣченіе повторяется черезъ день и продолжается не менѣе трехъ недѣль.

Въ *простудѣ* пьютъ, какъ чай, ягоды черной березы, малину, липовые и бузиновые цвѣты.

Въ простудѣ ногъ трутъ ихъ масломъ, образовавшимся въ настойкѣ грибовъ мухоморовъ. Чтобы составить настойку, набираютъ этихъ грибовъ банку, наливаютъ водою и ставятъ на 9 дней настояться. Масло образуется наверху настойки, которое и сливаютъ.

Всыпать въ чулки по 1-й чайной ложкѣ нашатырной соли (sal ammoniacum) и негашеной извести и надѣть чулки на ночь, а въ упорныхъ болѣзняхъ, когда прекращается потъ ногъ, носятъ чулки и днемъ.

Отмороженныя мѣста обкладываются корками огурцовъ—сѣмянниковъ, которые оставляютъ въ грядахъ до созрѣванія для выбиранія сѣмянъ, и такія корки перемѣняются, если высыхаютъ. Если корки сухія, заготовленныя на зиму, размачиваютъ ихъ предварительно въ теплой водѣ и прикладываютъ къ отмороженнымъ мѣстамъ мякотью. Корки заготовляютъ такъ: когда изъ созрѣвшихъ ягодъ выберутся сѣмена, корки съ остающеюся мякотью подсушиваютъ на солнцѣ.

Обмываютъ отмороженныя мѣста простымъ виномъ. Натираютъ ихъ гусинымъ и заячьимъ саломъ. Прикладываютъ къ нимъ тертую морковь, красную капусту, смѣшанную съ уксусомъ.

Винныя ягоды, высушивши и обративши въ порошокъ, смѣшиваютъ съ медомъ и прикладываютъ къ больнымъ мѣстамъ.

Если озноблены руки или ноги, погрузить ихъ въ густой растворъ соли и, продержавши въ немъ нѣсколько времени, дать обсохнуть, но не обтирать по вынутіи.

Отъ *насморка* втягиваютъ въ носъ винные пары, для чего, обмокнувши платокъ въ винѣ и приложивши смоченную часть къ горячему самовару, подносятъ къ носу и втягиваютъ. Въ чайную чашку кладутъ кусокъ камфоры и наливаютъ туда кипятку; затѣмъ дѣлаютъ изъ бумаги или бересты воронку и, опрокинувши ее на чашку, въ узкое отверстіе воронки втягиваютъ въ носъ пары.

Втягиваютъ въ носъ соленую воду.

Отъ *глистовъ* принимаются коренья папоротника и сѣмена тыквы. Если принимаются сѣмена тыквы, то наканунѣ принятія ихъ (около 50 штукъ) ѣдятъ одни селедки. Употребляютъ при этомъ лѣченіи слабительное.

Выжимается сокъ чеснока и дается внутрь отъ 10 до 40 капель съ молокомъ, смотря потому, дается ли дѣтямъ или взрослымъ.

Сокъ моркови выжимается и дается натощакъ утромъ.

Даютъ пить свѣжее, чистое конопляное масло по чайной ложкѣ два раза въ день, съ хлѣбомъ, помочивши его въ маслѣ.

Въ *горячкѣ* употребляется настой травы девятильника. Гдѣ на людяхъ повальная болѣзнь, въ предотвращеніе ея приносятъ въ избу флягу съ дегтемъ; ѣдятъ лукъ и чеснокъ каждый день и носятъ ихъ при себѣ для запаха.

Поятъ виномъ и даютъ ѣсть подслащенную сахаромъ клюкву.

Даютъ больнымъ внутрь черезъ каждые три часа по ложкѣ пивныхъ дрожжей.

Отъ *желтухи* принимаютъ внутрь настой желтыхъ кореньевъ, покупаемыхъ у лавочниковъ, а равно настой травы желтоцвѣта.

Мочегонными средствами считаются: конопляное молоко, (сокъ конопли), можжевеловыя ягоды, черные русскіе тараканы и луковый сокъ съ толченымъ сахаромъ.

Пьютъ отваръ изъ ягодъ шиповника по стакану черезъ 2 часа.

Отъ *ногтоѣда* прикладывается къ больному мѣсту слизистый корень травы бѣлокрыльника и сваренныя въ молокѣ винныя ягоды.

Погружать больную часть, для унятія боли, въ теплую воду.

Прикладываютъ къ больному мѣсту печеный лукъ.

По совѣту одного духовнаго лица, луковица растенія Narcissus poeticus [1]) имѣетъ цѣлебное свойство отъ ногтоѣда, для чего луковица растенія слегка поджаривается и налагается на больное мѣсто.

Къ больному мѣсту для униманія боли и скораго нагноенія прикладываютъ творогъ и куделю, намыленную простымъ мыломъ.

Отъ пупочной *грыжи*, являющейся вслѣдствіе поднятія непосильныхъ тяжестей, пьютъ настой травы пустосела, а отъ боли въ животѣ ставятъ на животъ горшокъ, какъ ставятъ кровесосныя банки.

Бородавки выводятся: а) сокомъ травы чистотѣла; б) бобковой шкуркой; в) натираніемъ лукомъ и чеснокомъ, смѣшаннымъ со свинымъ саломъ.

Слабительнымъ считаются: а) огуречный разсолъ; б) соленая вода; в) сырое молоко, принимаемое вмѣсто квасу.

Если запоръ сопровождается рвотою, глотаютъ льдяные катышки каждые 2 часа по катышку величиной съ лѣсной орѣхъ.

Рвота вызывается: а) всунутіемъ въ зѣвъ указательнаго и средняго пальца; б) принятіемъ скоромнаго масла и в) щекотаніями въ горлѣ.

Обожженное мѣсто намазываютъ: а) вареным конопляным или льнянымъ масломъ; б) мазью, составленной изъ этихъ маслъ и яичныхъ желтковъ, замѣняя мазь новой, когда высохнетъ; в) медомъ; г) тертымъ картофелемъ.

Прикладываютъ: 1) компрессы, намоченные въ свѣжей дѣтской мочѣ или въ мочѣ самого больного, если она здоровая, но

[1]) Изъ сем. Амариллисовыхъ.

лучше въ дѣтской мочѣ и 2) желтокъ съ коровьимъ масломъ. Погружаютъ обожженныя мѣста въ теплую воду.

Выпустивши изъ обожженныхъ мѣстъ водяную жидкость, посыпаютъ ихъ мелкимъ порошкомъ древеснаго угля.

Если какая часть опалена порохомъ, посыпать ее гороховой мукой.

Въ *одышкѣ* и *удушьѣ* составляется слѣдующее лѣкарство. Отвернувши голову живой русской курицѣ, ее, умершую безъ показавшейся крови, не ощипывая и не потроша, кладутъ въ горшокъ; затѣмъ наливаютъ туда кипятокъ воды (менѣе $^1/_2$ обыкнов. водопойнаго ведра) и, покрывши крышкою, замазываютъ тѣстомъ и ставятъ въ печь на 12 дней, въ продолженіе которыхъ горшка не откупориваютъ. По прошествіи этого времени на днѣ горшка сдѣлается студень, подверженный скорой порчѣ, и въ этотъ студень вливаютъ слабаго, простого вина 2 бут.; потомъ размѣшиваютъ хорошенько и разливаютъ по бутылкамъ. Пить это лѣкарство должно, взболтавши, 3 раза въ день по рюмкѣ.

Передъ сномъ смачиваютъ и натираютъ верхнюю часть головы коньякомъ съ солью, а по утрамъ натощакъ принимаютъ этого коньяку, смѣшаннаго съ 4 ложками горячей воды, по 2 ложки.

Отъ дѣтской *чахотки* или *сухотки* (phtisis) даютъ дѣтямъ ворвань съ коричнымъ сиропомъ утромъ и вечеромъ по столовой ложкѣ.

Берутъ полыни 1 фун., рому или водки 1 бут. и, вливши въ кострюлю, зажигаютъ, чтобъ ромъ выгорѣлъ; потомъ вынимаютъ полынь съ оставшеюся жидкостью на полотно, втрое сложенное, и обвертываютъ имъ больного часовъ на 7 или 8.

Обмываютъ спину и оконечности хлѣбнымъ виномъ или муравьинымъ спиртомъ.

Отъ *глухоты* вслѣдствіе простуды или какихъ другихъ причинъ, но не старости и ранъ въ ушахъ, держатъ ноги въ теплѣ и по вечерамъ парятъ ноги въ теплой водѣ.

Вспрыскиваютъ въ ухо теплаго молока съ водою.

При глухотѣ съ болью въ ухѣ берутъ каплю летучей мази на конецъ мизинца, всовываютъ мизинецъ въ ухо и держатъ нѣсколько минутъ.

Размятый и обмокнутый въ деревянное масло чесночный зубъ кладутъ въ ухо.

Въ *каменной* болѣзни принимается: а) отваръ моркови; б) настой чесноку въ хлѣбномъ винѣ; в) отваръ изъ краснаго картофеля, не выпуская, при мочеиспусканіи, всей мочи; г) порошокъ листьевъ травы толокнянки, принимаемый по $^1/_2$ драх. 3 и 4 раза въ день, и д) березавица.

При *катаррѣ* принимается внутрь рѣдечный сокъ съ водкой пополамъ нѣсколько разъ въ день, по 1 рюмкѣ.

Отъ *антонова огня* составляется порошокъ изъ свѣжихъ раковъ, для чего живые раки должны быть истолчены въ ступѣ и прикладываемы, въ видѣ припарки, къ мѣстамъ пораженнымъ. Припарку надо перемѣнять тотчасъ, какъ она высохнетъ.

Прикладываютъ тертую морковь, перемѣняя, какъ скоро высохнетъ.

По словамъ нѣкоторыхъ особъ духовнаго сословія, полезно прикладывать къ пораженнымъ гангреной мѣстамъ свѣжіе листы простой сирени и перемѣнять разъ въ день.

Когда будутъ показываться признаки исчезновенія антонова огня и наконецъ сдѣлается легче, тогда больное мѣсто присыпать хиной.

Чтобы *лысина* покрылась волосами, каждый день по 3 раза моютъ ее слѣдующей жидкостью. Берутъ сбитаго синяго купоросу и смѣшиваютъ его съ французской водкой; затѣмъ ставятъ эту смѣсь на нѣсколько дней на солнце или близъ горячей печи, и держатъ въ закупоренной бутылкѣ.

Отъ *кровотеченія* изъ носа поднимаютъ обѣ руки на голову, а другой кто-нибудь прижимаетъ ноздри.

Чтобы остановить кровотеченіе на порѣзанномъ или порубленномъ мѣстѣ, нашептываютъ слѣдующій заговоръ:

„Помолимся Господу Богу на красное солнце, на свѣтелъ мѣсяцъ, на часты звѣзды, попросимъ у Господа Бога, Екатерины мученицы, помогъ бы намъ Господь заговаривать кровь отъ буйнаго вѣтру, отъ востраго ножа, отъ востраго топора. Заговариваю кровь у раба Божія (имя рекъ) и запираю слова 77 замками. Аминь".

Другой заговоръ. „Деръ-дери—кровь уйми; карій меринъ, ступи на камень—кровь не капетъ; ступи на песокъ—вода не течетъ; ступи на топоръ—весь заговоръ."

Совѣтуютъ къ *ранамъ*, пролежнямъ и кровавымъ вередамъ прикладывать смѣсь изъ 3 частей непрогорклаго свѣчного сала, крупчатки или крахмала, размѣшанныхъ на тарелкѣ.

Берутъ нѣсколько свѣжихъ и смятыхъ листьевъ сирени, чтобы показался на нихъ сокъ, и прикладываютъ къ ранамъ, пришедшимъ въ нагноеніе.

Для очищенія гнойныхъ ранъ употребляютъ снаружи настой или взваръ полыни, прибавляютъ къ этому настою и уксусу или винограднаго вина, или же водки.

Для извлеченія гноя изъ ранъ къ нимъ прикладываютъ листья свеклы съ коровьимъ масломъ.

Глубокія смрадныя *язвы* лѣчатъ щелокомъ, приготовленнымъ для стирки бѣлья. Этимъ щелокомъ обмываются язвы по три и болѣе разъ въ сутки, въ видѣ струи сверху.

Прикладывается къ язвамъ теплая, хорошо разваренная и не

очень густая гречневая каша; такъ равно прикладывается и свѣжій творогъ толстымъ слоемъ, перемѣняя его чрезъ 2 часа.

При *занозѣ* смазываютъ больное мѣсто чистымъ дегтемъ и обвязываютъ тряпочкой, смоченною дегтемъ, и когда заноза выйдетъ, вынимаютъ.

Если ушло въ тѣло стекло, на то мѣсто прикладываютъ замазку, какой замазываютъ щели въ рамахъ стекольщики.

Прикладываютъ къ занозѣ истолченные свѣжіе листья лебеды.

Отъ *простуды* собирается и сушится болотное растеніе свинятникъ. Искрошивши это растеніе, всыпаютъ его въ бутылку и затѣмъ наливаютъ бутылку теплою водою; далѣе, закупоривши бутылку, обкладываютъ ее сырымъ тѣстомъ въ формѣ хлѣба. Этотъ хлѣбъ, содержащій въ себѣ бутылку, садятъ въ печь, когда въ ней есть еще уголья, на 2 часа; послѣ чего, вынувши бутылку изъ тѣста, ставятъ его въ прохладное мѣсто. Лѣкарство это принимаютъ натощакъ взрослые по столовой, а дѣти — по чайной ложкѣ.

Составляютъ мазь изъ столовой ложки деревяннаго масла, чайной ложки поваренной соли и $^1/_2$ чайной ложки толченаго перцу. Мазь эту наливаютъ на суконную тряпку и трутъ больного въ банѣ.

Отъ озноба въ простудѣ натираютъ астраханскимъ стручкомъ или стручковымъ перцемъ, настоеннымъ на водкѣ, или же медомъ съ солью, взятыми по равной части.

Отъ *ломоты* вслѣдствіе простуды и другихъ причинъ намазываютъ на ветошку сапожнаго вару и прикладываютъ къ больному мѣсту.

Натираютъ больное мѣсто мазью, составленной изъ толченаго съ деревяннымъ масломъ чеснока.

Кладутъ больныя ноги въ навозную кучу на $^1/_4$ часа времени.

Отъ *ревматизма* приняты слѣдующія средства.

Берутъ корни травъ: чернобыльника, дикой рябины, репейника и крапивы; настаиваютъ ими водку въ теченіе 6 сутокъ въ тепломъ мѣстѣ (лучше въ печи) и пьютъ по рюмкѣ и по двѣ въ день. Во время лѣченія не ѣдятъ свинины и гусятины.

Берутъ 1 фун. бѣлаго скипидару, сѣры сосновой, лиственничной, пихтовой и еловой по равной части, и все это держатъ въ бутылкѣ въ тепломъ мѣстѣ 12 дней; потомъ сверху скипидаръ сливаютъ и наливаютъ вмѣсто него деревяннаго масла; затѣмъ кладутъ туда 2 зол. камфоры. Этой мазью натираютъ больныя мѣста за 1 часъ времени до бани. Когда придутъ въ баню, берутъ заранѣе приготовленныя вѣтки деревъ: сосны, ели и пихты и, изрубивши ихъ мелко, варятъ въ банѣ. Этой водой поддаютъ пару и лежатъ въ банѣ на полкѣ до тѣхъ поръ, пока не будетъ стрѣлять въ пораженныхъ ревматизмомъ мѣстахъ. Отдохнувши, натираютъ больныя мѣста камфарнымъ виномъ. Лѣченіе повто-

ряется до тѣхъ поръ, пока не получится совершеннаго выздоровленія.

Обкладываютъ больныя мѣста травой мать-мачихой.

Набираютъ лѣтомъ полныя бутылки дождевыхъ червей, закупориваютъ бутылки крѣпко и ставятъ въ теплое мѣсто. Черезъ нѣсколько времени черви превращаются въ жидкость—спиртъ. Этимъ спиртомъ натираютъ въ банѣ больныя мѣста.

Набравши грибовъ мухоморовъ и искрошивши или изрубивши ихъ мелко, наполняютъ ими бутылки и закупориваютъ ихъ. Черезъ нѣсколько времени грибы дадутъ жидкость—спиртъ. Спиртомъ этимъ натираютъ въ банѣ больныя мѣста.

Намазываютъ внутреннія стѣнки горлышка бутылки масломъ (лучше всего деревяннымъ) и ставятъ бутылку въ муравейникъ, гдѣ живутъ муравьи. Муравьи, падая въ бутылку, наполняютъ ее собой. Эту бутылку закупориваютъ крѣпко и ставятъ въ теплое мѣсто. Черезъ нѣсколько времени муравьи дадутъ спиртъ. Этимъ спиртомъ натираютъ больныя мѣста.

Настаиваютъ изрубленныя можжевеловыя ягоды въ чайникѣ кипящей воды на огнѣ и пьютъ этотъ настой, какъ чай, передъ сномъ, чашки по три. Туда же прибавляютъ и ирнаго корня.

Натираютъ больныя мѣста порошкомъ сѣры и обвязываютъ фланелью, и если болятъ ноги, надѣваютъ на нихъ чулки шерстяные. Натираютъ больныя мѣста въ банѣ, до появленія испарины, дегтемъ.

Отъ хроническаго ревматизма на ночь обкладываютъ больныя ноги свѣжими, сухими березовыми листьями.

Берутъ ложку бодяги, столько же чухонскаго масла и золотника три нашатыря въ порошкѣ. Смѣшиваютъ все это и натираютъ въ банѣ больныя мѣста.

Парятъ больныя мѣста свѣжей крапивой. Прикладываютъ къ больнымъ мѣстамъ вату, обмокнутую въ деревянное масло.

Натираютъ больныя мѣста коньякомъ съ солью 2 раза въ день и за часъ времени до чаю принимаютъ этого лѣкарства по 1 или 2 ложки, разбавляя этотъ пріемъ 4—6 ложками горячей воды.

Берутъ по 1 ложкѣ краснаго меду, керосина или нефти и деревяннаго масла и натираютъ этой мазью въ банѣ больныя мѣста. Чтобы мазь смѣшалась, медъ подогрѣваютъ.

Отъ *охриплости* голоса принимаютъ смѣсь изъ тертаго хрѣну и липоваго меду.

Если кто *проглотилъ* иголку или булавку, пьютъ ренскій или бѣлый уксусъ, чтобы онъ притупилъ остріе иголки или булавки.

Во время *холеры* носятъ на шеѣ или подъ мышкою, на голомъ тѣлѣ, кусокъ мѣди величиной въ талеръ, зашивши его въ холстину.

Пьютъ бѣлокъ отъ сырого яйца, вслѣдъ за нимъ принимаютъ мятныя капли; затѣмъ пьютъ чай изъ перечной мяты и укрываются теплѣе.

Въ предотвращеніе болѣзни принимаютъ по утрамъ яичный бѣлокъ, сбитый съ теплой водой или настоемъ мяты, по ложкѣ, а тѣло натираютъ деревяннымъ или прованскимъ масломъ

Пьютъ мятный чай и кладутъ на животъ теплыя сухія припарки и одѣваются теплѣе.

На *мозоль* прикладываютъ лимонную подкожную плеву, намоченную въ теченіе сутокъ въ винномъ уксусѣ.

Прикладываютъ на ночь къ мозолямъ испеченный чеснокъ.

Распариваютъ ногу съ мозолью въ теплой водѣ и прикладываютъ къ мозоли тряпку, на которой намазано свѣчное сало и посыпана табачная зола, особенно зола махорки.

Отъ *колотья* пьютъ чай изъ бузинныхъ и липовыхъ цвѣтовъ, а равно и ромашки, или идутъ въ баню и обтираютъ больное мѣсто смѣсью изъ тертаго хрѣна, соли и меду.

Принимаютъ углекислую магнезію, а равно отъ 1 до 2 ложекъ коньяку съ солью, разбавленною 4—6 ложками горячей воды. Если колотье не пройдетъ—лѣченіе повторяется, но горячую воду уменьшаютъ. Если страдаетъ женщина,—пріемъ уменьшаютъ на половину.

Отъ *затруднительнаго дыханія* и колотья при вздохѣ принимаютъ: а) почки сосны, набранныя весной и высушенныя на солнцѣ; б) анисъ.

Натираютъ грудь бодягой съ виннымъ спиртомъ.

Чтобы возстановить *потъ ногъ*, подъ голыми ногами носятъ бересту.

Въ *чахоткѣ* ѣздятъ съ тощимъ желудкомъ ежедневно верхомъ, съ каждымъ днемъ увеличивая поѣздку. Пьютъ медовую воду съ молокомъ.

Ѣдятъ кашицу изъ исландскаго моха съ молокомъ:

Пьютъ козье молоко, а равно и молоко миндальное.

Втираютъ въ тѣло, особенно грудь и бока, свиное сало.

Пьютъ сокъ свеклы; ѣдятъ молодую капусту въ сыромъ видѣ, а разсолъ соленой капусты пьютъ ежедневно до выздоровленія; пьютъ также тертую рѣдьку съ квасомъ, выпивая сначала рюмку очищенной водки, а нѣкоторые глотаютъ кусочки рѣдьки величиной съ бобъ. Пьютъ толокно съ свѣжимъ квасомъ.

Озимь, нарванная весной или осенью, высушивается на солнцѣ и топится въ печи съ парнымъ молокомъ. Жидкость процѣживается и принимается внутрь.

Сожигаютъ въ комнатѣ, гдѣ находится больной, на теплой печкѣ отъ $^1/_2$ до 1 зол. сѣры.

Отъ *грудной* болѣзни употребляется холодный экстрактъ или настой еловыхъ шишекъ, принимая его въ сутки по 2 стакана. Чтобы получить настой, шишки кладутъ въ муравленный горшокъ, наливаютъ туда кипятку, сообразуясь съ тѣмъ, чтобы въ горшкѣ

осталось стакана два. Горшокъ завязываютъ тряпкой, намазываютъ тѣстомъ и ставятъ на ночь въ печь.

Пьютъ кофе, изъ ржи, овса и ячменя съ кипяченымъ молокомъ.

Отъ простудной грудной боли и кашля пьютъ сокъ вареной рѣпы съ сахаромъ.

Если пухнутъ *десна* и въ случаѣ нарыва на нихъ, полощутъ ихъ отваромъ 2 горстей сажи и фунта воды, что должно варить $^1/_2$ часаи сокъ выжимать.

Отъ *дрожанія* рукъ пьютъ пиво, настоянное шалфеемъ, и ѣдятъ съ масломъ и хлѣбомъ сырой искрошенный шалфей.

Если на глазу *ячмень*, совѣтуютъ три раза придавить его горячимъ ячменнымъ или ржанымъ хлѣбомъ, который потомъ, говорятъ, надо бросить собакѣ.

У кого *одеревянѣлъ* или *отнялся языкъ*, полощутъ его горчицей, настоянной въ горячей водѣ.

На мѣста, пораженныя *рожею*, прикладывается непряденная хлопчатая бумага.

Прикладываютъ слой свиного жира, перемѣняя чрезъ два часа.

Если опухли *железы*, растворяютъ въ молокѣ бѣлое мыло и прикладываютъ къ нимъ въ видѣ густой припарки.

Въ боли *желудка* прикладывается къ больному мѣсту холодная смѣсь, сдѣланная изъ свѣжаго хрѣна (тертаго), разведеннаго уксусомъ.

Отъ коликъ въ желудкѣ, корчей и отвердѣнія матки употребляется какъ втираніе, конопляное масло.

Отъ *рѣзи* въ животѣ берутъ пупокъ домашнихъ птицъ (свѣжихъ, снимаютъ верхнюю перепонку и сушатъ въ печи, въ легкомъ жару; затѣмъ обращаютъ его въ порошокъ, просѣваютъ и хранятъ въ стеклянномъ сосудѣ. Страдающему рѣзью въ животѣ даютъ этого порошка въ рюмкѣ простого вина ложку, а дѣтямъ—соображаясь съ возрастомъ.

Отъ коликъ живота, особенно почечуйныхъ и происходящихъ отъ женскихъ мѣсячныхъ очищеній, берутъ кусокъ фланели, обмакиваютъ его въ горячую наливку изъ ромашки, выжимаютъ и кладутъ на животъ; если припарка будетъ простывать, ее перемѣняютъ.

Отъ *полиповъ* растворяется драхма бѣлаго купоросу въ унцѣ воды; этимъ составомъ увлажняютъ корпію и обкладываютъ ею полипъ. Это повторяется отъ 4 до 5 разъ въ день.

Отъ полиповъ носа, по сообщенію одного духовнаго лица, наливаютъ на свѣжую траву спиртъ и, выжавши сокъ, намазываютъ имъ съ помощью кисточки, полипъ раза 3—4 въ день.

Перепрѣлости на ляжкахъ присыпаются обращенными въ порошокъ ягодами шиповника.

Въ *падучей* болѣзни (черная немочь) принимается въ небольшомъ количествѣ грѣтое пиво, обращенный въ порошокъ корень чернобыльника, за $^1/_2$ часа до припадка или же послѣ оного. Послѣ принятія больной лежитъ въ постели. Если пойдетъ у больного потъ, обтираютъ его. Лѣкарство употребляется черезъ день. Лѣчащіеся не пьютъ водки и избѣгаютъ волненій душевныхъ. Если страдаетъ этой болѣзнью мужчина, совѣтуютъ пить кровь голубя; если же женщина—кровь голубки.

Отъ *подагры* составляется тѣсто изъ муки сарачинскаго пшена, пивныхъ дрожжей и половины соли. Тѣсто намазывается на тряпицы и прикладывается къ подошвамъ ногъ, а ноги обвертываются фланелью. Тѣсто перемѣняютъ черезъ каждые 2 часа. Больной находится въ тепломъ мѣстѣ. Когда боль уймется—ноги обмываютъ теплою водою, въ которую наложены отруби и чухонское масло.

Натираютъ отваромъ изъ овса съ водою, къ которому прибавлены корни цыкорные и медъ.

Растопляется на горячей золѣ масло коровье, снимая съ него пѣну, а когда оно закипитъ, вливается туда столько же виннаго спирта или крѣпкой водки въ 40%. Эту смѣсь зажигаютъ, чтобы водка выгорѣла. Оставшимся масломъ натираютъ больныя мѣста.

Въ скарлатинѣ натираютъ шею и грудь свинымъ саломъ и парятъ ихъ въ банѣ вѣникомъ.

Берутъ ветчиннаго сала и простого мыла по 4 фунта; искрошивши ихъ въ куски, толкутъ въ ступѣ; потомъ, выложивши въ кострюлю, или же въ чистый горшокъ, кладутъ туда же съ $^1/_4$ фун. перепущеннаго меда и 2 рюмки пѣннаго или хлѣбнаго хорошаго вина. Сосудъ ставятъ на легкій огонь и, когда все соединится, размѣшиваютъ и выливаютъ въ банку. Намазавши эту мазь на чистый лоскутокъ холстины, прикладываютъ къ опухоли горла и къ груди, а при опухоли груди и стѣсненномъ дыханіи покрываютъ сверху чѣмъ-нибудь шерстянымъ и мажутъ мазью руки и ноги. Такъ поступаютъ до выздоровленія, поя больного въ то же время настоемъ огородной (простой) мяты съ медомъ. Больной долженъ пребывать въ комнатѣ до 3 недѣль и избѣгать простуды.

Пораженныхъ *громомъ,* раздѣвши до-нага, зарываютъ въ землю, кромѣ головы, при чемъ голова должна быть выше.

Раздѣвши пораженнаго, кладутъ его на солому головой выше; затѣмъ трутъ тѣло сухимъ сукномъ и кладутъ подъ душку пучекъ мяты, обмокнутый въ водку, а голову обвязываютъ обмоченнымъ въ холодной водѣ полотенцемъ. Когда тѣло начнетъ краснѣть и согрѣваться, зарываютъ тѣло кромѣ головы въ сухую землю на четверть (лучше въ черноземъ). Если будутъ показываться признаки жизни, даютъ немного теплаго вина. Когда

откроетъ глаза, уносятъ въ избу, а если это случится въ полѣ—кладутъ на солому или сѣно, покрываютъ до плечъ и поятъ мятнымъ чаемъ.

Отъ *судорогъ* натираютъ болящія мѣста горячимъ ромомъ.

Держатъ въ рукахъ куски желѣза.

Натираютъ больныя мѣста пробками изъ бутылокъ и горчичнымъ масломъ.

Если *растрескиваются* руки, а равно и вымя у коровы, натираютъ разжеванным сѣменемъ конопли.

Трещины на грудяхъ женщинъ натираютъ: а) несоленымъ чухонскимъ масломъ; б) разжеваннымъ сѣменемъ конопли; в) масломъ яичнаго желтка, поджариваемымъ на свѣчкѣ. Взбалтываютъ въ бутылкѣ яичный бѣлокъ, смѣшанный съ равнымъ количествомъ хлѣбной водки, и этою смѣсью намазываютъ трещины на соскахъ грудей.

Къ *опухолямъ* грудей у женщинъ прикладываютъ мяту.

Для очищенія головы отъ *шелудей* составляется такое лѣкарство. Кладутъ живыхъ лягушекъ въ муравленный горшокъ и, закрывши, крышку замазываютъ, чтобы паръ не выходилъ изъ горшка. Горшокъ этотъ ставятъ нѣсколько разъ въ печь, чтобы находящіяся въ немъ лягушки высохли. Когда онѣ высохнутъ и простынутъ, обращаютъ ихъ въ порошокъ. Когда порошокъ готовъ, намазываютъ голову больного ветчиннымъ саломъ и посыпаютъ означеннымъ порошкомъ; затѣмъ голову покрываютъ пузыремъ и обвязываютъ платкомъ, чтобы порошокъ присталъ къ головѣ. Черезъ сутки все это снимаютъ и еще намазываютъ на голову сала, но порошкомъ не посыпаютъ, а завязываютъ голову для тепла. Чтобы не было на головѣ морщинъ, мажутъ еще.

Моютъ еще шелуди часто французскою водкою.

Обмываютъ голову отваромъ сажи (2 горсти сажи на 1 фунтъ воды, что варятъ $^1/_2$ часа и выжимаютъ жидкость).

Ужаленныя пчелой мѣста натираютъ бреніемъ, составленнымъ изъ земли и собственной мочи, вынувши жало. Намазываютъ сокомъ изъ свѣжихъ головокъ мака.

Отъ *водобоязни*, являющейся вслѣдствіе укушенія бѣшеными животными, пьютъ уксусъ по 1 фунту утромъ и вечеромъ.

Возбуждаютъ въ банѣ сильную испарину.

Пьютъ орѣховое масло, а на рану прикладываютъ компрессъ изъ холстины, напитанной названнымъ масломъ.

Берутъ корешокъ шильника, обращаютъ его въ порошокъ и, посыпавши имъ коровье масло, намазанное на хлѣбъ, ѣдятъ.

Обмываютъ рану теплымъ виннымъ уксусомъ, всполаскиваютъ ее и, обсушивши, наливаютъ туда нѣсколько капель хлористо-водородной кислоты. Этимъ лѣкарствомъ вылѣчилъ одинъ діаконъ своего работника.

Если *ужалила змѣя*, укушенное мѣсто намазываютъ деревяннымъ масломъ.

Прикладываютъ къ ранкѣ брюхомъ живыхъ лягушекъ, перемѣняя ихъ, какъ скоро будутъ околѣвать.

Въ минуту укушенія на ранку кладутъ разжеванную соль.

Пьютъ сокъ ясеня, прикладывая листья, изъ коихъ выжатъ сокъ.

Прикладываютъ къ ранкѣ разрѣзанный на куски лимонъ. Сверху лимона опухшее мѣсто обкладывается простоквашею, перемѣняя ее, если будетъ твердѣть.

Отъ *коклюша* даютъ дѣтямъ теплую смѣсь сушеной малины съ краснымъ медомъ по 1 столов. ложкѣ часа черезъ 3 въ день, прибавляя туда отъ 3 до 6 капель свѣчнаго сала, и въ то же время прикладываютъ къ груди напитанную свѣчнымъ саломъ синюю сахарную бумагу, проколотую булавками во многихъ мѣстахъ. Смѣсь составляется такъ. Завариваютъ въ чайникѣ горсть сушеныхъ ягодъ и даютъ настояться на самоварѣ; настой сливаютъ въ другой чайникъ и распускаютъ въ немъ 1 ложку краснаго меду, въ которомъ прежде былъ погруженъ раскаленный конецъ толстаго желѣзнаго гвоздя.

Поятъ морсомъ калины.

Отъ *кровохарканія* пьютъ холодную воду, оставаясь въ холодной комнатѣ, держа притомъ ноги въ теплѣ.

Отъ *кровотеченія изъ горла* пьютъ растворъ поваренной соли, примѣрно 1 ложку въ стаканѣ холодной воды, а при сильномъ и опасномъ кровотеченіи глотаютъ черезъ 15 мин. по чайной ложкѣ сухой соли.

Противъ *задержанія крови у женщинъ*, особенно незамужнихъ, одержимыхъ бѣлою немочью, пьютъ дождевую воду по 1 бут. ежедневно въ продолженіе отъ 6 до 12 недѣль. Пьютъ натощакъ анисовое масло въ виноградномъ винѣ

Чтобы *остановить кровотеченіе*, кладутъ на уголья въ жаровню шалфею, и надъ дымомъ остановится женщина.

Отъ выпаденія *матки* у женщинъ послѣ родовъ даютъ пить настой травы забирюхи. Послѣ родовъ пьютъ настой травъ: золотой и перелойной.

Отъ *выхожденія матки* составляется еще слѣдующее средство. Настаиваютъ водку въ теченіе 12 сутокъ травами: тысячелистникомъ бѣлымъ, звѣробоемъ и душицей, и такимъ настоемъ поятъ больныхъ.

Въ *маточныхъ* и вообще внутреннихъ боляхъ женщины пьютъ коренья крапивы и звѣробой. Если матка имѣетъ неправильное положеніе, и вслѣдствіе этого женщина не рождаетъ дѣтей, принимаютъ по утрамъ натощакъ по 1 стол. ложкѣ калгану въ водѣ, а по вечерамъ ложку полыни.

Бѣлый тысячелистникъ служитъ средствомъ, останавливаю-

щимъ регулы, а красный—возбуждающимъ; поэтому въ предотвращеніе беременности, чтобы вызвать регулы, пьютъ красный тысячелистникъ.

Чтобы беременная женщина не *выкинула*, поятъ ее сорокаобѣдненнымъ ладаномъ. Совѣтуютъ поить настоемъ травы гогоноя, которая растетъ во пняхъ, съ шишкой.

Отъ кровотеченія употребляется еще трава желтоцвѣтъ.

Для лѣченія *молочницы* совѣтуется смѣшать столовую ложку меду съ $^1/_2$ чайной ложки пережженаго чернаго перца и мазать этой мазью больныя мѣста во рту.

Кто впалъ *въ обморокъ*, подносятъ къ носу кислый хлѣбъ.

Даютъ пить немного бѣлаго уксусу.

Отравившіеся сулемой принимаютъ порошокъ древеснаго угля по чайной ложкѣ каждый часъ вмѣстѣ съ отваромъ ячменя.

Пьютъ рвотное изъ 1 чайной ложки мелкой горчицы въ стаканѣ теплой воды.

Принимаютъ также въ отравленіяхъ яичный бѣлокъ съ молокомъ и сахарную воду.

Чтобы *оправить* мозгъ въ головѣ, получившій сотрясеніе, предварительно мѣряютъ голову лентообразнымъ мочаломъ, для чего обтягиваютъ голову означеннымъ мочаломъ, проводя имъ по лбу, вискамъ и концамъ ушей, и на мочалѣ дѣлаютъ углемъ черточки, показывающія средину лба и концы ушей; затѣмъ мочало снимаютъ и, согнувши его въ той чертѣ, которая показываетъ средину лба, смотрятъ, пришлись ли черточки, указывающія средины ушей въ одно мѣсто. Если черточки сошлись, значитъ мозгъ не получилъ сотрясенія, и, слѣдовательно, причина боли въ головѣ—не отъ сотрясенія мозга; если же черточки не сошлись—мозгъ получилъ сотрясеніе, и въ такомъ случаѣ вправляютъ его слѣдующимъ образомъ. Больной беретъ въ зубы рѣшето или сито такъ, чтобы лицо пришлось въ ситѣ и, поднявши руки, онъ самъ или иной кто, ударяетъ кулаками по стѣнкамъ рѣшета вдругъ, отчего мозгъ приходитъ въ легкое сотрясеніе, чѣмъ и принимаетъ, говорятъ, прежнее положеніе. Нѣкоторые берутъ голову больного правой рукой за подбородокъ, а лѣвой—за макушку и потряхиваютъ; затѣмъ берутъ правой рукой за лобъ и лѣвой за затылокъ и тоже потряхиваютъ. Такая операція повторяется нѣсколько разъ въ одинъ пріемъ. Или же садятъ больного на лавку или стулъ и надѣваютъ ему на затылокъ полотенце; затѣмъ, взявши полотенце за оба конца, по- тряхиваютъ голову.

Подавившагося кускомъ хлѣба ударяютъ по спинѣ кулакомъ.

Отъ *болѣзни и шума въ ушахъ* ставятъ въ больное ухо свѣчку, для чего свертывается въ трубку листъ вощеной бумаги и, вставивши его въ ухо, зажигаютъ.

Отъ *жара* въ ногахъ и головѣ прикладываютъ къ затылку и подошвамъ: а) хлѣбный мякишъ съ уксусомъ; б) изрубленную се-

ледку; в) глину съ уксусомъ; г) соленую капусту, которую, кромѣ сего, прикладываютъ и ко лбу. Внутрь отъ жара принимаютъ: уксусъ, ягоды брусники и клюквы.

Плющицъ истребляютъ табачнымъ дегтемъ, вынимаемымъ изъ чубука.

Отъ *пьянства* принимается внутрь корень чемерицы, обращенный въ порошокъ, въ винѣ.

Кому являются *привидѣнія*, совѣтуютъ класть на окно траву лебеду.

Страдающимъ *куриной слѣпотой* совѣтуютъ ѣсть до-сыта печень животнаго.

Совѣтуютъ еще заколоть курицу и, вынувши изъ нея печень, изжарить таковую на лучинкѣ надъ горячими угольями, чтобы не подгорѣла; затѣмъ разрѣзать ее вдоль и приложить горячія половинки разрѣзанными сторонами къ закрытымъ вѣкамъ.

Знахари совѣтуютъ еще слѣдующее средство. Надо, по словамъ ихъ, ходить по утрамъ и вечерамъ, когда курицы будутъ сидѣть на насѣстахъ, въ курятникъ и умываться тамъ. Это повторяется до 3 разъ.

Нѣмого ребенка бабы носятъ подъ первый ударъ колокола къ заутренѣ въ первый день Пасхи.

Отъ *вереда* лѣчатъ слѣдующимъ образомъ. Обводятъ вередъ, въ началѣ появленія его, безымяннымъ пальцемъ три раза, говоря: „Пальцу имени нѣтъ, чирью мѣста нѣтъ", и послѣ каждаго раза придавливаютъ больное мѣсто пальцемъ; затѣмъ, послѣ вереда, придавливаютъ тѣмъ же пальцемъ и въ тотъ же мигъ сукъ, говоря: „какъ сукъ сохнетъ, такъ же сохни и ты, чирей". Это повторяется 3 раза.

Прикладываютъ: а) листья полевого ладана; б) на тряпочкѣ пластырь, составленный изъ краснаго меду, муки и печенаго лука, стертыхъ въ тѣсто; в) печеный лукъ; г) варъ съ саломъ и д) мыло съ солью.

Отъ *воспаленія легкихъ* принято слѣдующее средство. Кипятятъ въ одномъ сосудѣ пиво, малину, медъ и водку и поятъ больного; послѣ принятія лѣкарства велятъ больному лечь на печь и одѣться.

Отъ *уроковъ* нашептываютъ на воду, въ которую опущены: уголь, соль и печинка (кусокъ глины, выковырянный изъ связи печныхъ кирпичей) слѣдующій заговоръ:

"Заговариваю я, раба Божія (имя заговаривающей знахарки), отъ стрѣшни и поперешни, отъ озевища, отъ притки, отъ приткиной матери, отъ чернаго, рыжаго, черемнаго, завидливаго, урочливаго, прикошливаго (бросающаго нескромные взгляды на женщину), отъ глаза сѣраго, чернаго, отъ двоезубаго, троезубаго, отъ двоеженца и троеженца. Какъ заря Амнитрія переходила и потухала, такъ и изъ раба Божія (или рабы, имя рекъ) всякіе

недуги напущенные исходили бы и потухали. Какъ изъ булату, изъ синяго укладу каменемъ огонь выбиваютъ, такъ бы и изъ раба Божія (имя рекъ) всѣ недуги и порчи словами моими вышибало и выбивало. Ты, притка, приткина мать, болѣсти, уроки, призоръ очесъ! подите прочь отъ раба Божія (имя больного) во темные лѣса, на сухія дерева, гдѣ народъ не ходитъ, скотъ не бродитъ, птица не летаетъ, звѣрье не рыщетъ. Соломонида-бабушка, Христоправушка, Христа мыла правила, намъ окатыши оставила. Запираю заговоръ свой тридевяти тремя замками, тридевяти тремя ключами, и слова мои крѣпче кремня, острѣе булату. Аминь. "Въ заключеніе знахарка дуетъ на воду съ углемъ, солью и печинкой три раза и брызжетъ больного.

Внутрь принимаютъ настой урочной травы.

Обмываютъ икону, взятую съ божницы, и водой брызжутъ въ лицо больному.

Берутъ изъ печи три горячихъ уголька и кладутъ ихъ въ чашку съ водой; затѣмъ нашептываютъ такой заговоръ:

„Пойду я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь и перекрестясь изъ избы въ избу, изъ воротъ въ ворота, подъ часты звѣзды, подъ свѣтелъ мѣсяцъ на Кіянъ-море. На Кіянѣ морѣ на златомъ престолѣ сидитъ самъ Господь; крестомъ креститъ, рукой градитъ отъ причища, отъ урочища, отъ озевища, отъ стрѣчища и поперечища. Какъ Господь укрѣпляетъ небо и землю, такъ раба (имя больного) укрѣпляю отъ 12 болей отъ 12 скорбей. Слова мои запираю 77 замками 77 ключами. Всѣ ключи въ воду бросаются, всѣ боли унимаются. Аминь.

Нашептанной водой брызжутъ въ лицо больному и даютъ ему пить эту воду; затѣмъ остальная вода съ углями выливается во дворъ. По словамъ знахарей, если положенные въ воду уголья затрещали—признаки уроковъ несомнѣнны. Такими признаками считаются еще холодныя уши больного.

Къ средствамъ врачеванія причисляются еще слѣдующія *повѣрья и предразсудки*.

Противъ выкидышей пьютъ порошокъ, получаемый отъ выскабливанія съ иконы изображенія рукъ и ногъ.

Замерзшему, говорятъ, заткни задній проходъ рукавицей и катай его на саняхъ или на телѣгѣ прытко, и онъ оживетъ; если при этомъ выдернешь рукавицу, замерзшій издастъ звукъ, и съ этимъ звукомъ выйдетъ изъ него душа.

Кто ночью бормочетъ или *бредитъ во снѣ*, объ этомъ, если услышишь, не говори никому: самъ будешь бормотать.

Больного напой водой съ землей, взятой изъ-подъ окна овина. Если напоить его этой водой, онъ скоро выздоровѣетъ; если же суждено ему умереть—скоро умретъ. Такимъ образомъ земля эта

служитъ средствомъ, ускоряющимъ или выздоровленіе, или же смерть.

Коснемся и нѣкоторыхъ другихъ совѣтовъ и рецептовъ, принятыхъ въ домашнемъ быту или для огражденія себя отъ враговъ, колдуновъ и вообще опасности, или же отъ безпокойства, причиняемаго насѣкомыми клопами и тараканами.

Отъ колдуновъ и враговъ, кромѣ описанныхъ нами выше изъ остатковъ старинной рукописи травъ, употребляются, какъ амулеты: а) воскомастика; б) сорокаобѣдненный ладанъ; в) монета-протовникъ съ изображеніемъ на ней императора или императрицы съ обращеннымъ противъ солнца лицомъ; г) трава плакунъ; д) трава Христовъ посохъ; е) трава земляной ладанъ; ж) трава Петровъ крестъ; з) трава Богородицыны слезки и и) трава марьинъ корень, которыя употребляются и противъ укушенія змѣй, и скорпія.

Отъ тараканов въ употребленіи: 1) багунъ съ цвѣтомъ калиновымъ и корой черемуховой, которые кладутъ въ печь и не входятъ послѣ того въ избу нѣсколько дней, пока не выйдетъ духъ; 2) конопля съ яичными скорлупами, которыя бросаютъ въ истопившуюся печь, послѣ того, какъ будетъ закрыта труба; 3) зеленая краска кронъ, которой пылятъ мѣста, гдѣ находятся тараканы; 4) пережженная на сковородѣ и смѣшанная съ гороховой мукой бура; 5) сырое тѣсто съ фосфоромъ отъ зажигательныхъ спичекъ.

Что же касается клоповъ, то ихъ, по мнѣнію простолюдина, можно выжить только симпатическими средствами:

1) Надо найти случайно (а не искать) зубъ отъ бороны и дотолкать его до дому пинками, а въ руки вовсе не брать и не задѣвать даже ими. Когда допихаешь до избы, положи его подъ матицу, поддерживающую потолочную настилку—и клоповъ не будетъ; 2) надо найти случайно (а не искать) лошадиное копыто, но какъ поступить съ нимъ—знахари не сообщаютъ; 3) вечеромъ въ петровское заговѣнье, послѣ того, какъ всѣ въ семьѣ заговѣются, одинъ изъ семьи, когда со стола будутъ убраны объѣдки и посуда, долженъ выйти во дворъ и стать подъ окно и тамъ, ударяя въ окно палкой, спрашивать находящихся въ избѣ:

— Дома ли хозяева?

— Дома,—должно имъ отвѣчать.

— На что ихъ?

— У васъ сегодня заговѣнье. Заговѣлись ли вы?

— Заговѣлись.

— А клопы-то чѣмъ заговѣлись?

— Клопы заговѣлись такъ: клопъ клопа съѣлъ, кто остался — самъ себя съѣлъ.

— Не будетъ ихъ отнынѣ довѣку.

4) Когда пріѣдетъ къ хозяину, желающему избавиться отъ клоповъ, кто-нибудь на сивомъ конѣ, у котораго хвостъ былъ бы черный, поймай незамѣтно ни для кого трехъ клоповъ, завяжи ихъ въ бѣлую тряпку и иди къ сивому коню, говоря: „сивая лошадь! веди всю клоповью силу", и, привязавши тряпку къ гривѣ или хвосту коня, уйди. Все это должно быть сдѣлано, какъ мы уже говорили, тайно, такъ, чтобы никто даже изъ семейныхъ не зналъ, и пріѣхавшій на сивомъ конѣ былъ бы не родственникъ, лучше всего, если будетъ онъ иноплеменникъ; 5) брось въ печь живую лягушку и три дня не ходи въ избу, и 6) поймай трехъ клоповъ, положи ихъ въ старый брошенный лапоть и перетащи съ заговоромъ за дорогу, т. е. на другую сторону улицы. Слова заговора составляютъ секретъ знахарей.

Гр. Верещагинъ.

5 февр. 1892 г. Деревня Лялъшуръ, Сарапульскаго уѣзда, Вятской губ.

СМѢСЬ.

„Женитьба кóмина".

(Изъ записокъ собирателя).

Изъ массы вѣрованій, обрядовъ и обычаевъ, переполняющихъ и переплетающихъ жизнь русскаго крестьянина сѣверо-западнаго края, между прочимъ, выдается выпуклымъ отпечаткомъ слѣдовъ глубокой древности обрядъ „женитьба кóмина", встрѣчаемый среди населенія Пинскаго полѣсья. Добросовѣстное описаніе этого обряда мнѣ удалось добыть, благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ, не воспользоваться которыми я считалъ для себя грѣхомъ. Здѣсь нахожу нужнымъ и умѣстнымъ разсказать вкратцѣ исторію этой добычи, не безъинтересной, какъ мнѣ кажется, для будущихъ собирателей и любителей народовѣдѣнія. Этотъ разсказъ можетъ, до извѣстной степени, послужить, кстати, и отвѣтомъ на неоднократно и съ давнихъ поръ обращаемый ко мнѣ съ разныхъ сторонъ вопросъ: какими-де способами и путями я пользовался для пополненія данныхъ по взятой мною на себя этнографической, многосложной задачи?

Осенью 1877 г., будучи въ первый разъ въ Минскѣ-губернскомъ, я, въ бесѣдѣ съ учителемъ словесности тамошней гимназіи О. В. Шолковичемъ, отъ котораго я допытывался указаній о томъ, на какіе предметы бытовой и духовной жизни сельскаго населенія края преимущественно мнѣ слѣдуетъ обратить вниманіе, получилъ отъ него, между прочимъ, легкій намекъ на существовавшій во дни его юности какой-то обрядъ „женитьба кóмина" у крестьянъ Мозырскаго уѣзда, гдѣ тогда его отецъ былъ сельскимъ священникомъ. Этотъ намекъ я намоталъ себѣ на усъ и все ждалъ и выжидалъ счастливаго случая къ ближайшему знакомству съ этимъ загадочнымъ обрядомъ—лично или чрезъ посредство достовѣрныхъ мѣстныхъ наблюдателей. Въ концѣ лѣта 1883 г., съ открытіемъ перваго участка линіи полѣсскихъ желѣзныхъ дорогъ отъ ст. Жабинка до Пинска, такой случай мнѣ и представился, и 15-го августа, въ день Успенія, съ утреннимъ поѣздомъ, я отправился въ Пинскъ, гдѣ остановился въ еврейскомъ, такъ называемомъ „заѣздномъ домѣ". Тотчасъ по пріѣздѣ я черезъ фактора пригла-

силъ къ себѣ мѣстнаго приходскаго учителя, оказавшагося еще въ городѣ, показалъ ему циркуляръ директора народныхъ училищъ Минской губерніи объ оказаніи мнѣ содѣйствія по собиранію памятниковъ народнаго творчества и объяснилъ ему суть моей настоящей просьбы. Онъ, какъ оказалось вскорѣ, не совсѣмъ ее понялъ и пустилъ о ней по городу слухъ въ своей собственной редакціи. На другой день я сдѣлалъ визитъ директору реальн. уч. г. Бѣлюковичу которого засталъ въ какомъ-то грустномъ настроеніи, (какъ я послѣ отъ него узналъ) по поводу предложеной изъ округа отставки, за выслугою лѣтъ, законоучителю ввѣреннаго ему училища, хотя почтенный іерей еще въ силахъ, бодръ и весьма ретиво и точно исполняетъ при училищѣ обязанности преподавателя Закона Божія и пѣнія и желалъ бы послужить еще хоть годика два. Ходатайство же его, директора, въ округѣ о продленіи означеннаго срока службы священнику, о. Грудницкому, оказалось гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. „И вотъ что,—заключилъ свой разсказъ гуманный директоръ,—меня печалитъ и безпокоитъ“. При этомъ разсказѣ у меня въ головѣ блеснула мысль попытаться замолвить словечко въ пользу ходатайства г. Бѣлюковича новому тогда помощнику попечителя Виленскаго учебнаго округа, г. Куну, который почему-то съ перваго же дня моего знакомства съ нимъ постоянно выказывалъ ко мнѣ какое-то особенное благоволеніе. „Авось, думалось мнѣ, если и попытка не шутка, то и спросъ не бѣда.“ Я сообщилъ эту мысль своему собесѣднику. Онъ съ радостью за нее ухватился и предложилъ мнѣ тотчасъ же отправиться къ батюшкѣ. Мы и поѣхали. Батюшка принялъ насъ очень радушно и, узнавъ о цѣли моей поѣздки, очень ею заинтересовался. Мы пробесѣдовали съ нимъ часа два. А когда пришло намъ время отправиться по домамъ, почтенный хозяинъ, провожая насъ, замѣтилъ, что въ кухнѣ, мимо которой намъ пришлось проходить и куда въ эту минуту была отворена дверь, на полу валяются лохмотья цвѣтовъ, травъ, цвѣточныхъ гирляндъ и зерна разнаго рода злаковъ. Это, какъ было видно, его нѣсколько сконфузило, и онъ, обратясь къ намъ, поспѣшилъ сказать: „Извините, пожалуйста, этотъ маленькій безпорядокъ: вчера меня не было дома, и моя работница вздумала вмѣстѣ со своими знакомыми дѣвушками и бабами праздновать «женитьбу кóмина» и вотъ до сихъ поръ не успѣла убрать кухню“. Я такъ и оторопѣлъ. „Что вы, батюшка, говорите!—чуть не вскричалъ я отъ радости:—у васъ здѣсь еще существуетъ этотъ замѣчательный обрядъ! Вѣдь я сколько ужъ лѣтъ ищу его, стараюсь изо всѣхъ силъ напасть на какіе-нибудь слѣды его существованія—и все напрасно. Вы крайне бы меня обязали, если бы взяли на себя трудъ описать этотъ обрядъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ совершается здѣсь въ городѣ, а если можно, и въ окрестныхъ деревняхъ его уѣзда.“ Батюшка изъявилъ мнѣ тутъ полную

готовность исполнить мое желаніе, когда соберетъ достаточное количество соотвѣтствующихъ данныхъ для провѣрки основы и обстановки интересующаго меня обряда на Пинщинѣ. Такъ мы и разстались.

На слѣдующій день утромъ, только что я успѣлъ встать съ постели, одѣться и напиться чаю, какъ вдругъ слышу женскіе голоса изъ корридора: „Что г. Шейнъ всталъ уже? Можно къ нему зайти?"—„Можно",—слышу, отвѣчаетъ факторъ. Вопросительница не рѣшилась, однако, войти и попросила его прежде доложить. Я, разумѣется, велѣлъ ихъ просить. Входятъ двѣ порядочно одѣтыя женщины—одна пожилая, другая довольно еще молодая, лѣтъ 20. Старшая тотчасъ по входѣ заговорила скороговоркой цѣлый докладъ о томъ, что она бѣдная вдова, что у нея двое дѣтей, живетъ здѣсь въ городѣ для малолѣтняго сына, который учится въ третьемъ классѣ здѣшняго реальнаго училища, и что она сочла бы для себя большимъ благодѣяніемъ, если бы начальство округа нашло возможнымъ предоставить вотъ этой ея дочери, занимающей мѣсто народной учительницы въ такомъ-то мѣстечкѣ Кіевской губерніи, такую же должность въ одномъ изъ ближайшихъ къ городу селъ Пинскаго уѣзда. Тутъ только я понялъ, что эта добрая женщина принимаетъ меня за какого-то чиновника высшаго полета, власть имѣющаго вязать и разрѣшать. Я, разумѣется, счелъ нужнымъ немедленно вывести эту наивную провинціалку изъ такого заблужденія и разъяснилъ ей, въ чемъ суть моей миссіи, и прибавилъ, что я хотя и не сановный чиновникъ и не начальникъ, но, будучи довольно хорошо знакомъ съ директоромъ народныхъ училищъ Минской губерніи, я готовъ при первомъ свиданіи съ нимъ замолвить ему словечко въ пользу ея ходатайства. Замѣтивъ, что моя посѣтительница заинтересовалась моей задачей, я разсказалъ ей о своемъ вчерашнемъ счастливомъ открытіи у священника на счетъ „женитьбы ко́мина". При послѣднихъ моихъ словахъ она, какъ бы обрадованная чѣмъ-то ей знакомымъ, вдругъ обращается къ дочери и говоритъ: „Маша, вѣдь ты, помнится мнѣ, тоже что-то въ этомъ родѣ разсказывала о женитьбѣ свѣчки?"—„Да, мама,—поспѣшила отвѣтить дочка,—я видѣла обрядъ подъ этимъ названіемъ въ мѣстечкѣ N Кіевскаго уѣзда", и тутъ же передала мнѣ на словахъ содержаніе этого обряда. Я попросилъ ее изложить разсказанное письменно. Она весьма охотно приняла мое предложеніе и на другой же день доставила мнѣ обѣщанное описаніе.

Не такъ-то скоро сдержалъ свое слово уважаемый законоучитель. Только спустя полгода, если не больше, когда, съ одной стороны, благодаря удачному ходатайству покойнаго Куна, осуществилось его желаніе относительно отсрочки грозившей ему отставки, а съ другой, когда ему удалось собрать нужныя провѣрочныя свѣдѣнія для интересующаго меня обряда, я получилъ отъ

него довольно обстоятельное описаніе въ сопровожденіи благодарственнаго письма о случайной моей иниціативѣ въ пользу его дѣла.

Ниже помѣщаю оба описанія, ставя на первомъ мѣстѣ болѣе полное описаніе изъ Пинскаго уѣзда.

1) Обрядъ «женитьбы комина» въ г. Пинскѣ и его уѣздѣ.

„Въ городѣ Пинскѣ и его окрестныхъ деревняхъ издревле существуетъ обычай ежегодно, 1-го сентября, совершать обрядъ подъ названіемъ „женитьбы комина“. Коминъ—это труба, служащая для выхода дыма изнутри жилища наружу. Трубы эти въ хатахъ полѣсскихъ крестьянъ бываютъ большею частью двухъ родовъ: а) большая, выведенная прямо изъ печи черезъ потолокъ на крышу хаты, и б) меньшая, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ печи; она называется и „лучникомъ“, отъ лучины или смоловыхъ щепокъ, которыми обыкновенно пинчуки или полѣшуки освѣщаютъ свои хаты. Къ этой-то меньшей трубѣ, выплетенной изъ камыша и обмазанной глиною, подвѣшивается желѣзная рѣшетка, на которой и жгутъ лучину.

Большую часть домашнихъ своихъ работъ, по окончаніи полевыхъ, наши пинчуки производятъ обыкновенно по утрамъ рано, далеко до разсвѣта, при свѣтѣ горящей лучины, и это-то время называется „*досвиткомъ*“. Тутъ мужчины изготовляютъ телѣги, плетутъ коши и вообще производятъ разныя сельско-хозяйственныя принадлежности, а женщины прядутъ ленъ, шерсть, ткутъ полотно и шьютъ бѣлье и пр. Чтобы заохотить семью—дѣтей, слугъ, временныхъ работниковъ-батраковъ къ такой ранней утренней работѣ и сдѣлать ее для нихъ какъ бы обязательной съ 1-го же сентября, то во всѣхъ почти домахъ женятъ „комина“, т. е. большую печную трубу, а гдѣ есть—и меньшую.
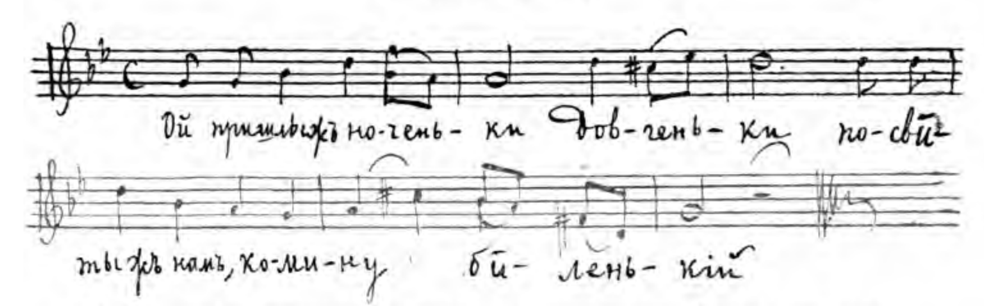
Если 1-е сентября (день св. Семена, т. е. Симеона Столпника) приходится на постный день, то празднество это откладывается до слѣдующаго дня. Тогда уже съ самаго утра хозяйка дома начинаетъ печь оладьи, блины и по мѣрѣ своихъ средствъ приготовляетъ сытныя блюда къ ужину, а хозяинъ, съ своей стороны, уже заблаговременно старается запастись къ этому дню водкой, медомъ и пивомъ. Изготовивши все нужное къ ужину, хозяйка опоясываетъ трубу и лучникъ новыми ручниками (утиральниками), а молодежь убираетъ ихъ уцѣлѣвшими въ полѣ и въ огородѣ цвѣтами. Столъ накрывается новою скатертью и ставится при самой печи или подъ лучникомъ, а какъ только на дворѣ стемнѣетъ, въ хату собирается вся семья. Старшій изъ ея членовъ читаетъ молитву, послѣ чего всѣ разсаживаются чинно, по воз-

расту, за столъ, и начинается угощеніе. Хозяинъ наливаетъ рюмку водки, выливаетъ изъ нея по нѣскольку капель на одну и другую трубу и произноситъ предлинное благожеланіе, вродѣ слѣдующаго:

„Поздорòвъ, Боже, дедýся, бабýсю, дядька, дѣтки, челяднички, пріятелей и добродѣевъ! Подвысь, Боже, храмъ Господень, щобъ слава Божая не уставала и міръ Божій ко храму наворочала. Защиты, Господы, худобку: коныки, волыки, коровки для дитокъ и всякую скотынку. Зароды, Боже, хлѣбець, жито, пшеныцю и всяку пашныцю. Защиты, Господы, пчёлки, вынесь ихъ на красну весну, кому Богъ давъ старанье! Приспорь медку и вòщечку, на свѣчу до храму Господня. Дай Боже, челядочцы охоту ранењко вставаты, при свитли працоваты. Дай Боже, щобъ нашéму роду не бýло переводу, а этые рѣки (указывая на водку) щобъ текли у насъ на вики", и проч.

По окончаніи этого поздравленія онъ цѣлуетъ руки у старѣйшаго въ семействѣ по лѣтамъ, выпиваетъ рюмку до дна, наливаетъ ее снова водкою и, накрывъ ее оладьей или кускомъ блина, передаетъ слѣдующему. Этотъ, получивъ рюмку, снимаетъ съ нея оладью, прыскаетъ нѣсколько капель водки на обѣ трубы, произноситъ подобное же длинное поздравленіе, цѣлуетъ руки у очереднаго старѣйшаго, выпиваетъ водку и передаетъ рюмку тѣмъ же порядкомъ слѣдующему. Такимъ образомъ поздравленія или благожеланія эти повторяются поочереди всѣми сидящими за столомъ съ различными варіаціями, пока, наконецъ, кто-нибудь изъ послѣднихъ батраковъ не скажетъ: „Въ школи не вчився, виншоваты не смудрывся". Первая круговая рюмка такимъ порядкомъ переходитъ отъ однихъ до другихъ застольниковъ очень медленно—болѣе часа, вторая же идетъ уже скорѣе, безъ лишнихъ прибаутокъ, а слѣдующія за нею рюмки передвигаются еще быстрѣе, въ перекрестную, безъ всякаго соблюденія очереди.

Когда вся семья успѣетъ закусить, повеселѣетъ и у всѣхъ развяжутся языки, хозяйка приноситъ въ фартукѣ сѣмячки (гарбузыки), сыплетъ ихъ на трубы, а на столъ кладетъ *„ласощи"*: пряники, бублики, яблоки, гнилыя груши, калину, клюкву и т. п., а хозяинъ приноситъ миску меду—свѣжихъ сотовъ. Молодежь собираетъ разсыпанныя сѣмячки и набрасывается на сласти. Тогда хозяйка предлагаетъ молодежи спѣть жениху—Кòмину свадебную пѣсню. При этомъ старшая дѣвка—пѣвица беретъ благословеніе у родителей или старѣйшихъ членовъ семьи и начинаетъ пѣть пѣсню, нарочно приуроченную изстари къ этому обряду, за ней подхватываютъ хоромъ всѣ прочіе присутствующіе:

Мы жъ тебе квитками убралы,
Бервьеночкомъ, рутой опаразалы.
Праця наша—дивка гарненька,
Полюбыты Ко́мина раденька.
Мы жъ тебе будемо женыты,
Горилочку, пыво, медъ пыты.
Светы жъ, Ко́миночку, ясненько,
Побужай челядочку раненько:
Шиты, прасты, ткаты молодымъ,
А подарочки сбираты старымъ.
Коминочку, ты намъ спогадай,
Кру́чу, ве́рчу и буры проганяй.
Дымъ и сажу несы ворогамъ,
Свитъ, охоту и радость пошлы намъ.
Господыня наша, поглядай,
Горилочки и меду подливай.

Старшіе въ семьѣ часто прерываютъ пѣнье благожеланіями вродѣ слѣдующаго: „щобъ такъ рано вставалы и щире працовалы, якъ голосно спивалы!“ Затѣмъ угощеніе продолжается уже медомъ, пивомъ и сластями, пока не истощится весь запасъ напитковъ.

Окончивъ семейную пирушку, всѣ отходятъ ко сну, а на другой день всѣ встаютъ уже къ работѣ при свѣтѣ изъ ко́миналучника и часто съ самой полуночи. Если кто изъ семьи полѣнится рано встать, то хозяинъ не преминетъ сказать ему съ упрекомъ: „На Семена медъ, пыво любывъ пыты, не лѣнуйся жъ и робыты!“

(Сообщ. священ. законоучителемъ Пинск. реальн. училища В. Леонт. Грудницкимъ въ 1883... г.)

2) *Женитьба свѣчки въ Кіевскомъ уѣздѣ.*

Обычай женить свѣчку существуетъ въ Кіевск. у. и поддерживается хозяевами ремесленныхъ заведеній, которые желаютъ пріохотить своихъ работниковъ и работницъ къ вечернимъ и утреннимъ занятіямъ при огнѣ. Около половины сентября, когда наступаютъ длинные вечера, хозяинъ объявляетъ *своимъ* работникамъ, чтобы они вечеромъ приходили, „женить свичку“. Въ этотъ день у него работаютъ только до обѣда, а подъ вечеръ всѣ рабочіе, одѣтые въ праздничныя одежды, приходятъ въ хозяину, который по ихъ приходѣ посылаетъ за музыкантами. Тогда каждый изъ пришедшихъ рабочихъ беретъ свѣч-

ку и, убравъ ее подъ звуки музыки цвѣтами и лентами, зажигаетъ, и затѣмъ всѣ, размѣстившись въ извѣстномъ порядкѣ, подъ предводительствомъ играющихъ музыкантовъ торжественной процессіей обходятъ все мѣстечко отъ одного мастерского заведенія до другого, пока не обойдутъ ихъ всѣ и не возвратятся опять въ томъ же порядкѣ къ своему хозяину. Тамъ въ это время уже готовъ ужинъ, поставлена выпивка и закуска. Послѣ ужина начинается самое разгульное веселье. Рабочіе поютъ пѣсни, пляшутъ, веселятся иногда далеко за полночь. А съ слѣдующаго дня они начинаютъ ужъ постоянно, каждый день—утромъ и вечеромъ, работать при свѣчахъ.

(Запис. народн. учительницей М. Г.)

Изъ двухъ описанныхъ обрядовъ, первый существуетъ и въ Мозырск. у. Минск. губ. и въ Вилейск. у. Виленской губерніи. Описанія его, доставленныя мнѣ въ началѣ 80-ыхъ годовъ изъ названныхъ мѣстностей, напечатаны въ III т. моихъ «Матеріаловъ», на стр. 185—187. Время его празднованія и тамъ тоже пріурочено народомъ къ первымъ числамъ сентября, чаще къ самому первому, когда впервые начинаютъ работать въ домахъ, такъ сказать, *сидальныя* работы при огнѣ. Въ Малороссіи этотъ обрядъ изъ деревень и селъ, гдѣ жилища освѣщались до послѣдняго времени, отчасти освѣщаются и теперь, лучиною, перешелъ въ мѣстечка и города, гдѣ дома уже давно освѣщаются свѣчами, вслѣдствіе чего и самый этотъ праздникъ сосредоточился на свѣчкѣ и получилъ названіе „женитьба свѣчки" приблизительно въ томъ видѣ, какъ онъ описанъ выше. Къ этому нужно прибавить, что и у сельскаго населенія великорусскихъ губерній первый вечеръ, съ котораго начинаютъ работать при огнѣ, тоже отличается *почёстной* пирушкой и извѣстенъ подъ названіемъ засидокъ. Чествованіе засидокъ и здѣсь перешло изъ деревни въ городъ, даже въ столицы, въ среду ремесленниковъ, б. ч. выходцевъ изъ деревни, и поэтому весьма понятно, что характеръ даннаго обряда болѣе или менѣе видоизмѣнился, сообразно съ условіями городского быта.

До 1889 года ни „о женитьбѣ комина", ни „о женитьбѣ свѣчки" и слыхомъ не слыхать и видомъ не видать было ни въ нашихъ ученыхъ обществахъ, ни въ литературѣ. Въ означенномъ же году въ № 190 газеты „Кіевлянинъ" появилась статья: „Праздникъ свѣчки, или женитьба свѣчки". Эта-то статья вмѣстѣ съ напечатанной за 5 лѣтъ передъ тѣмъ (въ № 196 газеты „Заря" 1884 г.) подъ заглавіемъ „Празднованіе Семена въ Кіевѣ, въ ночь съ 1-го на 2 сентября на всѣхъ мѣстныхъ базарахъ" подала поводъ почтенному профессору Н. Ѳ. Сумцову выступить въ 1890 году въ „Кіевской Старинѣ" съ цѣлымъ изслѣдованіемъ о нашемъ загадочномъ обрядѣ, подъ заглавіемъ: „Женитьба

свѣчки" („Кіев. Стар." 1890 г., іюль, стр. 72—87. „Культурныя переживанія" № 188).

Пересказавъ вкратцѣ содержаніе названныхъ статей и попытки остроумнаго объясненія этого обычая историческимъ путемъ автора статьи въ „Кіевлянинѣ" (стр. 1—4), нашъ авторъ продолжаетъ такъ: „обыкновеніе „женить свѣчку" встрѣчается среди ремесленниковъ Харькова. Здѣсь обычай этотъ называется *засидки*. Въ немъ нѣтъ весьма крупнаго элемента—дерева, но свѣчка и здѣсь имѣетъ такое важное значеніе, какъ у кіевскихъ ремесленниковъ. Засидки бываютъ 1 сентября. Поработавъ съ полчаса или часъ, затѣмъ устраиваютъ пиршество, поютъ пѣсни". Далѣе г. Сумцовъ сообщаетъ цѣлый рядъ выписокъ изъ разнообразныхъ статей объ огняхъ купальскихъ, о „чествованіи дерева съ зажиганіемъ на немъ свѣчей на украинскихъ свадьбахъ" и заключаетъ свои сообщенія слѣдующими словами: „Эта далекая экскурсія показываетъ, что въ „женитьбѣ свѣчки" мы имѣемъ не только кіевскій народный обрядъ, не исключительно малорусскій, даже не исключительно славянскій, а можетъ быть, обще-арійскій, глубоко древній по происхожденію. Малорусскіе варіанты обрядоваго чествованія дерева съ возженіемъ свѣчей представляются многочисленными, разнообразными, съ сложной внѣшней обстановкой, съ своеобразной мѣстной окраской". Затѣмъ авторъ вновь приводитъ массу фактовъ „чествованія обрядовыхъ деревцовъ съ возженіемъ свѣчей въ Германіи, Италіи, о свадебной елкѣ, вильцѣ, въ глухихъ мѣстностяхъ Кавказа, въ Аравіи, въ Монголіи, у народовъ, стоящихъ въ сторонѣ отъ культурныхъ европейскихъ вліяній", передаетъ далѣе взгляды нашихъ и иностранныхъ ученыхъ „о чудесныхъ деревцахъ съ возженіемъ свѣчей", пространно полемизируетъ съ мнѣніемъ покойнаго Потебни относительно священныхъ, *мысленныхъ* деревъ у русскихъ славянъ и заканчиваетъ свою статью изложеніемъ обрядоваго употребленія сѣна и соломы на свадьбахъ въ Великой и Малой Россіи, въ Германіи и древней Индіи, которое, по его мнѣнію, состоитъ въ ближайшей связи съ обрядовымъ чествованіемъ дерева.

Вотъ въ общихъ чертахъ содержаніе статьи г. Сумцова. Изъ всего сказаннаго довольно, кажется, ясно, что онъ въ обрядѣ „женитьбы свѣчки" видитъ только слѣды культа дерева, а не огня, хотя изъ приводимыхъ имъ многочисленныхъ фактовъ нисколько не выходитъ, что огонь является въ данномъ обрядѣ исключительно для украшенія дерева, а не на оборотъ, т. е., что дерево служитъ тутъ необходимымъ элементомъ для поддержанія огня. Еще страннѣе мнѣ кажется мысль г. Сумцова пріурочивать къ культу дерева купальскіе огни и горящіе костры съ огнемъ въ свадебномъ ритуалѣ (по возвращеніи молодыхъ отъ вѣнчанія домой). Никто не станетъ спорить, что на

Руси еще сохранились до нашего времени довольно замѣтные слѣды поклоненія дереву, но чтобы огонь являлся необходимымъ условіемъ его обстановки—этого никакъ нельзя подтвердить фактами. Притомъ, если ужъ обрядъ „женитьбы свѣчки" напоминаетъ о существовавшемъ въ древнія времена вездѣ на Руси поклоненіи дереву, то почему онъ, т. е. этотъ обрядъ, не называется въ народѣ „женитьбою дерева"? Вѣдь народъ, какъ мы знаемъ, весьма бережно и ревниво сохраняетъ въ своей памяти стародавнія названія даже и тѣхъ слѣдовъ его традиціонныхъ обрядовъ, смыслъ которыхъ для него остался теперь совершенно непонятенъ, какъ, напримѣръ, праздникъ Ярила, Коляды и т. п. Ужъ одно названіе „женитьба *свѣчки*", казалось бы въ состояніи внушить изслѣдователю этого обряда естественное сомнѣніе насчетъ первобытности его, какъ по формѣ, такъ и по содержанію. Вѣдь вѣрованія, обряды и обычаи народа, какъ извѣстно, зарождаются, крѣпнутъ и закаляются на первыхъ, низшихъ ступеняхъ его культуры и его осѣдлой жизни среди полей и лѣсовъ дремучихъ. А если такъ, то ясно, что въ старинномъ сельскомъ быту русскаго племени всѣхъ видовъ и оттѣнковъ жилища не освѣщались свѣчами. Точно такъ каждый внимательный наблюдатель народной бытовой жизни сразу рѣшитъ безошибочно, что извѣстныя, общеупотребительныя поговорки: „игра не стоитъ свѣчъ"—не русскаго происхожденія. Поэтому, вслѣдствіе высказанныхъ сейчасъ соображеній мы полагаемъ себя въ правѣ считать сообщенный нами выше варіантъ практикуемаго древняго обряда изъ Пинска самымъ вѣрнымъ и пока—самымъ полнымъ. А то обстоятельство, что этотъ же обрядъ, съ одной и той же почти обстановкой, бытуетъ и доселѣ подъ тѣмъ же ярлычкомъ и и въ Мозырскомъ у. Минской губерніи, необходимо должно служить лучшимъ и вѣрнѣйшимъ указаніемъ на то, что онъ нѣкогда существовалъ, а можетъ быть и теперь еще существуетъ среди поселянъ какъ Кіевской губерніи, такъ и другихъ приднѣпровскихъ и babприпетскихъ селеній. Слѣдуетъ только умѣло тамъ поискать хорошенько.

Вообще думается мнѣ, что нашимъ изслѣдователямъ быта и духовной жизни народа не нужно торопиться обобщеніемъ скудныхъ фактовъ, особенно въ области его вѣрованій, обычаевъ, гдѣ пока у насъ такъ мало собрано данныхъ, и это даже относительно малое лежитъ враздробь, подъ спудомъ, непроизводительно въ грудахъ нашихъ губернскихъ вѣдомостей, въ архивахъ нашихъ ученыхъ обществъ, и никто доселѣ не подумаетъ прійти на помощь, чтобы издать все это въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ для общаго пользованія.

С. Петербургъ, 30-го мая 1898 г.

П. Шейнъ.

КЪ ИСТОРІИ НАРОДНАГО ТЕАТРА [1]).

IV. „ЦАРЬ МАКСИМИЛІАНЪ."

(*Варіантъ 2-й*) [2]).

Дѣйствующія лица.

Царь **Максимиліанъ.**
Сынъ его **Адольфъ.**
Скороходъ.
Бурмаилъ, **Аника**, **Марецъ** — воины.
Богиня (Венера), сестра Бурмаила.
Гусаръ.
Докторъ.
Старикъ (гробокопатель).
Еврей.
Казакъ (исполняется однимъ лицомъ вмѣстѣ съ Бурмаиломъ).
Эсаулъ (исполняется вмѣстѣ съ гусаромъ).
Смерть (исполняется вмѣстѣ съ старикомъ).

Сперва всѣ актеры обращаются съ привѣтствіемъ къ хозяину дома, куда они пришли для представленія. Они поютъ:

Позволь, позволь, хозяинъ, въ нову горницу войти,
Въ нову горницу войти, вдоль по узенькой пройти.
Это правда, это правда, это правда все была. (*Припѣвъ*).
Нѣтъ ли, нѣтъ ли, у васъ хозяинъ, въ домѣ лишняго бревна?
Если есть оно, позволь вырубить его.
Нѣтъ ли, нѣтъ ли, у васъ хозяинъ, въ домѣ лишняго вина?
Если есть оно, позволь выпить намъ его.

Адольфъ. А, здравствуйте, господа! Вотъ и я, прибылъ сюда. За кого вы меня почитаете—за русскаго, или за короля прусскаго?

Всѣ. За русскаго.

Адольфъ. Нѣтъ, я не русскій, не король прусскій, я есть царскій сынъ Адольфъ. Ну, тише, господа, черезъ три часа имѣетъ царь Максимиліанъ прибыть сюда. Желаете его видѣть?

Всѣ. Желаемъ! (*Входитъ Максимиліанъ*).

Максимиліанъ. А, здравствуйте, дѣти! Здорово, дѣти! Отчего вы сидите, ничего не говорите? Али языки поприсохли?

Всѣ. Поприсохли!

Максим. Надо промочить.

---

[1]) См. „Этногр. Обозр." XXXVII.

[2]) Записанъ въ Рѣчицкомъ у. Минской губ. въ 1896 г. отъ одного изъ актеровъ, молодого парня, туземца, но съ великорусской рѣчью.

Всѣ. Постарайтесь.

Максим. А вотъ, ребята, есть у меня по правую руку пивоваренный заводъ, по лѣвую,—хлѣбный магазинъ. Какъ выкочу бочку-сорокоушку, да чернаго хлѣба на закуску—довольно съ васъ?

Всѣ. Довольно!

Максим. Пьяницы!

Всѣ. Хорошо!

Максим. За это удовольствіе покоряю вамъ село Турещину, Нѣмещину, а третье мѣсто, гдѣ сами пожелаете. А вотъ, ребята, какъ былъ я въ городѣ Парижѣ, да извините, что уѣзжаю верстъ триста поближе... А вотъ, ребята, какъ я былъ въ городѣ Мидали (Италіи?), а извините, что уѣзжаю верстъ триста подалѣ... (*Подходитъ къ трону*). Охъ ты, Боже мой, для кого этотъ крѣпкій тронъ сооруженъ? Для меня, царя Максимиліана. Сажусь на крѣпкій тронъ, трясется земля передо мной, буду судить винныхъ и невинныхъ, правыхъ и неправыхъ. Если же я не правильно осужу, занеси меня, Боже, на синіе море, на желтыя песка и тамъ царю Максимиліану будетъ грусть-тоска.—Скороходъ-фитьмаршалъ, явись предъ тронъ своего царя-монарха!

Скороходъ. О, грозный царь Максимиліанъ! власть маешь, на что скорохода призываешь, или какихъ указъ дѣлъ повелѣваешь? [1]).

Максим. А вотъ, поди, поди въ мою каменную палату, возьми мою скипетръ-державу и всю честь римскую и славу.

Скороходъ. Пойду, пойду въ твою каменную палату, возьму твою скипетръ-державу и всю честь римскую и славу (*приноситъ*).

Максим А вотъ моя знатная корона во всѣ стороны блестала, всѣмъ моимъ царствомъ владала. Всѣ ребята мнѣ въ отвѣтъ, сына Адольфа при мнѣ нѣтъ. (*Зоветъ, какъ выше, скорохода и приказываетъ ему*). Позвать мнѣ сына Адольфа! (*Приводятъ*).

Адольфъ. А, здравствуй, дражайшій родитель, власть маешь, на что сына Адольфа призываешь, или какихъ указъ дѣлъ повелѣваешь?

Максим. А гдѣ, сынокъ, досюда былъ?

Адольфъ. По Волгѣ-рѣчкѣ катался, съ разбойничками знался.

Максим. А много васъ тамъ было?

Адольфъ. Двѣнадцать человѣкъ.

Максим. А много крови пролили?

Адольфъ. Какъ рѣка лила.

Максим. А когда бы я тамъ былъ?

Адольфъ. И тебѣ бы голова съ плечъ.

Максим. Охъ-ти, Боже мой! развѣ можно государственному сыну по Волгѣ-рѣчкѣ кататься, съ разбойничками знаться! (*Снова зоветъ скорохода*). Вотъ, возьми, возьми моего сына Адольфа, сведи его въ темну темницу, отпусти ему сухарь хлѣба и полкружки воды—довольно съ него.

---

[1]) Скороходъ призывается каждый разъ одною и тою же фразою и, явившись на зовъ, говоритъ всегда свою стереотипную фразу.

Скороходъ. Возьму, возьму твоего сына Адольфа, сведу его въ темну темницу... и т. д. (*повторяетъ все дословно и уводитъ*)..

Максим (*Опять требуетъ скорохода*). Позвать мнѣ сына Адольфа. (*Приводятъ Адольфа*). Вотъ, сынокъ, была у тебя мать мереканская богиня, теперь я себѣ взялъ кумирническую богиню. Вѣруешь нашимъ кумирическимъ богамъ, золотымъ статуямъ?

Адольфъ. Я ваши боги стерзаю подъ ноги, вѣрю Іисусу Христу, который распятъ на кресту, и содержу святой законъ.

Максим. (*зоветъ скорохода*). Возьми моего сына Адольфа, отведи его въ темну темницу, гдѣ сидѣли московскіе купцы: они продали Москву за три боченка песку, отпусти ему сухарь хлѣба да полкружки воды, довольно съ него. (*Скороходъ повторяетъ тѣ же слова и уводитъ Адольфа, Максимиліанъ тотчасъ опять призываетъ скорохода и требуетъ привести Адольфа. Его приводятъ*). Ну, что сынокъ, одумался?

Адольфъ. Одумался.

Максим. Опомнился?

Адольфъ. Опомнился.

Максим. Какъ?

Адольфъ. Опять такъ.

Максим. Воинъ Бурмаилъ!

Бурмаилъ (*является*). О, грозный царь... и проч. (*какъ скороходъ*).

Максим. А вотъ возьми моего сына Адольфа, непокорнаго, непослушнаго, сведи его на лобное мѣсто, сруби ему, варвару, голову, чтобы его, варвара, на свѣтѣ не было.

Бурм. Возьму твоего сына Адольфа... и пр. (*Обращается къ Адольфу*). А вотъ, братъ Адольфъ, какъ мы съ тобой жили-дружили водочку пили, а сейчасъ папаша разсерчалъ, хочетъ голову снять, злой смерти предать. А не онъ голову сниметъ, я голову сниму, злой смерти предамъ. Что съ отцомъ простился?

Адольфъ. Никакъ нѣтъ.

Бурм. Ну, простись.

Адольфъ. Прощай, дрожайшій родитель!

Максим. Казнить, казнить варварскую душу!

Адольфъ. Меня сказнишь, самъ на свѣтѣ жить не будешь.

Бурм. Съ друзьями простился?

Адольфъ. Никакъ нѣтъ.

Бурм. Простись.

Адольфъ. Прощай, горы, прощай долы, прощай небо и земля! Какъ былъ я у отца по воли, имѣлъ друзей до воли; какъ сталъ подъ неволей, нѣту друзей никого. (*Поетъ*). Охъ вы, лѣсы мои, лѣсы темные, охъ вы звѣри мои, звѣри лютые, прибѣгите ко мнѣ, погорюйте обо мнѣ!

Максим. Смирно!

Адольфъ (*поетъ*). Двери загремѣ-гремѣли, идетъ ко мнѣ грозный палачъ; сабли заблиста-блистали въ рукахъ ли его палача. Охъ, чтожъ

я за воинъ былъ, я въ полѣ одинъ воевалъ, ни конному ни пѣшему проходу я мальчикъ не давалъ. Берите, рубите, не плачьте послѣ обо мнѣ.

Бурм. А вотъ я, воинъ Бурмаилъ, царскому сыну голову сниму, на мечъ подхвачу, въ гробъ положу. Ирди, ирди непобѣдима (?), катилась съ неба звѣзда; посмотрите, господа, какое страженіе! (*Рубитъ голову Адольфу*).

Максим. Скороходъ-фитьмаршалъ!... и пр. (*Скороходъ является*). Позвать старика-гробокопателя!

Скороходъ. Позову старика-гробокопателя (*Старику*). Старикъ, къ царю!

Старикъ. Я дрова колю.

Скороходъ. Старикъ, пожалуй на балъ!

Старикъ. Какой тамъ чертъ съ печи упалъ!

Скороходъ. Старикъ, пожалуй на водку!

Старикъ. Я и самъ пойду. (*Входитъ къ царю*). Здравствуй, царь Демьянъ!

Максим. Я не есть царь Демьянъ, я есть царь Максимиліанъ!

Старикъ. Ну, когда царь Максимиліанъ, такъ я шапочку снялъ, на колѣнкахъ сталъ.

Максим. Вотъ, старичокъ, загадаю тебѣ дѣльцо, вотъ прибрать это тѣльцо, чтобъ въ нашемъ царствѣ не прѣло, людямъ паху не задавало.

Старикъ. А что мнѣ за это будетъ?

Максим. Много, много, старикъ, и въ горсть не заберешь; съ носу по грошу, а у тебя большой—съ тебя два.

Старикъ. Я такъ не хочу; я хочу тулупъ.

Максим. Да, старикъ, ты не глупъ спрашивать тулупъ. Тулупа не износишь, а свою голову пораньше положишь.

Старикъ. Я такъ не хочу, я пойду.

Максим. Иди, иди, старичокъ.

Старикъ. Я и самъ болёнъ.

Максим. Скороходъ-фитьмаршалъ... и пр. (*Скороходъ является*). Позвать мнѣ военнаго доктора.

Докторъ (*является*). А, здравствуй, царь Максимиліанъ, власть маешь... и пр.

Максим. А вотъ полѣчи мнѣ этого старика.

Докторъ. А вотъ я есть лѣкарь, надъ семи землями аптекарь, живыхъ лѣчу, мертвымъ кровь бросаю. Ко мнѣ приходятъ на ногахъ, я отправляю на костыляхъ. Ко мнѣ приходятъ съ глазами, я глаза вынимаю, на тотъ свѣтъ по запискѣ отправляю, съ того свѣта похвальный листъ получаю. Хорошъ докторъ?

Всѣ. Хорошъ.

Докторъ. Стоитъ сто рублей?

Всѣ. Двѣсти!

Докторъ. Что у тебя, старичокъ, болитъ? Можетъ голова?

Старикъ. Голова.

Докторъ. Нужно ее обрить догола, приложить тѣста, чтобы не на-

шелъ въ этой комнатѣ мѣста. А еще что у тебя, старичокъ, болитъ? Можетъ зубы?

Старикъ. Зубы.

Докторъ. Нужно отрѣзать зубы и губы, телячьи приварить и заставить говорить. Какъ ты будешь говорить?

Старикъ. Ме-е!

Докторъ. Еще что? Можетъ бока?

Старикъ. Бока.

Докторъ. Нужно тебѣ дать тридцать два кулака, да семьдесять выспидковъ, такъ будешь здоровъ. А еще что, можетъ ноги?

Старикъ. Ноги.

Докторъ. Нужно отрѣзать ноги, ляшки, приставить деревяшки, на путь поставить, танцовать заставить. Какъ ты будешь танцовать? (*Старикъ танцуетъ*).

Максим. Скороходъ-фитьмаршалъ! и пр... Позвать мнѣ еврея портного!

Скороходъ. Еврей, къ царю!

Еврей. Я кашу варю.

Скор. Еврей, пожалуй на балъ!

Еврей. Какой тамъ чертъ съ печи упалъ!

Скорох. Еврей, пожалуй на водку!

Еврей. Я и самъ пойду. (*Входитъ*). Здравствуй, царь Демьянъ!

Максим. Я не есть царь Демьянъ, я есть царь Максимиліанъ.

Еврей. Что же мнѣ скажешь?

Максим. Вотъ пошей моему сыну Адольфу на смерть траурное платье.

Еврей. Пошить вашему сыну долгому на смѣхъ платье?

Максим. Вотъ вамъ съ старикомъ на двоихъ! (*Даетъ деньги*).

Еврей. На моихъ на двоихъ.

Максим. Присмотри, казакъ, за нимъ.

Казакъ (*беретъ шашку*). Мѣряй вѣрно!

Еврей. Не будетъ скверно, а будетъ хорошо. (*Мѣряетъ*). Два аршина, два вершка, три гладышка и четыре кувшина.

Максим. (*богинѣ*). А чего же ты сидишь, нечего не говоришь? Приди-ка, сама собой похвались!

Богиня. А вотъ я, дирицкая, кумирицкая богиня, по чистому полю ходила, всѣ земли покорила. Одна земля не покорна—Марцево поле. Поднимусь, поднимусь высоко подъ небо, опущусь, опущусь на синее море, съ синяго моря на Марцево поле. Если же ко мнѣ Марецъ не явится, моему колѣну не уклонится, селенія, города огнемъ сожгу, самого Марца въ плѣнъ возьму.

Марецъ. Охти, Боже мой! Что я предъ собой вижу! Видѣть не вижу, только женскій голосъ непріятный слышу. Что же тутъ за дѣвица, за прекрасная богиня по чужимъ полямъ таскается, сама собой выхваляется, на меня, Марца, нарѣзается при всѣхъ царяхъ, при всѣхъ

князьяхъ, при всѣхъ сильныхъ могучихъ богатыряхъ! Стрижайся (sic) на мой булатный мечъ! (*Богиня становится на колѣни*).

Бурмаилъ. А вотъ я вамъ Бурмаилъ, по чистому полю ходилъ, свою любезную сестру загубилъ. Вдругъ на Марцево поле сошелъ, свою любезную сестру нашелъ. Скажи, сестра Венера, передъ кѣмъ стоишь на колѣняхъ?

Богиня. Передъ Марцомъ.

Бурмаилъ. За что?

Богиня. Такъ богамъ угодно.

Бурмаилъ. Что же ты за Марецъ, что же ты за воинъ! Напался на дѣвицу, терзаешь, какъ волкъ въ полѣ лисицу.

Марецъ. А что же ты—сватъ, или братъ, или какой сродственникъ?

Бурмаилъ. Я не сватъ, не братъ, не какой сродственникъ; хочу биться-рубиться; на вострый мечъ расходиться!

Марецъ. День и ночь не сплю, востру шашку точу, Бурмаилу на бокъ носъ своротчу!

Бурмаилъ. Ѣду, ѣду—не свищу!

Марецъ. Я наѣду—не спущу!

Бурмаилъ. Встрѣчайся!

Марецъ. Защищайся!

Бурмаилъ. Сражайся на мой булатный мечъ! (*Марецъ отрубаетъ голову Бурмаилу*).

Марецъ. Вотъ я Марецъ, вотъ я воинъ храбръ и буенъ! Нѣтъ мнѣ ни стрѣчника, не поперечника, ни здорника, ни поборника! Только мнѣ стрѣчникъ и поперечникъ одинъ Аника-воинъ; но и тотъ еще не родился, а хоть родился, на коня еще не садился. Онъ самъ не зайдетъ, воронъ костей не занесетъ (*Входитъ Аника*).

Аника. Да не воронъ кость занесетъ, добрый молодецъ самъ заходитъ. Что же ты меня, Анику, порицаешь при всѣхъ царяхъ, при всѣхъ князьяхъ, при всѣхъ сильныхъ могучихъ богатыряхъ? Ко мнѣ, Аникѣ, цари, князья съѣзжались, славу и честь воздавали, вострыя копья въ землю тыркали. Одна пташка летѣла, на мой членъ (шлемъ) перенатъ сѣла, и тая моимъ могучимъ силамъ покорилась. Ну, что же ты хотишь: биться или рубиться?

Марецъ. Я хочу биться-рубиться, на вострый мечъ расходиться.

Аника. Ѣду, ѣду—не свищу!

Марецъ. Я наѣду—не спущу! Встрѣчайся!

Аника. Защищайся! Выходи, молодецъ, на палатный (булатный) мечъ! (*Аника отрубаетъ голову Марцу*).

Аника. Вотъ я, Аника-воинъ, храберъ и буенъ! Нѣтъ мнѣ ни стрѣчника, ни поперечника, ни здорника, ни поборника! Только мнѣ стрѣчница и поперечница лютая смерть. Но если бы и тая сейчасъ была, и съ той бы сразился! (*Входитъ Смерть*).

Смерть. Зарѣжу!

Аника. Отлѣзь, баба-юхо! Якъ дамъ тебѣ въ ухо, разсыплется твое мякинное брюхо!

Смерть. Зарѣжу!

Аника. Отлѣзь, баба! Якъ дамъ тебѣ въ високъ, разсыплешься въ песокъ!

Смерть. Зарѣжу!

Аника. А, бабушка! Дай льготы хоть на три года!

Смерть. Не дамъ и на три часа.

Аника. Дай на три минуты!

Смерть. Не дамъ на три минуты.

Аника. Дай съ міромъ проститься!

Смерть. Прощайся.

Аника. Прощай, горы! прощай, долы! Какъ ѣхалъ я полъ-дороги отрѣзала баба руки, ноги. (*Смерть зарѣжетъ его*).

Гусаръ (*поетъ*). „Гусаръ, на саблю опираясь" и „Скребницей чистилъ онъ коня" (въ нѣсколько импровизированной передачѣ).

Максимиліанъ (*эсаулу*). А что же ты сидишь, ничего не говоришь? Пойди ко мнѣ скорѣе, говори со мной смѣлѣе! Если ко мнѣ не будешь подходить, со мной смѣло говорить, въ грязь втопчу, на полъ превращу, закачу тебѣ 25, а мало 25—закачу сто́, пропадетъ твоя служба ни во что! Стань на шлюпки, посмотри въ подзорныя трубки, нѣтъ ли въ пнѣ, въ коренѣ, не въ опасномъ каменѐ. Не провалить бы намъ судно, не попасть на дно, тамъ будетъ всѣмъ холодно. Разсматривай вѣрнѣе!

Эсаулъ. Вижу, господинъ атаманъ!

Макс. Что же ты видишь?

Эсаулъ. При Волгѣ-рѣкѣ большой каменный домъ.

Макс. Поди-ка, спроси, кто въ немъ? (*Тамъ, предполагается, живетъ еврей, эсаулъ приходитъ къ нему*).

Эсаулъ. Я пришелъ узнать, какъ васъ звать.

Еврей. А я не хочу сказать.

Эсаулъ. Говори скорѣе!

Еврей. Кузьма-Федоръ Никитичъ.

Эсаулъ (*подходитъ къ царю*). Кузьма-Федоръ Никитичъ.

Макс. Ахъ, это тотъ Кузьма-Федоръ Никитичъ, который намъ полонъ карманъ денегъ натычетъ. Поди, спроси, радъ онъ намъ?

Эсаулъ (*еврею*). Радъ ты намъ?

Еврей. Радъ.

Эсаулъ. Какъ?

Еврей. Какъ чертямъ.

Эсаулъ. Какъ, какъ?

Еврей. Какъ милымъ гостямъ.

Эсаулъ (*приходитъ къ царю*). Радъ.

Макс. Какъ?

Эсаулъ. Какъ чертямъ.

Макс. Какъ, какъ?

Эсаулъ. Какъ милымъ гостямъ.
Максим. А какъ мы къ нимъ подойдемъ?
Эсаулъ. А лукомъ глаза натремъ, да такъ и пойдемъ.
(*Общій хоръ поетъ*). „Приворачивай, ребята, ко крутому бережку,
Ко крутому бережку, ко Настасьину дворочку!“

Запис. **А. Е. Грузинскій.**

ДУХОВНЫЕ СТИХИ.

I. Минской губ., Рѣчицкаго у.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, во время пребыванія на лѣтней вакаціи въ Рѣчицкомъ уѣздѣ, мнѣ удалось тамъ познакомиться съ нѣсколькими „старцами“ и записать отъ нихъ кое-какіе тексты народной поэзіи, преимущественно духовной. Мои записи имѣлись въ виду для напечатанія въ предполагавшемся томѣ „Трудовъ Этнографическаго Отдѣла“, но такъ какъ продолженіе изданія „Трудовъ,“ повидимому, не скоро осуществится, то я нашелъ умѣстнымъ предложить часть своихъ матеріаловъ для напечатанія въ „Этнографическомъ Обозрѣніи,“ тѣмъ болѣе, что они стоятъ въ связи съ очеркомъ моей поѣздки въ Рѣчицкій у., который помѣщенъ въ „Этногр. Обозрѣніи“ (кн. XI, 1891) и можетъ отчасти служить предисловіемъ къ настоящимъ записямъ. Тамъ между прочимъ читатель найдетъ краткія свѣдѣнія о старцахъ, поющихъ эти стихи, и о ихъ инструментѣ—лирѣ (стр. 148—156). Тексты, представляющіе болѣе близкіе варіанты къ извѣстнымъ въ печати, здѣсь не помѣщены.

1. Св. Егорій.

Кромѣ большого стиха о Егоріи, тождественнаго съ помѣщеннымъ въ V вып. Романова, записанъ слѣдующій краткій стихъ, основанный на другомъ житіи.

Страданія и мученія
Славнаго Ягорія.
Ёнъ имѣлъ отца нявѣрнаго,
А матку храстіанку.
Яго матка храстіанка
Вѣрѣ научила.
Якъ научився святъ Ягорій
Вѣрѣ храстіанской,
Приклонися ко Христу
Отъ вѣры нявѣрныя,
Спасителя и Христа
Стаў ёнъ прославляти.
Лютый быў тамъ царъ.
Ёнъ услышавъ о святомъ Ягорьи.
Слуги посылае,
А руцѣ связавши.
Не ўбоявся святъ Ягорій
Предъ царомъ стоявши,
Взявъ божницу, разбивъ.
Потемъ ставъ лютый царъ
Яго спрашать:
Почамужъ ты, святъ Ягорій,
Божницу разбіаще?
Потемъ повелѣвъ яго
У темницу вести,
На колясо потягнути,

Сломать яму кости.
Потемъ повелѣвъ яго
Свѣчами палити,
А потемъ повелѣвъ
Копіемъ бокъ ему пробити,
Потемъ яму повелѣвъ
Кончину приняти,
Гострымъ мечемъ Ягорію
Главу съ плечъ знятн.
Яго мощи воссіяютъ,
Якъ весна красна
На весь свѣтъ воссіяе.
(. . . . . *пропускъ*)
Ангалы ў неби,
Патріархи, священники
И ўси чаловѣки.

(Ср. Безсоновъ, Калики I, стр. 474).

2. Алексѣй, человѣкъ Божій.

Стихъ объ Алексѣѣ нами записанъ большой (около 300 стиховъ). Оказалось, что онъ почти дословно воспроизводится тремя варіантами V вып. Бѣлорусскаго Сборника Романова; поэтому приводимъ лишь то, чего не нашлось у Романова. Когда Алексѣй началъ учиться въ школѣ и оказывалъ большіе успѣхи, то—

Дознався Алексѣевъ учитель.
Градитъ къ Хоміону, размовляе:
„Великій и славный Хоміонъ князь!
Не могу я твойго сына обучати:
Побольше твой сынъ меня знае;
Ёнъ старое письмо прочитае,
А по Новому Завѣту самъ пише“

Собравшись „одружити“ сына, Евхоміонъ князь
Засылае сватовъ въ славно царство,
Въ славно царство, въ Пещерску землю.

Передавъ прощаніе Алексѣя съ супругой при уходѣ, стихъ продолжаетъ:

А сами было князья пьютъ-гуляютъ,
Объ Алексѣю они мало знаютъ.

Когда же открылось, что его нѣтъ, то Евхоміонъ

. . . прослезився,
Жалкими словами объяснився,
Горячими слезами оболився:
„Ой, сыне мой, сыне Алексіе,
Да ты же пошдвъ Богу помолитца,
При во младости лѣтъ потрудитца.

При встрѣчѣ Евхоміона съ сыномъ въ образѣ нищаго на церковной паперти, на вопросъ Евхоміона, почему онъ знаетъ сына, иносказательный отвѣтъ Алексѣя полнѣе; онъ начинается такъ:

Потому я его сына твойго знаю,
Потому я его именемъ называю,
Што въ одномъ числѣ мы съ нимъ народились,
Въ одной церкви мы съ нимъ окрестились...
(дальше, какъ у Романова).

Путешествіе Алексѣя въ Пещерску землю нѣсколько богаче красками.

Приходивъ Алексѣй къ синю морю.
Становилась на морѣ тихая погода,
Тихіе вѣтры полавали (повѣвали?),
Широкіе корабли приплывали;
Становился Алексѣй на кораблѣ.
Споносило Алексѣя въ славно царство,
Въ славно царство, въ Пещерску землю.

3. Василій Великій.

(Ср. Безсоновъ I, стр. 774—778).

Возвелъ еси, благодатный,
Отъ сна очи [1]),
Ты же былъ еси пастырь добрый,
Василію святый,
Вѣровати Богу и Творцу [2]),
Троицѣ Единой (bis).

—

Когда демону зъ женою
Евладій записався,
Тогда святый Василію
Пречь демони отогнавъ.
Плаче, молитъ Кисерéя,
Слезно проситъ Василéя,
Штобы бѣсовъ отогнавъ (bis).

—

Святителю Василію,
Отче щедротливый!
Молитися, пастыръ добрый,
Буди намъ милостúвый.
Записався мой мужъ врагу,
Анциперу пекелному
Кровію своей (bis).

—

Глаголюще святъ Василій:
„О человѣче, муже
Евладію! бойся, Бога!
Согрѣшивъ еси много:
Бога Отца отступивъ,
Й Духа Святаго похуливъ,
Й Сына Божага (bis).

—

Замкнувъ святый Василію
Евладія въ домъ свой,
А самъ пошовъ молитися
Кы самому Богу:
„Да помилуй мя, Боже-Вотче,
Всего свѣта ты жъ нашъ Творче,
Пощади души“ (bis).

—

Речетъ демонъ Василéю:
„Не твори намъ капáсти [3]),
Бо ёнъ же намъ самъ записався
Сладкою сладóстью.
А теперь отъ насъ отбираешь,
А въ руцѣ намъ агонь даешь [4]),
Мужа вашего,
Слугу нашего“.

—

Стали, слово воспѣвали,
Пречь демоны утекали,
Записи отверзали,
Въ окно въ церкви кидали,
На Кисерею нарящали,
Евладія проклинали,
Слугу своего (bis).

—

—„Кайся грѣхомъ, человѣче [5]),
А покуты держися,
А небесному Створителю
Со слезами молися.
Штобъ тебе ўраги не зловили,
Въ огонь вѣчный не вкинули,
Тамъ будешь горѣть“ (bis).

—

„Измилуйся, Отче, надо мною [6]),
Согрѣшивъ еси, Отче, предъ тобою,
Недостоинъ быть слугою,

---

1) У Безсонова: Изліяся благодати
Въ уста твои, отче.
2) Передъ этимъ у Безсонова: Словесныя научивъ
Въ міру овцы.
3) У Безсонова: Не чини намъ пакости,
Енъ же намъ записався
Для своей слабости.
4) У Безсонова: Въ руцѣ намъ яго не даешь.
5) Очевидно, слова св. Василія Евладію.
6) Очевидно, отвѣтъ Евладія.

Отрецы мене хоть рукою
Отъ пекелнаго аду,
Нехай не буду погибати,
Въ огнѣ вѣчно горѣти,
Створителю мой,
На вѣки вѣковъ".

Представленный текстъ полнотою и правильностью превосходитъ Безсоновскіе, хотя отдѣльныя выраженія мы выправляемъ по послѣднимъ.

4. *Св. Варвара.*

Якой благодати
Ты юница, мати,
Варвара прекрасная (bis).
—
Мучилася за Христа,
Создателя и Бога,
Муки ея ужасныя (bis).
—
Бога-Тройцу спознала,
Да въ три якнѣ (окнѣ) создала.
Отецъ ея не взлюбивъ (bis).
—
Хотѣвъ запрастити,
Муками ўстрашити
Отъ Отца небеснаго (bis).
—
Страшивъ ея душу
Въ темницу ввергушу
На мученіе ее (bїs).
—
Сойде тебѣ гласъ зъ небесъ:
„Дерзай, Варваро, воднесъ,
Всихъ враговъ побѣдивши" (bis).
—
Бѣжитъ Варвара путемъ,
Ея отецъ Діоскоръ,
Онъ же есть проклятый,
Буде въ пекло взятый,
Гдѣ грѣшніи люди (bis).
—
Ея отецъ Діоскоръ
Бѣжитъ путемъ межи горъ,
Тамъ ее застижехомъ (bis).
—
И на горѣ настижавъ,
И на землѣ отверзавъ (повергавъ?),
За власы тарзаючи,
Подъ нозѣ топтаючи.
—
За власы властилася,
За Христа мучилася
Варвара прекрасная (bis).
—
Благовѣрную слугу,
Отсѣчено ей главу.
За насъ Богу молися (bis).
—
Бѣло твое лицо,
Святая мученица,
Христова возлюбленная (bis).
—
Царствуй въ небѣ со лики,
Съ Сусомъ Христомъ на вѣки,
Варвара прекрасная,
Невѣста Христовая.

(Сравни *Безсоновъ* I, № 197 и 198. *Шейнъ*, Пѣсни, № 749).

5. *Св. Анопрій.*

(Ср. Безсон. I, № 208).

Преподобный, преблаженный
Анопрій святой, Богу блаженный,
Изъ дѣтины во пустыни
Многотрудне, боголюбнѣ

Подвизався
И плакався, } 2 раза, какъ и ниже.
Всегда молився[1])
Шестьдесятъ три лѣтій тамъ ёнъ живяще,
Человѣчій образъ онъ не видяще,
Съ добрыя вѣры дикіе звѣры,
Райскіе птасы воспѣвали гласы,
Воспѣвали,
И свлицали
Здячными гласьми.
Когда износилъ еси царскую одежду,
Тогда возложилъ еси на Бога надежду.
Была молитва услыха́на,
Съ добрыя вѣры она ему да́на.
По всемъ тѣлу
Власы были,
Солнцемъ скатили [2]) (sic).
Царскія палацы оставилъ еси,
Густую пустыню возлюбилъ еси,
Царскіе троны и короны
Первая гла́ва ему слава.
О мой Боже,
И васъ тожа
Авмирилъ еси.
Егоже храмина тойчасъ падеся.
И маковницы, и праведницы
Жаждущіе прихождахомъ,
Источники высыхахомъ.
И страждующи,
И празднующи,
Не напояхомъ [3]).
Тогда Ангелъ съ небесъ къ нему сошовъ,
Которую преўкрасну пустыню знайшовъ,
Псальмы выводитъ, сладцы пѣяхомъ.
Стихи ему разны тамъ припѣвахомъ,
Отъ злыхъ ўраговъ,
Явныхъ духовъ
Причь оттоняхомъ.
Когда прыйшовъ тойчасъ животъ ему кончи́ти,
Разные звѣрове стали ему служити,
Львы и медвѣди тойчасъ были,
Гробъ копали, землю вырывали,
И плачучи,
Рыдаючи
Горко со слезьми́.
Ангалы съ успенню ему служахомъ,
Тойчасъ душу съ тѣломъ до неба взяхомъ,
Приде къ тебѣ слуга́ благовѣрный
Съ добрыми дѣлами уготовенно
За животъ, за страду
Принявши заплату,
Райску палату.
Просимъ тебе, Анопрій, свѣтлѣйшій отче,
Дай намъ упросити Великій Творче,
Штобъ предъ судомъ Божимъ чистымъ стати,
Создателя въ небѣ оглядати,
Со ангалами,
Со архангалами
Въ небѣ царствова́ти.

У Безсонова стихъ значительно короче.

6. *Изъ стиха объ Іосифѣ.*

Приводимое мѣсто очень близко къ напечатанному у Безсонова и въ V вып. Романова (Бѣлорус. Сборникъ), но въ нашемъ текстѣ мотивъ о голубицѣ отличается любопытными подробностями.

---

[1]) Послѣдняя строчка каждой строфы при повтореніи поется на нѣсколько иной мотивъ. Если передать разницу ритмически, то выйдетъ: 1-й разъ всéгы́да́ мóбли́вся́, 2-й разъ всéгда́ мóли́вся́.

[2]) У Безсонова: солнцемъ *скоптѣлу.*

[3]) Загадочная строфа. У Безсонова нѣтъ ничего соотвѣтствующаго.

Я въ рову́ сижу, бесѣдую,
Я бесѣдую, совѣтъ маю.
Но й кому повѣрю печаль мою?
Но й кого сошлешь на помочь мнѣ?
Или самъ сойдешь, Владыко мой?
Ну и хто же мнѣ дастъ источникъ слезъ?
И плакавъ бы я всегда день и ночь,
И рыдавъ бы я о грѣхахъ своихъ.
И хто же мнѣ сошлетъ голубицу
Многослезную, солетающую,
Солетающую и совѣщающую?
Написавъ бы я на крылушкахъ,
И послалъ бы я ко Израилю
И къ отцу къ своему къ Іакову
и т. д.

(См. Романовъ V, стр. 377).

7. О Самарянкѣ.

Созда Яковъ той студенецъ,
За то получивъ отъ Бога вѣнецъ,
Вѣнецъ дорогой (bis).

—

Ой ёнъ дивный, ёнъ прадивный,
Самъ Господь сидитъ на небѣ,
Творитъ чудеса (bis).

—

А жена самарянина
Воды брать туда пришла
На источникъ той (bis).

—

Исусъ къ ей приступивъ
У жены воды пить спросивъ,
Жаждай во пути (bis).

—

Ёна жъ Его не познала,
Жидовиномъ называла
По роду его (bis).

—

Не ўпознала благодати:
„Якъ я маю тебѣ воды дати?"
Ёнъ ее ўдививъ (bis).

—

Отъ шестого часу до девятаго
Ёнъ бесѣдувавъ зъ ей одной,
Ёнъ ее ўсладивъ (bis).

—

Исусъ зъ ею говоривъ:
„Поди, мужа приведи,
Я его узрю" (bis).

—

—Я сказать тебѣ не смѣю,
Што себѣ мужа не ймѣю,
Такъ живу одна (bis).

—

„Ой, ты правду объявляешь,
Што себѣ мужа не маешь,
Пять мужей имѣешь". (bis).

—

Водоносы съ плечъ пущала,
Да гражданемъ объявляла:
„Истину пророкъ!" (bis).

—

А граждане самаряне
Выходили съ того граду
На источникъ той (bis).

Этотъ стихъ въ печати мнѣ неизвѣстенъ.

8. О Страшномъ Судѣ.

А)

Приде часъ дивенъ Господи,
На облацѣ славнѣ (2 р.)
Да придетъ судити
Со славою явно (2 р.)
Зъ войскомъ ангалъ и архангалъ,
Безчисленно, прославленно,
Святымъ соборомъ.

—

Якъ вострубитъ архангалъ,
Дакъ мертвые востануть, (2 р.)
Уже предъ судомъ предъ страшнымъ,
Нагіе повстануть. (2 р.)

—

Цари али князи
Безъ слугъ, безъ одежды,
Уже безъ скарбы,
Безъ жадной надежды,
Станутъ наги, безъ поваги,
Безъ родины, безъ дружины
Сами собою.

—

Оны напредъ пойдуть
Отвѣтъ все дати,
Якъ же спробовати
Божей благодати.
Охъ, нашъ Вожа, намъ поможа,
Тамъ у монѣ, аль іонѣ
Не хитруй злачливъ. (?)

—

Милосердый Боже
Не зритъ на дары,
А ни на перясуды,
На прежнія свары.

—

Хто што строя, али зброя,
Все благое, али злое
Явно тамъ буде.

—

Да веи дѣла наша
Открыются явно:
Грѣшнымъ да стыдъ буде,
А добрымъ слава.
Што тутъ скрыто, тамъ открыто,
Все явится, обличится
Предъ твоимъ свѣтомъ.

—

Якой тамъ стыдъ буде,
Якая срамота,
О дѣ явно буде
Злымъ злая работа.
Ни сказати, ни списати
Невозможно, али ложно
Явно тамъ буде.

—

Бо тамъ не споможе
Отецъ али мати,
Кожно всихъ отъ гроба
Тамъ буде пытати
За смѣянне, за плясанне,
За кривоту, за плевоту,
За кривоприсяжствіе.

—

Толко Христосъ вскрикне
На злыхъ: „отойдите,
Проклятые люди,
До мукъ вѣчныхъ пойдите“!
Всякой страсти и ужасти
Будутъ злые отдатые,
Слово ўслышаще.

—

Плачливо востогнутъ.
Страшные діяволы
До пекла погонятъ.
Земля растворится,
Зъ грѣшными обвалится
Въ пекло на вѣки.

—

Бо тамъ грѣшные будутъ
Мучтися вѣчно,
Которые на семъ свѣтѣ
Грѣшили безпечно.
Заславницы, чаровницы,
А пьяницы и блудницы
Зъ тыми равны будутъ.

—

Коженъ по своему дѣлу.
Лютые возлятся,
Отъ Анцыпера злаго
Всякихъ мукъ примножатся:
Устрашеніе и упаленіе,
Забиваніе и отверзаніе
Отъ котораго пекелнаго.

—

А потемъ веселіе,
Лицемъ доброзрачнымъ
Взрече Господь на святыхъ
Да и голосомъ здячнымъ;
„Мои други, мои слуги
На вѣчное время.

—

Наслѣдуйте вы царство
И вѣчную сладость".
Якая тамъ буде
Той часъ святымъ радость!
Што око не видало,
А ухо не слышало—
Тамъ будемъ заживать.

—

Въ небѣ святымъ слава,
Съ ангалы святыми
Въ вѣки вѣковъ равно,
Уготовенно, услажденно,
Прежде міра сотворенно
Для святыхъ, Боже.

—

Да святый нашъ Боже,
Должно намъ вспамятати
Всегда судъ твой страшный,
Больше не согрѣшати.

Тутъ каранне, тутъ смирення,
Покаянне, побужданне
Штобъ тойчасъ було.

—

Кровъ твоя святая
Зъ рукъ, зъ нозѣ пролита,
Нехай наша тутъ буде
Вся злость и обмыта.
Уже надѣю я имѣю,
Уже очиститъ и освѣтитъ
Мене грѣшнаго.

—

Да святый же нашъ Христосъ,
Абы мы достойны были,
Да въ роскошахъ небесныхъ
Вѣчно веселились.
Станемъ тебе оглядати,
Створителя прославляти,
Тройцу на вѣки.

(Ср. *Безсоновъ* II, № 469, и *Шейнъ*, Пѣсни, № 738. У обоихъ гораздо короче).

Б)

Уже конецъ приходя,
Страшный Судъ наступитъ,
А хто добрый буде,
Царствіе заслужитъ.

—

Но грѣшный человѣче,
Престань ты грѣшити,
Престань ты грѣшити—
Покуты чинити.

—

Не престанешь грѣшити
И покуты чинити,
Будешь ты въ пеклѣ
Во вѣкъ голосити.

—

Да сходятся вѣтры,
Сходятся буйные,
Не будутъ стояти
Горы каменныя.

—

Да сходятся вѣтры,
Начнутъ бушевати,

Горы и долины
Станутъ равновати.

—

Ударятъ погоды,
Погоды сухія,
Высохнутъ рѣки,
Гдѣ были быстрыя.

—

Высохнутъ рѣки
И выгорятъ воды,
Буде страхъ великій,
Не было николи.

—

И злато, и сребро
Тамъ буде блещати,
Кожна душа страхомъ
Бу[illegible] унывати.

—

И сойдетъ Анцихристъ
На сей свѣтъ съ смолою,
И тогда не буде
Жаднаго напою (питья).

И буде возити,
Всимъ людямъ давати,
И хто смолы напьется,
Тотъ буде проклятый.
—
Ангалы наступятъ
И съ праваго краю
Будутъ говорити:
„Не пейте вы смолы,
Пойдете до раю".

Печатный варіантъ этого стиха мнѣ неизвѣстенъ.

9. *Прощаніе души съ тѣломъ.*

Да не спали жа мы, не дрямали жа мы, (2 раза каждый стихъ).
Потеряли мы царство небесное.
Мы не голубы, мы не бѣлые.
Мы есть ангалы-хоронители,
Мы души, тѣлу покровители.
Мы же летали ки Господу,
Отъ Господа ко души, къ тѣлу.
Дѣ душа съ тѣломъ разстраваетца,
Разстраваетца, уже прощаетца:
„Прощай, тѣло, тѣло грѣшное,
Я въ тебѣ пробыла, якъ у тмѣ прожила.
Тебя будутъ тѣло черви точити,
А мнѣ душѣ на вотвѣтъ итти.
На вотвѣтъ итти и къ Господу,
Гдѣ мірное собраніе,
Тамъ намъ буде раздѣленіе:
Праведнымъ душамъ царство небесное,
А грѣшникамъ мука вѣчная,
Мука вѣчная безконечная.

(Ср. для второй половины *Безсоновъ* II, № 675, б, и *Варенцовъ*: Стихъ о грѣшной душѣ, ст. 144. Первой половины мы не нашли).

10. *Псальма.*

Плачь, душа моя, всегда,
Протекае жизнь моя,
Ой, Боже мой, Боже [1]),
Протекае жизнь моя.
Гробъ я вижу въ глазахъ,
Провождаю жизнь въ слезахъ.
Ангалы съ небесъ поютъ,
Намъ вси блага подаютъ.
Ангалы душу хранятъ,
Объ грѣхахъ плакать велятъ.
Слышенъ буде всякій часъ
Херувимскій сладкій гласъ.
Жизнь наша скорбный путь,
Надъ больнымъ слугою будь,
Отъ Небеснаго Творца
Тамъ получишь три вѣнца.
Сладки рѣки потекутъ,
Отъ души грѣхи берутъ.

Поздиѣйшаго происхожденія, какъ и двѣ слѣдующія псальмы.

11. *Агница.*

Гдѣ же ты, агница, сокрылась,
Я которую люблю?
Отъ пастыра отлучилась,
Што душою воскорблю.
—
Вы лѣсы, лузья, рѣчки,
Рците къ Вышнему Творцу:
Не видали здѣсь овечки,
Што которой я ищу?
—

[1]) Припѣвъ послѣ каждаго двустишія съ повтореніемъ второго стиха.

Гдѣ жъ ты, агница, знайдися,
Пастырь ище тебе твой,
Ну къ тому жъ ты взвратися,
Што спелъ зъ неба за тобой.

—

Агница того не емлетъ,
Дальше отъ него течетъ,
Ну пастырь ея не дремлетъ,
Возвратися! къ ей кричитъ.

—

Отвратись къ тому началу,
Отъ котораго течешь,
На вѣчно не останешь
Безутѣчной на пути.

—

Сколь мой вопль тебя не тронетъ,
Раздающійся въ лѣсахъ,
Какъ онъ станетъ, пастырь тотъ же,
Пастыръ на крутыхъ горахъ.

—

Узри, какъ агницы иныя
Вси пасутся у меня,
Дни златые провождаютъ,
Не вздыхая, не стегня.

—

— Я жъ на гласъ твой поспѣшаю,
Ты жъ любезный пастырь мой,
Ну себя тебѣ вручаю,
Коль призри, пріятель мой.

—

Со овечками десными
Ты меня совокупи,
Со возбранными святыми
Слабый духъ мой укрѣпи.

—

— Твердѣй камня мое сердце,
Яко тлѣнъ восмѣшивъ (sic).
Люблю тебя сердечно,
Принужденъ я слезы лить.

—

Труждающихъ я спокою
И болящимъ жизнь даю,
Соединись вмѣстѣ со мною,
И спасешь ты жизнь свою.

—

Пѣта была на протяжный мотивъ съ аккомпаниментомъ лиры.

12. Псальма.

Пробудись отъ сна, невѣсто!
Се ў полуноци женихъ (bis)
Отъ небесъ градитъ извѣстно
Зъ мертвыми судить живыхъ (bis).

—

Бди, молися: не на суди
Неврадимаго раба (bis),
Хто его отъ сна спробудитъ?
Страшная ў него труба (bis).

—

Узритъ буде свѣтъ безмѣрный,
Райскій видитъ онъ чертогъ,
А лѣнивымъ звяжутъ руцы, нозѣ,
Взвергнутъ и въ геенскій ровъ;

—

Взвергнутъ, дѣ вѣчныя муки,
Скрежетаніе зубовъ.
Бережися, сколько можно,
Надъ душою дрезво будь.

—

Дѣвы глупы воздремали,
Зъ воску дѣлали [1]) ихъ елей:
Вотъ за то мы несчастны стали,
Що зостались внѣ дверей.

—

[Бережися, сколько ўгодно,
Надъ душою дрезво будь],
Убѣгай, душа отъ (в)аду,
Убѣгай, душа моя,
Щобъ не впасть въ бездну (в)аду.
Свѣтлаго лишись рая.

Запис. **А. Е. Грузинскій.**

---

1) Зъ воску дѣлали - вмѣсто „скудѣлъ". *Ред.*

II. Тульской губерніи.

Василій Великій.

Изъ духовныхъ стиховъ, распѣваемыхъ слѣпцами въ Тульскомъ, Веневскомъ, а также Каширскомъ уѣздахъ, обращаетъ на себя вниманіе стихъ „О пьяницѣ“.

Этотъ стихъ малоизвѣстенъ не только въ народѣ, но и среди слѣпыхъ: слѣпецъ, со словъ котораго онъ записанъ, говорилъ, что стихъ „О пьяницѣ“ въ упомянутой мѣстности извѣстенъ ему одному, а самъ онъ узналъ его отъ одного старика, также слѣпого нищаго, теперь уже умершаго.

Поется ли этотъ стихъ послѣ богослуженія на церковной паперти, или при праздничныхъ угощеніяхъ въ домѣ, или при общемъ разгулѣ и весельѣ на ярмаркахъ,—всегда около пѣвца образовывается густая толпа слушателей, и впечатлѣніе, которое производитъ этотъ стихъ своимъ содержаніемъ и торжественно-величественнымъ напѣвомъ, особенно на людей, любящихъ выпить, бываетъ сильное: нѣкоторые изъ нихъ даже плачутъ...

Предметомъ содержанія означеннаго стиха является переполненный разсужденіями о вредѣ пьянства разсказъ про Василія Великаго, Кесарійскаго чудотворца, какъ онъ, не пивши вина двадцать пять лѣтъ, запилъ на тридцать пять лѣтъ, и какъ ему слышался два раза голосъ отъ иконъ, первый разъ—запрещавшій пить, а второй—изрекшій ему, при его покаяніи въ своемъ грѣхѣ, прощеніе.

Чѣмъ вредно пьянство, это въ стихѣ довольно подробно разсматривается и съ религіозной, и съ житейской точекъ зрѣнія. Такъ, пьяница своимъ поведеніемъ не можетъ угодить Богу: во время вечерни онъ „играетъ, скачетъ, пляшетъ“, „заутреню просыпаетъ“, „въ обѣдню бесѣду бесѣдуетъ“; если же и соберется въ церковь, то „идетъ не обиходомъ,—онъ молитвы не сотворяетъ, на себя креста не воскладаетъ, во страху стоитъ, страху Божьяго не боится“ и т. д., и т. д. Для другихъ пьяница представляется очень опаснымъ человѣкомъ: онъ „злоубивецъ“, „злопомышленъ“, „сердится--либо древомъ убьетъ, либо ножомъ зарѣжетъ“; его и научить добру нельзя, такъ какъ его „не научишь, еще больше раздразнишь“. Пьяница доходитъ до того, что теряетъ чувство самосохраненія и сознаніе собственнаго человѣческаго достоинства: „онъ вóлны морскія видитъ, волнú не боится“, онъ „самъ себѣ скорую смерть получаетъ“, онъ „обжирается“, на него „плюютъ-харкаютъ“ и т. п.

Самый разсказъ о Василіи Великомъ напоминаетъ собою извѣстное апокрифическое сказаніе объ этомъ чудотворцѣ, помѣщенное въ проповѣди преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго „О тропаряхъ и пьянствѣ“. Сказаніе повѣствуетъ, что св. Богородица такъ сказала Василію Великому: „Аще хощеши мя заступницею имѣти во всѣхъ бѣдахъ твоихъ, послушай мя, отверзися питія всякаго и не молитвуй піянъ: не токмо бо не

услышанъ будеши, но и Бога безгнѣвнаго разгнѣвиши, осужденъ будеши въ муку" (Уч. Зап. 2 отд. И Акад. Н. II, в. 2). Различіе приведеннаго сказанія отъ упомянутаго стиха состоитъ лишь въ томъ, что по послѣднему: 1) голосъ, обѣщавшій Василію Великому покровительство Божіей Матери, слышался ему не отъ нея самой, а отъ святыхъ, честныхъ иконъ, 2) видѣніе было Василію не одинъ разъ, а два раза, и, наконецъ, 3) въ стихѣ приводится часть изъ покаянной молитвы Василія Великаго, чего нѣтъ въ проповѣди. Можетъ быть, въ стихѣ мы встрѣчаемъ не измѣненный, а лишь болѣе подробный пересказъ апокрифическаго сказанія о Василіи Великомъ, чѣмъ въ проповѣди Ѳеодосія Печерскаго.

Что послужило поводомъ къ появленію самаго этого сказанія о Василіи Великомъ, отличавшемся всегда строго-подвижническимъ образомъ жизни? Можетъ быть, его проповѣдь „На упивающихся", въ которой состояніе пьянаго человѣка рисуется удивительно подробно и вѣрно, заставила думать, что проповѣдникъ писалъ ее не иначе, какъ на основаніи своего горькаго опыта.

Въ концѣ стиха говорится о трехъ „упокояхъ" въ Давидовомъ домѣ: о первомъ, назначенномъ грѣшному человѣку мѣстѣ, кипащемъ червями „лютыми, неусыпляемыми"; о второмъ—для хмельного человѣка—„рѣкѣ огненной со пламенемъ" и о третьемъ—упокоѣ праведныхъ душъ—„раѣ растворенномъ, свѣтломъ, прекрасномъ". Такое заключительное изображеніе различныхъ загробныхъ обитателей представляетъ собою какъ-бы побужденіе человѣку жить трезво и богоугодно, чтобы чрезъ нетрезвое свое поведеніе не лишиться небесной прекрасной обители.

Вотъ самый стихъ „О пьяницѣ":

Славу поемъ Василію Великому,
Кесарійскому чудотворцу!
Молится Василій Господу Богу
Отъ желаннаго сердца,
Со теплыми сердецами,
Со горючими слезами.
Былъ ему гласъ отъ святыхъ отъ честныхъ отъ иконъ:
„Покинь, Василій, хмѣльное пить-испивать,
Станетъ тебя Мать Пресвятая Богородица охранять".
Двадцать пять лѣтъ у Василья во рту не бывало;
Одноважды испилъ,—самъ не свѣдалъ,
Тридцать пять лѣтъ злые коренья
Изъ головы вонъ не изыдутъ...
Горе, братцы, всякому человѣку
Хмѣльное пить-испивать.
Да не подобаетъ попамъ, преосвященнымъ архіереямъ
Хмѣльное пить-испивать [1]).
Пьяницу въ Божью церковь не пущай:
Пьяница идетъ въ Божью церковь не обиходомъ [2]),
Онъ молитвы не сотворяетъ,

---

[1]) Эти слова имѣютъ отношеніе къ разсказу о Василіи Великомъ, который, какъ извѣстно, былъ архіереемъ.

[2]) *Не обиходомъ*, т. е. не какъ должно, тожественное народное выраженіе *не порядкомъ*.

На себя креста не воскладаетъ,
Во страху [1]) стоитъ,
Страху Божьяго не боится,
Попа, преосвященнаго осуждаетъ.
Пьяница всѣмъ народомъ помущаетъ:
Глядя на пьяницу, человѣкъ удивится, разсмѣется,—
Наипаче пьянаго согрѣшаетъ,
Грѣхъ себѣ на душу принимаетъ.
Кто на бою, на дракѣ?
Все пьяница.
Кто посторонній свидѣтель становится?
Пьяница.
Кто ложно божится?
Все пьяница.
Кто по-матерну ругается?
Все пьяница.
Единъ человѣкъ одноважды въ день по-матерну избранится,—
Мать сыра земля потрясется,
Пресвятая Богородица съ престола сотранётся.
Кто въ вечерню играетъ, скачетъ, пляшетъ?
Все пьяница.
Кто заутреню просыпаетъ?
Все пьяница.
Кто неумытыми руцами рано ѣстъ-пожираетъ?
Все пьяница.
Кто въ воскресный день въ обѣдню бесѣду бесѣдуетъ?
Пьяница [2]).
Кто обожрался-облевался?
Все пьяница.
На кого плюютъ-харкаютъ?
Все на пьяницу.
Кого осуждаютъ?
Все пьяницу.
Горе, братцы, всякому человѣку,
И кто пьянаго осуждаетъ:
Грѣхъ себѣ на душу принимаетъ.
Да не подобаетъ со пьяницей
На встрѣчу встрѣваться,
Пьяницѣ рѣчь говорить,
На добро поучать:
Пьяницу не научишь,
Еще больше раздразнишь.
Показано всякому человѣку
Прочь отъ пьянаго отходить:
Пьяница—злоубивецъ,
Пьяница—злопомышленъ,
Пьяница сердится—
Либо древомъ убьетъ,
Либо ножомъ зарѣжетъ.
Показано всякому человѣку
Прочь отъ пьянаго отходить...
Пьяница волны морскія видитъ,
Онъ волны не боится. [3])
Пьяница самъ себѣ скорую смерть получаетъ.
Доходитъ Василій до Божьей до церкви,
Онъ руцѣ и нози о камень ошибаетъ,
Буйную голову до крови проломляетъ;
Онъ во паперти стоитъ, [4])

---

[1]) *Во страху*—въ церкви и особенно въ алтарѣ, мѣстѣ, страшномъ по своей святости.

[2]) Перечень грѣховъ въ послѣднихъ строкахъ стиха представляетъ собою лишь нѣкоторое видоизмѣненіе слѣдующаго мѣста въ стихѣ „О страшномъ судѣ“ („Калѣки“ Безсонова, 3, 159), гдѣ Богородица говоритъ праведникамъ:

Вы охочи были ходить въ Божьи церкви,
Вы охочи были Богу молитися,
Вы заутрени не просыпывали,
Обѣдни въ обѣдахъ не прообѣдывали,
Вы вечерни на улицахъ не проигрывали, и пр.

[3]) Срв. пословицу: „пьяному море по колѣна“.

[4]) Паперть была обычнымъ мѣстомъ кающихся въ древнее время на востокѣ.

Онъ молитвы творитъ,
Яко громъ гремитъ,
Изо устъ до небесъ выпущаетъ [1]):
„Прости меня, Мать Пресвятая Богородица, помилуй;
А если ты меня, Василья, не помилуешь,
А то я вонъ съ паперти, Василій, не изыду,
До смерти Василій убьюся!“
Былъ ему гласъ отъ святыхъ, отъ честныхъ отъ иконъ:
„Доходна Васильева молитва до Господа Бога,
Наипаче всѣхъ, до иконъ“...
Въ сотворчатомъ у Господа Бога Давидовомъ домѣ [2]):
Да три упокоя.
Первый упокой въ Давидовомъ домѣ:
Висятъ черви, черви лютые, неусыпляемы—
Ради грѣшнаго человѣка.
Второй упокой въ Давидовомъ домѣ:
Течетъ рѣчка огненная со и пламемъ—
Ради хмѣльнаго человѣка.
Третій упокой во Давидовомъ домѣ:
Рай растворенный [3]), свѣтлый, прекрасный.
Станетъ душа царствовать, вѣковать во царствіи во небесномъ...
Славу поемъ Василію Великому,
Кесарійскому чудотворцу!
Ему славу поемъ!

Нельзя не замѣтить, что личность Василія Великаго, изображаемая въ этомъ стихѣ, нѣсколько напоминаетъ собою образы древнерусскихъ богатырей: у Василія Великаго, какъ въ его продолжительномъ пьянствѣ, такъ и въ удивительно сильномъ и глубокомъ покаяніи проглядываетъ та же широкая, могучая натура, какъ и у богатырей въ ихъ славныхъ подвигахъ; примѣненіе къ его голосу сравненія съ громомъ и приложеніе къ его головѣ названія „буйной“ добавляютъ это сходство. Въ частности, Василій Великій, который послѣ 35 лѣтъ, проведенныхъ въ пьянствѣ, обращается къ покаянію, изъ былинныхъ героевъ особенно близко подходитъ къ Василію Буслаеву, который послѣ буйнаго проведенія своей молодости „со пьяницы, со безумницы, со веселыми, удалыми, добрыми молодцами“ [4]), отправляется замаливать грѣхи свои въ Іерусалимъ. Интересны и другія характерныя особенности этого стиха, благодаря которымъ онъ, полагаемъ, будетъ любопытенъ для изучающихъ народную словесность.

Д. И. Успенскій.

---

[1]) Громоподобный голосъ Василія Великаго напоминаетъ зычный голосъ былинныхъ героевъ, отъ котораго „дрожитъ мать-сыра земля“, „съ деревъ вершины падаютъ“, подъ сѣдоками „кони окорачиваются“. Срв. также нѣкоторые эпитеты, напр. *буйная* голова и пр.

[2]) Давидовъ домъ, по вѣрованію народа Тульской губерніи, находится въ Іерусалимѣ, окруженъ стѣнами съ двѣнадцатью вратами, по три на каждой сторонѣ. Каждый годъ въ Давидовъ домъ пускается по одному человѣку, но оттуда уже никто не выходитъ, а если кто и выйдетъ, то нѣмымъ. При кончинѣ міра изъ-подъ дому потечетъ огненная рѣка, которая разольется по всей вселенной.

[3]) Выраженіе: *рай растворенный,* т. е. просторный и открытый для своихъ обитателей всюду,—употребительно въ народѣ и его литературѣ, напр. въ стихѣ „О Страшномъ судѣ“ (Калики, 3, 159).

[4]) Пѣсни Рыбникова, 1, 348, Былина о Вас. Буслаевѣ.

III. Московскаго уѣз., с. Медвѣдково.

Василій Великій.

Вотъ молился Василій ко Господу Богу,
Молился Василій ко Господу отъ желанія со горючими слезами.
Былъ ему гласъ отъ святыхъ отъ иконъ:
„Покинь, Василій, хмѣльнаго питія испивати,
Станетъ тебя Мать Пресвятая Богородица сохраняти".
Двадцать пять лѣтъ у Василія хмѣльнаго ни одноважды не было.
Однова Василій испилъ, а самъ и не вѣдалъ[1])
Тридцать пять лѣтъ злые коренья съ головы не сойдутъ.
Пьянаго въ Божію церковь не пущаютъ—
Пьяный идетъ во Божію церковь необиходно:
Онъ молитву себѣ не сотворяетъ и крестъ на себя не воскладаетъ,
Во страху стоитъ—страху Божьяго не боится,
Отца духовнаго осуждаетъ—весь народъ во Божьей церкви помущаетъ.
Глядя на пьянаго человѣка—удивятся, разсмѣются,
И наипаче пьянаго согрѣшаютъ, грѣхъ себѣ на душу принимаютъ.
Кто по матерному сквернится, бранится? Все пьяница!
Онъ не мать свою скверпитъ, ругаетъ—
Мать Пресвятую Богородицу поношаетъ.
Какъ единый человѣкъ на день матернымъ словомъ одноважды избранется,
Вся сотворшая небо и земля потрясется,
Мать Пресвятая Богородица съ престола потронется.
Кто въ вечерню скачетъ, пляшетъ? Пьяница.
И заутреню просыпаетъ пьяница.
Въ воскресну обѣдню бесѣду бесѣдуетъ? Пьяница.
Не подобаетъ со пьяницей навстрѣчу встрѣвать.
На добро его учить—пьянаго не научишь, а больше его раздрыгаешь.
Кто на бою, на дракѣ? Пьяница.
Кто въ воровствѣ, въ разбойствѣ? Пьяница.
Пристороннимъ свидѣделемъ становится пьяница
И ложно божится пьяница.
Пьяница самъ себѣ живой продавица.
Доходитъ Василій до Божьей до церкви,
Руцѣ и позѣ объ каменья расшибаетъ,
Буйную голову до крови проломаетъ,
На паперти стоитъ, молитву творитъ, яко громъ гремитъ,
Изъ-за устъ выпущаетъ до небесъ:
„Прости меня, Мать Пресвятая Богородица, раба, помилуй!
Когда ты не простишь, я съ паперти живой не сойду,
До смерти Василій объ каменія убьюсь".

[1]) Это, по объясненію слѣпцовъ, случилось когда его мать, будучи беременна имъ, напилась.

Былъ ему гласъ отъ святой отъ честной иконы:
Доходна, Василій, твоя молитва до Господа Бога;
Сотворено Господомъ Богомъ въ Давидовомъ домѣ превеликіе три упокоя:
Первый упокой—висятъ черви людоѣды, ради душъ многихъ грѣшныхъ,
Второй упокой—течетъ рѣка огненная съ пламенъ, ради хмѣльнаго человѣка,
Третій упокой—рай, растворенное небесное царство.
Которая душа умолила, до Господа Бога доступила,
Станетъ царствовать, вѣкъ вѣковать
Со ангелами хранителями во царствіи небесномъ.
Славу поемъ Василію, Кесарынскому чудотворцу,
Ему же слава и во вѣки вѣковъ, аминь.

Запис. **С. И. Лапшинъ.**

IV. Вологодской губ. [1]).

1. Про Алексія человѣка Божія.

Во дальнемъ то было въ отдаленіи,
Во славномъ во градѣ во Рымѣ,
Во Рымскомъ то было во царствѣ,
При царѣ было при Анорьѣ,
Жилъ великій князь Ефимьяне.
Что у князя у Ефимьяна
Со своей обрученной княгиней,
По имени ея Аглаидой,
Не было не единаго чада.
Возмолились они Господу Богу
Со своими со ясными свѣчами:
„Создай намъ, Господи, единаго чада
При младости лѣтъ въ спотѣшенье,
При старости лѣтъ на прокормленье".
Услышалъ Господь ихъ моленье
И создалъ имъ единое чадо.
Нарекали имя чаду Алексія,
Алексія Божья человѣка.
Не по годамъ онъ росъ—по недѣлямъ,
И сталъ Алексѣюшко семи годковъ.
Стали Алексѣюшку грамотѣ учить;
Грамотка скоро далася,
Божье слово понялося.
Сталъ Алексѣюшко на возрастѣ.
Что великій князь Ефимьяне
Со своей обрученной княгиней,
По имени ея Аглаидой,
Вздумалъ Алексѣюшка женити,
И спросилъ князь Ефимьяне:
„Алексѣюшко, жениться не хошьли?"
Что предсталъ онъ предъ отцемъ, передъ матерью,
Никакова отвѣта не давался,
Онъ горючими слезами уливался,
Шелковымъ платкомъ утирался.
Запрегали кареты златыя,
Садили Алексѣюшка въ кареты,
Чтобъ невѣсту княгиню выбирати.
Нашли Алексѣюшку княгиню,
По имени ея да Марія.
Повезли Алексѣя ко церкви
Со своей обрученной княгиней,
На подножники ихъ становили,
Златые вѣнцы надѣвали,
Да златымъ перстенёмъ обручали.
Повезли Алексѣюшка ко дому,
За столы за дубовы садили,
Сахарныя яства приносили.
Великій князь Ефимьяне

[1]) Записаны отъ Василія Слѣпого изъ деревни Наумовской, Двиницкой волости, Волог. у.

Говорилъ съ обрученной княгиней,
По имени ея Агландой:
„Что же ты сидишь, дитё, не веселъ,
Буйну голову повѣсилъ?
Аль супруга тебѣ не по мысли,
Али яства сахарныя не по нраву?“
Никакого отвѣта Алексій не давался,
Онъ горючими слезами уливался,
Онъ шелковымъ платкомъ утирался.
„Такъ ты плачешь почто, чадо милое?“
Говорилъ Алексій отцу-матери:
„Все-то мнѣ, батюшка, по мысли,
Все-то мнѣ, матушка, по нраву!“
Повели Алексія во спальню.
Говорилъ Алексій своей да княгинѣ:
„Поколь шелковъ поясъ не расплетется,
Да перстень златой не распается,
Ты потолѣ меня не увидишь!“
И пошелъ Алексій во дорогу.
Подошелъ Алексій да ко морю,
Возмолился онъ Господу Богу:
„Ты создай, Господи, съ берега погоду
Ко такому ко городу ко Адесту,
Ко монастырю ко Ефесту!“
Что ходилъ во Ефестѣ онъ въ церковь,
Становился на правую руку,
Кажду субботу покаялся,
Каждо воскресенье причащался.
Стала къ нему Богородица ходити.
„Ты почто, Алексѣюшко, рабъ Божій,
Своихъ честныхъ да родителей спокинулъ
И свою обрученну княгиню?
Поди же ты, Алексѣюшко, ко дому!“
—„Пресвятая Богородица, Матерь Божья!
Дома то меня очень узнаютъ!“
—„Ты сходи-ка спачала въ лѣса во дремучи,
Возмолись тамъ Господу Богу!“
И взмолился Алексій человѣкъ Божій:
„Ты подай мнѣ, Господи, волосы длинны;
Шелкову браду мнѣ по поясъ!“
И пошелъ Алексѣюшко ко дому.
Подходилъ Алексѣюшко ко морю,
Возмолился онъ Господу Богу:
„Создай мнѣ, Господи, съ берега погоду
Ко точному ко городу ко Рыму,
Ко царю честному, ко Анорью,
Ко великому князю Ефимьяну!“
Приходилъ Алексѣюшко ко Рыму,
Восходилъ онъ во Рымѣ во церковь
И стоялъ Алексій на паперти..
Великій князь Ефимьяне
Говорилъ своему чаду единому:
„Чей и откуда рабъ Божій?“
—„Твоему Алексѣюшку братъ я,
Въ одной насъ купелѣ крещали,
Во одной училищѣ мы учились.
Ты сострой мнѣ убогому келью
При своихъ очахъ ясныхъ
И при своемъ дворѣ!“
Великій князь Ефимьяне
Сострoилъ убогому келью,
И сталъ Алексій прибывати.
Онъ глядѣлъ на супругу свою на княгиню
Да горючими слезами уливался,
Шелковымъ платкомъ утирался.
Питье-кушанье Алексію носили,
Питья-кушанья Алексію не хотѣлось.
Приносили ему да помоевъ;
За длинны власы его слуги дерзали.
Стала къ нему Мать Божья ходити:
—„Опиши, Алексій, свое хожденье:
Скоро съ небесъ сойдутъ по душу твою
Ангелы со златыми крылами
И унесутъ твою душу на небеса
Ко Христу-Богу на тѣлеса“.
Попросилъ Алексій человѣкъ Божій

Грамотки бѣлой у служекъ.
Описалъ Алексій свою плохую жизнь.
Въ кельѣ Алексѣюшко нашъ померъ,
По всему да по городу по Рыму
Что пошелъ такой легкій духъ
Со двора князя Ефимьяна.
Великій князь Ефимьяне
Со своей обрученной княгиней
Подходили къ Алексію во келью,
Изъ своихъ устовъ его кликали —
Никакого отвѣта не давался.
Погляди—у Алексія руки къ сердцу,
Держитъ въ рукахъ рукописье;
Никому письмо не давалось.
Какъ пришли отецъ съ матерью,
Разжались у Алексія руки бѣлыя.
Великій князь Ефимьяне
Бралъ изъ рукъ у его рукописье
И читалъ Ефимьянъ горько плача:
„Ахъ, ты мое сладкое чадо,
Что же ты мнѣ не сказался!“
Его же супруга княгиня
Отпирала сундуки да дубовые:
Поясъ шелковъ, глядь, расплелся,
Перстень златой распаялся.
Къ великому князю Ефимьяну
Приходили священницы съ пѣньемъ:
—„Великій князь Ефимьяне,
У тя есть здѣсь святое тѣло“.
Понесли Алексія во церковь,
Что во церковь на погребенье.
Не черезъ большое долгое время
И супругу княгиню умолилъ сюды,
Возмоляся онъ Господу Богу.
Стали Алексію въ ноги кланяться:
Прости насъ, Алексѣюшко, грѣшныхъ!

2. О Страшномъ Судѣ.

Полетите, полетите, Петры-Павлы,
Апостольскіе богомольцы,
Кириловскіе чудотворцы,
Къ самому ко Христу на небеса,
Вы несите ключи золотые,
Отпирайте раи вѣковые,
Выбирайте душенекъ грѣшныхъ.
Нѣтъ душенькѣ той да спасенья,
Коя душа согрѣшила:
Младенца въ утробѣ потребила.
Тутъ же течетъ рѣка огненная,
Течетъ со востоку на западъ.
Козьма-Дамьянъ со апостоломъ,
Архангелъ Михаилъ со ангеломъ,
Вышелъ Михаилъ на Сіонъ круту гору,
Вострубилъ онъ въ трубу золотую,
Возбудилъ онъ всѣхъ живыхъ и всѣхъ мертвыхъ:
—„Воставайте, живые и всѣ мертвые,
Праведныя души ко Господу лицомъ,
Грѣшныя души ко упаду лицомъ,
Станетъ судить васъ Христосъ Истинный:
„Ахъ, вы, грѣшныя душеньки,
Что же вы жили на бѣломъ-то свѣту,
Жили—все свою волю творили,
Ко Божіей ко церкви не ходили,
Меня, Христа, не величали,
Господнее служеніе не слыхали,
Воскресную заутреню просыпали.
Небесное служеніе просыпали,
Воскресную обѣдню проѣдали,
Меня, Христа, прогнѣвили;
У коровушки удойчикъ отнимали,
Изъ квашни спорынью доставали.—
Нѣтъ этой душенькѣ спасенья.
Босаго меня не обували,
Нагаго меня не одѣвали,
Отъ темныя ночи не предохраняли,—
Подьте вы въ пропасти земляныя
По васъ двери полы растворёны,
И смола—огонь припасёны.“

— „Увы, Ты Господи Нашъ Милосердый,
Прости насъ, Господи, грѣшныхъ!
Были на вольномъ мы свѣтѣ,
Сами себя утѣшали,
Душу свою наслаждали,
Ко Господу Богу не угождали,
Нищую братію не уважали“...
Перевозятъ, переносятъ души грѣшныя.
Принесли ко Господу души праведны.
— „Ахъ, вы милые люди,
Жили на вольномъ вы свѣтѣ,
Въ темну темницу подавали,
Меня, Христа, величали,
Воскресну заутреню не просыпали,
Воскресную обѣдню не проѣдали,
Господу Богу вы угождали:
Нагаго, босаго одѣвали,
Отъ темныя ночи сохраняли,
Темну темницу посѣщали.
Ахъ, вы мои любимые дѣти,
Жили вы на вольномъ-то свѣтѣ,
Жили—мою волю творили,
Самого Господа Бога любили,
Божье читанье предлагали,
Изъ квашни спорыньи не доставали,
Отъ коровушки удоя не отымали,
Большіе дни почитали,—
Ко Господу Богу приходите“.

Запис. **П. А. Дилакторскій.**

КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ.

A. Vierkandt: Die Entstehungsgründe neuer Sitten. (Braunschweig, 1897, въ Festschrift d. Herz. Techn. Hochschule Carolo-Wilhelmina).

Небольшая статья г. Фиркандта имѣетъ задачей отвѣтить на одинъ изъ самыхъ существенныхъ вопросовъ науки этнографіи, именно объ основной причинѣ возникновенія новыхъ обычаевъ. При современномъ состояніи науки этнографіи ожидать рѣшающаго отвѣта на этотъ вопросъ быть можетъ еще преждевременно; но увеличивающійся съ каждымъ годомъ матеріалъ неизбѣжно приводитъ къ обобщеніямъ и заставляетъ изслѣдователей сталкиваться и съ указаннымъ вопросомъ и, если не рѣшать его окончательно, то по крайней мѣрѣ подготовлять матеріалы для его рѣшенія. Съ этой точки зрѣнія статья г. Фиркандта заслуживаетъ полнаго вниманія. Авторъ вполнѣ раздѣляетъ установившуюся въ настоящее время общую точку зрѣнія, что для сужденія объ общественныхъ или религіозныхъ установленіяхъ т. н. дикарей необходимо прежде всего быть правильно освѣдомленнымъ съ психологіей некультурныхъ расъ, и что многія ошибки прежнихъ изслѣдователей при объясненіи возникновенія обычаевъ объясняются именно недостаточной освѣдомленностью ихъ въ этомъ отношеніи; вслѣдствіе этого и происходило невольное приписыванье дикарямъ взглядовъ и ощущеній, доступныхъ лишь на болѣе высокихъ ступеняхъ цивилизаціи. Изученіе внутренняго міра дикарей приводитъ, по мнѣнію автора, къ утвержденію что абстрактнымъ, возвышеннымъ представленіямъ и побужденіямъ почти нѣтъ мѣста въ умѣ дикаря; побудительными причинами его дѣйствій какъ въ обыденной жизни такъ и при установленіи новой нормы въ общественной или религіозной жизни показываются соображенія практическія и притомъ лишь такія, результаты которыхъ наступаютъ быстро и вполнѣ очевидны; въ этомъ отношеніи особенно выдающуюся роль слѣдуетъ отвести причинамъ экономическаго характера. Моральныя побужденія начинаютъ играть роль лишь на болѣе высокихъ ступеняхъ культуры, при чемъ „идеальныя“, какъ ихъ называетъ авторъ въ противоположность „практическимъ“, утилитарнымъ, соображенія выступаютъ часто только въ цѣляхъ поддержанія вымирающаго обычая, а не въ качествѣ творцовъ новаго. Несомнѣнно, что г. Фиркандтъ, отрицая роль „идеальныхъ“ побужденій, какъ фактора возникновенія новыхъ обычаевъ на

низшей стадіи цивилизаціи, впадаетъ въ крайность; но было-бы ошибочнымъ думать, что авторъ, выставляя на первое мѣсто утилитарныя соображенія и экономическія условія, всецѣло присоединяется къ теоріи экономическаго матеріализма, которая за послѣдніе годы проложила себѣ широкій путь и въ этнографическихъ трудахъ. Признавая вполнѣ основательно всю пользу, внесенную этой теоріей для изученія исторіи возникновенія различныхъ обычаевъ у дикарей, авторъ справедливо отмѣчаетъ, что она одна окажется безсильной освѣтить источники возникновенія многихъ изъ нихъ. Онъ отводитъ поэтому значительное мѣсто въ дѣлѣ образованія обычаевъ и религіознымъ представленіямъ, предостерегая однако отъ слишкомъ большого увлеченія принципомъ религіознымъ для объясненія причинъ возникновенія многихъ обычаевъ и институтовъ: онъ справедливо отмѣчаетъ односторонность ученыхъ, которые въ религіи ищутъ источникъ возникновенія чуть-ли не всѣхъ явленій жизни некультурныхъ группъ. Религія на низшихъ культурныхъ ступеняхъ вытекаетъ также изъ эгоистическихъ соображеній, но она приводитъ къ возникновенію учрежденій, имѣющихъ цѣлью благо другихъ лицъ. Въ отведеніи религіозному фактору виднаго мѣста на ряду съ экономическимъ авторъ видитъ отличіе своихъ взглядовъ отъ теоріи представителей матеріалистической философіи исторіи. Г. Фиркандтъ приводитъ въ доказательство справедливости своего основнаго положенія рядъ примѣровъ, свидѣтельствующихъ, насколько должны были уступить прежніе взгляды передъ новымъ объясненіемъ возникновенія обычаевъ изъ утилитарныхъ и религіозныхъ основъ (искусство добыванія огня, орнаментъ, культъ мертвыхъ, происхожденіе языка и религіи, возникновеніе одежды, антропофагія, обычай обрѣзанія, кувада и пр.). Выборъ примѣровъ впрочемъ не всегда удаченъ, и авторъ, какъ намъ кажется, нерѣдко принимаетъ одну изъ многочисленныхъ гипотезъ о причинахъ возникновенія того или иного института или изобрѣтенія за научно доказанное положеніе только оттого, что она стоитъ въ бо́льшемъ соотвѣтствіи съ его выводами (напр. происхожденіе обычая обрѣзанія изъ соображеній гигіеническихъ, религіи—изъ чувства страха, одежды—изъ стремленія защитить себя отъ внѣшнихъ условій, искусства орнаментаціи—исключительно изъ практически-религіозныхъ соображеній). Принятіе авторомъ на вѣру безъ достаточной критической оцѣнки нѣкоторыхъ еще спорныхъ гипо́тезъ, проистекающее вслѣдствіе чрезмѣрнаго увлеченія собственнымъ основнымъ положеніемъ, не подрываетъ, конечно, справедливости послѣдняго. Слѣдуетъ лишь имѣть въ виду, что отмѣчаемыя авторомъ двѣ главныя причины возникновенія новыхъ явленій въ жизни первобытныхъ народовъ не должны считаться единственными, и что изслѣдователямъ предстоитъ еще нелегкая задача отыскать и изучить вліяніе другихъ факторовъ, частью вовсе упущенныхъ изъ вида г. Фиркандтомъ, частью не въ достаточной мѣрѣ обратившихъ на себя его вниманіе.

Н. Х.

Великоруссъ въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, сказкахъ, легендахъ и т. п. *Матеріалы, собранные и приведенные въ порядокъ* **П. В. Шейномъ.** Томъ I, выпускъ первый. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Спб. 1898, 8°, XXVIII+376 стр. Ц. 3 р. [1]).

1) Нашъ маститый этнографъ, не смотря на свои годы и недуги, проявляетъ по истинѣ изумительную энергію. Давно ли онъ выпустилъ въ свѣтъ одинъ за другимъ три обширныхъ тома бѣлорусскихъ этнографическихъ матеріаловъ (четвертый уже приготовляется имъ къ печати), и вотъ передъ нами, лежитъ начало великорусскаго сборника. По предположеніямъ издателя, за настоящимъ выпускомъ, содержащимъ пѣсни дѣтскія, хороводныя, плясовыя, часть обрядовыхъ, должны послѣдовать: второй выпускъ I-го тома съ пѣснями свадебными и погребальными и второй томъ съ пѣснями историческими, рекрутскими, солдатскими, разбойничьими и т. д. Въ дальнѣйшихъ томахъ издатель предполагаетъ помѣстить сказки, анекдоты, описаніе обрядовъ и обычаевъ. Если мы примемъ во вниманіе, что настоящій выпускъ занимаетъ около 400 страницъ въ два столбца мелкой печати, то мы будемъ уже въ состояніи представить и величину, и значеніе новаго труда П. В. Шейна.

П. В. Шейнъ принадлежитъ къ числу этнографовъ-собирателей особаго рода. Помимо того, что онъ самъ лично наблюдалъ народную жизнь великоруссовъ и бѣлоруссовъ, онъ многіе годы съ неослабной энергіей и настойчивостью отыскивалъ лицъ, стоящихъ близко къ народу, и побуждалъ ихъ собирать этнографическій матеріалъ. Затѣмъ онъ обратилъ вниманіе на матеріалъ, сообщенный разными лицами Академіи Наукъ, Географическому Обществу въ Петербургѣ, Обществу Любителей Естествознанія въ Москвѣ, и оставшійся неизданнымъ въ архивахъ этихъ учрежденій, и получилъ значительную долю его въ свое распоряженіе. Такимъ образомъ въ концѣ концовъ у него въ рукахъ оказалось обширное собраніе пѣсенъ, сказокъ и проч., которое ему пришлось привести въ порядокъ и до извѣстной степени обработать.

Главная трудность для издателя обширнаго сборника пѣсенъ—ихъ распредѣленіе. Конечно, можно избрать для изданія алфавитный порядокъ; но тогда варіанты одной и той же пѣсни очутятся въ разныхъ мѣстахъ тома. Остается или руководиться содержаніемъ пѣсенъ, что дѣлаемъ мы въ нашихъ „Великорусскихъ народныхъ пѣсняхъ“ и что совсѣмъ не такъ легко, какъ кажется, или основываться на народныхъ названіяхъ пѣсенъ и группировать ихъ по рубрикамъ: „хороводныя“, „протяжныя“ и т. д. П. В. Шейнъ распредѣляетъ пѣсни по названіямъ, не желая, какъ говоритъ онъ, „запутыванія и смѣшиванія родовъ и видовъ пѣсенъ“, и такимъ образомъ приписывая важное значеніе названіямъ. Къ сожалѣнію, онъ не сообщаетъ намъ, откуда взялись у него названія, иначе говоря: самъ ли онъ по своимъ соображеніямъ наименовалъ одну

[1]) Намъ присланы одновременно двѣ рецензіи означеннаго капитальнаго труда П. В. Шейна; такъ какъ онѣ восполняютъ одна другую, то мы даемъ имъ мѣсто обѣимъ рядомъ. *Ред.*

пѣсню „хороводною“, другую „бесѣдною“ и т. д., или же онъ находилъ каждый разъ эти названія въ тѣхъ записяхъ, которыя ему были доставлены.

По нашему мнѣнію, этнографу не приходится говорить о хороводѣ, о бесѣдѣ [1]) и о „игрищахъ“, какъ о чемъ-то въ пѣсенномъ отношеніи совершенно обособленномъ. Большинство пѣсенъ, поющихся въ хороводѣ, поется и на бесѣдахъ, и на другихъ собраніяхъ деревенской молодежи, которыя бываютъ лѣтомъ и зимою по разнымъ случаямъ и въ разныхъ мѣстахъ. Понятно, какое значеніе имѣетъ существующее въ печатныхъ сборникахъ распредѣленіе пѣсенъ на „хороводныя“ и „бесѣдныя“: первыя—тѣ, которыя записаны собирателемъ лѣтомъ, при хороводѣ; вторыя—тѣ, которыя записаны имъ зимою, на бесѣдѣ. Большаго значенія этому распредѣленію нельзя придавать.

Но этого мало: нѣкоторое число пѣсенъ, тѣхъ, которыя поются на хороводахъ и на бесѣдахъ, поется также на свадьбахъ; почему иногда, записанныя вмѣстѣ съ настоящими свадебными, т. е. съ постоянно поющимися на свадьбахъ, онѣ изданы собирателями подъ названіемъ „свадебныхъ“; еще бо́льшее число тѣхъ же пѣсенъ поется и въ одиночку, и хоромъ, внѣ обычныхъ собраній деревенской молодежи; онѣ нерѣдко изданы подъ названіемъ „проголосныхъ“, „голосовыхъ“, „протяжныхъ“, „устяжныхъ“, „обыденныхъ“ и т. д.

Какъ читатель видитъ, распредѣленіе пѣсенъ по названіямъ представляетъ большія трудности. Сколько-нибудь ясныхъ признаковъ, по которымъ одну пѣсню можно снабдить одною кличкою, другую другою, для большинства пѣсенъ не существуетъ.

Результаты этого невыгодно отражаются и на сборникѣ П. В. Шейна.

Оставляя въ сторонѣ „дѣтскія“ пѣсни, какъ не имѣющія значенія, [2]) остановимся на „хороводныхъ“. Почтенный издатель дѣлитъ ихъ 1) на „хороводныя наборныя“, которыми собирается хороводъ, 2) на „хороводныя игровыя“ и 3) на „хороводныя разборныя, или разводныя“, которыми оканчивается хороводъ.

По крайней мѣрѣ половина „хороводныхъ наборныхъ“ намъ извѣстна также подъ именемъ бесѣдныхъ. Приведемъ примѣръ и возьмемъ бесѣдную пѣсню изъ сборничка хорошо освѣдомленнаго собирателя г. Попова (М. 1880) [3]):

Шейнъ, № 288:

Мимо рощицы дорожка пролегала.
Знаю-вѣду, кто дорожку проложилъ—
Холостой парень ко дѣвушкамъ ходилъ,
Много злата, много серебра носилъ.

Мнѣ на ручку золотъ перстенекъ,
На шеюшку лавантиновый платокъ.
Размолодчикъ молоденькій,
Бери дѣвушку хорошенькую!

---

[1]) Для избѣжанія недоразумѣній, считаемъ нужнымъ замѣтить, что подъ хороводомъ мы разумѣемъ лѣтнее собраніе молодежи, подъ бесѣдой—зимнее. О хороводахъ зимою, въ избахъ, мы ни отъ кого не слыхали.

[2]) Съ этимъ страннымъ мнѣніемъ мы не можемъ согласиться. См. слѣдующую рецензію. *Ред.*

[3]) Другіе примѣры см. въ нашихъ „Великорусск. нар. пѣсняхъ“.

Поповъ, стр. 194.

Мимо рощицы дороженька торна,
Что торна, торна, пробита до дерна.
Еще кто эту дороженьку торилъ?
Молодой парень ко дѣвицѣ ходилъ.
Много злата, много серебра дарилъ,
На бѣлую грудь персидску шаль купилъ,
На праву руку брильянтово кольцо.
Они сходятся—кланяются,
А расходятся—цѣлуются.

Несомнѣнно, передъ нами два варіанта одной и той же пѣсни, которые другъ отъ друга отличаются лишь послѣднимъ двустишіемъ.

Сверхъ того, намъ кажется, что часть пѣсенъ этого отдѣла отнесена къ нему издателемъ по какому-то недоразумѣнію. Именно, пѣсни съ окончаніями „Бери, дѣвица, молодца", „Выбирай, парень, дѣвицу" и т. п., не имѣютъ никакого отношенія къ „набору" хоровода, а относятся къ началу многочисленныхъ игръ хоровода или бесѣды. Нѣсколько пѣсенъ, оканчивающихся упоминаніемъ о поцѣлуѣ (№№ 340, 346), не имѣютъ ни малѣйшаго права на названіе „хороводныхъ наборныхъ" и принадлежатъ къ игровымъ хоровода или, чаще, бесѣды.

Часть пѣсенъ „хороводныхъ игровыхъ" намъ извѣстна еще подъ именемъ „бесѣдныхъ", „плясовыхъ" и др Ограничимся тремя примѣрами. Пѣсня №№ 415 и слѣд.—та самая, которая съ названіемъ „бесѣдной" находится въ сборничкѣ г. Попова, стр. 139; пѣсня №№ 460 и слѣд. издана въ нашемъ сборникѣ (II, № 457) съ отмѣткою: „плясовая"; пѣсня №№ 410 и сл. помѣщена тамъ же (II, №№ 365, 366) съ отмѣтками: „свадебная" и „обыденная".

О пѣсняхъ „хороводныхъ разборныхъ" нѣтъ надобности распространяться. Большинство ихъ оканчивается упоминаніемъ о поцѣлуѣ, и это не „разборныя" пѣсни, а игровыя хоровода или, чаще, бесѣды.

Слѣдующій отдѣлъ пѣсенъ у П. В. Шейна именуется „плясовыми". Мы не признаемъ за подобнымъ отдѣломъ достаточныхъ правъ на существованіе, такъ какъ всѣ эти пѣсни поются на хороводахъ, бесѣдахъ и вообще собраніяхъ молодежи, и сопровожденіе ихъ пляской находится въ зависимости отъ мѣстнаго обычая: въ однѣхъ мѣстностяхъ подъ нихъ пляшутъ, въ другихъ нѣтъ.

Далѣе у П. В. Шейна отдѣлъ пѣсенъ „бесѣдныхъ". Сюда отнесены всѣ тѣ пѣсни, которыя не вошли въ число „хороводныхъ" и „плясовыхъ, съ распредѣленіемъ *по содержанію* на „любовныя", „семейныя", „юмористическія". Здѣсь и „бесѣдныя" пѣсни другихъ сборниковъ, и „проголосныя", и такія, какъ пѣсня о Ванькѣ Ключникѣ, или пѣсня объ убійствѣ мужемъ жены по ложному обвиненію, во всякомъ случаѣ часть этого отдѣла такія пѣсни, которыя въ веселой „бесѣдѣ" поются развѣ случайно.

Отдѣлъ „обрядовыхъ" пѣсенъ, завершающій настоящій выпускъ труда П. В. Шейна, представляетъ смѣсь пѣсенъ дѣйствительно обрядовыхъ (колядныхъ, подблюдныхъ и т. д) съ пѣснями, попавшими въ число обрядовыхъ, вѣроятно, случайно. Здѣсь же рядъ игровыхъ пѣсенъ, которыя въ другихъ сборникахъ обыкновенно находятся между хоровод-

ными, и которымъ болѣе подходящее мѣсто было бы въ отдѣлѣ „хороводныхъ игровыхъ“.

Итакъ, распредѣленіе пѣсенъ по рубрикамъ, сдѣланное П. В. Шейномъ, въ виду указанныхъ условій оказывается не всегда удачнымъ, и, можетъ быть, вслѣдствіе этого одна пѣсня помѣщена даже въ двухъ разныхъ отдѣлахъ (№ 309и 492).

Огромное большинство изданныхъ въ настоящемъ выпускѣ пѣсенъ не внушаетъ никакихъ подозрѣній въ подлинности. Изъ меньшинства № 833: „Спится мнѣ младешенькѣ, дремлется, клонитъ мою головушку на подушечку“ взятъ изъ поэмы Некрасова; это во всякомъ случаѣ подправленная поэтомъ народная пѣсня. №№ 537, 538—извѣстная когда-то „цыганская“ (т. е. сочиненная для цыганъ) пѣсня: „Не будите меня молоду“, № 539 „Шла Машенька изъ лѣсочка“, также старая цыганская пѣсня; объ № 611 должно сказать то же (это—„Ахъ, какъ всѣ мужья до женъ добры, покупили женамъ черные бобры“); объ № 759, кажется, нельзя сомнѣваться, что это искусственная пѣсня XVIII в.; изъ ряда варіантовъ пѣсни о Ванькѣ Ключникѣ №№ 882, 884, 885—искусственная передѣлка народной пѣсни, очень распространенная въ народѣ.

Текстъ пѣсенъ изданъ не такъ исправно, какъ было бы желательно Изъ отмѣченнаго нами при бѣгломъ чтеніи укажемъ для примѣра на посчесливѣе, № 576, вм. поочесливѣе; умывалася горючими слезами, № 691, вм. горючи слезми; уладная коса, № 765, вм. укладная. Издатель старался мѣстами сохранять особенности мѣстныхъ говоровъ въ текстахъ, но мы не можемъ вполнѣ довѣрять напримѣръ, формамъ неопр. накл. молотите, будите въ № 617 (сильно акающій говоръ), и ў въ №№ 621, 634, 690, 733 и друг., поставленному П. В. Шейномъ тамъ, гдѣ должно быть простое *у*.

О высокомъ достоинствѣ и значеніи изданія П. В. Шейна мы не будемъ говорить: оно хорошо извѣстно интересующимся русскою народною поэзіею уже по тѣмъ его частямъ, которыя въ разные годы были напечатаны въ „Чтеніяхъ“ Московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ.

А. Соболевскій.

---

2) Весь великорусскій сборникъ уважаемаго П. В. Шейна, задуманный на два объемистыхъ тома, представитъ не только цѣнный вкладъ въ науку, но и лучшую книгу для всякаго, кто пожелалъ бы ознакомиться съ жизнью великорусскаго народа. Уже по первому выпуску 1-го тома можно себѣ представить достаточно ясно несомнѣнныя достоинства почтеннаго труда, на которомъ лежитъ печать многолѣтней и вполнѣ, можно сказать, просвѣщенной дѣятельности собирателя; не случайно собиралъ онъ матеріалы въ продолженіе чуть ли не 40 лѣтъ и не случайно выпускалъ ихъ въ свѣтъ,—собираніе было одною изъ главныхъ задачъ многотрудной жизни П. В. Шейна, а каждая возможность представить собранное на судъ публики—однимъ изъ лучшихъ утѣшеній. Такое напря-

-женное стремленіе всѣхъ помысловъ и чувствъ въ одну сторону, повторяю, благотворно отразилось на матеріалахъ: собиратель всегда имѣлъ въ виду, во-первыхъ, опредѣленную цѣль, во-вторыхъ, наибольшую полноту собранія и, въ-третьихъ, наилучшее ихъ объединеніе и общей идеей, и системой; наконецъ, самые способы, которые предоставлялись ему для достиженія цѣли, имъ взвѣшивались всегда добросовѣстно. Поэтому и мы, оцѣнивъ лежащій передъ нами трудъ П. В. Шейна, постараемся указать, что полезнаго далъ объемистый сборникъ во всѣхъ упомянутыхъ выше отношеніяхъ.

П. В. Шейнъ задался цѣлью дать матеріалъ для изученія быта и творчества великорусскаго (въ данномъ случаѣ) племени. Разные пути ведутъ къ этой цѣли: одни скорѣе, другіе тише, одни поверхностнѣй, другіе существеннѣй. *Въ принципѣ*, уже высказанномъ нами и раньше, мы стоимъ за тотъ путь, который къ цѣли ведетъ тише, но существеннѣй: это—путь составленія сборника по возможности полнаго для каждаго уголка, для каждаго района изучаемой мѣстности, въ своей частичной полнотѣ постепенно двигающагося и къ полнотѣ общей, т. е для всей мѣстности, въ которой живетъ изучаемая народность. Для науки такіе сборники существенно-необходимы, и безъ нихъ никогда не достигнетъ она вполнѣ точныхъ результатовъ. Но кто не знаетъ, какъ трудно достижимо точное изученіе въ Россіи, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время, когда скромныя матеріальныя издержки, дѣлаемыя сейчасъ для науки, такъ далеки отъ выполненія ея широкихъ задачъ!? Благоразуменъ тотъ, кто имѣетъ это въ виду, кто понимаетъ, что, пока придетъ пора осуществленію большого дѣла, дѣло это можетъ исчезнуть, не оставивъ и того, что возможно теперь въ размѣрахъ скромныхъ. Такъ и г. Шейнъ, признавая научную цѣнность „областныхъ", какъ онъ называетъ, сборниковъ, знаетъ въ то же время, что и нелегкое составленіе сборника общаго отвѣчаетъ потребностямъ времени, и вотъ почему: о великорусскомъ племени приходится всеже такъ или иначе судить, хотя бы въ общихъ чертахъ; судить a-priori невозможно, судить по одному-двумъ „областнымъ" сборникамъ— ошибка уже противъ основныхъ законовъ логическихъ; наоборотъ, судить по сборнику общему, дающему главныя характерныя черты предмета, можно безопасно, такъ какъ въ предѣлахъ вопросовъ общаго свойства въ сборникѣ будетъ вполнѣ соотвѣтствующій матеріалъ. А ужъ и это большой шагъ къ прогрессу знаній, потому что общія (т. е. основныя) идеи даютъ направленіе, безъ котораго не удается очень часто никакое преслѣдованіе деталей. Въ этомъ смыслѣ сборникъ П. В. Шейна обѣщаетъ быть богатымъ источникомъ для ученыхъ всякихъ спеціальностей, смежныхъ съ этнографіей, а также однимъ изъ лучшихъ изданій для образованной публики.

Безъ сомнѣнія, трудно работать на большомъ пространствѣ разселенія великоруссовъ, хотя бы и 40 лѣтъ, одному, не упуская изъ виду полноты собранія. Въ этомъ случаѣ всѣ тѣ способы, которые обязательны при собираніи „областномъ" (въ вышеуказанномъ смыслѣ), не могутъ быть обязательны при составленіи сборника общаго характера.

П. В. Шейнъ, работая лично, обращался еще и за содѣйствіемъ ко всевозможнаго рода сотрудникамъ. Ничего предосудительнаго нельзя усмотрѣть въ этомъ для сборника не „областного". Въ самомъ дѣлѣ, языкъ въ своихъ основныхъ характерныхъ чертахъ доступенъ пониманію и очень мало образованныхъ людей, а какая-либо рѣдкая филологическая тонкость, хотя бы и подмѣченная собирателемъ въ одномъ-двухъ случаяхъ, все равно не даетъ лингвисту права вводить ее въ круговоротъ изучаемыхъ явленій языка, такъ какъ при детальномъ изученіи эти тонкости могутъ оказаться простой случайностью. Такимъ образомъ, вполнѣ будетъ достаточно, если сборникъ не „областной" сохранитъ языкъ въ томъ видѣ, въ какомъ это ему доступно. Кстати замѣтимъ, что мы никакъ не понимаемъ той крайности, въ которую впадаетъ г. Будде въ своей рецензіи на этотъ же трудъ П. В. Шейна [1]): г. Е. Будде требуетъ отъ сборника или всего, или ничего. Всего (въ отношеніи языка) можно и слѣдуетъ требовать отъ сборника областного, ничего не требовать ни отъ какого сборника не слѣдуетъ. Но вернемся къ дѣлу. Итакъ, факты языка, въ извѣстномъ видѣ, доступны не-спеціалисту; не менѣе доступно ему и все остальное, что составляетъ предметъ сборника: и сюжетъ пѣсни, сказки, и формы обряда, и сущность вѣрованій, и бытовое значеніе всего этого и тому подобнаго въ народѣ. Вотъ почему мы не можемъ свысока окинуть презрительнымъ взоромъ достойныхъ уваженія сотрудниковъ П. В. Шейна и послать имъ тысячу упрековъ за ихъ мнимое свойство только искажать и не знать [2]). Наконецъ, самое знакомство этихъ сотрудниковъ съ П. В. Шейномъ (намъ удавалось это лично слышать отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ) способно было внушить одно только искреннее стремленіе къ правдивости и вѣрности.

Съ большою признательностью слѣдуетъ отнестись къ собирателю и за полноту настоящаго изданія, ради которой не ослабѣвала его энергія не только въ продолженіе многихъ лѣтъ собирательской дѣятельности, но и теперь, когда уже въ почтенномъ возрастѣ и при слабомъ здоровьѣ П. В. рѣшилъ и всѣ прежніе свои великорусскіе сборники (сдѣлавшіеся библіографической рѣдкостью) свести воедино, несмотря на то, что его же приготовленные къ печати солидные фоліанты, еще не видѣвшіе свѣта, ждутъ очереди. Все это придаетъ настоящему изданію характеръ труда капитальнаго, что очень не часто бываетъ въ русской ученой литературѣ.

Далѣе, слѣдуетъ отмѣтить и общую идею, которою руководился П. В. Шейнъ при составленіи своего труда, это—дать матеріалъ для изученія жизни и характера великорусскаго племени во всей его бытовой обстановкѣ. Въ связи съ этой идеей выработалась у составителя и система расположенія матеріала. Опять и здѣсь видимъ полнѣйшую послѣдовательность и раціональность. Въ самомъ дѣлѣ, задайся авторъ другой идеей, напр., идеей эволюціи художественныхъ формъ пѣсеннаго и

---

[1]) Учен. Зап. Имп. Каз. Унив. 1898 кн. 5—6. Критика, стр. 16.

[2]) Рец. г. Будде.

сказоваго творчества, или идеей выдѣлить самобытныя и несамобытныя черты въ обрядахъ, творчествѣ и внѣшнемъ бытѣ племени,—тогда эти идеи не помирились бы съ прежде-намѣченной цѣлью: для этого недостаточно было бы изучить одну великорусскую народность, пришлось бы имѣть дѣло и съ общей этнографіей,—задача, которая, какъ извѣстно, еще далека отъ разрѣшенія въ настоящее время. Наоборотъ, дать характеристику великоруссовъ и ихъ жизни въ объективной картинѣ сборника—задача и возможная, и очень благодарная. Съ ней, судя по разбираемому выпуску, собиратель справляется вполнѣ успѣшно.

Какъ уже сказано, идея характеристики легла въ основу и системы расположенія матеріала: собиратель раскрываетъ передъ нами картину за картиной изъ жизни великоруса отъ колыбели до могилы,—пріемъ, какъ извѣстно, и лучшихъ художниковъ-беллетристовъ, дающихъ намъ такіе психологическіе типы, вѣрность которыхъ подтверждается потомъ и научнымъ анализомъ. И здѣсь поэтому видимъ, что, если бы, при всѣхъ прочихъ свойствахъ сборника, собиратель взялъ иную систему, онъ ошибся бы, нарушилъ бы единство своего коллекціоннаго произведенія и соразмѣрность его логическихъ свойствъ. Въ настоящее же время сборникъ представляетъ для того весьма удобный матеріалъ. I-й томъ посвященъ пѣснямъ; II-ой сказкамъ, пословицамъ, загадкамъ и прочему матеріалу. 1-ый выпускъ I-го тома содержитъ отдѣлъ пѣсенъ, относящихся къ жизни въ семьѣ и къ интересамъ, съ нею связаннымъ, „въ предѣлахъ своего родного уголка"; во 2-ой выпускъ войдутъ пѣсни, въ которыхъ высказывается уже постепенно переходъ этой личной жизни изъ тѣсныхъ рамокъ своего родимаго гнѣзда на болѣе широкій путь жизни общественной, государственной и исторической.

Предоставляемъ тѣмъ, кто интересуется великорусской народностью, самимъ вникнуть въ достоинство представленнаго въ 1-омъ вып. пѣсеннаго матеріала (1283 №№), здѣсь же обратимъ особенное вниманіе на пѣсни дѣтскія, которымъ многіе изслѣдователи придавали такое большое значеніе [1]) и которыя у П. В. Шейна представлены въ количествѣ 285 номеровъ [2]). Далѣе идутъ пѣсни хороводныя (наборныя, игровыя, разборныя), плясовыя, бесѣдныя (любовныя, семейныя, юмористическія, сатирическія, скоморошныя и пародіи), обрядовыя, праздничныя: святочныя, игрища, игра игуменъ, подблюдныя, игрища въ Вятской губ., масляничныя, веснянки, пѣсни волочебниковъ, вознесенскія, троицкія и духовскія, „Кострома", толочныя и жнивныя).

Что касается возможныхъ погрѣшностей въ отнесеніи пѣсенъ подъ рубриками: хороводныя, плясовыя, бесѣдныя и т. п., то не придаемъ этимъ погрѣшностямъ сколько-нибудь важнаго значенія, такъ какъ еще никакая система не установила этихъ рубрикъ въ опредѣленныхъ при-

---

1) Срв., нпр., статью г. Ветухова въ „Этногр. Обозрѣніи", кн. XII, XIII, XV

2) О нихъ въ своей рецензіи и г. Будде говоритъ, что это—„единственное пока болѣе или менѣе полное собраніе". См. Уч. Зап. Имп. Каз. Унив. 1898, кн. 5—6, критика, стр. 14.

знакахъ, а потому для сборника, не преслѣдующаго въ своей идеѣ эволюціи пѣсенныхъ формъ, достаточно и того, что онъ старается по возможности группировать матеріалъ и въ этомъ отношеніи систематично. Скажемъ больше: мы убѣждены, что сейчасъ ни одинъ спеціалистъ не опредѣлитъ съ научной доказательностью, послѣ какихъ, напр., фазъ эволюціи и чѣмъ должна явиться теперь хороводная пѣсня; слишкомъ ужъ много фактовъ унесло отъ насъ время, и слишкомъ большія пропасти положило оно между оригиналомъ первобытныхъ временъ и искаженной копіей нашихъ дней. А между тѣмъ нѣкоторые люди ужъ говорятъ, что П. В. Шейнъ не перешелъ этихъ пропастей, ну и, конечно, спѣшатъ заявить свое „не одобряю!“ Придетъ время, когда взвѣсятъ скудность теперешнихъ научныхъ и матеріальныхъ средствъ по достоинству и не пошлютъ своего упрека труженикамъ за то, что они трудились.

Вл. Б.

Простонародныя загадки. *Собралъ въ Витебской губерніи.* **Н. Я. Никифоровскій.** Витебскъ. 1898.—33 стр.

Новый трудъ энергичнаго дѣятеля на почвѣ бѣлорусской этнографіи тѣсно примыкаетъ къ его предшествующимъ трудамъ, которые доставили ему почетную извѣстность въ ряду изслѣдователей-собирателей памятниковъ народнаго творчества и быта. На страницахъ „Этн. Обозр“. уже не разъ были отмѣчены основныя качества его трудовъ и указаны собирательскіе пріемы, и потому мы не будемъ касаться ихъ въ настоящей замѣткѣ, а прямо перейдемъ къ матеріалу, предлагаемому сборникомъ.

Въ предисловіи Н. Я. Никифоровскій высказываетъ справедливое мнѣніе о томъ, что этнографы-собиратели не вполнѣ основательно печатали пословицы и загадки вмѣстѣ и смѣшивали, такимъ образомъ, далеко не совсѣмъ однородный матеріалъ. „Нельзя отрицать, говоритъ онъ, что въ почтенныхъ сборникахъ загадки занимаютъ положеніе, сходное со строительной конопаткою, т. е. ими замѣщаются щели сборниковъ; между тѣмъ загадки стоятъ лучшей участи и, будучи суммированы даже изъ перечисленныхъ сборниковъ, даютъ замѣтное число, чуть-ли не тысячу загадокъ,—что за вычетомъ повторяющихся въ томъ и другомъ сборникѣ, могло бы составить отдѣльный сборникъ бѣлорусскихъ загадокъ.“ Собраніе загадокъ собирателя является и въ данномъ случаѣ первой и безусловно удачной попыткой.

Далѣе собиратель излагаетъ свой взглядъ на загадку, ея значеніе, строеніе и т. д. Это сразу вводитъ въ матеріалъ сборника и заинтересовываетъ популярнаго читателя, на котораго, очевидно, и разсчитаны объясненія собирателя Въ наукѣ этотъ вопросъ почти не разработанъ, если не считать двухъ-трехъ работъ, представлявшихъ собой попытку уяснить миѳологическую сторону загадки, въ связи съ пословицами и др. произведеніями народнаго творчества. Среди загадокъ собиратель отмѣчаетъ нѣсколько библейскихъ—объ Адамѣ, Енохѣ, Иліи, Св. Дѣвѣ, о Лазарѣ. „Въ то же время не лишне имѣть въ виду, что съ расшире-

ніемъ народнаго кругозора, при такомъ или иномъ доступѣ къ предметамъ внѣ его обиходности, послѣдніе послужили кое-какъ темою загадокъ (самоваръ, чугунка, телеграфъ, и др.); но отъ такихъ загадокъ не вѣетъ обаяніемъ простоты, нѣтъ въ нихъ истиннаго „складу—ладу“, а скорѣе какая-то профанація предмета, неудающаяся попытка пропѣть новую пѣсню на старинный ладъ“.

Первый отдѣлъ сборника составляютъ загадки на „предметы духовные и религіозно-чтимые“; многія изъ нихъ характерны для міросозерцанія витеблянъ, напр.: у мясныхъ горнушки зилѣзо кипиць (душа), или: стоиць мора ны пяцёхъ стывбахъ (выраженіе души въ пяти чувствахъ). За первымъ отдѣломъ слѣдуютъ далѣе: II. Человѣкъ и части его тѣла; дѣйствія человѣка. III. Пища и питье; здѣсь интересна загадка на чай: возьмишь—черно, наллёшь—горко; панъ кричиць: „сладко!“ мужикъ кричиць: „гадко!“—IV. Одежда и обувь.—V. Строенія и части ихъ.—VI. Мебель и утварь.—VII. Упряжные предметы и земледѣльческія орудія.—VIII. Животныя.—IX. Растенія; минералы; стихіи.—X. Явленія природы; небесныя тѣла; времена года и дня. Всего 532 загадки, включая и тѣ, которыя обозначены сплошными точками,—ихъ мож. но было бы и вовсе не отмѣчать. Въ концѣ помѣщены объясненія нѣкоторыхъ словъ и выраженій.

Къ недостаткамъ сборника относится неточность нѣкоторыхъ выраженій въ оговоркахъ собирателя относительно принятой имъ транскрипціи, которую онъ называетъ „сводной фонетикой простонароднаго въ губерніи говора“ и его объясненія относительно повторяющихся въ сборникѣ загадокъ, которыя „являются прежде всего варіантами одна другой изъ удаленныхъ другъ отъ друга пунктовъ“, что, при отсутствіи топографическихъ указаній, особаго значенія не имѣетъ. Различныя отгадки къ загадкамъ, вполнѣ тождественнымъ по формѣ, едва ли вызываютъ необходимость перепечатки послѣднихъ и могли бы быть напечатаны рядомъ, въ другомъ же отдѣлѣ, куда относится вторая отгадка, достаточно было бы простой сноски.

По сравненію съ достоинствомъ сборника указанныя погрѣшности незначительны, и мы отъ души привѣтствуемъ появленіе въ печати новаго этнографическаго труда Н. Я. Никифоровскаго и желаемъ ему вполнѣ заслуженнаго успѣха.

Евг. Ляцкій.

L'Année sociologique, *publiée sous la direction d' Émile Durkheim;* **I, 1896—1897.** (Paris, 1898. 8-о, стр. VII+563).

Новое изданіе, появляющееся подъ приведеннымъ заглавіемъ и имѣющее выходить въ свѣтъ ежегодно, преслѣдуетъ двойную цѣль: разработку отдѣльныхъ соціологическихъ вопросовъ и главнымъ образомъ составленіе ежегодныхъ библіографическихъ обзоровъ работъ, имѣющихъ прямое или косвенное отношеніе къ соціологіи. Современное состояніе науки соціологіи дѣлаетъ появленіе подобнаго изданія не только желательнымъ, но и необходимымъ. Количество работъ, посвященныхъ

соціологія въ тѣсномъ значеніи этого слова, не велико сравнительно съ массой трудовъ, въ которыхъ разрабатываются вопросы, хотя и не входящіе непосредственно въ область изслѣдованія соціологовъ, но необходимые послѣднимъ для пріобрѣтенія матеріала для научныхъ выводовъ и построеній; слѣдить за этими работами, касающимися самыхъ разнообразныхъ сторонъ жизни, написанными на разныхъ языкахъ, представляется нелегкой задачей для спеціалиста-соціолога; L'année sociologique имѣетъ цѣлью облегчить эту задачу и путемъ ознакомленія съ текущей литературой, интересной для соціолога, стремится не только расширить кругозоръ спеціалиста, но и содѣйствовать новой наукѣ, выработать для себя предѣльныя границы, естественно шаткія вслѣдствіе новизны самой науки

Первый выпускъ новаго изданія раздѣленъ соотвѣтственно съ задачей изданія на два неравныхъ отдѣла: одинъ посвященъ двумъ интереснымъ статьямъ, принадлежащимъ Э. Дюркгейму (La prohibition de l'inceste et ses origines.) и г. Зиммелю (Comment les formes sociales se maintiennent); второй значительно болѣе обширный отдѣлъ содержитъ обстоятельную библіографію и критическія статьи о работахъ по соціологіи и сопредѣльнымъ съ нею наукамъ, вышедшимъ въ свѣтъ съ 1-го іюля 1896 года по 3-е іюня 1897 г.

Изъ двухъ статей, помѣщенныхъ въ 1-мъ отдѣлѣ, для этнографіи имѣетъ особое значеніе статья г. Дюркгейма, поднимающаго одинъ изъ крайне интересныхъ, но не рѣшенныхъ еще вопросовъ права и нравственности первобытныхъ группъ, именно, вопросъ о причинахъ запрещенія кровосмѣсительства. Авторъ основательно видитъ первое проявленіе этого рода запретовъ въ правилѣ экзогаміи и ставитъ вопросъ о происхожденіи послѣдней. Г. Дюркгейма не удовлетворяютъ существующія объясненія появленія экзогаміи; онъ не безъ основанія критикуетъ ихъ и старается найти источникъ ея возникновенія въ религіозныхъ представленіяхъ первобытныхъ расъ: въ общихъ анимистическихъ представленіяхъ и въ частности въ тотемизмѣ, приводящемъ къ установленіямъ запретительно-религіознаго характера (*табу*), авторъ находитъ ту общую почву, на которой могли возникнуть и запрещенія брачныхъ узъ между лицами, принадлежащими къ одному и тому-же тотемическому союзу. Женщина въ періодъ очищеній становилась *табу*, такъ какъ въ этомъ періодѣ всякое прикосновеніе къ ней должно было считаться опаснымъ: она выдѣляла часть себя, часть той жизненной силы, которая была разлита въ ней; а эта жизненная сила, по представленіямъ тотемизма, одна и та же у людей и у ихъ тотема. Какое-нибудь, хотя-бы невольное, оскорбленіе тотема грозитъ вредными послѣдствіями оскорбителю, и лица, принадлежащія къ данному тотемическому союзу, изъ страха передъ возможной обидой тотема, выдѣляемаго женщиной, должны были избѣгать послѣднихъ; естественное слѣдствіе примитивныхъ вѣрованій—это избѣганіе женщинъ—впослѣдствіи обратилось въ общее установленіе, запрещающее браки между лицами одного тотемическаго рода. Запрещеніе это не могло возникнуть въ отношеніи къ женщинамъ другихъ родовъ, такъ какъ тотемъ другого, чуждаго рода не возбуждаетъ

ни страха, ни уваженія среди чужеродцевъ. Таково въ основномъ мнѣніе г. Дюрхейма о происхожденіи экзогаміи; это положеніе авторъ доказываетъ большимъ количествомъ примѣровъ, подобранныхъ имъ, впрочемъ не всегда съ достаточнымъ критическимъ отношеніемъ, изъ быта разнообразныхъ некультурныхъ народовъ. Мы не думаемъ, чтобы авторъ рѣшилъ правильно поставленный имъ вопросъ объ источникѣ экзогаміи; рѣшеніе его, очевидно, предстоитъ будущимъ изслѣдователямъ, но путь, избранный авторомъ къ отысканію источника экзогаміи, кажется намъ правильнымъ. Экзогамія покоится у первобытныхъ народовъ на религіозной основѣ и въ первобытной религіи, повидимому, слѣдуетъ естественнѣе всего искать ключъ къ объясненію этого института.

Болѣе $^4/_5$ частей перваго выпуска новаго изданія заняты библіографіей. Зная значеніе выводовъ науки этнографіи для соціологическихъ построеній, нельзя удивляться, что въ библіографическомъ отдѣлѣ отведено чрезвычайно обширное мѣсто трудамъ, разработывающимъ вопросы этнографіи, и въ особенности работамъ по первобытнымъ вѣрованіямъ и первобытному праву. Относительно всѣхъ болѣе крупныхъ работъ читатель встрѣтитъ въ Année sociologique чрезвычайно обстоятельные отчеты, дающіе полную возможность познакомиться съ точкой зрѣнія и основными положеніями авторовъ; въ этомъ заключается главная цѣль которую преслѣдовала редакція новаго изданія, но одновременно въ этихъ отчетахъ, позволяющихъ не спеціалисту составить себѣ понятіе о движеніи науки по интересующимъ соціолога вопросамъ, читатель встрѣтитъ и критическую оцѣнку разбираемыхъ трудовъ. Цѣль редакціи прійти на помощь соціологамъ и облегчить имъ возможность слѣдить за литературой, но, несомнѣнно, что l'Année sociologique явится и необходимымъ подспорьемъ представителямъ другихъ отраслей знанія и въ частности этнографамъ, даже если послѣдніе были бы совершенно чужды вопросовъ соціологіи.

Н. Х.

ГАЗЕТЫ и ЖУРНАЛЫ.

Архангельскія Епарх. Вѣд. 1898. 4—6, 9. *Свящ. Михайловъ.* „Поѣздка на Югорскій шаръ. (Изъ дневника священника)" —Статья рисуетъ, хотя и поверхностно, религіозное состояніе самоѣдовъ-христіанъ; есть свѣдѣнія и по семейному ихъ быту.—**7.** *Его же.* О расколѣ на Печорѣ.

Вятскія Губ. Вѣд. 1898. 3—5, 7. *Верещагинъ.* „Святочныя гаданья у крестьянъ Вятской губ.—**8** *П. С-левъ.* „Изъ жизни черемисъ" (повѣрья). —**9—10.** „Вятскіе праздники" („Окаяшка", „Герберъ", „Почи-Герберъ" и „Выльджукъ").—**11—13.** *Дураковъ.* „Слободской уѣздъ въ кустарномъ отношеніи".—**22—23.** *Кабардинъ.* Изъ исторіи сближенія вотяковъ съ русскими (Извлеченіе изъ труда того же автора „Вотяки и Мултанское дѣло", печатавшагося въ газетѣ „Народъ" съ конца 1897 года).—**24—25.** *Его же* „Переходъ вотяковъ въ православіе. (Извлеченіе изъ того же труда).—**26—27.** *Свящ. Алек. З-въ.* „Вотяки".

Витебскія Губ. Вѣд. 1898.—5. Нелюдимы на о. Цейлонѣ. (Изслѣд. Гейгера).—**7.** Японскій обычай при сватовствѣ.—**9—10.** *А. П-ко.* Замойжанскій кирмашъ, бѣлорусскій эскизъ. (Приведенъ стихъ о Лазарѣ).—**11—12.** *И. Я. Н.* На почвѣ простоты вѣры; бытовая картинка.—**14.** Разн. изв. Калымъ.—(Изъ „Екатерин. Вѣд.").—**16.** Вліяніе русскихъ на латышей въ донѣмецкую эпоху. (Изслѣдованіе Кейслера въ трудахъ „Lettische Literarische Gesellschaft, изъ „Спб. Вѣд.")—**34.** Два слова о кулачныхъ бояхъ. **36.** Погребальные обряды цыганъ (замѣтка о нѣмецкихъ цыганахъ).—**42.** Праздникъ весны въ Китаѣ. — **44.** Пасхальныя яйца. (Изъ „Прав. Вѣст.") - Знахарство и колдовство въ Малорос. (Изъ „Полт. Губ. Вѣд.")—**56.** Врачи цадики (еврейскіе знахари).—**66.** Библіографія: Гелльвальдъ, Исторія культуры, т. I. 1898.—**71.** Могилевъ. Находка монетъ въ Черейской волости Сѣнненскаго у.- Священныя купальни въ Индіи.—**76.** *И. В.* Цыгане (небольшой очеркъ)—**76—78.** *А. П-ко.* Дѣды, этнограф. очеркъ изъ жизни Лепельскихъ бѣлоруссовъ. (Описаніе извѣстнаго праздника „Дзядовъ").—**80.** Парижск. катакомбы.—**83.** Библіографія: „Этн. Обозр". кн. XXXV.—**88.** *Н. Я. Н.* Библіограф.: Ляцкій, Матеріалы для изученія творч. и быта бѣлорусс., I.

Костромскія Губ. Вѣд. 1898. 20—31. *Бекаревичъ.* О раскопкахъ древнихъ кургановъ въ Костромской губ. (нѣкоторыя данныя по Мерянской культурѣ; прод. слѣд.).

Листокъ (духовный журналъ въ Унгварѣ). **1897.—10.** Къ вопросу о нашемъ письменномъ языкѣ.—**16.** Проданная жена.—**19.** Археологич. открытіе въ Палестинѣ (карта Палестины и Н. Египта, изъ „Revue Biblique")—**22.** *М. П-ій.* Король Матіашъ, хорватское преданіе. (Стихотвореніе).—**Прибавл. (Додатокъ)**—**12.** Духовныя сокровища народной мудрости. Отношеніе къ людямъ. (Русскія пословицы).—**24.** Русскія колядки (изъ Мармороша).

Московскія Вѣдомости. 1898.—**64.** Жемчугъ. (Изъ „Münchener Allgemeine Zeitung)". - **81.** Возстановленіе термъ Тита. Кулачные бои. Сибирскіе шаманы.—**97.** Знахарство и колдовство въ Малороссіи (изъ „Полт. Губ. Вѣд.")—**99.** Библіограф.: Словарь рускаго языка, II т., вып. 1. Новый некрополь (на мѣс. Карѳагена; изъ „Science pour tous")—**100.** Гнѣздо мумій (изъ Times).—**105.** Древ. счетъ портного (2,800 г. въ г. Ниппурѣ, въ Халдеѣ).—**106.** Свящ. купальни въ Индіи.—**114.** Отрав стрѣлы (у дик. нар.)—**129.** Раскопки на о. Милоѣ („Standart"). — **242.** Жертвоприношеніе въ Китаѣ.—**212.** Замѣтка о пѣсенной экспедиціи И. Р. Географическаго Общества. —**243.** Человѣческія жертвоприношенія у вотяковъ. („Народъ", № 509).—Раскопки чудскихъ костищъ. (—Пермскія Губ. Вѣд.") - Испанское суевѣріе (будто бы драгоц. камни приносятъ несчастія).—**248.** *В. И-въ.* Археологич. находка (могила XII-XIII вв.). — **250.** *Я-цъ* Откуда получила начало легенда о Тангейзерѣ. (По изслѣдованіямъ Г. Пари въ „Revue de Paris", дек. 1897 и март. 1898).

Прибалтійскій Листокъ. 1897. 267. *Ч. Вѣтринскій.* Въ сѣверо-восточной глуши. (Впечатлѣнія и замѣтки). За рябчикомъ. **1898.**—**28.** Кіевскій у. (суевѣріе воровъ относ. мертвой руки). - **35** *Р-къ.* Эсто-латышская масленица. — **42.** Пермская губ. Ужасное суевѣріе (средство укротить мужа — напоить водой съ трупа). — **51.** Дневникъ печати - о суевѣріяхъ крестьянъ Ревельскаго у. (изъ „Eesti Post.")—**95.** Тюменскій округъ. Нечистая сила. **114.** По Россіи. Кіевъ. Археологич. находка: серебряныя украшенія княжеской эпохи.—**121.** Дубно. Обрядъ сниманія башмака съ ноги деверя—„халица", у евреевъ (изъ „К. Сл.").—**135.** *Ч. Вѣтринскій* Въ с.-в. глуши. У ключика (впечатлѣнія и замѣтки; приведены 2 дух. стиха) - **136.** *П. С* Ивановъ день у латышей.—**138** — **139** День Ивана-Купалы въ народной жизни и повѣрьяхъ (Изъ „В. Дн.").—**140.** Петровъ день въ народныхъ сказаніяхъ, повѣрьяхъ, обычаяхъ и примѣтахъ. (Изъ „Пр. В.")—**158.** Илья-пророкъ—въ народѣ (оттуда же).—**169.** Первый Спасъ въ народныхъ повѣрьяхъ и обычаяхъ. (Изъ „Пр. В.").

Тульскія Губ. Вѣд. 1897.—**63.** Судебная хроника. Разрытіе и поруганіе могилы. (Одинъ солдатъ, чтобы разбогатѣть, досталъ руку мертвеца. Изъ „С. Д." перепеч. въ „Прибалт. Листкѣ", № 88, Лодзь.)—**236.** Немировъ. Историческая находка. (Польскія монеты 16 и 17 вв.).—**239.** Громовыя стрѣлки, изъ статьи Ю. Яворскаго въ „Кіевской Старинѣ" „(П. В.")—**243.**—**244.** Свадебные обычаи крещеныхъ татаръ Уфимской губ. (Заимств. изъ „Извѣстій общ Арх., Ист. и Этн." при Казанск. универс.)—**118.** Вліяніе цивилизаціи на типъ данной расы. (Изъ „L'Illustration").—**131,** Королевство Сіамъ. (Историко-этнографическій очеркъ). (Изъ „Народа")—**134.** Сіамъ и его король. — **145**—**148.** Свящ. *В. Ивановскій.* Къ исторіи древнихъ обитателей Тульской губ. и ихъ удѣльныхъ князей.—**153**—**156.** *А. И. Фирсовъ.* По Окѣ (путевыя замѣтки).—**165**—**167.** *Ф. М.* Изъ прошлаго г. Тулы (по книгѣ: „Матеріалы къ статистикѣ Россійской имперіи" 1841). **165** — **166.** *П. Л-овъ.* Поѣздка на курганы (археологич. раскопки Т. Т. и Н. М. В—чей).

167. Причины людоѣдства. („Journal des Debats")—**177.** Кто изобрѣлъ дождевой зонтикъ? — **193.** Всероссійскій миссіонерскій съѣздъ въ г. Казани. О хлыстовской сектѣ.—**201.** Историч. ходъ раз-витія ручного огнестрѣльнаго оружія (изъ лекціи *Крылова*). Психологія людоѣдства. **203.** *С. В* Памяти В. И. Даля. **222.** Сіамская кухня (изъ „Figaro").—**235.** Замѣчательные рецепты (рукопись до 1815 г., изъ „Дона"). **253.** Рождественскій гусь въ Англіи.— **259** Изъ печати (о кулачныхъ бояхъ). **261.** Невольничій рынокъ на Марокккскомъ берегу.

1898.—**12.** Открытіе могилы Озириса. (Въ „Моск. Вѣд. это сообщено кратко въ № 75.) — **53.** Изъ прошлаго. Пѣтушиные бои (изъ „Рус. Листка")—**43.**—**44.** *В.* Х Развалины города Пальмиры—**27.** Изъ печати. Сдѣлка относительно продажи жены.—Внутр. изв. Суевѣріе воровъ

о мертвой человѣческой рукѣ).—**36**. *Иксовъ*. Карнавалъ—**93**. Людоѣдство въ Конгскомъ штатѣ—**107**. Японскій обычай при сватовствѣ—**109**. Кіевъ (находка украшеній княжеской эпохи).—**114**. *Крутовскій*. О людоѣдствѣ въ Тазовскомъ краѣ (изъ „Сибирской Жизни").—**121**. *Н. Троицкій*. Городище при с. Порѣчьѣ Одоев. у. Тул. губ.

Тверскія Губ. Вѣд. 1898.—40. Объ открытіи 28 февраля Тверскаго О-ва любителей археологіи, исторіи и естествознанія.

Черниговскія Губ. Вѣд. 1898.—1363. Смѣсь. Двойное погребеніе испанскихъ королей. (Изъ „Гражд.").—**1366**. Старинныя названія русскихъ городовъ и урочищъ въ связи съ нашей исторіей и этнографіей. („Русск. Инв.").—**1372**. *А. Ковалевскій*. Страница изъ исторіи запорожскаго казачества (дѣло 1759 г.) — **1381**. Открытіе въ Египтѣ гробницы Озириса („Правит. Вѣст.")—**1393** Археологическій институтъ въ С.-Петербургѣ (1878—1898). („Прав. Вѣст.").—**1396**. Обоняніе (у культурныхъ народовъ и дикарей, изъ „Прав. Вѣст.")— **1403**. Жемчугъ.—Находка въ области христіанской археологіи (изображеніе Голгофы, изъ „Нов. Врем.") —**1404**. Библіогр. изв.: Энгельгардтъ, Русскій Сѣверъ. („Правит. Вѣст.")—**1405**. Рисунокъ распятія въ бывшемъ дворцѣ Тиверія (изъ „Правит. Вѣст.", по статьѣ *Орацiо Марукки*).—**1406**. Библіогр изв.: *Тегнеръ*. Фритіофъ, скандинавскій витязь, перев. Я. Грота.—**1412**.—**1415**. *П. І. Иловайскій*. Черниговская старина по преданіямъ и легендамъ.—**1423**. Библіограф. изв.: В. И. Модестовъ, О происхожденіи сикуловъ (изъ „Нов. Врем.")—**1505**. Казни въ Китаѣ (закапываніе заживо въ землю, по сообщенію Питона).—**1511**. Раскопки въ Коринѳѣ.

Ярославскія Епарх. Вѣд. 1898.—17. Праздники древонасажденія. Обычай въ день Благовѣщенья выпускать птицъ на свободу. Обычаи евреевъ въ Пасху.—**18**. Праздникъ Кущей. Церемоніи, отправляемыя евреями при новолуніи.

НОВОСТИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Авенаріусъ, В. П. Книга былинъ. Сводъ избранныхъ образцовъ русской народной эпической поэзіи, съ портретомъ пѣвца былинъ Рябинина, работы Л. А. Сѣрякова, и рисун. А. В. Прохорова и Н. Н. Каразина. Изд. 5-е А. Д. Ступина. Москва, 1898. 8⁰.

Александровъ, А. Черногорка въ жизни частной и общественной. Страничка изъ бытовой исторіи Черногорья. Оттискъ изъ журнала „Дѣятель". Изданіе Казанскаго Общества трезвости. Казань. 1897. 8.

Ашмаринъ, Н. И. Матеріалы для изслѣдованія чувашскаго языка. Ч. I. Ученіе о звукахъ. Ч. II. Ученіе о формахъ. Казань. 1898,8⁰, 392 стр. (Оттискъ изъ „Учен. Запис. И. Казан. унив.").

Бигдай, А. Пѣсни Кубанскихъ казаковъ для одного голоса и хора съ аккомп. ф.-п. Матеріалы къ изученію кубанскаго казачьяго войска. Изд. Кубан. стат. комитета къ 200-лѣтн. юбилею войска. Вып. 1–8. 1897. 8⁰.

Буслаевъ, Ѳ. И. Мои воспоминанія. Съ портретомъ автора. Изд. В. Г. фонъ-Бооля. Москва. 1897. 8⁰.

Варпаховскій, Н. А. Рыболовство въ бассейнѣ рѣки Оби. I. Орудія рыболовства и продукты рыбнаго промысла. Первый отчетъ Министерству Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ по командировкѣ въ 1895—1896 г. для изслѣдованія западно-сибирскаго рыболовства. СПВ. 1898. 8⁰.

Воскресенскій, С. Нашъ городъ Симбирскъ на Волгѣ. Самара. 1897.

Гельвальдъ Фр., фонъ. („Полезная Библіотека"). Земля и ея народы Переводъ съ послѣдняго 4-го нѣмецкаго изд. Вып. I, II. изд. Н. П. Сойкина. Безплатное прилож. къ жур. „Природа и люди". СПБ. 1897. 8⁰.

Гёрнесъ, М. Исторія первобытнаго человѣчества. Переводъ съ нѣм., съ предисл. и примѣчаніями Н. Березина. Съ 45 рис. 2-е изд. ред. журн. „Образованіе". СПБ. 1898. 8⁰.

Грушецкій. Колдуны и вѣдьмы. Очерки народныхъ суевѣрій. Москва. 1898. 16⁰, 71 стр.

Кампфмейеръ, П. Очерки изъ исторіи нѣмецкой культуры. Перев. съ нѣм. А. М. Гердъ, подъ ред. П. Струве. Изд. ред. журн. „Образованіе". СПБ. 1898. 8⁰.

Каневскій, М. Ѳ. Историческія свѣдѣнія о богослужебномъ пѣніи въ ветхозавѣтной, новозавѣтной—вселенской и въ частности русской церквахъ, съ добавленіемъ... организаціи пѣвческаго хора. Нижній-Новгородъ. 1897. 8⁰.

Катановъ, Н. Къ вопросу о сходствѣ восточно-тюркскихъ сказокъ со славянскими, по сказкамъ, записаннымъ Н. Ѳ. Катановымъ и И. П. Рогановичемъ. Казань. 1897. 8.

Катановъ, Н. Ѳ. Отчетъ о поѣздкѣ, совершенной съ 15 мая по 1 сент. 1896 г. въ Минусинскій округъ Енисейской губ. (Оттискъ изъ „Уч. Запис. И. Казан. унив." за 1897 г.). Казань. 1897.

Книги Писцовыя Рязанскаго края. Подъ редакціей члена Комиссіи *В. Н. Сторожева.* I. Изд. Ряз. Учен. Архивн. Ком. Рязань. 1898.

Коростовецъ, И. Китайцы и ихъ цивилизація. Съ прил. карты Китая, Японіи и Кореи. Изд. 2-е кн. склада Н. Аскарханова. СПБ. 1898. 8⁰.

Красновъ, А. Н. Изъ колыбели цивилизаціи. Письма изъ кругосвѣтнаго путешествія. СПБ. 1898. 8⁰.

Кузнецовъ, И. А. Прошлое Ростова. Очерки по исторіи города Ростова на Дону. Изд. Высоч. утв. Донскаго акціон. общ. печатнаго и издательскаго дѣла въ Ростовѣ на Дону. Ростовъ н. Д. 1897.

Маіорановъ, П., свящ. О вредѣ деревенскихъ посидѣлокъ. Москва. 1898.

Микола, І. А. Къ изученію кашубскихъ говоровъ. I. Нѣсколько замѣтокъ по кашубскимъ говорамъ въ сѣверо-восточной Помераніи. (Оттискъ изъ „Извѣстій отдѣленія русс. яз. и словесности И. Акад. Наукъ". Т. II 1897 г., кн. 2-й стр. 400—428). СПБ. 1897. 8⁰.

Милюковъ, П. Очерки по исторіи русской культуры. Ч. I. Населеніе, экономическій, государственный и сословный строй. Ч. II. Церковь и школа (вѣра, творчество, образованіе). 2-е изд. ред. журн. „Міръ Божій". СПБ. 1896—97. 8⁰.

Назаровъ, Е. Историко-статистич. очеркъ Талецкаго островка, нынѣ сельца Тальца (Елецк. у. Орл. г.). М. 1898. 16⁰.

Овсяный, Н. Сербія и сербы. (Георг. обзоръ. Историч. очеркъ. Статистика и этнографія. Литература. Военн. силы. Прил.: сербы въ Турціи, сербы въ Австріи, Боснія и Герцоговина, Черногорія). Съ картою СПБ. 1898. 8⁰.

Островскій, Д. Н. Путеводитель по сѣверу Россіи. Изд. Товарищ. Архангельско-Мурманскаго пароходства. СПБ. 1898. 8⁰.

Путеводитель по Дашковскому этнографическому музею. Новое дополненное изданіе Моск. Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ. Москва. 1898.

Разсказы о разныхъ странахъ и народахъ. Изданіе О. Н. Поповой. СПБ. 1898, 8⁰.

1) Страна восходящаго солнца. Разсказы о японцахъ. *Д. И. Шрейдеръ.*

2) Якутскіе разсказы. *В. Сѣрошевскаго* (Сиркó).

Реклю, Элизé. Земля и люди. Всеобщая географія. 19 томовъ въ 10 книгахъ. Удешевл. иллюстр. изданіе Т-ва Общественная польза. СПБ. 1897—98.

Ремезовъ М. Н. Въ Закавказьѣ. Отрывки изъ воспоминаній. Тифлисъ 1897.

Руцкій, Петръ. Къ оазамъ Сахары и по Италіи. Путевыя впечатлѣнія. Съ 32 видами Африки. Рига. 1898, 8⁰.

Сборникъ статей учениковъ проф. барона Викт. Ром. Розена ко дню 25-лѣтія его первой лекціи 13 ноября 1872—1897. СПБ. 1897. 8⁰ 363 стр. (Можно отмѣтить статьи: *В. Бартольда,* Хафизи-Абру и его сочиненія,—къ топографіи Средней Азіи; *Н. Катанова,* Примѣты и повѣрья тюрковъ Китайскаго Туркестана, касающіяся явленій природы; *Н. Марра,* Хитонъ Господень въ книжныхъ легендахъ армянъ, грузинъ, сирійцевъ, и др).

Словарь Киркизско-русскій. Оренбургъ 1897. 8⁰.

Сперанскій, С. В. Къ исторіи нищенства въ Россіи. (Оттискъ изъ журнала „Вѣстникъ Благотворительности"). СПБ. 1897.

Филевскій, П. П. Исторія города Таганрога. Составлено въ память 200-лѣтняго юбилея города 1698—1898. Изд. на средства города. Москва. 1898. 8⁰.

Червкова, А. А (женщина-врачъ). Очерки современной Японіи. Съ 12-ю гравюрами. СПВ. 1898, 8⁰.

Щевченко Красногорскій, И. Отъ Каспія до Аму Дарьи. Очеркъ съ 14 рис. въ текстѣ (Извлеч. изъ газеты „Міровые Отголоски", 1897 г. №№ 52, 58, 65, 79, 100, 127 и 146). СПБ. 1897.

Щекинъ, В. П. Пѣсни разныхъ народовъ: албанцевъ, арабовъ, армянъ, грековъ, грузинъ, евреевъ, зырянъ, индійцевъ, испанцевъ, итальянцевъ, литовцевъ, персовъ, поляковъ, португальцевъ, сербовъ, татаръ, турокъ, французовъ, цыганъ, черкесовъ, черногорцевъ, чеховъ, шведовъ и другихъ. Москва. 1898 8⁰.

Эспинасъ, А. Соціальная жизнь животныхъ. Опытъ сравнительной психологіи, съ прибавленіемъ краткой исторіи соціологіи. Перевелъ съ франц. Ф. Павленковъ. 2-е пересмотрѣнное изданіе Ф. Павленкова. СПБ. 1898 8⁰.

Belza Stan. W Kraju tysiąca jezior. Z podróży i przechadzek po Finlandyi. Wydanie 2. Warszawa—Kraków-Petersburg. 1897. 8⁰.

Belza Stan. W stolicy padyszacha. Wrażenia z podróży do Konstantynopola. Warszawa, 1898

Bibliotheca Buddhica. Çikshasamuccaya. A compendium of buddhistic teaching compiled by Çantideva Chiefly from earlier Mahayana-sutras. Edited by *C Bendall*, professor of sanscrit, university, college, London. St. Petersburg 1897. 8⁰.

Commentationnes philologicae. Сборникъ статей въ честь Ив. Вас. Помяловскаго, проф. СПБ-скаго университета, къ 30-лѣтней годовщинѣ его ученой и педагогической дѣятельности отъ учениковъ и слушателей. СПБ. 1897. 8⁰ 224 стр.; съ портретомъ юбиляра. (Слѣдуетъ отмѣтить статьи; *Х. М. Лопарева.* Животный совѣтъ во всеобщей литературѣ; *Ѳ. Д. Батюшкова*, Происхожденіе Гомеровскаго вопроса во франц. литературѣ XVII в; *Ѳ, А. Брауна*, о Ὑλαία и Ἀχιλλέως δρόμος (о границахъ Полѣсья по Геродоту и др.); *Ив. Жданова*, Греческія стихотворенія въ славянскихъ переводахъ: „Стихи о 12 мѣсяцахъ“ и „Аврамовица“; *Р. Х. Ленера*, Богъ Панъ, и др.).

Dla sierot. Książka zbiorowa wydana staraniem Lubelskiego Towarzystwa dobroczynności r. 1897. Warszawa 1897. 8⁰. (Заслуживаютъ вниманія статьи: *Gust. Dolinski*, Złe, Próbka gwary ludowej w Lubelskiem; *Z. A. K.* Ziemia i księżyc w pojęciach ludu; *Władysław Olechnowicz*, Część światła w dziejach przedhistorycznych Lubelskiego; *K. S.* Z życia brodiagów; *K. S* Z dalekiego wschodu).

Krzywicki, Ludwik. Kurs systematyczny antropologii I. Rasy fizyczne. Warszawa. 1897. 8⁰.

Majewski, Erazm. Drobne prace i notatki z dziedziny archeologii pszedhistorycznej i etnografii Warszawa 1897 r. 8⁰.

Merz, Iohn Teodore. A history of European thought in the nineteenth century Vol. I. Introduction. Scientific thought, part. I. Edinburgh and London. 1896. 8⁰

Verdun, Paul. Le diable dans la vie des Saints T. I. Du X au XIV siécle. T. II. Du XV au XVIII. Paris-Lyon 1897. 2 voll.

Wissendorff H. Materien zur Etnographie des lettischen Volksstammes des Witebskischen gouvernements. Eine kritische Beleuchtung. Mitau. 1897.

Вопросы и отвѣты.

Собиранiе пословицъ, загадокъ, заговоровъ и пр.

Дѣйствительный Членъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по Отдѣленiю Этнографiи Пав. Конст. Симони обратился къ намъ съ просьбою напечатать въ нашемъ изданiи его обращенiе къ читателямъ съ приглашенiемъ сообщать матерiалы для подготовляемаго имъ къ печати обширнаго труда, посвященнаго систематическому собранiю (своду) русскихъ (велико-, бѣло-, мало-русскихъ) пословицъ, поговорокъ, присловiй, скороговорокъ, прибаутокъ, присказокъ побасенокъ, пустобаекъ, народныхъ анекдотовъ, загадокъ, остротъ, прозвищъ и проч. съ объясненiями, варiантами и параллелями—какъ книжныхъ, такъ въ особенности простонародныхъ. Предлагаемая имъ программа, въ главной своей части, гласитъ слѣдующее:

1. Предлагается записывать изъ устъ встрѣчающiяся въ рѣчи, особенно простолюдинсвъ, употребительныя въ быту купеческомъ и мѣщанскомъ, въ средѣ сельскаго и городского духовенства и т. д.:

а) пословицы, поговорки, присловья (чаще шуточнаго или насмѣшливаго содержанiя о городахъ и другихъ селищахъ, ихъ жителяхъ, сословiяхъ, иновѣрцахъ, инородцахъ, выдающихся мѣстныхъ лицахъ и проч.), мiрскiя притчи и вообще пословичныя изрѣченiя, не исключая и ходячихъ, часто даже и принявшихъ складъ и мѣрность, текстовъ Священнаго писанiя и изъ духовныхъ книгъ вообще (напримѣръ, изъ Пролога, Паремейника, Житiй и т. д.) и проч.

б) чистоговорки (частоговорки), скороговорки, присказки, прибаутки, прибаютки, пустобайки, приговорки, пустоговорки, прибасенки, побасёнки, побаски, байки,—также: прибаутки ремесленниковъ (окрики, крики), выкрикиванiя, напр. ямщиковъ, сбитенщиковъ, гречневиковъ, пирожниковъ и проч., бурлаковъ и друг., также зазыванiя торговцевъ, баньщиковъ, балаганщиковъ и проч.

в) острые и замысловатые отвѣты, остроты, шутки, насмѣшки и т. д.

г) выраженiя божбы, пожеланiя, привѣты, проклятiя, ругань, бранныя (или крѣпкiя) слова и выраженiя [1]).

д) мѣткiя (красныя) словца, небылицы („небылыя слова"), иносказанiя, сравненiя, обиняки, прозвища, уличныя, артельныя, ватажныя и другiя клички и прозванiя, величанiя и похвальбы и проч. [1])..

е) пожеланiя застольныя, заздравныя, здравицы, причитанiя (причеты) пьяницъ и т. п.,—поминальныя, заупокойныя и т. д.

ж) загадки съ отгадками, задачи, шарады, акростихи и другiя забавы и шутки подобнаго же рода.

з) заговоры, заклятiя, заклинанiя, нашепты, нашептыванiя и т. д.

и) снотолкованiя и примѣты.

к) земледѣльческiя и пастушьи примѣты и гаданiя. Названiя народныхъ мѣсяцевъ съ относящимися сюда поговорками, примѣтами и проч. Праздники и народный мѣсяцесловъ (годовщина) вообще.

2. Записывать просятъ *съ точнымъ сохраненiемъ выговора и непремѣнно надъ каждымъ словомъ отмѣчать ударенiе*, съ обозначенiемъ отъ кого и гдѣ записаны или услышаны были пословица или выраженiе и проч., съ объясненiемъ смысла и значенiя отдѣльныхъ выраженiй, а также происхожденiя или даже зарожденiя каждой пословицы.

1) Просятъ вообще не стѣсняться сообщенiемъ фразъ и словъ, хотя бы и несовмѣстимыхъ съ общепринятыми у образованныхъ классовъ понятiями о приличiи и неприличiи, такъ какъ у народа на этотъ счетъ свои понятiя.

3. Помимо личныхъ записей могутъ быть высылаемы и старыя рукописныя тетрадки съ пословицами, загадками и т. п., если таковыя найдутся; онѣ могутъ быть куплены, —иначе же, въ полной сохранности и въ скоромъ времени будутъ возвращены.

4. Особенно интересны всѣ свѣдѣнія, касающіяся употребленія и распространенія вышеуказанныхъ видовъ народнаго творчества, напр.: какое сословіе, какой полъ и возрастъ лицъ чаще пользуются пословицами, загадками и проч.? нѣтъ ли особыхъ любителей и спеціалистовъ этого дѣла, или не сохранилась ли память о прежнихъ сказочникахъ, бахаряхъ, скоморохахъ, потѣшникахъ? въ какое время года, при какой обстановкѣ чаще всего говорятся загадки, пословицы, совершаются гаданія и пр.? нѣтъ ли особыхъ игръ, связанныхъ съ этимъ?

5. Просятъ не стѣсняться количествомъ и качествомъ присылаемаго матеріала, не заботиться о литературной обработкѣ, только писать разборчивѣе.

Отвѣты на предлагаемые вопросы можно направлять черезъ редакцію „Этнографическаго Обозрѣнія" или адресовать въ С.-Петербургъ Павлу Константиновичу Симони, Вас. Остр., 7 линія, д. 2, кв. 16, въ Императорскую Академію Наукъ (по II-му Отдѣленію).

Извѣстія и замѣтки.

Отъ Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э. истекшимъ лѣтомъ отправлялись въ командировку съ научною цѣлью слѣдущіе члены Отдѣла.

Г. И. Куликовскій—въ Архангельскую, Олонецкую и Московскую губ.
А. В. Марковъ—въ Олонецкую и Архангельскую губ.
Н. М. Мендельсонъ—въ Рязанскую губ.
А. С. Хахановъ—въ Тифлисскую и Кутаисскую губ.
Б. М. Халатовъ—въ Эриванскую губ. и Карсскую обл.
А. А. Семеновъ—въ Самаркандскую, Ферганскую и Бухарскую обл.
С. И. Киселевъ—въ Иркутскую губ.

Кромѣ того, интересные матеріалы собраны въ теченіе лѣта и доставлены въ Отдѣлъ посторонними лицами, а именно: *И. Я. Антуфьевымъ* и *О. И. Чистяковымъ* изъ Томской и Енисейской губ., *А. М. Гермaномъ* и *С. П. Олферьевымъ*—изъ Симбирской и Пензенской губ., *Т. А. Лебединскимъ*—изъ Уфимской губ., *Н. Д. Маслюковымъ*—изъ Томской губ, *Л. Ф. Масюкевичемъ*—изъ Енисейской губ., *Б. В. Миллеромъ*—изъ Терской и Кубанской обл. и *С. С. Саббатаевымъ*—изъ Акмолинской и Тургайской обл.

Въ Петербургѣ княземъ *В. Н. Тенишевымъ* основано *этнографическое бюро*, имѣющее цѣлью собираніе всевозможнаго этнографическаго матеріала, преимущественно въ районѣ центральныхъ губерній Россіи. Имъ же издана программа изслѣдованій, въ основаніе которой положена программа Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э. При разсылкѣ программы кн. Тенишевъ обращается къ своимъ сотрудникамъ съ слѣдующимъ воззваніемъ:

„М. Г.! Задавшись цѣлью освѣтить наиболѣе полно и всесторонне еще темную во всѣхъ отношеніяхъ область жизни и быта великорускаго населенія и тѣмъ восполнить пробѣлы, существующіе по сему предмету въ нашей этнографической литературѣ, я издалъ программу для собиранія этнографическихъ свѣдѣній о крестьянахъ центральныхъ губерній Россіи. Серьезность намѣченной задачи не оставляетъ сомнѣнія, что выполненіе ея можетъ зависѣть только отъ благосклоннаго вниманія лицъ,

поставленныхъ во главѣ мѣстнаго управленія и призванныхъ руководить народною жизнью, и отъ удачнаго подбора сотрудниковъ, могущихъ принять на себя обязанности по сообщенію этнографическихъ свѣдѣній.

Разсчитывая на благосклонное вниманіе съ Вашей стороны, я питаю надежду, что Вы, Милостивый Государь, въ интересахъ этого дѣла, значеніе котораго понятно каждому, интересующемуся знаніемъ своей родины, не откажете въ Вашемъ содѣйствіи по приглашенію способныхъ и знающихъ сотрудниковъ изъ мѣстныхъ лицъ, болѣе или менѣе Вамъ извѣстныхъ и близко стоящихъ къ населенію" и пр.

Условія сотрудничества въ Бюро изложены въ особомъ циркулярѣ, который высылается желающимъ вмѣстѣ съ программою. (Адр.: СПБ. Галерная, № 13),

„Извѣстія книж. магаз. Т-ва М. О. Вольфъ" (1898, № 5, 1 февр.) сообщаютъ, что кн. Тенишевъ къ предстоящей въ 1900 г. всемірной выставкѣ въ Парижѣ готовитъ роскошное изданіе по этнографіи России; расходъ по изданію будто бы достигнетъ полумилліона рублей.

ОБЪ ИЗДАНІИ

„Эминскаго Этнографическаго Сборника".

Комиссія изданій Высочайше утвержденнаго этнографическаго фонда имени тайн. сов. Н. О. Эмина при Лазаревскомъ Институтѣ Восточныхъ языковъ, въ Москвѣ, доводитъ до свѣдѣнія спеціалистовъ и вообще интересующихся этимъ вопросомъ лицъ, что съ текущаго года она приступаетъ къ изданію сборниковъ по армянской этнографіи подъ общимъ заглавіемъ *„Эминскаго Этнографическаго Сборника"*.

Согласно § 3 Высочайше утв. Положенія объ Эминскомъ этнографическомъ фондѣ, статьи и отдѣльныя сочиненія, входящія въ составъ „Сборника", должны имѣть научное значеніе и относиться къ армянской *этнографіи* въ широкомъ значеніи этого слова, слѣдовательно и къ вѣрованіямъ, древностямъ и исторіи Арменіи, равно какъ и къ армянскому языку, устной и письменной литературѣ, искусствамъ. Печатаемые на средства фонда труды должны быть написаны преимущественно на армянскомъ языкѣ, но могутъ быть издаваемы и сочиненія на русскомъ языкѣ, представляющія особенный научный интересъ.

Помимо статей и изслѣдованій, въ „Сборникѣ" имѣется въ виду библіографическій отдѣлъ, на который комиссіей будетъ обращено особенное вниманіе. Въ качествѣ пособія или руководства для занимающихся армянской этнографіей будутъ помѣщаться въ „Сборникѣ" также статьи и изслѣдованія изъ всеобщей этнографической литературы въ армянскомъ переводѣ.

Присланные въ редакцію труды въ видѣ матеріаловъ, статей, изслѣдованій по армянской этнографіи печатаются въ „Сборникѣ" за подписью ихъ авторовъ. Въ видѣ вознагражденія авторамъ предлагаются оттиски ихъ трудовъ въ 25—50 экз. или одинъ выпускъ „Сборника" по ихъ выбору. За статьи болѣе 4 печатн. листовъ редакція предлагаетъ отъ 50 до 150 оттисковъ въ видѣ отдѣльной книги, съ предоставленіемъ автору права продажи въ свою пользу. Взамѣнъ оттисковъ авторы могутъ получать книги изъ изданій Эминскаго фонда и сочиненія самого Эмина по соглашенію съ редакціею.

„Эминскій Этнографическій Сборникъ" будетъ выходить отдѣльными томами, по возможности разъ въ годъ и чаще, подъ редакціей профессора Лазаревскаго Института Григ. Абр. Халатьянца.

Адресъ: Москва, Лазаревскій Институтъ Восточныхъ языковъ, въ редакцію „Эминскаго Этнографическаго Сборника."
